Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

Реброва Мария Ивановна

«РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1919 – 1988 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА)».

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Профессор
Корнилов Александр Алексеевич

Нижний Новгород – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. 4

Глава 1. Советская власть и Русская Православная Церковь в Донецком регионе в 1919 – 1930 гг. 44

1.1. Изменения в социальной и церковной жизни православных верующих в 1919 – 1922 г. Антицерковный характер инициированной властями кампании по изъятию церковных ценностей. 44

1.2. Поддержка советскими властями внутрицерковных разделений как реализация государственного плана по уничтожению Русской Православной Церкви. 70

1.3. Формы государственной борьбы с Русской Православной Церковью и церковное управление в 1920 – 1930-е гг. 118

1.4. Репрессии 1920 – 1930-х гг. в Донетчине как составляющая антицерковной политики советского государства. 139

Глава 2. Возрождение церковной жизни Донетчины в 1941– 1943 гг. как тактический ход оккупантов. 173

2.1. Немецкие оккупационные власти и православные церковные управления: характер взаимоотношений. 173

2.2. Поддержка оккупантами неканонических структур как способ разобщения православных верующих. 192

Глава 3. Развитие государственно-церковных отношений в Донецком регионе в 1943 – 1988 гг. 202

3.1. Отличительные черты функционирования Ворошиловградско-Донецкой епархии в 1943 – 1953 гг. 202

3.2. Обострение борьбы государства с Русской Православной Церковью в 1953 – 1964 гг. 230
3.3. Трансформация государственной политики в отношении Русской Православной Церкви в 1964 – 1988 гг. 276

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 322
Список терминов. 334
Список использованных источников и литературы. 335

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, несмотря на повышенный интерес общества к Донецкому региону, особенностью работ, касающихся государственно-церковных отношений в нем, является некоторая фрагментарность. Представленные на настоящий момент исследования освещают лишь отдельные события, персоналии или этапы развития края, не давая возможности составить целостное представление о происходящих в регионе событиях.

Во-вторых, в представленном диссертационном исследовании делается акцент именно на внутрицерковной жизни православных жителей региона, что в целом не было характерно для уже имеющихся работ.

И, наконец, в-третьих, актуальность исследования обусловлена уникальной идентичность самого Донецкого региона.

Донетчина – молодой, промышленный, урбанистический регион. Здесь проживают представители свыше 130 национальностей и народностей[1]. А сам регион стал своего рода «плавильным котлом» народов, в котором сформировался особый патриотизм, слоганом которого стали строчки поэта Павла Беспощадного: «Донбасс никто не ставил на колени И никому поставить не дано». Объединяющим началом для представителей всех национальностей в Донетчине стал русский язык. А предпосылкой исторического тяготения к России была в том числе несостоявшаяся промышленная Донецко-Криворожская Республика, включавшая территории Донетчины и задумывавшаяся как регион России. При этом большая часть жителей Донетчины исповедуют православие[2]. А принадлежность Русской Православной Церкви воспринимается ими как причастность Великой Руси, о необходимости единства с которой говорил

[1] Государственный комитет статистики Украины. Режим доступа: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/donetsk/ (дата обращения: 24. 11 22 г.).

[2] Костенко Г. В. Религиозная карта области. Режим доступа: : http://iai.donetsk.ua/_u/iai/dtp/CONF/2/speeches/kost.html (дата обращения: 24. 11 22 г.).

духовник Донецкой епархии схиархимандрит Зосима (Сокур)[3]. Как следствие, отношение к религии здесь специфическое. В Донетчине готовы воспринять только каноническую Русскую Православную Церковь, а попытки привнесения «украинофильских», националистических структур претерпевали неудачу. В то же время советский период не уничтожил полностью «церковные структуры», несмотря на надежды властей на постепенное затухание церковной жизни в промышленном регионе с разрозненным и, как надеялись, не религиозным населением. При этом особая религиозность жителей Донетчины обусловлена спецификой исконных «региональных» профессий, зачастую связанных со смертельной опасностью. Что нашло отражение уже в постсоветский период, когда на Донетчине массово открывались храмы и молитвенные дома на шахтах и промышленных предприятиях, а в регионе началось особое почитание великомученицы Варвары – покровительницы шахтеров[4].

Кроме того, думается, что построение плодотворных государственно-церковных отношений в Донецком регионе уже в новых российских реалиях достаточно сложно, если не иметь представления о роли православия в жизни и истории его людей.

Степень разработанности темы. Работы, касающиеся государственно-церковных отношений в Донетчине, можно разделить на исследования советского периода и исследования постсоветского периода. Соответственно, в обозначенных группах можно уже выделить три подгруппы: исследования зарубежных ученых – представителей российской и украинской эмиграции, исследования современных российских ученых и исследования современных украинских ученых.

Государственно-церковными отношениями занимались как конфессиональные ученые, так и светские.

Первым исследованием, касающимся государственно-церковных отношений на Украине в целом, стала написанная в эмиграции, в Свято-

[3] Свято-Успенский Николо-Васильевский монастырь. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=a6oOH5sfg90 (дата обращения: 24. 11 22 г.).

[4]Православный лик Донбасса. К 15-летию образования Донецкой епархии Украинской Православной Церкви, Донецк, 2006; Золотые купола Донетчины, Донецк, 2011.
Донбасс Православный. Режим доступа: https://donetsk.church.ua (дата обращения: 24. 11 22 г.); Свято-Игнатьевский храм на ДМЗ. URL: http://sv-ignatiy.dn.ua (дата обращения: 24. 11 22 г.).

Сергиевском институте в Париже, дипломная работа – в будущем протоиерея – Кирилла Фотиева «Попытки украинской церковной автокефалии в XX веке» (1955 г.). Несмотря на то, что у исследователя не было возможности в полном объеме использовать архивные материалы[5], он дает общую картину возникновения и развития непризнанной Украинской православной автокефальной церкви. Автор характеризует ее как искусственно созданную структуру, используемую в политических целях. В работе не затрагиваются события в Донетчине[6].

Еще один труд зарубежных авторов – В. И. Алексеева и Ф. Ставру «Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории»[7] – был опубликован в начале 1980-х гг. в журнале «Русское Возрождение». В работе использованы как воспоминания и личные документы непосредственных участников событий, так и труды известных зарубежных исследователей[8]. В. И. Алексеев и Ф. Ставру полагают, что основной целью немецких оккупантов в годы Великой Отечественной войны было ограничение и ослабление влияния Русской Православной Церкви как главного врага политики расчленения России. Вследствие чего оккупанты поддерживали всякого рода разделения в Русской Православной Церкви. Говоря об имевшей место борьбе между непризнанной Украинской автокефальной православной церковью и признанной Автономной церковью Украины, авторы не упоминают о «самосвятском» способе возникновения УАПЦ, хотя именно последнее являлось камнем преткновения во взаимоотношениях УАПЦ и Автономной Церкви. При этом В. И. Алексеев и Ф. Ставру осуждают сотрудничество УАПЦ с националистически настроенными элементами и проч.[9].

Касался религиозной политики немецко-фашистских оккупантов и канадский исследователь Д. В. Поспеловский (работа «Русская Православная

[5] Heyer F. Die orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln; Braunsfeld, 1953.
[6]Фотиев Кирилл. Попытки украинской церковной автокефалии в XX веке. Мюнхен, 1955.
[7]Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13.
[8]Heyer F. Die orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln; Braunsfeld, 1953.
[9]Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13.

Церковь в XX веке»)[1011]. Ученый также считал УАПЦ связанной с националистами неканоничной структурой. Автор полагал, что оккупанты стремились ограничить русское влияние, поэтому, поощряя антирусские настроения, вначале потворствовали автокефалистам. Вместе с тем немцы боялись и националистических тенденций (в Галиции). Поэтому не препятствовали разногласиям и распрям в Русской Православной Церкви, ведущим в конечном итоге к разделению населения[12].

В целом же количество зарубежных историков, касающихся обозначенной проблемы, достаточно невелико. Как правило, в их трудах не затрагиваются события, связанные с Донетчиной. Среди работ зарубежных авторов можно отметить исследования Ф. Хайера[13], Г.-Д. Депмана[14], И. Кёртиса[15], Н. Дэвис[16].

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к событиям на Украине, в контексте чего выходят труды зарубежных авторов, посвященные в том числе и церковным вопросам в этой стране. Так, в 2021 г. в России был выпущен перевод книги митрополита Киккского и Тиллирийского Никифора «Современный Украинский вопрос и его разрешение согласно божественным и священным канонам». Работа посвящена организации на Украине так называемой Православной Церкви Украины (ПЦУ)). В ней автор пытается беспристрастно, с канонической точки зрения определить, насколько правомочно было создание этой структуры[17].

Исследованием по обозначенной теме, написанным уже в Советском Союзе, стала защищенная в Московской духовной академии кандидатская диссертация митрополита Феодосия (Процюка) «Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943)»[18]. Долгое время эта работа оставалась

[10]Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
[11]Heyer F. Die orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln; Braunsfeld, 1953.
[12]Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
[13] Heyer F. Die orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln; Braunsfeld, 1953.
[14] Do..pmann D. Die Russische Orthodoxe Kirche in Geschichte und Gegenwart. B., 1977.
[15] Curtiss I. The Russian Church and the Soviet State. 1917–1950. Boston, 1953.
[16] Nathaniel Davis, A Long Walk to Church, Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1995.
[17] Митрополит Киккский и Тиллирийский Никифор. Современный Украинский вопрос и его разрешение согласно божественным и священным канонам. - М.: «Познание», 2021. – 128 с.
[18] Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004.

единственной в своем роде и на Украине, и в России. Несмотря на небольшую документальную базу исследования, обусловленную закрытостью на тот момент архивов, в исследовании использовались многочисленные устные воспоминания участников событий, на основе которых автор характеризует обстоятельства церковного раскола на Украине как первой волны (после октябрьских событий 1917 г.), так и второй (период немецко-фашистской оккупации). Причиной расколов и нестроений исследователь считает политические тенденции на Украине. Автор свидетельствует, что с января 1943 по 21 сентября 1943 г. Донетчина окормлялась[19] епископом Автономной церкви[20] владыкой Димитрием (Маганом) (в исследовании владыка Димитрий называется епископом Донецким)[21].

В постсоветский период государственно-церковными отношениями на Украине занимались как конфессиональные, так и внеконфессиональные авторы и России, и Украины. В 1994 году в Православном Свято-Тихоновском богословском институте был выпущен многотомный, посвященный Патриарху Тихону и Русской Православной Церкви в советский период труд М. Е. Губонина «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти». В работе содержатся уникальные церковные документы. Этот труд стал той базой, на которой выросла современная историография по обозначенной теме.

В работе М. Е. Губонина в том числе содержатся сведения об архиереях, имевших отношение к Донецкому региону[22].

Выпускающийся в издательстве ПСТГУ многотомный биографический справочник «За Христа пострадавшие» дает максимальную на настоящий момент информацию о подвергшихся репрессиям православных священнослужителях и

[19] Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 562.
[20] Там же. С. 473.
[21] Там же. С. 562.
[22] Сборник документов и материалов церковных учреждений. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписки о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917 – 1943 гг. / Сб. под ред. М. Е. Губонина. Ч. 1, 2. М., 1994.

верующих[23]. Аналогично выпущенный в этом же издательстве двухтомник «Русская Церковь в годы гонений. 1917-1939. Свидетельства современников» представляет собой уникальную антологию документов личного происхождения, проливающих свет на трагические события истории Русской Православной Церкви в 1917-1939 гг.[24]

Значимой книгой было исследование российского церковного историка протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Церкви (1917 – 1997)». Что касается событий, непосредственно связанных с Донетчиной, сведений о них в исследовании немного. Так, в работе есть упоминания о монахах Святогорского монастыря, которые после закрытия обители нелегально поселились в г. Славянске. Исследователь полагает, что Донецкая епархия в послевоенный период существовала лишь номинально. Между тем, несмотря на то, что, согласно архивным документам, Ворошиловградско-Донецкая епархия действительно длительное время руководилась лишь управляющими епархии, это не мешало ей полноценно функционировать и развиваться[25].

Об окормлявших Донецкий регион иерархах содержатся сведения в монографии священника Илии Соловьева ««Обновленческий» раскол: материалы для церковно-исторической и канонической характеристики» (2002 г.)[26].

Биографии, в том числе обновлеческих иерархов Донетчины, включены в сборник протоиерея Валерия Лавринова «Обновленческий раскол в портретах его деятелей»[27]. Кроме того, в работе этого же автора «Временный высший церковный совет и его роль в истории РПЦ (1925–1945)» содержатся данные о деятельности представителей БОПУПАЦ («Братское объединение приходов Украинской православной автокефальной церкви»), епархия которой находилась в городе Бахмуте (Артемовске) Донецкой губернии[28].

---

[23] За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917-1956. Книга 8. К. В 2-х томах. М.: ПСТГУ, 2022.

[24] Русская Церковь. Век XX. История Русской Церкви в свидетельствах современников. Том II. 1917-1939. Русская Церковь в годы гонений (в 2 книгах). М.: ПСТГУ, 2021.

[25]Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви (1917–1997): История Русской Церкви. М., 1997.

[26] Соловьев И. В. «Обновленческий» раскол: материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. М., 2002.

[27] Лавринов Валерий, протоиерей. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.

[28]. Он же. Временный высший церковный совет и его роль в истории РПЦ (1925–1945). М., 2018.

И, наконец, данные об архиереях в том числе Донетчины содержатся в труде «История иерархии

Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г.», выпущенном в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Упомянутая работа составлена на обширном неопубликованном архивном материале и на основе данных новейшей историографии[29].

Что касается неконфессиональных авторов, вопросы взаимоотношений государства и религиозных организаций в XX в. активно разрабатываются многими исследователями: А. Н. Кашеваровым [30], М. И. Одинцовым[31] , С. Л. Фирсовым[32]. И. А. Курляндским[33] и[34] другими. Но вопросы, связанные с Донетчиной, до настоящего времени не разрабатывались; были лишь упоминания о каких-либо личностях либо событиях, связанных с регионом.

Так, например, работа О. Ю. Васильевой «Русская православная церковь в политике Советского Союза в 1943–1948 гг.» содержит, в том числе данные об отношении советской власти к Русской Православной Церкви на Украине (как в период освобождения от захватчиков, так и в послевоенный период). Автор свидетельствует, что, планируя построение антихристианского неоязыческого арийского культа, оккупанты в то же время пытались завоевать расположение православных верующих (для чего разрешали им открывать храмы и т. д.). А действия оккупантов, в свою очередь, вынудили советские власти изменить свое отношение к Русской Православной Церкви. В работе не дается характеристика

---

[29] История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2018.

[30] Кашеваров А. Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20–30-х гг. (Новые и малоизученные вопросы). СПб., 1997. Он же: Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. 440 с. Он же: Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. – СПб., 1999.

[31] Одинцов М. И. Государство и церковь (История взаимоотношений, 1917–1938 гг.). – М., 1991. Он же: Государство и церковь в России. XX. М., 1994. Он же: Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М., 2014.

[32] Фирсов С. Л. Власть и огонь: Церковь и советское государство: 1918 — нач. 1940-х гг.: очерки истории». М., 2014.

[33] Курляндский И.А. Власть и религиозные организации в СССР (1939-1953 гг.). Исторические очерки / И.А. Курляндский; Институт российской истории Российской академии наук . СПб., 2019.

[34] Священный собор Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. и Всеукраинский церковный собор 1918 г. об украинском церковном вопросе. М., 2019.

событиям в Донецком регионе, но содержатся упоминания, например, о епископе Мариупольском Антонии (Панкееве)[35].

Российский историк М. И. Одинцов, повествуя об Украине в годы Великой Отечественной войны, приходит к выводу, что у оккупантов не было единой стратегии относительно религиозной ситуации на Украине. Исследователь отмечает, что планы рейхскомиссара Украины Э. Коха относительно церковной ситуации на Украине отличались от намерений министерства восточных территорий. С одной стороны, стремление уничтожить Русскую Православную Церковь на Украине (и в контексте этого – поддержка украинских церковных сепаратистов, то есть всяческих разделений и проч.). А с другой стороны – попытки использовать объединительные процессы в Русской Православной Церкви с перспективой в дальнейшем задействовать ее в борьбе с большевиками[36]. Политика «разделяй и властвуй», давление гестапо на священнослужителей и проч., о чем говорит исследователь, наблюдались и на территории Донетчины.

В трудах российского историка М. В. Шкаровского, написанных на основе обширного материала как советских, так и немецких архивов, затрагиваются в том числе события на Украине. Среди таких работ – монография «Нацистская Германия и Православная Церковь»[37], а также книги «Русская Православная Церковь в XX веке»[38], «Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве»[39]. В этих трудах анализируется политика фашистской Германии в сфере религиозной жизни на оккупированной Украине, характеризуется деятельность рейхскомиссариата «Украина». Из работ исследователя также следует, что согласованной религиозной политики немецко-фашистскими захватчиками на Украине выработано не было, и немецкие структуры имели разную точку зрения на необходимость тех или иных действий. Подтверждение чему – имевшее место

[35]Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М, 2001. С. 105–128.
[36]Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны: государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005.
[37] Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007.
[38] Он же. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.
[39] Он же. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М, 2005.

противостояние между различными немецкими структурами по направлениям деятельности. При написании указанных работ автором использовались документы, касающиеся в основном верхушки власти, и детальное освещение событий в регионах целью не ставилось. Кроме того, Донетчина не входила в состав рейхскомиссариата «Украина». Как следствие, в указанных работах регион не был в поле зрения автора.

М. В. Шкаровский свидетельствует о том, что в 1948 г. во взаимоотношениях Русской Православной Церкви и государства произошел перелом, после которого наступило ухудшение церковно-государственных отношений. Ситуация в Донетчине имеет свои региональные особенности. Архивные документы, касающиеся Донецкого региона, свидетельствует, что ухудшение взаимоотношений наступило практически сразу после освобождения Донецкого края от оккупации, то есть в 1943 г. (это выражалось в закрытии храмов, в контролировании действий правящего архиерея и т. д.).

М. В. Шкаровский говорит о том, что «хрущевские гонения» принесли резкое сокращение количества храмов, их обнищание, уничтожение духовных учебных заведений, давление на верующих, атеистическую работу, насаждение новой обрядности, лишение священнослужителей возможности управлять общинами и т. д. Все это наблюдалось и в Донетчине. Наряду с этим ученый замечает, что гонения не достигли того результата, который преследовали: Русская Православная Церковь не была уничтожена и тем более сломлена. Вместе с тем для периода правления Л. И. Брежнева был характерен «полуконспиративный» контроль над Русской Православной Церковью, чтобы, как считает М. В. Шкаровский, не вызывать протестов. Это же имело место и в Донетчине. В то же время в годы правления Л. И. Брежнева в Донецком регионе, наряду с мерами против активных верующих, проходила и повторная экспроприация церковных книг и икон.

В исследовании М. В. Шкаровского «Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви» даются сведения в том числе и о Донецком регионе. Так, автор говорит о св. архимандрите Варсонофии (Юрченко), об отце Федоре

Павлове (Дебальцево), о монахе Анании (Чернове), об отце Митрофане Дузь и других; об окормлявших Донецкий регион епископах Иоанне (Попове) и Павле (Кратирове); приводит данные о распространенности общин «непоминающих» в населенных пунктах Донетчины[40].

Еще одной работой, касающейся «Истинно-православной церкви» в том числе в Донецком регионе, является книга И. Осиповой «Сквозь огнь страданий и воды слез». И. Осипова предпринимает попытку дать характеристику нескольким волнам репрессий против Истинно-православной церкви в России и на Украине, начиная с 1920-х гг. Следует отметить чрезвычайную ценность собранного автором материала, в частности, архивные документы органов государственной безопасности. В книге приводятся выдержки из следственных дел; содержатся сведения об архиереях и священнослужителях, имевших отношение к Донетчине: в главе о «филиале» на Украине («группы» «Киев – Харьков – Днепропетровск – Одесса») – о владыке Павле (Кратирове) и владыке Павле (Попове), о св. архимандрите Варсонофии (Юрченко), в главе о «Воронежском «филиале» – о владыке Алексие (Буе). Кроме того, в исследовании приводятся личные высказывания непосредственных участников событий, в том числе епископа Алексия (Буя). Думается, это имеет особую ценность, так как позволяет увидеть ситуацию «изнутри»[41].

Важным трудом является вышедшая в 2010 г. монография протоиерея Алексия Марченко «Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР». В работе используются документы как центральных, так и региональных архивов. На основе их анализа автором показано, что «Хрущевская оттепель» отнюдь не стала оттепелью в отношениях государства и Русской Православной Церкви. Борьба с Православной Церковью при правлении Н. С. Хрущеве продолжилась и выражалась в тотальном контроле и беспрецедентном внутреннем давлении – при внешнем, во многом показном, благополучии[42].

---

[40] Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.
[41] Осипова И. Сквозь огнь страданий и воды слез. М., 1998.
[42] Марченко Алексий, протоиерей. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и

Статья иеромонаха Алексия (Годлевского) и протоиерея Алексия Марченко «Управление религиозными объединениями Русской Православной Церкви (На примере приходов в епархиях Восточной Украины в 1958–1964 гг.)» на примере жизни приходов епархий Донецкой и Луганской областей, а также восточных областей Украинской ССР показывает, как в указанный период перестраивалась система управления религиозных объединений на обозначенных территориях. В частности, в статье подчеркивается, что все негативные изменения происходили исключительно под давлением властей[43].

Помимо этого, российские исследователи выступают с докладами, посвященными Донецкому региону. В частности, выступления, посвященные Русской Православной Церкви в Донетчине в период Великой Отечественной войны, прозвучали на конференции и круглом столе в Донецке[44] и в Саратове[45]. Несмотря на то, что представленные доклады большею частью компилятивны, их появление свидетельствуют о наметившемся в обществе интересе к истории Донецкого региона.

Государственно-церковными отношениями на Украине занимались и представители украинской эмиграции. Для этой группы исследователей во многом характерны националистические позиции и попытки защитить любые церковные разделения, имеющие «про-украинскую» и антироссийскую ориентацию. Здесь в первую очередь можно отметить канадского исследователя Ивана Власовского[46]. Его написанный в 1962 г. многотомный труд «Нарис історії Української Православної Церкви» («Очерк истории Украинской Православной Церкви») был переиздан на Украине практически сразу же после провозглашения

ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 1998.

[43] Алексий (Годлевский), иеромонах, Марченко А. Н., протоиерей. Управление религиозными объединениями Русской Православной Церкви (На примере приходов в епархиях Восточной Украины в 1958–1964 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 1 (25). С. 56–68.

[44] Северилова П. В., Мельникович Игорь, протоиерей. Положение Русской православной церкви на территории Донбасса в период Великой Отечественной войны // Историческая память о Великой Победе как основа духовного единства Донбасса и России (в рамках празднования 75-летия Великой Победы). Материалы Международной научно-практической конференции. Донецк, 2020. С. 252–255.

[45] Олейников В. В. К вопросу о положении Русской православной церкви в Сталинской (Донецкой) области в период Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект // Актуальные вопросы противодействия фальсификациям истории Великой Отечественной войны (к 75-летию Победы): материалы межведомственного круглого стола 16 апреля 2020 г. Саратов, 2020. С. 103–113.

[46] Власовськiй І. Нарис історії Української Православної Церкви: В 4 т. Т. 4. Київ, 1995.

ею независимости. Четвертый том этого издания посвящен, как указывает автор, «відродженню Української православної церкви в добі національного відродження українського народу» («возрождению Украинской православной церкви в период национального возрождения украинского народа»[47]), начиная с 1914–1918 гг. и до Второй мировой войны. Автор исследования принадлежал к не признанной Украинской православной автокефальной церкви (УАПЦ) и ее деятельность освещал и в интересующем нас 4-м томе издания, касающемся событий XX века. В силу малого распространения УАПЦ в Донецком крае, в «Истории» нет конкретных сведений о Донетчине. Но зато приводится небезынтересный и многозначительный факт. Повествуя о событиях Великой Отечественной войны, Иван Власовский сетует на то, что рейхкомиссар Украины рекомендовал украинскому архиепископу Поликарпу (Сикорскому) (УАПЦ) перевести епископа Мстислава (Скрипника) в город, где преобладало не украинское население. Среди предложенных рейхкомиссаром городов значились Ростов-на-Дону, Сталино (Юзовка, Донецк) и Ворошиловград (Луганск)[48]. Епископ же Мстислав ехать в не украинские города отказался[49]. Этот эпизод можно считать свидетельством того, что даже немецкими властями города Сталино (Юзовка) и Ворошиловград (Луганск) рассматривались как русские города, включенные в одну группу с российским Ростовом-на-Дону – и противоположные по духу националистически настроенным городам Украины. Одним из неоспоримых достоинств работы Ивана Власовского является наличие в ней большого количества фактического материала, доступ к которому автор имел благодаря своим родственным связям (письма Поликарпа (Сикорского) и т. д.).

Еще один представитель не признанной Украинской автокефальной православной церкви, отец Тимофей Миненко, в работе «Православна Церква в Україні під час другої світової війни 1939–1945 (Волинський період)» («Православная Церковь на Украине во время второй мировой войны 1939–1945 (Волынский период)»), как и заявлено в названии книги, в основном повествует о

[47] Перевод с украинского – М. Р.
[48] Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви: В 4 т. Київ, 1995. Т. 4. С. 237.
[49] Там же. С. 247.

событиях на Волыни. Относительно Восточных областей на тот момент Украины отмечено только, что «Східні області (Чернігівську, Сумську, Харківську і Донецьку) через близкість фронту до Рейхскомісаріату не приеднали, а отже, підлягали вони військовій адміністрації. Тому і церковне життя там відновлялось інакше» («Восточные области (Черниговская, Сумская, Харьковская и Донецкая) вследствие близости фронта к Рейхскомисариату не присоединили, а, следовательно, они подчинялись военной администрации. Поэтому и церковная жизнь там обновлялась иначе»[50])[51]. Эта работа написана на основе многочисленных архивных материалов Украинских церквей (Константинопольского патриархата) в Канаде и США, УАПЦ и т. д. Но, к сожалению, как многотомный (а именно это планировалось автором) этот труд закончен не был.

На Украине изучением государственно-церковных отношений занимаются как религиоведы, так и историки, как светские ученые, так и конфессиональные авторы.

Среди работ конфессиональных авторов можно отметить работу протоиерея Украинской Православной Церкви Московского Патриархата Михаила Матвеенко из Харькова «История Харьковской епархии (1850–1988)». Книга составлена на основе кандидатской диссертации, написанной в Московской духовной академии[52]. В свете изучения государственно-церковных отношений в Донецком регионе работа интересна тем, что в Харьков из Донетчины ссылались репрессированные архиереи и священнослужители, упоминания о которых мы находим в книге[53].

Занимались государственно-церковными отношениями и представители других конфессий: в прошлом архиепископ Харьковско-Полтавской епархии неканонической Украинской автокефальной православной церкви (обновленной),

[50] Перевод с украинского – М. Р.
[51] Міненко Т. Православна Церква в Україні під час другої світової війни 1939-1945 (Волинський період): В 3 т. Вінніпег – Львів. 2000. Том І.
[52] Матвеенко, Михаил, священник. История Харьковской епархии (1850–1988 гг.). Дис. ... канд. богосл. М., 2016. Ч 1. 217 с. Он же. История Харьковской епархии (1850–1988 гг.). Дис. ... канд. богосл. М., 2016. Ч 2. 389 с.
[53] Матвеенко Михаил, свящ. История Харьковской епархии (1850-1988). Харьков, 1999.

доцент Харьковского национального университета Игорь Исиченко[54]; протоиерей так называемой «Православной церкви Украины» (ПЦУ), доцент Черновицкого национального университета Николай Лагодич и т. д.

Историк В. А. Пащенко[55] положил начало Полтавской исторической школе. Автор был атеистом и полагал, что атеистами были и все граждане советской Украины[56]. Ученый был убежден, что Русская Православная Церковь в советский период избрала для себя подчиненное по отношению к государству положение. Вместе с тем ученый признавал, что патриотическая позиция Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны во многом способствовала Победе нашего народа. Вместе с тем автор поддерживал деятельность УАПЦ военного периода, не считая, что ее сколько бы то ни было «враждебной», а второго патриарха неканонической Украинской православной церкви Киевского патриархата В. Романюка, в свое время осужденного за принадлежность к Организации украинских националистов (ОУН), считал едва ли не героем[57]. Автор фокусирует внимание в основном на событиях, связанных с Полтавской областью, и не касается государственно-церковных отношений в Донецком регионе[58].

Исследователь Ю. В. Волошин[59] является учеником В. А. Пащенко. Ученый придерживается точки зрения, что борьба воинственных безбожников в предвоенный период была безрезультатной (и это наглядно показали годы немецко-фашистской оккупации)[60]. Ю. В. Волошин изучает «православное движение», межконфессиональные отношения в регионах и т. д., при этом полагая, что и епископ Иларион (Огиенко) (сторонник Симона Петлюры, поборник церковной самостоятельности Украины, предстоятель на тот момент

[54] Ісіченко Ігор. Історія Христової Церкви в Україні. Харків, 2014. Он же. Загальна церковна історія: Підручник для вищих духовних шкіл. Харків, 2001.
[55] Пащенко Володимир. Православна церква в тоталітарній державі. Україна 1940 – початку 1990-х років. Полтава, 2005.
[56] Там же. С. 5–6.
[57] Там же. С. 41, 65, 321–322.
[58] Пащенко В. А. Православ'я в новітній історії України. Ч. 1. Полтава, 1997. Он же. Православ'я в новітній сторії України. Ч. 2. Полтава, 1997. Он же. Більшовицька держава і православна церква в Україні 1917–1930-ті роки. Полтава, 2004. Он же. Православна церква в тоталітарній державі. Україна 1940 – початку 1990-х років. Полтава, 2005.
[59] Волошин Ю. Українська православна церква в роки нацистськоі окупації (1941–1944 р.р.). Полтава, 1997.
[60] Перевод с украинского – М. Р.

неканонической Украинской греко-православной церкви в Канаде), и патриарх Мстислав (Скрыпник) (племянник Симона Петлюры и предстоятель непризнанных Украинской автокефальной православной церкви и Украинской православной церкви Киевского патриархата) являются достойными лидерами украинского православия[61].

Ю. В. Волошин определяет, что взаимоотношения оккупантов и религиозных организаций в годы ВОВ проходят определенные этапы развития: от наблюдения и поощрения до контроля и проявления жестокости со стороны оккупантов. Исследователь делает вывод о нежелательности любого рода «вмешательств» во внутрицерковную жизнь[62].

Украинский ученый В. Гордиенко также занимался изучением государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны. В работе «Православні конфесії в Україні періоду Другої світової війни (вересень 1939 – вересень 1945 рр.)» («Православные конфессии на Украине периода Второй мировой войны (сентябрь 1939 – сентябрь 1945 гг.») автор прослеживает зависимость Русской Православной Церкви от политики как оккупантов, так и советских властей. Ученый также считает, что оккупанты, целью которых была «новая религия», отнюдь не стремились к возрождению Русской Православной Церкви, но всячески потворствовали расколам и противились церковному единству[63].

Исследователь А. П. Тригуб в работе «Розкол Російської православної церкви в Україні (1922–39 рр.): між державним політичним управлінням та реформацією» («Раскол Русской православной церкви на Украине (1922–39 гг.): Между государственным политическим управлением и реформацией») анализирует обстоятельства распространения на Украине обновленчества, БОПУПАЦ («Братское объединение приходов Украинской православной автокефальной церкви»), «непоминающих» («Истинно-православная церковь»); дает примеры взаимоотношений между неканоничесими структурами и

[61] Волошин Ю. Українська православна церква в роки нацистськоі окупації (1941–1944 р.р.). Полтава, 1997. С. 5.
[62] Там же. С. 127.
[63] Гордієнко В. В. Православні конфесії в Україні періоду Другої світової війни (вересень 1939 — вересень 1945 рр.) Дис. … канд. іст. наук. Київ, 1999.

представителями канонической Русской Православной Церкви. Исследователь высказывает мысль, что идеи «автокефалии», «украинизации», «прогрессивного реформаторства» – это попытка «піднесення суспільства до висот християнських ідеалів» («подъема общества до высот христианских идеалов»). И является результатом стремления определенной части духовенства Украины к автокефальному статусу. Между тем, согласно канонам, автокефальный статус даруется Православной Церкви в рамках существующих в ней правил, но отнюдь не путем раскола и реформаторства. В работе А. П. Тригуба содержится немало важных, почерпнутых из архивов сведений в том числе об имевших отношение к Донецкому региону епископах, священнослужителях и т. д.[64].

И, наконец, труды историка Д. В. Веденеева в целом посвящены работе советских спецслужб и их взаимоотношениям с церковными организациями, основаны на архивных документах службы безопасности и содержат немало информации о «непоминающих» (в том числе и связанных с Донецким регионом)[65].

Между тем, в настоящее на Украине наблюдается всплеск интереса к региональным исследованиям. Так, Институт истории Украины Национальной академии наук Украины основал в 2014 году новую серию научных исследований «Студии по региональной истории» (ответственный редактор – академик НАН Украини В. А. Смолий). Целью этих исследований является изучение и популяризация истории регионов Украины. Серия открылась двухтомной коллективной монографией «Схід і Південь України: час, простір, соціум», в которой обосновывались новые подходы в изучении региональных особенностей Запада и Востока Украины[66]. Подразумевалось, что исследования в том числе должны «виявити причини й зміст подій, що переживає нині один з індустріальних регіонів нашої країни»[67] («выявить причины и содержание

[64] Тригуб О. П. Розкол Російськоі православноі церкви в Україні (1922-39 рр.): між державним політичним управлінням та реформацією. Монографія. Миколаів, 2009. Он же. Конфесії Російської православної церкви в Україні у 30-х рр. XX ст. // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер. Історія. 2009. Т. 115, Вип. 102. С. 36–40.
[65] Веденеев Д. В. Атеисты в мундирах: Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. М., 2016.
[66] Схід і Південь України: час, простір, соціум: у 2 т. Т 1. К., 2014.
[67] Абліцов В. Донбас: європейська Україна чи азійське дикопілля? К., 2014.

событий, которые сейчас переживает один из индустриальных регионов нашей страны»[68] (подразумевается в частности и Донецкий регион)). В связи с чем в рамках подсерии «Степова Україна» выходят труды, связанные с в частности с Донетчиной. Обозначенные исследования касаются самых разных сторон жизни региона: авторы занимаются историей греков Приазовья[69], историей казачества[70], этнонациональной историей[71], изучают историю коллективизации[72] и индустриализации[73] (индустриального освоения)[74], голодомор в Донецком крае[75], пытаются прояснить этнонациональную ситуацию в регионе[76], выявить факторы, обусловившие формирование здесь особенного менталитета[77], определяют черты этого, как считают исследователи, «пограничного» региона[78] и предпринимают попытки разобраться, чем он является: «европейской Украиной или азиатским диким полем»[79], и т. д.

Работ, касающихся исключительно государственно-церковных отношений в Донетчине, до настоящего времени в серии не было. Но, тем не менее, в имеющихся трудах, к сожалению, содержатся вызывающие недоумение высказывания, например, о поддержке в регионе якобы «антиукраїнській діяльності глави московської церкви патріарха Кирила»[80] («антиукраинской деятельности главы московской церкви патриарха Кирилла»)[81]. По всей видимости, подразумевается, что жители региона являются верующими Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. В серии

---

[68] Перевод с украинского – М. Р.
[69] Усенко П. Г. Маріуполь: грецьке забарвлення українського Надазов'я (кінець XVIII – початок XX ст.). К.: Інститут історії, 2014.
[70] Чухліб Т. В. Донеччина та Луганщина – козацькі землі України (XVI–XVIII ст.). К., 2014.
[71] Якубова Л. Д. Етнонаціональна історія Донбасу: тенденції, суперечності, перспективи в світлі сучасного етапу українського націотворення. К., 2014.
[72] Кульчицький С. В. Колективізація сільського господарства на Донбасі. К., 2015.
[73] Он же.. Радянська індустріалізація на Донбасі: 1926–1938. К., 2015.
[74] Донік О. М. З історії індустріального освоєння Донбасу (XIX – початок XX ст.). К., 2014.
[75] Марочко В. І. Голодомор 1932–1933 років на Донбасі . К., 2015.
[76] Смолій В., Якубова Л. Донеччина і Луганщина: етнонаціональна ситуація, перспективи та інструменти державного регулювання. К., 2015.
[77] Кульчицький С., Якубова Л. Донеччина і Луганщина у XVII–XXI ст.: історичні фактори й політичні технології формування особливого та загального у регіональному просторі. К., 2015.
[78] Верменич Я. В. Донбас як порубіжний регіон: територіальний вимір. К., 2015. Она же. Південна Україна: взаємовпливи держав та культур на цивілізаційному пограниччі. К., 2015.
[79] Абліцов В. Донбас: європейська Україна чи азійське дикопілля? К., 2014.
[80] Там же. С. 57.
[81] Перевод с украинского – М. Р.

подчеркивается, что на протяжении всего существования региона «домінуючий вплив у регіоні зберігала православна церква в її канонічній версії, приходи якої перебували під юрисдикцією Московського патріархату»[82] («доминирующее влияние в регионе сохраняла православная церковь в ее канонической версии, приходы которой находились под юрисдикцией Московского патриархата»[83]). Но, несмотря на признание каноничности Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, предпринимаются попытки осветить деятельность священнослужителей региона, окормляющих свою паству, – в негативном ключе[84].

Наряду с этим проводится мысль о якобы имеющей место «російській агресії і окупації частини Донеччини і Луганщини»[85] («российской агрессии и оккупации части Донетчины и Луганщины» [86]) и о якобы существующей здесь «прямой дискриминации» украинцев. При этом ссылка дается на, как сказано, «один из многих примеров» – письмо некоего читателя из Мариуполя в газету «Приазовский рабочий» от 4 марта 2005 г.: «В нашому місті [...] збудовано багато церков російської метрополії, а ось щодо української церкви, то влада знущається над віруючими, які вже вісім років не мають змоги отримати дозволу на будування собору Пресвятої Богородиці, і лише тому, що маріупольці там будуть молитися до Бога... українською мовою!»[87] («В нашем городе [...] построено много церквей русской митрополии, а вот относительно украинской церкви, то власть издевается над верующими, которые уже восемь лет не могут получить разрешение на строительство собора Пресвятой Богородицы, и только потому, что мариупольцы там будут молиться к Богу... на украинском языке!»)[88].

Что касается работ, непосредственно содержащих какие-либо сведения о жизни Русской Православной Церкви в Донецком регионе, то таковой, например, является труд В. Смолий, С. Кульчицкого и Л Якубова «Донеччина і Луганщина у

[82] Верменич Я. В. Південна Україна на цивілізаційному пограниччі. К., 2015. С. 446.
[83] Перевод с украинского – М. Р.
[84] Верменич Я. В. Південна Україна на цивілізаційному пограниччі. К., 2015. С. 405.
[85] Дзюба І. М. Донецька рана України: Історико-культурологічні есеї. К., 2015. С. 54.
[86] Перевод с украинского – М. Р.
[87] Дзюба І. М. Донецька рана України: Історико-культурологічні есеї. К., 2015. С. 54.
[88] Перевод с украинского – М. Р.

XVII–XXI ст.ст.: історичні фактори й політичні технології формування особливого та загального у регіональному просторі»[89] («Донетчина и Луганщина в XVII-XXI ст.ст.: исторические факторы и политические технологии формирования особого и общего в региональном пространстве»), в котором приводятся сведения о кампании массового закрытия церквей и молитвенных домов, «розстриження ченців» («расстрижения монахов»)[90], статистика по храмам и верующим в Донбассе в 1920-х гг.[91] и т. д. Зачастую авторы ссылаются на работу В. Н. Войналовича «Релігійний чинник етнополітичних процесів на Донбасі: історія і сучасність» («Религиозный фактор этнополитических процессов на Донбассе: история и современность»)[92].

Данная книга выпущена в Институте политических и этнонациональных исследований имени И. Ф. Кураса. В ней автор делает акцент на чрезвычайной важности Русской Православной Церкви в периоды, когда люди теряют доверие к власти. Исследователь соглашается с тем, что краю изначально свойственна региональная идентичность, отличающаяся от украинской и полемизирующая с ней; отмечает, в частности, русскоязычность населения Донецкого региона и его исконное тяготение к России. Касаясь современного периода, автор свидетельствует, что взаимоотношения Украинской Православной Церкви с непризнанным «Киевским патриархатом» собственно на Донетчине изначально носили формы открытого конфликта. Но, тем не менее, объясняет это не неканоничностью «Киевского патриархата», а «противоправными методами» представителей канонической Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Кроме того, автор, как нам кажется, несколько искажает слова представителей Украинской Православной Церкви Московского Патриархата в духе существующих на Украине политических тенденций. Так, например, позицию ныне покойного духовника Донецкой епархии схиархимандрита Зосимы (Сокура) исследователь характеризует как «радикальне заперечення можливості

[89] Смолій В., Кульчицький С., Якубова Л. Донеччина і Луганщина у XVII–XXI ст.ст.: історичні фактори й політичні технології формування особливого та загального у регіональному просторі. К., 2015.
[90] [90] Смолій В., Кульчицький С., Якубова Л. Донеччина і Луганщина у XVII–XXI ст.ст.: історичні фактори й політичні технології формування особливого та загального у регіональному просторі. К., 2015. С. 470.
[91] Там же. С. 469
[92] Войналович В. А. Релігійний чинник етнополітичних процесів на Донбасі: історія і сучасність. К., 2014.

унезалежнення УПЦ від Руської православної церкви» («радикальное отрицание возможности приобретения независимости УПЦ от Русской православной церкви»[93])[94]. Как нам кажется, указанная формулировка является достаточно вольной интерпретацией исследователем слов схиархимандрита Зосимы (Сокура) из его «Завещания»: «В случае отхода Украины от Москвы, какая бы ни была автокефалия, – беззаконная или «законная», – автоматически прерывается связь с Митрополитом Киевским»[95].

Помимо этого, на Украине в настоящее время выходят книги, содержащие в том числе сведения о якобы антиукраинской деятельности «Московской Православной Церкви», исповедующей «антиукраинскую идеологию» Русского мира[96]; о стремлении «Московии» использовать Русский мир для уничтожения Украинского православия (и о становлении так называемой Православной церкви Украины – ПЦУ[97]); о двухтысячелетнем пути «Украинской Церкви» к автокефалии и независимости[98]; о том, что на Украине получили Поместную автокефальную православную церковь[99] (параллельно этому выходят рекомендации для перехода общин Украинской Православной Церкви в ПЦУ[100]); о миссии Украинского православия в современном мире[101]; о «российском наступлении» на религиозную свободу на Украине[102] и проч.

Что касается собственно Донетчины, первые работы, посвященные государственно-церковным отношениям в регионе, начали появляться здесь еще в 1990-е гг. Исследователей, занимающихся государственно-церковными отношениями в Донецком регионе, можно выделить в три группы. Первую группу

---

[93] Перевод с украинского – М. Р.

[94] Войналович В. А. Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940–1960-х років: політологічний дискурс. К., 2005. Он же. Релігійний чинник етнополітичних процесів на Донбасі: історія і сучасність. К., 2014.

[95] Схиархимандрит Зосима (Сокур). Завещание. Режим доступа: http://zosima-nikolskoe.ru/?articles_id=1&chapter=articles (дата обращения: 21. 08 15 г.).

[96] Релігійна безпека/небезпека України. Збірник наукових праць і матеріалів. За ред. А. Колодного. Київ, 2019.

[97] Україна поліконфесійна / За ред. А.Колодного і П.Павленка. Київ, 2021. 384 с.

[98] Клос В. Автокефалія Української Церкви: огляд від Хрещення до Синодального Томосу. Харків, 2021.

[99] Крисаченко В., Фігурний Ю., Чирков О. Українське християнство: утвердження ідентичності. Концептуальні нариси. Київ, 2022.

[100] Дорошенко О., Саган О. Практичні поради для церковних громад, які вирішили доєднатися до Православної Церкви України. Київ, 2022.

[101] Мартишин Д., Богданенко А., Романенко Є. Місія Українського Православ'я в сучасному світі. Київ, 2022.

[102] Російський наступ на релігійну свободу в Україні. Дослідження, аналітика та рекомендації / За заг. ред. О. В. Зайця та М. С. Васіна. Київ, 2022.

составили ученые, работающие на базе Донецкого государственного (в дальнейшем – национального) университета (З. Г. Лихолобова, Н. В. Никольский[103], И. Ю. Хюренина[104], С. В. Исиченко[105] и другие). Начиная с 1990-х гг., в ДонНУ выходит сборник «Новые страницы истории Донбасса» (редактор профессор З. Г. Лихолобова). Размещавшиеся в нем материалы стали первыми вехами в изучении истории православия в Донецком регионе. Сравнительно недавно в Донецке вышла работа одного из постоянных авторов сборника, профессора ДонНУ В. Н. Никольского, «Православное духовенство Донетчины, репрессированное в 1920 – 1950-х гг. (в документах и материалах: монография)». В книге даются данные об изъятии церковных ценностей в регионе, о ликвидации церквей и молитвенных домов, приводятся отрывки из личных дел некоторых репрессированных священнослужителей и т. д. Но в то же время в работе есть и определенные неточности. (К примеру, автор определяет изъятие церковных ценностей как средство борьбы с голодом[106].) Кроме того, в 2020 г. в Донецком национальном университете была защищена кандидатская диссертация Л. П. Ландик «Деятельность Православной церкви в Донецкой области (1988–2004 гг.)», посвященная жизни Русской Православной Церкви в регионе на современном этапе[107]. Работает в этом направлении и современный автор А. С. Мартынов, статьи которого посвящены периоду оккупации Донбасса и в том числе «языковым проблемам» в обозначенный период[108].

---

[103] Никольский В. Н. Религиозные течения и группировки в Донбассе середины 1920–х гг. // Новые страницы Донбасса: ДонГУ, 1994. Кн. 3. Он же. Правда через роки... Політичні репресії 1937 – 1938 рр. на Донетчині: причини, перебіг, наслідки: Монографія. Донецьк, 2011.

[104] Хюренина И. Ю. Антирелигиозная политика советской власти и общественные настроения в Донбассе в 20-е гг. // Нові сторінки історії Донбасу. Сборник статей. Книга 11. ДонНУ: Донецк, 2005.

[105] Исиченко С. В. Образовательная и миссионерская деятельность Донецкой епархии Русской Православной Церкви в послевоенное десятилетие // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы VIII Международной научной конференции, Иваново, 11–12 февраля 2009 г.: в 2 ч. Иваново, 2009.

[106] Никольский В. Н. Правда через роки... Політичні репресії 1937 – 1938 рр. на Донетчині: причини, перебіг, наслідки. Донецьк, 2011. Он же. Православное духовенство Донетчины, репрессированное в 1920 – 1950-х гг. (в документах и материалах). Донецк, 2013. Он же. Религиозные течения и группировки в Донбассе середины 1920-х гг. // Новые страницы в истории Донбасса. Кн.3. Донецк, 1993. Он же. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. Донецьк, 2003.

[107] Ландик Л. П. Деятельность Православной церкви в Донецкой области (1988 – 2004 гг.). Дис. … канд. ист. наук. – Донецк, 2020.

[108] Мартынов А. С. Положение православной церкви в регионе Донбасса в условиях нацистской оккупации (1941-1943 гг.) // Церковь, государство и общество. М., 2020. С. 160–173. Он же: Положение русского языка на Украине в условиях нацистской оккупации (1941-1943). URL: http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=128 (дата обращения: 14. 01. 23 г.).

Вторую группу составили исследователи, работавшие на базе в свое время функционировавшего в регионе Донецкого института искусственного интеллекта. Ученые этого вуза позиционировали себя как внеконфессиональных исследователях. Между тем, подобное утверждение стоит принимать с определенной долей условности. В свое время профессором института был ренегат Евграф Дулуман, выступавший с резко антицерковными публикациями; а выехавший из Донецка в Киев преподаватель вуза, кандидат исторических наук Игорь Козловский открыто и активно поддерживает так называемую Православную церковь Украины (ПЦУ)[109].

В Донецком институте искусственного интеллекта можно выделить двух авторов: А. Н. Фесенко и И. Г. Луковенко. В диссертационном исследовании А. Н. Фесенко «Православна церква в політиці радянської влади 20-х років ХХ ст.: на матеріалах Донеччини» («Православная церковь в политике советской власти 20-х годов ХХ ст.: на материалах Донетчины») задействован определенный архивный материал; кроме того, автор рассматривает значительное количество опубликованных документов. Исследователь предпринимает попытку охарактеризовать направления государственной политики по отношению к Церкви и способы ее реализации. Вместе с тем автор не делает различий между иерархией канонической Русской Православной Церкви и непризнанными неканоническими сообществами (например, последователями УАПЦ «самосвята» Василия Липкивского). Кроме того, в работе имеются несколько искаженные сведения о Патриархе Тихоне, в чем, скорее всего, сказалась политическая конъюнктура, сложившаяся в постсоветском Украинском государстве. В диссертации автор не касается движения «непоминающих»[110].

Что касается опубликованной в 2011 г. монографии исследователя И. Г. Луковенко «Радянська держава і російська православна церква на Донеччині у 1943–1964 роках» («Советское государство и русская православная церковь на

[109] «Винничина сейчас лидирует…» Режим доступа: https://credo.press/222508/ (дата обращения: 11.12 19 г.).
[110] Фесенко А. М. Православна церква в політиці радянської влади 20-х років ХХ ст.: на матеріалах Донеччини, дис... канд. іст. наук. Донецьк, 2006.

Донетчине в 1943-1964 годах»)[111], здесь приводятся статистические сведения по церквям и молитвенным домам в регионе, численность священнослужителей; автор анализирует действия региональной государственной власти в обозначенный период и т. д. Но в то же время пытается трактовать данные своей монографии в свете имевшей на тот момент место ситуации в государственно-церковных отношениях на Украине. Так, автор считал необходимым «определять и корректировать пути включения православия Донетчины в контекст общеукраинских религиозных процессов»[112].

Интересной работой, посвященной истории региона в период Великой Отечественной войны, является книга Д. Н. Титаренко и Т. Пентер «Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы»[113]. В работе собраны сведения людей, переживших оккупацию Донецкого региона, сквозь призму которых описывается их повседневная жизнь, характер взаимоотношений с оккупантами и т. д. В книге в том числе имеются сведения, косвенно связанные с церковной жизнью в Донетчине.

Помимо указанных ученых, так или иначе касались истории православия в Донецком регионе и донецкие конфессиональные исследователи, находящиеся в лоне канонической Украинской Православной Церкви Московского Патриархата. Их работы можно выделить в третью группу. Так, из-под пера ныне покойного С. И. Татаринова (в соавторстве) вышло несколько брошюр, которые, к сожалению, касаются в основном только Бахмутского (Артемовского) района[114]. Статьи и фрагменты из брошюр С. И. Татаринова публиковались в выходившем до войны в епархиальном журнале Донецкой и Горловской епархий «Живой родник»[115].

---

[111] Перевод с украинского – М. Р.

[112] Луковенко І. Г. Радянська держава і російська православна церква на Донеччині у 1943–1964 роках. Донецьк, 2011.

[113] Титаренко Д. Н., Пентер Т. Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы. Донецк, 2013.

[114] Татаринов С. Й. Витоки православ'я Донетччини. Харків, 2018. Он же. Історія православ'я Донеччини. Артемівськ, 2010. Он же. Православ'я Бахмутського краю – погляд крізь століття. Артемівськ, 2009. Он же. Православие Донеччины в 18–20 ст. Донецк, 2014.

[115] Татаринов С. Й. Тутова Н. О. З історії духовної освіти Бахмутського повіту (XIX – початок XX століття) // Живой родник. 2010. № №11, 12; Живой родник. 2011. № №1, 2. Татаринов С.Й. Ієрархи РПЦ у історії Бахмуту // Живой родник. 2013. №№ 4, 5, 7. Он же. Репресовані ієрархії священники у Донбасі у 1920-1930-х роках // Живой родник. 2013 г. №№9, 10.

Многие материалы этого журнала были посвящены истории благочиний[116] и храмов[117] Донецкой области, воспоминаниям об архиереях, священнослужителях[118], старцах[119] т. д. Также в журнале публиковались доклады правящих архиереев и священнослужителей, в которых затрагивались определенные моменты истории епархии[120].

Помимо этого, в журнале «Живой родник» размещались материалы о важных внутриепархиальных событиях, имеющих значение для истории Русской Православной Церкви в Донетчине: об обретении в Донецке чудотворного Малочернетчинского образа «Хлеб Жизни»[121], о причисленных к лику святых[122] подвижниках Донетчины и Мариупольщины и т. д. Появлялись немногочисленные статьи об истории Донецкой и Горловской епархий и в местной светской прессе[123].

Что касается авторов из Луганска, то, например, в исследованиях луганчанина О. Д. Форостюка есть немало сведений, касающихся территории Донецкой Народной Республики. Например, в книге «Православная Луганщина в годы гонений и трагических испытаний (1917-1988 гг.)» содержатся данные о

---

[116] Жудинов Дмитрий. Преображенское // Живой родник. 2013. № 6. С. 3–4. Он же. Новоазовское // Живой родник. 2013. № 7. С. 6-8. Цырлина Мария, Щербакова Екатерина. Николаевское благочиние Горловской епархии: история и современность // Живой родник. 2013. №10. С. 15–17. Палажченко Виктор. Николаевское благочиние города Мариуполя. Интервью с благочинным, протоиереем Николаем Марковским // Живой родник. 2014. № 3. С. 6–7. Белоброва Раиса. Свято-Георгиевское благочиние города Макеевки // Живой родник. 2014. № 7. С. 10–14.

[117] Цырлина Мария. История Свято-Николаевского кафедрального собора города Горловки // Живой родник. – 2010. № 4. С. 7–9. Она же. История Свято-Николаевского храма поселка Веровки Енакиевского района // Живой родник. 2011. №№ 6-8. С. 4–6; Живой родник. 2011. №№ 11,12. С. 2–3. Моисеенко Л. Н. Православные храмы Юзовки в XVIII – начале XX века // Живой родник. 2013. № 7. С. 13–16.

[118] Кравченко Александр, прот. Амбарная книга. Из воспоминаний архиепископа Никона (Петина), записанных академиком В. П. Филатовым // Живой родник. 2010. №3. – С. 6–8. Трибушный Димитрий, чтец. Архиепископ Никон Одесский и Херсонский: явленность чуда // Живой родник. 2010. №№ 5, 6. С. 4–5. Митрополит Сергий (Петров, 1924 – 1990) // Живой родник. 2011. №№ 9, 10. С. 1–6. Архимандрит Андрей (Шокало) // Живой родник. 2011. №№ 1, 2. С. 4–5. Лазнева Анна, Фирсенко Татьяна. Воспоминания об отце Борисе Долгушевском. 2012 г. // Живой родник. 2012. №№ 9, 10. С. 5–9. Белоброва Раиса. По велению души – и жизнь отдать. (О священнике Александре Сахновском) // Живой родник. 2013. №6. С. 5–7.

[119] Трибушный Дмитрий, чтец. Батюшка. Материалы к жизнеописанию схиархимандрита Гавриила (Стародуба) // Живой родник. 2010. №3. С. 38–42. Источник: Православный альманах «Задонский паломник», № 71, 2009 г.

[120] Доклад высокопреосвященнейшего Митрофана, архиепископа Горловского и Славянского на торжественной Академии, посвященной 1025-летию Крещения Руси // Живой родник. 2013. С. 11–14.

[121] В Донецке обнаружена древняя икона. Гуляев Георгий, прот. // Живой родник. 2012. №№ 9–10. С. 2. Кондратенко С. Н. Историческая справка о чудотворном Малочернетчинском образе Спасителя «Хлеб Жизни» // Живой родник. 2012. №№ 9–10. С. 53–55.

[122] Схимонах Илия (Ганжа) прославлен в лике святых // Живой родник. 2012. №№ 11–12. С. 6. Калоеров С. А. Митрополит Игнатий Мариупольский в опубликованных и документальных источниках // Живой родник. 2012. №№ 1–2. С. 5–7; Живой родник. 2012. №3. С. 2–7.

[123] Григ Т. Святой Иоанн из Покровского // Вперед. 10.12.2008.

храмах Донетчины[124]. Кроме того, в кандидатской диссертации автора есть немало сведений, касающихся государственно-церковных отношений в Донетчине (это касается общих для Луганска и Донецка указов властей; особенностей насаждения в Донетчине обновленческого раскола, сведений о «непоминающих» и т. д.)[125].

Помимо этого, в настоящее время в Луганском национальном университете имени Владимира Даля изучением религиозной жизни в Донбассе в 1943 – 1965 гг. занимается исследователь Ю. В. Пилипенко[126]; а изучением истории Русской Православной Церкви в 1920-е гг. – исследователь С. А. Пидченко[127]. Деятельности священнослужителей[128] и архиереев Донбасса в XX веке посвящены труды протоиерея Александра Авдюгина из г. Ровеньки Луганской области[129].

Кроме того, на базе Естественно-гуманитарного университета города Седльцы (Польша) научные изыскания, посвященные польской диаспоре в Донецком регионе, проводит Александра Олеговна Христенко-Фобориль. Статья исследовательницы «Римсько-католицька парафія в Донецьку: від заснування до сьогодення» («Римо-католический приход в Донецке: от основания до современности») представляет собой попытку на примере католического прихода проанализировать процесс возрождения духовной жизни католиков в Донецке в современный период. При написании статьи автор привлек материалы из приходского архива и внушительное количество литературы на польском,

---

[124] Форостюк О. Д. Православная Луганщина в годы гонений и трагических испытаний (1917–1988 гг.). Луганск, 1999.

[125] Он же.. Правове регулювання державно-церковних відносин у радянській Україні в 1917-1941 роках (на матеріалі Донецького регіону): дис... канд. юрид. Луганськ, 2001.

[126] Пилипенко Ю. В. Религиозно-церковная жизнь Донбасса в 1943–1964 годы // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. 2018. № 6-7(12–13). С. 100–110.

[127] Пидченко С. А. Архивные документы как источники изучения локальной истории Русской православной церкви в Донбассе с 20-е годы XX века // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. 2018. № 6–7(12–13). С. 94–98.

[128] Авдюгин Александр, протоиерей. Подвижник земли Донбасской. Памяти мученика за веру священника Николая Добровольского (†1937). Режим доступа: https://pravoslavie.ru/121280.html?fbclid=IwAR0uYRmRuSuLyQ4xO0z1NkxCNzfE3PPuqrD1iLPDBAgkESdJB0yGJDxB8Qc (дата обращения: 21. 09 19 г.).

[129] Авдюгин Александр, протоиерей. Жизнеописание митрополита Бориса (Вик). Луганск, 2010. Он же. Первый архиерей Луганщины. Жизнеописание архиепископа Никона (Петина). Луганск, 2010.

украинском и русском языках[130]. Между тем, данная работа строится вне взаимосвязи с православными приходами Донецкого региона, что представляется определенным недочётом исследования, учитывая тот факт, что большая часть населения региона исповедует православие[131].

Изложенное позволяют сделать вывод, что, несмотря на то, что тема государственно-церковных отношений в Донетчине достаточно активно разрабатывается, каких бы то ни было комплексных исследований, касающихся региона, до настоящего времени не было. Это обстоятельство определяет **цель** представленного диссертационного исследования – выявить особенности развития отношений органов государственной власти и Русской Православной Церкви в Донецком регионе в 1919 – 1988 гг.

Соответственно этому были поставлены следующие **задачи исследования:**

– показать, какие изменения произошли в социальной и церковной жизни православных верующих в 1919 – 1922 г. Определить характер этих изменений, а также характер проводимой советскими властями в Донетчине кампании по изъятию церковных ценностей;

– выявить в процессе распространения церковных разделений в регионе черты реализации государственного плана по уничтожению Русской Православной Церкви, обозначить причастность к процессу насаждения расколов советских властей;

– дать характеристику формам борьбы государства с Русской Православной Церковью; выявить особенности церковного управления в регионе в это время;

– рассмотреть репрессии советских властей против православного населения Донетчины в конце 1920 – 1930-е годы;

– проследить, как проходило возобновление церковной жизни на территории Донецкой (Сталинской) области в условиях немецкой оккупации; определить характер взаимоотношений немецкой оккупационной администрации и православных церковных управлений;

---

[130] Фоборіль-Христенко Олександра. Римсько-католицька парафія в Донецьку: від заснування до сьогодення // Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. Частина І. Львів, 2018.

[131] Костенко Г. В. Религиозная карта области. Режим доступа: http://iai.donetsk.ua/_u/iai/dtp/CONF/2/speeches/kost.html (дата обращения: 15. 05. 22 г.).

– дать характеристику поддержки оккупантами неканонических структур как способу разобщения православных верующих.

– выявить специфику функционирования Ворошиловградско-Донецкой епархии в 1943 – 1953 гг; показать, как выстраивались государственно-церковные отношения в Донетчине в обозначенный период;

– проследить обострение борьбы государства с Русской Православной Церковью 1958 – 1964 гг.

– проанализировать трансформацию государственной политики в отношении Русской Православной Церкви в 1964 – 1988 гг.

Объектом исследования является церковная жизнь и государственно-церковные отношения на территории современной Донетчины в 1919–1988 гг.

Предмет исследования – епархии, приходы и общины (православные, обновленческие, старообрядческие и т. д.), Святогорская Свято-Успенская Лавра, монастыри, общественные организации, советские государственные структуры, партийные органы, а в период оккупации – немецкие властные структуры на временно оккупированной территории.

Методология и методы исследования. Данная диссертационная работа основывается на принципах историзма, научной объективности и системности. Историзм подразумевает исследование изучаемых процессов и явлений как непрерывно изменяющихся. При этом обязательно учитываются условия, в которых они изменялись, и связь изучаемых событий с историческим контекстом.

Принцип научной объективности подразумевает, прежде всего, отказ исследователя от идеологической ангажированности, беспристрастный, объективный анализ источников. Принцип системности предполагает, что исторические явления рассматриваются во взаимной связи друг с другом (в частности, а данной работе учитывались изменения в жизни Донетчины и страны в целом).

Исследование строится по проблемно-хронологическому принципу с целью показать ситуацию в регионе в целостности и динамическом развитии.

Также в работе использовались общенаучные методы анализа, синтеза и

обобщения и методы исторического исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический метод – с целью показать динамику развития и особенности государственно-церковных отношений в конкретном регионе (Донецкой области) в сравнении с другими регионами Украины.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1919 года по 1988 год. Нижняя хронологическая граница определена выходом 5 февраля 1919 года Декрета Совета народных комиссаров «Об образовании Донецкой губернии»[132]. Верхняя граница исследования, 1988 год, – это зенит эпохи «перестройки» и начало изменения политики государства в отношении Русской Православной Церкви, которое стало в дальнейшем и началом активизации церковной жизни уже на новом этапе государственно-церковных отношений. В истории государственно-церковных отношений в Донетчины в рассматриваемое время можно выделить три периода: довоенный, период немецкой оккупации и послевоенный (в случае Донетчины – начиная с 8 сентября 1943 г., то есть с дня освобождения от немецко-фашистских захватчиков).

Географические рамки представленной работы определены территорией Донецкого региона. Под Донецким регионом понимается современная Донецкая Народная Республика – субъект Российской Федерации[133], пределы территории которого определяются границами территории Донецкой Народной Республики, установленными Конституцией Донецкой Народной Республики (в границах Донецкой области, ранее входившей в состав Украины). Современное синонимичное название – Донетчина.

В послеоктябрьский период на территории Донецкого региона находились приходы, относившиеся к Екатеринославской, Донской и Харьковской православным епархиям. В 1930-е гг. в документах чекистов появляется название «Донецкая епархия». При этом официально Донецко-Ворошиловградская епархия в регионе была оформлена только в 1944 г. В 1991 году из ее состава была

---

[132] История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Донецк, 2001. С. 4.

[133] Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики". Режим доступа: https://rg.ru/documents/2022/10/05/fkz5-site-dok.html (дата обращения: 18. 12 22 г.).

выделена Луганская епархия. В настоящее время на территории Донетчины находятся епархии Донецкая и Мариупольская и Горловская и Славянская.

Источниковая база исследования представлена как опубликованными, так и неопубликованными документами.

В частности, в работе использовались законодательные и нормативно-распорядительные акты: Декрет Совета Народных Комиссаров "Об отделении церкви от государства и школы от церкви"[134], Декрет ВЦИК "О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих"[135], Конституция УССР (1937 г.)[136], Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики"[137].

Делопроизводственная документация органов церковного управления неканонической Украинской автокефальной православной церкви, обнаруженная в ЦГАВОВУ Украины (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины), в фонде Української автокефальної православної церкви, м. Київ (Украинской автокефальной православной церкви, г. Киев), и освещающая процесс распространения УАПЦ.

Делопроизводственная документация из фонда Особой комиссии по расследованию действий большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России (ГАРФ).

Делопроизводственная документация советских органов власти. Это очень обширный пласт документов, касающихся изъятия церковных ценностей, учета храмов и молитвенных домов, учета священнослужителей, планов государства

---

[134] Декрет Совета Народных Комиссаров "Об отделении церкви от государства и школы от церкви". Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/ (дата обращения: 18. 12. 22 г.).

[135] Декрет ВЦИК "О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих", 23 февраля 1922 г. Режим доступа: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111420-dekret-vtsik-o-poryadke-izyatiya-tserkovnyh-tsennostey-nahodyaschihsya-v-polzovanii-grupp-veruyuschih-23-fevralya-1922-g (дата обращения: 18. 12. 22 г.).

[136] Конституція УРСР 1937 р. Режим доступа: https://pidruchniki.com/1180040855006/pravo/konstitutsiya_ursr_1937 (дата обращения: 14. 10. 19 г.).

[137] Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики". Режим доступа: https://rg.ru/documents/2022/10/05/fkz5-site-dok.html (дата обращения: 18. 12 22 г.).

относительно Русской Православной Церкви, отчеты о проделанной работе и проч. Большею частью это неопубликованные документы из следующих архивов:

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации): фонд Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме – Совете Министров СССР, фонд Комиссии по делам культов при ВЦИК СССР;

2. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории): фонд Центрального Комитета КПСС (ЦК КПСС);

3. РГАЭ (Российский государственный архив экономики): фонд Центрального статистического управления (ЦСУ) при Совете Министров СССР;

4. ГАДО (Государственный архив Донецкой области): фонд Юзовского окрисполком г. Юзовки; из фонда Юзовского уездного исполкома; фонд Исполнительного комитета Донецкого областного Совета народных депутатов (1944 – 1948 гг.); фонд Уполномоченного Совета по делам религиозных культов; фонд Уполномоченного совета по делам Русской Православной Церкви при Сталинском (с 1961 г. – Донецком) облисполкоме);

5. ЦГАВОВУ Украины (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины): фонд Народного комісаріату внутрішніх справ УРСР. м. Київ (Народного комиссариата внутренних дел УССР. г. Киев); фонд Української республіканської надзвичайної комісії з розслідування збитків і злочинів, заподіяних німецько-фашистськими загарбниками організаціям та населенню, УРСР, м. Київ (Украинской республиканской чрезвычайной комиссии по расследованиям убытков и преступлений, причиненных немецко-фашистскими захватчиками организациям и населению, УССР, г. Киев); фонд Ради в справах релігії при Міністерстві у справах міграції і національностей України та її попередники (об'єднаний фонд) (Совета по делам религии при Министерстве по делам миграции и национальностей Украины и ее предшественники (объединенный фонд)[138]);

6. ЦГАООУ (Центральный государственный архив общественных объединений Украины): фонд Центрального комітету компартії України

[138] Перевод с украинского – М. Р.

(Центрального комитета компартии Украины)). Сводки ОГПУ, касающиеся противостояния в Донецком регионе православных и обновленцев[139].

Судебно-следственные дела репрессированных, обнаруженные в архиве Управления Службы безопасности Украины на тот момент Донецкой области и в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины (г. Киев). В делах содержатся сведения о противостоянии православных и обновленцев, о подпольной деятельности священнослужителей и мирян в период репрессий, о церковном управлении на территории Донецкого региона и т. д.

Источники личного характера. В частности, это содержащиеся в следственных делах письма, из которых мы узнаем о мучениях, которым подвергались репрессированные в застенках; о ситуации с «украинской церковью»; о взгляде православных христиан на ширившиеся в стране гонения на Русскую Православную Церковь. К источникам личного характера относятся и опубликованные воспоминания, в которых также содержатся сведения о положении Русской Православной Церкви в период гонений.

Кроме того, в диссертационном исследовании использованы материалы региональной периодической печати, выявленные в Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского (г. Киев), в Государственном архиве на тот момент Донецкой области и в архиве Святогорской Свято-Успенской Лавры. Публикации в периодических изданиях представлены региональными советскими изданиями («Всероссийская кочегарка» (1922 г.); «Приазовская правда» (1922 г.); «Кочегарка» (1937 г.); «Социалистический Донбасс» (1937 г.); «Дебальцевский рабочий» (1960 г.)) и периодическими изданиями на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны («Донецкий вестник» (1941–1942 гг.); «Украинская земля» (1943 г.); «Український Донбас» (1941 г.); «Дніпропетровська газета» (1941 г.); «Донецька земля» (1942 г.)). Так, издания послеоктябрьского периода дают нам информацию об изъятии церковных ценностей. Советские периодические издания 1937-х гг. дают образцы

[139] Церковь в сводках ОГПУ. Режим доступа: http://istmat.info/node/8765 (дата обращения: 21. 08 15 г.).

формирования необходимого властям общественного мнения в рамках определенной, сформировавшейся ситуации. А издания, выходившие на оккупированной территории, являются важнейшим источником информации об открываемых в Донетчине в годы Великой Отечественной войны храмах и молитвенных домах, а также об организации в Донецком регионе объединенного епархиального управления.

При этом, по всей видимости, многие ценные документы изучаемого периода были утеряны. Так, священник Димитрий Сафонов в статье «Материалы по истории обновленческого раскола в российских архивах» говорит о том, что документы, связанные в том числе с обновленческим расколом в Донецком регионе, были уничтожены[140]. А в сборнике документов исследователя М. В. Шкаровского «Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 гг.» указывается, что документы об обновленцах (в частности, о том, что в годы Великой Отечественной войны возобновление деятельности обновленцев было разрешено оккупантами только на территории Донбасса) сохранились только в немецких архивах[141].

Два документа, касающиеся Донетчины военного периода, были опубликованы в сборнике «Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов». Это «Обращение временно исполняющего дела благочинного Сталинской области протоиерея Г. Коханова к духовенству и верующим Донбасса о внесении пожертвований для Красной Армии и раненым воинам» и «Информационный доклад уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по УССР П. С. Ходченко в Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР о работе за II квартал 1945 г.»[142].

На Украине издавался сборник документов, посвященный деятельности Украинской православной автокефальной церкви, составленный на основе

[140] Сафонов Д. В. Материалы по истории обновленческого раскола в российских архивах // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ 2006: Материалы. Том 2. М., 2006. С. 198 – 205.
[141] Шкаровский М. В. Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 гг. М., 2003.
[142] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. М., 2009.

архивов НКВД-КГБ «Репрессированные деятели Украинской Автокефальной Православной Церкви»[143]. По нашим сведениям, для составления этого сборника все дела репрессированных священнослужителей и мирян из отделения Службы безопасности Украины г. Донецка были переданы в Киев. Тем не менее, в издании не фигурирует ни одного представителя УАПЦ, деятельность которого была каким бы то ни было образом связана с Донецкой областью. По всей видимости, значимых деятелей УАПЦ на территории Донетчины не было.

Привлеченные источники позволили в общих чертах проследить церковную жизнь в 1919–1988 гг. на территории Донецкого региона и выявить основные особенности государственно-церковных отношений в указанный период.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые был осуществлен комплексный анализ церковной жизни и государственно-церковных отношений в Донецком регионе в 1919–1988 гг., выявлены особенности развития государственно-церковных отношений в регионе в обозначенный период. Также впервые был введен в научный оборот значительный комплекс ранее не публиковавшихся архивных материалов и материалов периодики.

Автором предложена периодизация церковной жизни и государственно-церковных отношений изучаемого региона, основанная на рубежных событиях и значимых этапах советской политики в отношении Русской Православной Церкви.

Положения, выносимые на защиту:

1. Государственно-церковные отношения в Донецком регионе в 1919 – 1922-х гг. развивались в рамках реализации генерального плана советской власти по уничтожению Православной Церкви, одной из составляющих которого было массовое изъятие церковных ценностей.

2. Несмотря на всестороннюю поддержку властью расколов, ни обновленческое движение, ни УАПЦ, ни созданное для их нейтрализации БОПУПАЦ на Донетчине развить не удалось.

3. С приходом к власти большевиков в регионе закрывались или уничтожались храмы, к 1935 г. открытых храмов на территории не осталось.

[143] Репресовані діячі Українскойі Автокефальноі Православноі Церкви. Київ, 2011.

Параллельно с закрытием храмов в регионе начались гонения на православных священнослужителей, а церковная жизнь приняла подпольные формы. В регионе появилась правая церковная оппозиция.

4. Под репрессии в Донетчине попали все социальные слои верующих. Репрессированные стандартно обвинялись в контрреволюционной деятельности, монархических взглядах, шпионаже, противодействии советскому строю и т. д.

5. В годы Великой Отечественной войны на Донетчине возродилась церковная жизнь. Несмотря на то, что открываемые приходы относились к канонической Украинской Автономной Церкви, оккупационные власти, в стремлении разобщить общество, возродили в регионе обновленческое движение, пытались ввести автокефалистское, поддерживали группы ИПЦ.

6. Несмотря на общие положительные тенденции первых послевоенных лет, на Донетчине наступил новый этап гонений на Русскую Православную Церковь, выражавшийся в закрытии приходов, ограничении деятельности священнослужителей и проч.

7. В период правления Н. С. Хрущева в Донецкой области наблюдалось масштабное наступление на Русскую Православную Церковь: закрывались храмы, уничтожались сестричества, резко сократилось количество крещений, преследовались верующие, священники были отстранены от управления приходов, велась широкая антирелигиозная агитация.

8. В период 1964 – 1988 гг. при внешнем благополучии государственно-церковных отношений в регионе имело место планомерное давление на Русскую Православную Церковь, целью которого было затухание церковной жизни в промышленном регионе.

9. Государственно-церковные отношения в Донетчине в целом развивались по общему плану советской атеистической политики; региональная специфика проявилась в принятии только канонической Русской Православной Церкви, нахождение в лоне которой воспринималось как единство с Великой Русью, и неприятии «националистических моментов»; при этом уничтожения церковной жизни в промышленном, якобы «не религиозном» регионе не произошло.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в комплексном изучении процесса становления государственно-церковных отношений на Донетчине. Собранные материалы могут лечь в основу дальнейшего обобщающего труда по новейшей истории Русской Православной Церкви в Донетчине. Исследование также может быть использовано в процессе формирования государственно-церковных отношений в Донецком регионе на современном этапе. Также оно может быть востребовано при изучении региональной истории в Донецкой и Луганской Народных Республиках.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Основные положения исследования были представлены автором и обсуждены на научных конференциях, посвященных проблемам государственно-церковных отношений:

– на II Всероссийской студенческой теологической научно-практической конференции «Теология: история, проблемы, перспективы» (Липецк – Задонск, 2013);

– на IX Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения «Аз есть путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6)» (Липецк – Задонск, 2013);

– на XIII Международной научной конференции «Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков» (Иваново: Ивановский государственный университет, 2014);

– на Международной научно-практической конференции ««Религия и власть». К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне» (Санкт-Петербург, 2015);

– на Международной научно-практической конференции «Православный монастырский мир: история и современность» (Ярославль, 2016);

– на XV Международной научной конференции «Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков« (Иваново: Ивановский государственный университет, 2016);

– на VIII Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование» (Владимир: Аркаим, 2016);

– на Международной научно-практической конференции ««Религия и власть». К 100-летию революционных событий 1917 года в России» (Санкт-Петербург, 2016);

– на XVIII Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков» (Иваново: Ивановский государственный университет, 2019);

– на II Международной научно-практической конференции «Святогорские чтения» (Святогорск: Святогорская Лавра, 2020 (видео));

– на ежегодной национальная научная конференция «История Церкви: факт и мысль». (Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2021 г. (Zoom));

– на XX Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков» (Иваново: Ивановский государственный университет, 2021);

– на всеукраинской научно-практической конференции «Православие в Украине: вызовы времени и исторические традиции» (Харьков: Харьковская духовная семинария, 2021 г.);

– на ежегодной национальной научной конференции «История Церкви: факт и мысль» (Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2022 г.);

– на ежегодной международной научно-богословской конференции «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» (Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская духовная академия, 2022 г.).

Результаты диссертационного исследования изложены в 21 научных публикациях; из них 5 работ – в научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства высшего образования и науки РФ для публикации результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. «Изъятие церковных ценностей на территории современной Донецкой области» // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». Вып. 6 (67). М., 2015. – 2.5 п.л.

2. «Возобновление церковной жизни в Сталинской (Донецкой) области в условиях германской оккупации (1941-1943 гг.)» // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». Вып. 3 (70). М., 2016. – 2.5 п.л.

3. «Церковная жизнь на территории Сталинской (Донецкой) области в 1944-1953 гг.» // Вестник ПСТГУ. Серия II: «История. История Русской Православной Церкви». Вып. 76. М., 2017. – 2.5 п.л.

4. «Особенности гонений на Церковь в Донецко-Ворошиловградской епархии в период 1958–1964 гг.» // Богословско-исторический сборник Калужской духовной семинарии. Вып. 22. Калуга, 2021. – 1.25 п.л.

5. «Донецко-Ворошиловградская епархия в т.н. «период застоя», особенности отношений с Советским государством». Вып. 25. Калуга, 2022. – 1.25 п.л.

Другие публикации:

6. Реброва М. И. «Изъятие церковных ценностей на территории Донецкой области» // Материалы II Всероссийской студенческой теологической научно-практической конференции «Теология: история, проблемы, перспективы». Липецк – Задонск, 2013. – 0.31 п.л.

7. Реброва М. И. «Репрессии против священнослужителей и мирян в Донецкой области» // Материалы IX Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения «Аз есть путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6)». Липецк – Задонск, 2013. – 0.31 п.л.

8. Реброва М. И. «К вопросу об изъятии храмов в Сталинской области в 1943-1947 гг.» // Материалы V Всероссийской теологической студенческой научно-практической конференции «Теология: история, проблемы, перспективы». Липецк – Задонск, 2014. – 0.31 п.л.

9. Реброва М. И. «Особенности церковной жизни на территории Донецкой

области в годы Великой Отечественной войны» // «Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков: материалы XIII Международной научной конференции». Иваново: Ивановский государственный университет, 2014. – 0.31 п.л.

10. Реброва М. И. Особенности церковной жизни на территории Донецкой области в годы Великой Отечественной войны / М. И. Реброва // Религия и власть. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы Международной научно-практической конференции. – СПб.: Государственный музей истории религии, 2015. – 0.31 п.л.

11. Реброва М. И. «Из истории «непоминающих» в Донетчине» // «Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков«. Материалы XV Международной научной конференции. Иваново: Ивановский государственный университет, 2016. – 0.31 п.л.

12. Реброва М. И. «Изменение политики Советского государства по отношению к Русской Православной Церкви в 1943 – 1947 гг. (на примере Сталинской области)» // «Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование»: материалы VIII Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Т. 13. Владимир: Аркаим, 2016. – 0.31 п.л.

13. Реброва М. И. К вопросу о различиях между «непоминающими» и «стефановцами» в Донецком крае (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Материалы XII Международных научно-образовательных Знаменских чтений. Курск, 2016 (электронный ресурс).

14. Реброва М. И. «К вопросу о церковном управлении в Донецком крае в конце 1920-х – 1930-х гг.» // Материалы XII Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения «Аз есть путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6)». Липецк – Задонск, 2016 г. – 0.31 п.л.

15. Реброва М. И. «Деятельность священномученика Антония (Панкеева) на Мариупольской кафедре» // «Православный монастырский мир: история и

современность«. Материалы международной научно-практической конференции. Ярославль, 2017. – 0.31 п.л.

16. Реброва М. И. «1929–1935 гг. в жизни донецких священнослужителей» // «Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков«: материалы XVI Международной научной конференции. Иваново: Ивановский государственный университет, 2017. – 0.31 п.л.

17. Реброва М. И. «К вопросу о церковной жизни в Донецком крае в 1944-1953 гг.» // «Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков»: материалы XVIII Международной научной конференции. Иваново: Ивановский государственный университет, 2019. – 0.31 п.л.

18. Реброва М. И. «Была ли УАПЦ на Донбассе?» // Святогорский летописец: Альманах. Вып. 3 / Святогорск: издательство Святогорской Лавры, 2020. – 1.06 п.л.

19. Реброва М. И. «К вопросу о сокращении количества храмов в Донецкой области в период правления Л. И. Брежнева» // Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Православ'я в Україні: виклики часу й історичні традиції» (до 100-річчя від дня народження Високопреосвященнішого митрополита Харківського і Богодухівського Харківського і Богодухівського Харківського і Богодухівського Никодима (Руснака) (1921 – 2011 рр.)). Харків: ХДС, 2021. – 0.31 п.л.

20. Реброва М. И. «1962 г. в жизни Донецко-Ворошиловградской епархии» // «Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков»: материалы Международной научной конференции. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. – 0.31 п.л.

21. «Церковные расколы 1920-х гг. и их использование советской властью для дезорганизации церковной жизни в Донетчине». Вып. 29. Калуга, 2023. – 1.25 п.л.

Проведенное исследование охватывает следующие области в соответствии с паспортом специальности 5.6.1. «Отечественная история»:

1. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий;

2. История религий и церкви в России.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, разбитых на 8 параграфов, заключения и списка использованных источников и использованной литературы.

ГЛАВА 1. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ДОНЕЦКОМ РЕГИОНЕ В 1919–1930-Е ГГ.

1.1. Изменения в социальной и церковной жизни православных верующих в 1919 – 1922 г. Антицерковный характер инициированной властями кампании по изъятию церковных ценностей

До Октября 1917 г. территория современного Донбасса (Донецкого угольного бассейна) была распределена между несколькими губерниями: Екатеринославской, Харьковской, Воронежской и Областью Войска Донского. В связи с чем возникала идея создать здесь единое административное пространство. В феврале 1918 г. на IV областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов было принято решение провозгласить Донецко-Криворожскую советскую республика (ДКРС) как автономию в составе РСФСР. Между тем, эта идея не была реализована. 14 января 1919 г. в Харькове была провозглашена Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), в состав которой включили большую часть Новороссии и Донецкого угольного бассейна[144]. А 5 февраля 1919 г. вышел декрет УССР о создании Донецкой губернии, который провозглашал, что в связи с особым значением Донецкого бассейна из Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии создается новая временная административная единица – Донецкая губерния[145]. В январе 1920 г. центром губернии был определен город Луганск, а в августе того же года «столицей» края стал город Бахмут (Артемовск).

В июле 1932 года была образована уже Донецкая область. А 3 июля 1938 г.

[144] Владимир Ленин – товарищу Артему: Вы играете в самостийность Донбасса. Документы большевистского руководства о включении Донбасса в состав Украины (1918-1920). Режим доступа: https://rg.ru/2022/08/21/vladimir-lenin-tovarishchu-artemu-vy-igraete-v-samostijnost-donbassa.html (дата обращения: 15.12.22).

[145] История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Донецк, 2001. С. 7.

вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому Донецкая область была разделена на Сталинскую (впоследствии Донецкую) и Ворошиловградскую (впоследствии Луганскую). 16 июля 1932 г. центром Донецкой области стал г. Сталино. В ноябре 1961 г. город Сталино переименовали в Донецк, а Сталинская область стала называться Донецкой[146].

Что касается деления на епархии, в дооктябрьский период на территории Донецкой губернии (а затем и области) находились приходы, относившиеся к нескольким епархиям. Приходы современных городов Авдеевка, Бахмут (Артемовск), Горловка, Дебальцево, Торецк (Дзержинск), Докучаевск, Енакиево, Константиновка, Красноармейск, Мариуполь, Селидово, Ясиноватая, Дружковка, Макеевка и частично приходы Донецка относились к Екатеринославской православной епархии. К этой же епархии относились и некоторые сельские приходы, например, сел Волновахского, Володарского, Добропольского, Константиновского, Красноармейского, Марьинского, Первомайского, Старобешевского, Тельмановского, Ясиноватского районов и частично Александровского и Артемовского районов. Приходы части современного Донецка (Пролетарский район, Калининский, Мушкетово), части Макеевки, а также приходы городов Снежное, Торез, Харцызск, Шахтерск, сел Амвросиевского, Новоазовского, Старобешевского, Тельмановского, Шахтерского районов относились к Донской православной епархии. Святогорская общежительная мужская Свято-Успенская пустынь (Святогорский Свято-Успенский монастырь, ныне Святогорская Свято-Успенская лавра), приходы Добропольского, Краснолиманского, Славянского и части Александровского и Бахмутского (Артемовского) районов, а также городов Дружковка и Краматорск и др. относились к Харьковской православной епархии[147].

Крупнейшими городами Донецкой губернии были Бахмут и Мариуполь[148]. В послеоктябрьский период здесь разместились православные викарные кафедры.

---

[146] История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг. Донецк, 2001. С. 4–6.
[147] Сведения о духовных училищах и храмах, находившихся на территории нынешней Донецкой области в дооктябрьский период // Донбасс православный, фотоальбом. Донецк, 2000. С. 255–259.
[148] В данном случае не рассматриваются города Луганск и Старобельск, не входящие в состав современной Донетчины, но в 1920-е гг. находившиеся на ее территории.

Как следствие, приходы губернии относились к Бахмутскому (1921–1924 гг.) и Мариупольскому (1917–1926 гг.) викариатствам Екатеринославской православной епархии[149].

Бахмутское викариатство Екатеринославской православной епархии действовало с 1921 г. по 1924 г.[150]. 21 октября 1921 г. викарным епископом Екатеринославской епархии на Бахмутской кафедре стал владыка Иоанникий (Соколовский)[151]. Впоследствии, как будет сказано ниже, епископ Иоанникий станет непосредственным участником событий, связанных с изъятием в регионе церковных ценностей. С 1922 г. архиерей некоторое время руководил Харьковской православной епархией. Но затем уклонился в раскол и в 1924 г. провозгласил себя архиепископом Екатеринославским и Донецким. Вследствие чего в 1925 г. на него был наложен запрет на служение в Екатеринославской и Харьковской православных епархиях[152].

Относительно Мариупольского викариатства можно отметить, что, согласно сведениям, собранным издателями труда «История иерархии Русской Православной Церкви», в период с 1919 г. по август 1922 г. на Мариупольской викарной кафедре находился епископ Андрей (Одинцов)[153]. Впоследствии, в период изъятия церковных ценностей, архиерей под нажимом властей уклонился в обновленческий раскол.

Между тем, 20 января (8 февраля 1918 г.) Советом народных комиссаров был принят Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. 23 января (8 февраля) 1918 г. документ вступил в силу. Декрет провозглашал свободу совести и вероисповедания, объявлял о светском характере государственной власти, лишал религиозные организации прав собственности и прав юридического лица.

Обстоятельства претворения декрета в жизнь Донетчины, в частности, описаны в документах Особой комиссии по расследованию злодеяний

---

[149] ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6А. Л. 397.
[150] Днепропетровская и Павлоградская епархия // Православная энциклопедия. М., 2007. С. 453–450.
[151] Бахмутское викариатство // Православная энциклопедия. М., 2002. С. 395.
[152] Никитин Д. Н. Иоанникий // Православная энциклопедия. М., 2011. С. 114–115.
[153] История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2019. С. 530.

большевиков, при Главнокомандующем Вооружёнными силами Юга России А. И. Деникине[154]. Согласно документам, деятельность большевиков была направлена на разрушение того уклада социальной и духовной жизни русского народа, который существовал до Октября. «Семья разрушена. Религия признана «ядом для народа», – свидетельствует источник[155]. Классическая школа была заменена демократической трудовой. Новая власть объявила, что вся внутренняя педагогическая, административная и хозяйственная жизнь учебных заведений будет переведена в ведение новых педагогических советов. Обновленные советы должны были пополниться представителями от учеников старших классов (1/3 часть от количества педагогов), двумя представителями от низших служащих (с обязательным участием последних в хозяйственных комиссиях) и представителями от местных советов. Должности директоров, инспекторов, начальниц, инспектрис и заведующих были объявлены упраздненными. Кроме того, в учебных заведениях были отменены переходные и выпускные экзамены. До 1917 г. выпускникам восьмых классов гимназий выдавали аттестаты. При новой власти воспитанники должны были получить свидетельства о прослушивании курсов учебных заведений. Помимо этого, в учебных заведениях упразднялась балльная система, отменялись задания на дом и изучение латинского языка. Преподавание Закона Божиего, молитва до и после занятий запрещались. Из помещений школ были вынесены все иконы и религиозные изображения.

За счет часов, отводившихся на изучение религиозных предметов, один день в неделю освобождался от занятий и предоставлялся «для развития сознательности учащихся». Способами развития сознательности объявлялись ученические собрания, чтение рефератов, спектакли, экскурсии, вокально-музыкальные и другие занятия. Кроме того, в учебных заведениях предполагалось введение организации «юные коммунисты». Родительские комитеты планировалось закрыть. Реакция общественности на подобные нововведения была

[154] ГАРФ. Ф.Р.-470. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
[155] Там же. Л. 65.

отрицательной, но открытого активного протеста в регионе не наблюдалось. К примеру, в Авдеевке жителями было выпущено постановление не подчиняться требованиям о прекращении занятий по Закону Божиему. А в Юзовке в некоторых учебных заведениях было решено прекратить занятия, а выдачу аттестатов произвести перед входом большевиков в город. Педагоги пытались противостоять давлению новой власти. Например, в той же Юзовке при обязательном переформировании педагогического состава учебных заведений преподаватели намерено переизбирали прежний состав. Одновременно с этим в состав совета старались не брать низших служащих. Следует ответить, что надзор представителей новой власти за исполнением декрета был слабым. Они очевидно заигрывали с педагогами, чувствуя в учителях силу, с которой нужно считаться.

Вместе с этим в регионе наметились гонения против педагогов и учебных заведений, которые по составу учащихся считались буржуазными или во главе которых, по мнению властей, были «контрреволюционеры». В таких случаях помещения учебных заведений объявляли непригодными и реквизировали, а их директоров и начальниц под вымышленными предлогами отправляли по трибуналам, чрезвычайным советам и комитетам.

Помимо этого, на Донетчине практиковался общий террор учащихся со стороны власти. В частности, обыски, грабежи и «отлов» на улице неугодных воспитанников и воспитанниц – вне зависимости от их возраста[156].

Провозглашая свободу совести, новая власть одновременно начала гонения против Православной Церкви и священнослужителей. Это выражалось в поругании святынь, в глумлении над мощами и священными предметами, в издевательствах над священниками, в разгонах и расстрелах крестных ходов[157].

Характерно, что, наступая на определенный населенный пункт, красноармейцы зачастую выбирали мишенью для своей артиллерии православный храм. Например, соборный храм в соседнем Юзовке Луганске. В этот собор было выпущено три артиллерийских снаряда.

---

[156] ГАРФ. Ф.Р.-470. Оп. 2. Д. 2. Л. 67-68.
[157] ГАРФ. Ф.Р.-470. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

Представители новой власти признавали только гражданские погребения, проявляли неуважение к иконам (они обыскивали частные дома, снимали со стен иконы и разбивали). А, кроме того, демонстрировали нетерпимость по отношению к священнослужителям и их семьям. Священников и членов их семей всячески притесняли, в их домах проводили обыски с применением насилия, имущество разоряли, а самих священников отправляли на тяжелые общественные работы (уборка трупов, рытье могил, распил дров, уборка мусора, чистка погребов). Вместо зарплаты «трудники» получали полфунта хлеба.

Священнослужителя могли сместить, арестовать и даже расстрелять. Среди убитых в документах Комиссии значатся:

– священник Тимофей Стадник из с. Ново-Бахмутовки;

– священник Константин Щеголев из с. Андреевка Бахмутского уезда;

– священник Федор Базилевский из с. Григорьевка и другие.

Священнослужителей обвиняли в контрреволюции и в том, что они плохо отзывались о большевиках. Население глухо роптало, лишь в редких случаях активно выступая против новой власти. Например, в Авдеевке местные жители защитили священника и его дом от разграбления, а в ответ на объявление Декрета выдвинули постановление собрания о том, что жители сами будут содержать свою церковь и церковный причт. Аналогично 9 мая 1919 г. рабочие в с. Гришино не только воспротивились запрету на проведение молебна, но и выступили в защиту своего священника. В Юзовке же еще до прихода большевиков рабочие приняли постановление, что, если последние проявят неуважение к Православной Церкви и священникам, рабочие поднимут восстание против власти. Резолюцию вручили большевикам.

Характерно, что еще в 1919 г. какого бы то ни было давления на представителей других вероисповеданий, кроме православного, в Донецком регионе не наблюдалось. Исключением можно считать жителей Донетчины, исповедовавших иудаизм. В отношении, как говорили большевики, «евреев-буржуев» практиковались общественные работы по субботам. Таким образом большевики принуждали жителей региона, исповедующих иудаизм, к

непочитанию субботы[158].

Между тем, притеснения православных верующих происходили постоянно и повсеместно. Ущерб, нанесенный православным храмам, порой исчислялся десятками сотен рублей, как, например, в церкви на станции Великоновоселковской (в которой также был запрещен колокольный звон). Дом священнослужителя могли в любой момент обыскать, имущество разграбить (как это случилось на Макарьевском рубнике)[159]. А самого священника – обвинить в связях с кадетами и арестовать (ситуация на станции Иловайская)[160]. Показательна ситуация со священником Николаем Борисовым из Троицкой церкви поселка Калиновка Макарьевского благочиния. 7 января 1918 г., на Рождество, священник возвращался после литургии домой. На дороге его встретили красноармейцы. Они посадили священника на линейку (конную повозку) и повезли на станцию Ханжонково, в штаб Красной Армии. По пути священника расстреляли. Тело убитого с многочисленными штыковыми и огнестрельными ранами привезла к Макарьевскому сельскому правлению отпущенная красноармейцами лошадь[161].

В этот же период пострадала от набегов и банд, и красноармейцев Святогорская Свято-Успенская пустынь (современная Святогорская Свято-Успенская Лавра). В обители хранится копия летописи «Деяния большевиков», которую в 1918–1919 годах вели здесь монашествующие. В летописи зафиксированы все пережитые обителью «проверки» и «экспроприации» имущества.

Согласно летописи, за 1918 год Святогорская пустынь понесла ущерб:

1. экономия (скит) за городом Славянском – на 44.923 рубля;

2. экономия (скит) на хуторе Гаражовка, Велико-Камышевахской волости, – 107.185 рублей (помимо этого, в окрестностях скита было вырублено семь десятин леса на сумму 14.000 рублей и захвачена мельница, оцениваемая в 22.000 рублей);

3. экономия (скит) при селе Маяки Славянской волости – на 20.907 рублей;

[158] ГАРФ. Ф.Р.-470. Оп. 2. Д. 2. Л. 68-69.
[159] ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6А. Л. 349.
[160] Там же. Л. 433.
[161] Там же. Л. 371.

4. ущерб собственно пустыни – на 21.880 рублей.

Помимо этого, красноармейцы забрали монастырского добра на 57.091 рублей 50 копеек.

Зачастую набеги на Святогорскую пустынь сопровождались убийствами. Первого апреля 1918 г. в обители был убит монах Ипатий, первого июня – монахи Онуфрий и Израиль. Пятого октября 1918 г., во время крестного хода с иконою Святогорской Божией Матери, были убиты иеромонахи Модест и Иринарх и иеродиакон Федот.

С апреля по декабрь 1919-го года в пустыни было спокойно. Вероятно, это было связано с тем, что в этот период красноармейцы были вытеснены немецкими войсками. Но уже 30 декабря 1919-го года набеги красноармейцев вновь возобновились.

К этому времени они наложили на монашествующих контрибуцию: 50000 рублей. В обители смогли собрать только 15000 рублей, что вызвало недовольство красноармейцев.

Характерно, что, отобрав у монашествующих указанные средства, большевики назначили им паек из монастырских запасов. Первоначально насельникам выдавали по одному фунту хлеба в день, но через две недели – уже по полфунта. Между тем, поступавшим «на службу» к новой власти извне давали по полтора фунта монастырского хлеба в день и, кроме того, – жалованье (тоже из монастырских средств). Жалованье составляло сумму от десяти до двадцати рублей (в день). Контролеры, заведующие и прочие служащие из большевиков сами определяли себе жалованье из монастырской казны.

Помимо этого, новая власть решила обложить Святогорскую пустынь налогами. Налоги предполагалось взимать за «квартиры», за освящения, воду и проч.

Время было тревожным, и в обители начали появляться некие «чрезвычайные прифронтовые комиссии». Комиссии проводили «обыски» в кельях монашествующих и в храмах обители. Членами такой комиссии был умерщвлен монах Тимофей.

Таким образом, согласно все той же Описи, с декабря 1918 г. по июнь 1919 г. Святогорская пустынь понесла значительный ущерб, потеряв:

1. гостиница – 105.785 рублей;

2. экономии монастырская и хуторская – 205.730 рублей;

3. иконная лавка – 15470 рублей 46 копеек;

4. ризница – 16.400 рублей;

5. палатная – 10000 рублей;

6. столярная мастерская – 7100 рублей;

7. бондарная мастерская – 35350 рублей.

Итого – 395.935.46 рублей.

Для примера: яровой пшеницы было вывезено 535 пудов (на 53.300 рублей); озимой пшеницы – 367 пудов (на 36.700 рублей); озимой ржи – 597 пудов (на 44760 рублей); ячменя – 30 пудов (на 1500 рублей); овса – 100 пудов (на 6000 рублей). Помимо этого, из монастырских хозяйств угоняли домашних животных: 10 быков (6000 рублей); 12 лошадей (12000 рублей); вывозили солому (111 возов соломы (3300 рублей) и два фаэтона (10000 рублей) соломы)[162].

Но не только грабеж был целью большевиков. Параллельно они стремились использовать монастырь в своих целях. Одной из проблем этого периода были дети, оставшиеся без родителей: «беспризорники». Весной 1919 года большевики приняли решение создать в пустыни колонию для подростков до 18 лет. Вскоре сюда привезли около 350 петроградских детей. Их разместили в монастырских корпусах. Руководителем новообразованной колонии был назначен Полторацкий[163].

Между тем, в 1921 г. в стране разразился голод. В Донецкой губернии особенно ужасающей была ситуация в Мариупольском уезде. В первые полгода 1922 г. статистика по умершим в Мариуполе более чем в 10 раз превышала статистику по родившимся: на 281 родившихся – 2.931 умерших. В Юзовском уезде за первые полгода 1922 г. родилось 854, умерло 2.194 человек. Тяжелой

[162] ЦГАВО Украины. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1094. Л. 18.
[163] Святогорский монастырь в период настоятельства архимандрита Трифона (Скрипченко). Мащинопись. Архив Святогорской Лавры. С. 192–193.

оставалась ситуация и в Дебальцевском уезде[164].

Было очевидно, что положение в Донецкой губернии бедственное. Между тем, даже в таких условиях в регионе решено было оказать посильную помощь голодающим Поволжья. В контексте этого решения 31 августа 1921 г. в Юзовке была открыта Юзовская уездная комиссия помощи голодающим Поволжья. До 8 декабря 1921 г. комиссией были организованы девять заседаний, в ходе которых обсуждались основные направления работы. Члены комиссии составляли сметы необходимых продуктов, обрабатывали поступающие ходатайства об оказании помощи голодающим, собирали сведения о пребывающих в уезд детях-сиротах и прочее. Помимо этого, в комиссию по квитанции сдавалось собираемое для пострадавших продовольствие: мука, соль, сахар, макароны, сухофрукты, а также предметы первой необходимости (мыло и проч.)[165]. Примером работы комиссии может служить проведенный 11 сентября 1921 г. День помощи голодающим Поволжья. В День помощи для жителей уезда открыли театральные представления и аукционы. Согласно документам, вырученные от проведения мероприятий средства были направлены пострадавшим от голода. Помимо этого, в День помощи голодающим Поволжья собирались и индивидуальные пожертвования.

Кроме центральной (головной) – уездной Юзовской комиссии помощи голодающим Уездным комитетом (Укомпомголом) открывались аналогичные комиссии в волостях и селах. Налогом на помощь облагались билеты в театры, прибыль с городских и уездных торговых и промышленных предприятий и проч. Помимо этого, жители губернии приняли решение отдавать в пользу голодающих часть своей заработной платы (определенный процент). Объем индивидуальных пожертвований также был значительным. Кроме уже упоминавшихся пожертвований продуктами, люди сдавали в комиссии имеющиеся у них ценности и даже личные вещи. В итоге сборы от проведения спектаклей, концертов и благотворительных вечеров составили 7.863.443 р.; отчисляемые проценты от

[164] Максимчук Т. А. Донбасс: три страшных времени. Режим доступа: http://dn.archives.gov.ua/articles/stat35.htm (дата обращения: 12. 11 15 г.).
[165] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 67. Л. 13. Л.15.

заработной платы – 7.503.884 р.; в ходе индивидуальных добровольных пожертвований было собрано 2.888.798 р., а в ходе проведения Дня помощи голодающим – 2.431.700 р. Помимо этого, были и не классифицируемые поступления, их сумма составила 4.399.641 р. В пользу голодающих проводились и воскресники, и здесь суммы тоже были немалыми. На Всеукраинском воскреснике на рудниках Юзовского уезда в пользу голодающих было добыто 50.000 пудов угля[166].

Таким образом, можно сделать вывод, что население Донетчины, несмотря на бедственное положение, очень живо откликнулось на призыв помочь голодающим. Между тем, власти принимают решение использовать кампанию по борьбе с последствиями голода в Донецком регионе для наступления на Православную Церковь. Согласно распоряжению Донецкого губернского отдела юстиции от 21 декабря 1921 г. для проведения в жизнь Законоположений по отделению церкви от государства в Донецкой губернии была образована Ликвидационная комиссия[167]. (Окончательно Комиссия по отделению Церкви от государства была сформирована 23 января 1922 г.)[168]

Комиссия обязывала исполкомы предоставить ей инвентарные описи церковного имущества всех имеющихся в губернии церквей и молитвенных домов[169]. Описи рекомендовалось составлять в трех экземплярах. На основании этих документов планировалось заключать договоры между исполкомами и церковными приходами о пользовании церквами и молитвенными домами. По договору, жители населенного пункта, посещавшие определенную церковь (прихожане церкви), должны были принять свою церковь в бессрочное бесплатное

---

[166] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 67. Л. 16.

[167] Еще до образования комиссии местным исполкомом были отобраны у церквей все бланки, штампы и печати. В Юзовке к этому времени уже не существовало каких-либо церковных обществ, в том числе просветительских. Все здания духовно-учебных заведений были «взяты на учет» и «предоставлены различным учреждениям». Преподавание церковных дисциплин было запрещено. Местный исполком предупредил священнослужителей, что в случае нарушения запрета они будут привлечены к ответственности (ГАДО. Ф.Р.- 522. Оп. 1. Д. 218. Л. 445). Метрические книги из храмов Юзовки были переданы в Юзовский подотдел записей актов гражданского состояния, а из церквей уезда – в подотделы при местных исполкомах. Кроме того, из светских учреждений и «публично-правовых общественных помещений» были удалены «религиозные изображения». В 1920 г. распоряжением исполкома было «предписано священнослужителям» убрать из церквей и молитвенных домов «предметы», оскорбляющие «революционное чувство трудящихся масс» (однако, без конкретного указания, какие именно предметы могут быть оскорбительными) (ГАДО. Ф.Р.- 522. Оп. 1. Д. 218. Л. 445 об.).

[168] ГАДО. Ф.Р.-552. Оп. 1. Д. 218. Л. 445.

[169] Там же. Л. 52.

пользование вместе со всеми находящимися в ней предметами, в том числе и богослужебными. Основным условием пользования было бережное отношение к народному достоянию (то есть к церкви и находившимся в ней предметам) и использование их исключительно для религиозных целей. Прихожанам церквей и молитвенных домов запрещалось устраивать в церковных зданиях антисоветские политические собрания и выступления, распространять в храмах антисоветскую литературу, а также использовать требы (то есть крещения, венчания, освящение квартир и т. д.) в антисоветских целях и проч. Кроме того, верующие обязаны были оплачивать все расходы, связанные с содержанием церковного здания и предметов, и вести инвентарную опись. Последнюю прихожанам предписывалось по первому требованию предъявлять уполномоченным Совета рабочих и крестьянских депутатов. Опись планировалось использовать для проверки и осмотра церкви и находившихся в ней предметов. Ответственность за возможный материальный урон (за хищение, порчу церковных предметов и проч.) возлагалась на прихожан церкви. Если договор нарушался, верующие несли уголовную ответственность. Один экземпляр договора (подлинник) передавали на хранение в Совет рабочих и крестьянских депутатов. Еще два экземпляра (копии) вручали лицам, подписавшим договор и получившим по описи здание и предметы[170], то есть священнику и прихожанам. Чтобы кампания прошла максимально быстро, власти направили в районы образцы для заполнения описей церковного имущества, бланки заявлений, отношения, договоры и прочее.[171]. Для заключения договоров о принятии церковного имущества предписывалось составлять внешнюю и внутреннюю описи. Внешняя опись включала собственно здание церкви или молитвенного дома, кресты на церкви, колокола, сторожку (караулку). Внутренняя – алтарь с находящимися в нем престолом, антиминсом, Евангелием, крестами, Дарохранительницей; а также ризницу (то есть помещение для хранения) со всеми облачениями (специальной одеждой священнослужителя), церковными сосудами; лампадами, подсвечниками и т. д.[172]).

[170] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 90. Л. 59.
[171] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 446 об.
[172] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 90. Л. 4.

Согласно документам, работа комиссии не всегда проходила по заранее продуманному плану. К примеру, в Юзовском уезде наблюдалась некоторая путаница с договорами. Причем непонимание того, как именно нужно составлять договоры, имело место как со стороны представителей исполнительных комитетов, так и со стороны священнослужителей и верующих, В связи с чем приходилось проводить повторные разъяснения, выдавать дополнительные письменные инструкции и т. д.[173]. На темпы проведения операции влияли и погодные условия. (Например, документы могли быть сданы не вовремя из-за затянувшейся весенней распутицы[174].) В дальнейшем составленные в ходе этой кампании описи имущества использовались при изъятии церковных ценностей.

Изъятие церковных ценностей в Донетчине проходило в русле общероссийских тенденций. При этом Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Беллавин) сразу же заявил о необходимости помочь голодающим людям и призвал верных делиться с бедствующими и хлебом, и одеждой. Кроме того, голодающим решено было отдать все церковные предметы из драгоценных металлов и камней, не используемые при совершении богослужения[175]. Было очевидно, что Православная Церковь готова помочь терпящим бедствие. Но, несмотря на это, власти приняли решение начать достаточно агрессивную кампанию по изъятию церковных ценностей. Официально кампания позиционировалась как чуть ли не единственная возможность спасения голодающих. Между тем как в кулуарах рассматривалась исключительно как средство пополнения государственной казны и максимально действенный на текущий момент способ борьбы с Православной Церковью. Свидетельством последнего может служить Секретное письмо В. И. Ленина членам Политбюро (19.3.1922 г.) о том, что «именно теперь» (то есть в момент голода) большевикам необходимо «провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией» и «обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов

[173] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 7.
[174] Там же. Л. 446.
[175] Послание Святейшего Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей // Акты Святейшего Патриарха Тихона. М., 1994. С. 190.

золотых рублей»[176].

23 февраля 1922 г. в стране был издан Декрет ВЦИКа об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих. 26 февраля 1922 г. документ был размещен в газете «Известия». И уже очень скоро, 8 марта 1922 г., на Украине вышло Постановление Всеукраинского центрального исполнительного комитета «О передаче церковных ценностей в фонд помощи голодающим». Это Постановление рекомендовало украинским местным советам максимально быстро (в течение месяца) изъять в храмах и молитвенных домах ценное имущество и драгоценные предметы. При этом документ явно был ориентирован на то, чтобы нивелировать возможные конфликты между верными Православной Церкви и изымающими ценности. В постановлении, в частности, было отмечено, что власти собираются изымать только лишь те предметы, без наличия которых церкви и молитвенные дома смогут беспрепятственно функционировать в дальнейшем. Кампанию предполагалось начать с организации специальных комиссий и пересмотра имеющихся договоров. Изъятие ценностей планировалось производить по составленным заранее описям. Обязательным моментом было присутствие при изъятии церковных ценностей верующих[177]. При этом верующих предупреждали, что за утаивание каких бы то ни было ценностей все причастные будут караться так же, как за растрату достояния УССР[178].

Началу кампании по изъятию церковных ценностей предшествовала неделя агитации. В течение этой недели в сознание людей активно внедрялась мысль о том, что первоочередной и одновременно конечной целью изъятий является исключительно борьба с разразившимся в стране голодом. Власти действовали в контексте указаний, обозначенных в письме Л. Д. Троцкого в Политбюро[179]. Согласно письму, кампанию по изъятию церковных ценностей необходимо было представить чуждой борьбе с Православной Церковью, священнослужителями и верующими. Основной посыл разворачиваемой деятельности необходимо было

[176] Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуя и политике в отношении церкви // Архивы Кремля. В 2-х кн./ Кн. 1. М. Новосибирск. 1997. С. 141.
[177] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 54–55.
[178] Там же. Л. 57.
[179] Письмо Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) с предложениями об организации изъятия церковных ценностей, с поправками Политбюро // Архивы Кремля. В 2–х кн. / Кн. 1. Л. 144.

обозначить исключительно в плоскости помощи голодающим[180]. Изъятие подавалось как волеизъявление народа, сочувствующего страдающим от голода соотечественникам. На предприятиях региона начали организовывать собрания, которые, как правило, заканчивались призывом начать активную борьбу с голодом, одной из форм которой было все то же изъятие церковных ценностей для голодающих[181].

Донетчина, будучи изначально крупным промышленным краем, имела свои региональные особенности: разрозненное пришлое население и небольшое количество церквей и молитвенных домов. В 1922 г. число всех церквей (всех конфессий) региона составляло лишь 7% от общего количества по Украине[182]. Что касается статистики по собственно православным церквам и молитвенным домам, то, например, в Юзовском уезде губернии к началу проведения кампании по изъятию церковных ценностей насчитывалось 57 православных храмов[183].

Церковные ценности в Донецком регионе рекомендовалось изымать сначала в богатых городских церквах и молитвенных домах, а затем уже – в большею частью бедных сельских. Власти нашли целесообразным задействовать в кампании коммунистов. Они должны были предотвращать скопление людей на соседних с церквами улицах (по всей видимости, предполагалось, что верующие будут препятствовать изъятию церковных ценностей). Характерно, что возможность выкупа ценностей оговаривалась заранее. При этом комиссия обязана была донести до верующих, что возможность выкупа решалась в каждом случае индивидуально и исключительно через ЦК Помголода[184].

Планировалось, что кампания по изъятию церковных ценностей будет проведена максимально быстро. Тем не менее, она шла с промедлениями. «Практическая инструкция о порядке изъятия церковных ценностей в пользу голодающих» вышла 21 марта 1922 г. Однако доставили ее в Юзовский уездный

[180] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 158.
[181] Там же. Л. 72.
[182] Никольский В. Н. Религиозные течения и группировки в Донбассе середины 1920–х гг. // Новые страницы Донбасса. Донецк, 1994. Кн. 3. С. 45.
[183] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 259.
[184] Там же. Л. 158.

исполком только через месяц, 23 апреля 1922 г.[185]. 24 апреля 1922 г. начала работу Юзовская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей. В состав комиссии были включены: председатель Горя, члены комиссии Рындин и Гринев, секретарь Лесниченко. В обязанности уездной комиссии входили проверка описей церковного имущества, совещания с представителями церковно-приходских советов и священнослужителями и прочее[186].

Примером совместного собрания представителей комиссии и православных священников Юзовского уезда может служить заседание, проведенное 28 апреля 1922 г. В сохранившемся протоколе мероприятия отмечалось, что священнослужители уезда отнюдь не выражали несогласия в связи с необходимостью оказания помощи голодающим. В 1922 г. Юзовский уезд окормлялся епископом Бахмутским Иоанникием (Соколовским)[187].

В 1922 г., в день Пасхи, правящий архиерей произнес проповедь, посвященную изъятию церковных ценностей. Проповедь была опубликована в газете «Всероссийская кочегарка». В ходе указанного собрания настоятель Преображенского собора Юзовки священник Александр Данилов (впоследствии репрессированный) ссылался на эту проповедь. В частности, священник говорил о том, что священнослужители уезда должны действовать (то есть сдавать церковные ценности) так, как рекомендовал в проповеди епископ Иоанникий. В то же время священник В. Монастырев высказывал мнение, что отдавать на нужды голодающим можно только драгоценные слитки, но не церковные ценности. Священник считал, что было бы святотатством отдавать освященные сосуды в помещения, в которых курили, и проч. При этом все священнослужители сходились во мнении, что предпочтительнее выкупить церковные предметы. Второй священник Преображенского собора, протоиерей Трухманов (тоже впоследствии репрессированный), полагал, что любая передача ценностей не может быть произведена без ведома общины. Протоиерей объяснял это тем, что все церковные предметы имеют для верующих не столько материальную, сколько

[185] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 160.
[186] Там же. Л. 466.
[187] Там же. Л. 75.

сакральную ценность. А так как декрет не подразумевал повсеместного силового изъятия церковных ценностей, то священник полагал, что нужно приложить все усилия для того, чтобы процесс изъятия прошел максимально безболезненно.

После того, как все точки зрения были высказаны и заслушаны, председатель комиссии по изъятию ценностей Горя предложил выступить с воззванием к жителям губернии добровольно пожертвовать голодающим имеющиеся золотые и серебряные изделия. Позже такое воззвание действительно было сделано.

Таким образом, как показало собрание, отклик священников на предложение оказать помощь голодающим, в целом можно охарактеризовать как положительный. Между тем, представители власти посчитали отношение священнослужителей «черствым». И предложили в кратчайшие сроки установить контакт непосредственно с верующими, чтобы в процессе общения определить, что можно было бы изъять в церквах и молитвенных домах, а что – оставить в пользовании прихожан (при условии денежной компенсации)[188].

6 мая 1922 г. в Юзовку поступила телеграмма «Всем предукомиссиям изъятия» (с пометкой «Только Юзовскому»). Согласно телеграмме, переговоры о выкупе верующими церковных ценностей были возможны только в случае предоставления ими равноценного эквивалента драгоценностями (но отнюдь не бумажными деньгами, что подчеркивалось). Параллельно указывалось, что те церковные ценности, которые представители власти классифицируют как музейные, заменить или выкупить нельзя ни на каких условиях[189].

Таким образом, если в начале кампании предполагалось, что церковные предметы (в частности, евхаристические сосуды, имевшие сакральное назначение) могли быть выкуплены верующими, то по мере разворачивания кампании ее проведение ужесточалось, а возможность выкупа ценностей оставалась под вопросом. В итоге в церквах и молитвенных домах Донетчины массово изымали евхаристические сосуды и другие священные предметы, причем

[188] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 76.
[189] Там же. Л. 194.

как из драгоценных металлов, так и из недрагоценных (в частности, из меди). Что касается возможного выкупа евхаристических чаш, крестов, окладов икон из драгоценных металлов, власти значительно завышали стоимость изымаемых предметов. К примеру, за несколько серебряных предметов, которые удалось выкупить прихожанам Юзовского уезда, была установлена пятикратная стоимость серебром. Зачастую в церквах и молитвенных домах, в которых имелись двойные комплекты священных сосудов (из драгоценных металлов и из меди) власти изымали все имеющиеся в наличии предметы. Как правило, медные сосуды передавали в церкви, из которых изымали сосуды из драгоценных металлов[190].

По мере разворачивания кампании становилось очевидным, что замена евхаристических сосудов из драгоценных металлов на сосуды из недрагоценных металлов (например, из меди) для храмов тоже была проблематична. Например, когда в апреле 1922 г. было обнародовано Предписание уездного исполкома к 20 апреля произвести замену церковной утвари на менее ценную, большая часть приходских советов (в первую очередь это касалось сельских советов) произвести подобную замену оказалась не в состоянии. В Юзовский уездный исполком направлялись послания аналогичные тому, которое отправил Платоновский церковный совет. В письме верующие жаловались на то, что богослужебные предметы на рынке не продаются, а изготовить их самим (в том числе в силу того, что нет необходимых металлов) не представляется возможным. В связи со сложившейся ситуацией церковный совет просил оставить ему богослужебные сосуды и церковные предметы, используемые при совершении богослужения: евхаристическую чашу, лжицу (ложечку для причащения), Дарохранительницу и другие. При этом Платоновский церковный совет был одним из тех, кто сразу же откликнулся на призыв оказать помощь голодающим. Уже в первые дни кампании прихожане храма пожертвовали на нужды голодающих богослужебную чашу и напрестольный крест из драгоценных металлов[191]. То есть готовы были пожертвовать даже предметы сакрального назначения.

[190] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 466.
[191] Там же. Л. 38.

Между тем, вслед за первой волной изъятий церковных ценностей последовали так называемые «дополнительные» изъятия. Повторные изъятия, как правило, заканчивались для верующих плачевно. Примером повторного изъятия, обернувшегося практическим полным опустошением церкви, может служить ситуация в Иоанно-Богословском храме села Ивановка. Сначала здесь изъяли евхаристические чаши, дискосы, звездицы, тарелочки, ковшик, а также три креста и кадило. Но по прошествии какого-то времени посчитали, что следует забрать и другие, остававшиеся в церкви предметы. В итоге в храме прекратилось проведение богослужения, так как служить литургию было не с чем. Именно по этой причине члены общины просили представителей власти оставить им некоторые богослужебные предметы для совершения богослужения[192].

Между тем, несмотря на повторные изъятия, проводимая в Донетчине кампания по изъятию церковных ценностей не смогла существенно пополнить государственный бюджет. Церкви и молитвенные дома Донецкого региона были небогатыми, особенно это касалось сельских приходов. Например, в Дмитриевской церкви села Большие Каракуты были изъяты лишь серебряный крест, серебряная лампада и шесть серебряных монет (изъятие произведено 26 февраля 1922 г.). А в церкви села Стыла (богатое греческое село) – шесть серебряных лампадок, две чаши, дарохранительницы, дискос, звездицы, две лжицы, два ковшика и серебряный крест (изъятие произведено 1 марта 1922 г.)[193]. Сходным было положение большинства приходов сел Донетчины[194]. Ситуация в городских церквах и молитвенных домах была несколько иной, но тем не менее ценностей из городских храмов изымалось тоже немного. Так, в Николаевской церкви города Юзовки власти изъяли ценностей на 148 рублей 50 копеек; в храме

[192] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 39.
[193] Там же. Л. 2-4.
[194] Например, в Волновахском районе в церкви с. Волновахи изъяли Евангелие, два серебряных креста, Дароносицу, две серебряные чаши, два серебряных дискоса, две серебряных звездицы, чашу, 4 серебряных лжицы, 3 серебряных тарелки, серебряную Дароносицу с прибором, серебряную кадильницу, ковшик серебряный, серебряный стакан; в Кирилловской церкви – одну серебряную дароносицу, два креста и две лжицы и дискоса; в Ивановской – два серебряных креста, чашу, дискос, звездицу, лжицу, ковшик и блюдо; в Ново–Троицкой – серебряную Дарохранительницу, три креста, по две чаши с приборами, дискосы и звездицы, лжицы и тарелочки; Евангелие в серебряной оправе, шесть серебряных лампадок и одно кадило; в Ольгинской церкви – два серебряных креста, чашу, лжицу, копие, серебряную подставку для крестов, серебряную тарелку, четыре лампадки, кадило, ризу с иконы и лист серебра с Евангелия (ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 81).

поселка Купчинково – на 114 рублей 85 копеек; в храме на «Ветке» – на 228 рублей; в Мушкетово – на 62 рубля 60 копеек. Действительно богатым храмом Донетчины был только Преображенский собор в Юзовке. Здесь власти смогли изъять церковных ценностей на 1145 рублей 70 копеек[195].

В целом изъятия в Юзовском уезде были проведены в официально отведенные им рамки: то есть с 9 мая по 17 июня 1922 г.[196] (хотя отдельные изъятия проходили и ранее этого срока). В середине лета, 14 июля 1922 г., уфинотдел подготовил ценности Юзовского уезда к транспортировке в Губисполком. Собранные вещи и предметы были описаны, упакованы в 17 ящиков и опечатаны печатью. Для транспортировки ценностей выделили вагон и охрану[197]. Впоследствии Юзовская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей представила доклад, согласно которому в уезде было изъято 10 пудов 17 фунтов 34 золотника серебра[198] (в денежном эквиваленте – 22722 руб. 56 коп.). Скорее всего, эти данные касаются изъятого из всех церквей и молитвенных домов уезда, не только православных[199].

Кампания по изъятию церковных ценностей активно освещалась в прессе[200] Количество публикаций по теме фиксировалось[201], а сводки по публикациям ежемесячно подавались в губернскую комиссию[202]. Основным посылом такого рода заметок была мысль о том, что рядовые верующие не препятствовали

---

[195] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 248а.
[196] Там же. Л. 466.
[197] Там же. Л. 450.
[198] Там же. Л. 347.
[199] Там же. Л. 466.
[200] Так как результаты изъятия ценностей и комментарии к ним должны были широко представляться в прессе, в Бахмутский губернский комитет был предложен к руководству циркуляр ЦК РКП, в котором пояснялось, что «газетная компания по поводу изъятия ценностей» в стране «ведется неправильно». В частности, в газетах постоянно печатаются «веселые сатирические стишки против попов вообще», а это «сплачивает духовенство в одно целое». Между тем как «политическая задача данного момента… прямо противоположная»: духовенство разъединить. А для этого рекомендовалось находить духовенство, стремящееся добровольно сдать как можно больше ценностей, и представлять их как верных граждан и патриотов пролетарского Отечества, противоположных «верхам», то есть епископату, которых необходимо было представлять как «князей церкви» со всеми «качествами и характеристиками»: «жадные, хищные, развращенные / противонародные», «князья», которые живут, «терроризируя низы». В связи с этим необходимо было найти недовольные «низы», «поддержать… против верхов, дать им понять и почувствовать, что государство не позволит верхам терроризировать их». Таким образом планировалось «изолировать верхи Церкви, скомпрометировать их на конкретнейшие вопросы помощи голодающим» и затем – «показать им суровую руку рабочего государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него» (ГАДО. Ф.Р-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 157).
[201] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 223. Л. 71.
[202] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 57.

изъятию церковных ценностей, в то время как священнослужители были явно против помощи голодающим. Между тем, в Донецком уезде девять церковных общин привлекли к суду Революционного трибунала за то, что ими не были предоставлены инвентарные книги до 1917 года, а шесть общин – за то, что они не выдали представителям власти ценности, проходившие по описям[203]. Нежелание предоставить инвентарные книги и описи расценили как сопротивление изъятию церковных ценностей[204]. Параллельно с указанными событиями в регионе участились случаи хищения ценностей из церквей и молитвенных домов. Эти хищения тоже посчитали завуалированными попытками скрыть имущество храмов и не отдавать на помощь голодающим. За чем последовала директива: представителей общин, подписывавших в свое время договор, – наказать, а за церковными зданиями установить наблюдение[205].

В Мариуполе кампания по изъятию церковных ценностей проходила с 5 апреля по 3 мая 1922 г.[206]. Так как сам Мариуполь был охвачен голодом в большей степени, нежели другие населенные пункты Донетчины, здесь сопротивление изъятию церковных ценностей проходило более активно. Согласно сводкам властей, кампанию по изъятию в Мариуполе планировали закончить к 15 апреля. Тем не менее, она затянулась до начала мая. Из чего можно предположить, что сопротивление изъятиям на Мариупольщине было достаточно серьезным, за чем, собственно, и последовали «меры»[207]. Инициаторами сопротивления изъятию церковным ценностям в Мариуполе становились женщины (как, например, при изъятии в Харлампиевском соборе Мариуполя)[208].

Тем не менее, несмотря на имевшее место сопротивление, после окончания кампании в официальной прессе была размещена информация о том, что изъятия проводились настолько корректно, что не могли вызвать каких бы то ни было сопротивлений. Акцент делался на том, что церковные ценности изымали только

---

[203] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 466.
[204] Так, в Святогорском монастыре вместе с сокрытием описей скрывались и ценности, по этим описям значащиеся.
[205] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 129.
[206] Церковное золото голодающим // Приазовская правда. 1922. №75.
[207] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 59.
[208] Хюренина И.Ю. Антирелигиозная политика советской власти и общественные настроения в Донбассе в 1920–е гг. // Новые страницы истории Донбаса. Донецк, 1998. Кн. 6. С. 135.

после «предварительной подготовки» населения. Власти признавали, что во время изъятий церкви и молитвенные дома были переполнены. Но подчеркивали, что находившиеся в храмах люди не высказывали какого бы то ни было протеста по поводу происходящего. При этом возражения со стороны священнослужителей отмечались[209]. Между тем, в действительности сопротивление изъятию церковных ценностей из церквей и молитвенным домов голодающего региона было существенным. Показателем чего может стать и то, что в Мариуполе за сопротивление изъятию церковных ценностей и их сокрытие были привлечены к суду революционного трибунала епископ Мариупольский Андрей (Одинцов) и весь причт (то есть штат священнослужителей (священники и диаконы) и церковнослужителей (пономари, псаломщики, чтецы, певчие)) Мариупольского собора[210].

Согласно общей сводке, в Мариупольском уезде ценности изъяли из 33 церквей и молитвенных домов. Сюда вошли православные храмы, католические костелы и синагоги[211]. Каждые десять дней из Мариуполя давались «десятидневники». В них фиксировался вес церковных и музейных (но изъятых в храмах) ценностей и размещались списки изъятого. Характерно, что при изъятии требовали предъявить описи, составлявшиеся до 1917 г. В том случае, если таких описей в храмах не оказывалось, верующие отдавались под суд[212].

Отчет о том, как проходила кампания по изъятию церковных ценностей на Мариупольщине, власти разместили в газете «Приазовская правда» от 4 мая 1922 г. Газетная статья называлась «Церковное золото голодающим» и содержала статистику по изъятому. Согласно отчету, в Мариуполе изъяли: в Харлампиевском соборе – 3 зол. 36 дол. золота, 8 п. 37 ф. 51 с пол. зол. серебра, 2 бриллианта, 9 алмазов, 7 жемчужин, 31 других камней (и дополнительно 31 ф. 81 зол. серебра); в Екатерининской церкви – 2 п., 19 ф., 43 зол. серебра, 40 жемчужин, 3 рубина; в Успенской церкви – 8 п., 22 ф., 59 зол. серебра; в Слободской церкви – 21 ф., 14

[209] Церковное золото голодающим // Приазовская правда. 1922. №75.
[210] Тригуб О. Розкол Російської православної церкви в Україні (1922–39 рр.): між державним політичним управлінням та реформацією. Миколаїв, 2009. С. 37–38.
[211] Церковное золото голодающим // Приазовская правда. 1922. №75.
[212] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218. Л. 59.

зол. серебра; в церкви Всех святых – 3 ф. 52 зол. серебра; в церкви Рождества Богородицы – 32 ф., 48 зол. серебра. Что касается уездных церквей и молитвенных домов, здесь количество изъятых церковных ценностей было более скромным. Так, из Мангушской церкви было вывезено 4 ф. 44 зол. серебра; из Мало-Янисольской – 7 ф. 46 зол. серебра и т. д. Всего же было изъято: золота – 3 зол. 36 дол. (только в соборе), серебра – 29 пудов, 33 фунта, 37,5 зол., 2 бриллианта, 9 алмазов (по всей видимости, необработанных), 17 жемчужин, 3 рубина, 31 иных драгоценных камней[213].

На момент изъятия церковных ценностей из Святогорского Свято-Успенского монастыря (пустыни) обитель относилась к Харьковской православной епархии. Харьков на тот момент являлся столицей Украины. До 1917 г. в монастыре бывали члены Царской семьи, видные писатели (Иван Бунин, Антон Чехов) и т. д. Вследствие масштабов и важности Святогорской пустыни кампания по изъятию ценностей в обители проводилась как показательная, но в то же время в русле заявленных общих тенденций. То есть все изъятия оперативно освещались в местных средствах массовой информации и подавались исключительно как следствие выполнения воли православных людей – прихожан монастыря.

Губернская комиссия по изъятию церковных ценностей была направлена в Святогорский монастырь 23 апреля 1922 г.[214]. Достаточно быстро, через пять дней (28 апреля 1922 г.), в губернской газете «Всесоюзная кочегарка» (выходила в Бахмуте (Артемовске)) был размещен материал «К изъятию ценностей в Святогорском монастыре». В публикации изъятие именовалось «выполнением воли трудящих». Автором этой и всех последующих статей об изъятиях стал председатель губернской комиссии по изъятию церковных ценностей А. Самохвалов. По подсчетам Самохвалова, из обители было экспроприировано «40 и 25 фун. серебра», «108 бриллиантов, 100 алмазов, 50 рубинов, 17 золотн. 78 долей золота, 20 аметистов, изумруд 2, парчи и шелку в кусках 1 пуд 18 ф., ковров

[213] Церковное золото голодающим // Приазовская правда. 1922. №75.
[214] ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 109. Л. 138.

персидских и проч. 80 штук, большое количество жемчуга и камней разных»[215].

Между тем, обыски и изъятия в обители сопровождались крайне некорректным по отношению к монашествующим поведением большевиков. К примеру, курение не приемлемо в православии, а алтарь является главным сакральных местом церкви или молитвенного дома. Несмотря на это, большевики целенаправленно заходили в алтари с зажжёнными сигаретами. Подобные действия вполне предсказуемо вызывали неприятие со стороны иноков и монахов монастыря.

Как выяснилось в ходе изъятий, в Святогорской пустыни не оказалось инвентарной книги и описи, составленных до 1917 г. Насельники утверждали, что документы были утеряны в период грабежей. Кроме того, большевики обнаружили, что некоторые церковные предметы и личные вещи монашествующих были спрятаны в тайники[216]. Вследствие чего насельникам монастыря было предъявлено обвинение в сознательном сокрытии церковных ценностей[217]. 8 – 12 июня в столице губернии, городе Бахмуте, прошло судебное заседание[218], в ходе которого монашествующим было предъявлено обвинение и в целенаправленном обмане верующих. В частности, в том, монахи вводили людей в заблуждение, выдавая кусочки ладана и воска за частицы святых мощей[219]. Материалы судебного процесса стали поводом для «разоблачительных публикаций» против монастыря и его насельников[220].

Тем не менее, несмотря на шумный процесс, суд не принял ни одного постановления об аресте кого бы то ни было из иноков или монахов. Единственным предложением суда стало обращение-просьба в губернский исполком о закрытии обители и использовании монастырского имущества[221]. Таким образом, можно сделать вывод, что целью судебного процесса было не наказание якобы виновных монахов, а обоснование необходимости закрытия

[215] Самохвалов А. К изъятию ценностей в Святогорском монастыре // Всероссийская кочегарка. 1922. №74.
[216] ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 109. Л. 138.
[217] Там же. Л. 188.
[218] Там же. Л. 182.
[219] Там же. Л. 168.
[220] Самохвалов А. По святым местам // Всероссийская кочегарка. 1922. №86.
[221] Приговор. Дело о Святогорском монастыре // Всероссийская кочегарка. 1922. №95.

монастыря. Что подтверждают и выходившие на протяжении всего процесса статьи А. Самохвалова. Акцент в них делался на том, что Святогорская обитель является «хранителем старых устоев» и ее функционирование (особенно на фоне разворачивающихся в стране «преобразований») категорически не приемлемо. Монастырь в статьях автора именовался «живым трупом» и «бородавкой», а решение «удалить» его А. Самохвалов считал единственно правильным и необходимым со стороны государства[222]. Результатом и судебного заседания, и публикаций стало постановление ВУЦИК от 21 октября 1922 г. передать монастырь и его земли под дом отдыха. Монашествующие были распущены. В обители разрешили остаться только тем инокам и монахам, которые владели специальностями, необходимыми для новой власти[223].

Общее количество изъятых на территории Донецкой губернии ценностей (из молитвенных домов и церквей всех конфессий) составило: 581 п. ф. 36 зол. серебра; 3 ф. 34 зол. 17 д. золота; кроме того, золотых монет на 1969 р. 61 к.; банковских денег на 291 р. 75 к.; 8749 штук драгоценных камней; 1 ф. 56 зол. изделий с драгоценными камнями и отделкой и т. д.[224].

Из выше сказанного можно сделать вывод, что кампания по изъятию церковных ценностей в Донецком регионе проходила в русле всероссийской кампании. Акцент делался на том, что изъятия являются исключительно волеизъявлением верующих людей. При этом об антицерковном характере кампании нигде не упоминалось. Исходя из того, что кампания проходила не в тех темпах, в которых планировалась, можно предположить, что замедление было обусловлено сопротивлением верующих, причем как православного духовенства, так и мирян. Подобные сопротивления были характерны для районов, особенно пострадавших от голода. Зачастую инициаторами протестных выступлений становились верующие женщины. При этом власти в течение всей кампании держали руку на пульсе: активно и регулярно собирали сведения об изъятиях и размещали в прессе публикации о ходе кампании. Несмотря на то, что изначально

[222] Самохвалов А. По святым местам // Всероссийская кочегарка. 1922. №86.
[223] Руденко Т. По Донбассу. Дом отдыха для рабочих Донбасса // Всероссийская кочегарка. 1922. №168.
[224] Хюреніна І. Ю. Антирелигиозная политика советской власти и общественные настроения в Донбассе в 1920-е гг. // Нові сторінки історії Донеччини. Донецьк, 1998. Кн. 6. С. 136.

заявлялось, что замена сакральных церковных предметов денежным эквивалентом возможна, подобных ситуаций в Донецкой губернии было немного. Вероятнее всего, это было связано с небольшим количеством церквей и молитвенных домов в промышленном Донецком регионе. И в случае замен количество изъятого было бы еще менее значительным. При этом, несмотря на то, что в храмах и молитвенных домах нередко проводились повторные изъятия, общее количество изъятого в сравнении с другими регионами страны оказалось очень небольшим[225]. Каких бы то ни было документов, подтверждающих, что изъятые в Донетчине церковные ценности были направлены на помощь голодающим, обнаружено не было.

Священник, кандидат философских наук, кандидат богословия Сергей Иванов дает этому объяснение. Согласно его сведениям, 86 процентов изъятого имущества составило серебро. Уже в процессе изъятия церковных ценностей у властей зародился план использовать его не для помощи голодающим, а для чеканки монет на Петроградском Монетном дворе. (В условиях послевоенного времени решение употребить серебро для пополнения монетного фонда страны было обусловлено ориентированностью власти на отказ от курса на безденежное хозяйство[226].) Это может служить еще одним доказательством того, что истинной целью кампании было не столько спасение голодающих, сколько нанесение максимального ущерба Православной Церкви.

[225] Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церков. ценности и полит. подчинение духовенства. М., 1997.
[226] Иванов С. Н. Церковное серебро в денежной реформе 1922-1924 гг. // Вестник ПСТГУ. 2015. № 6. С. 38-63.

1.2. Поддержка советскими властями внутрицерковных разделений как реализация государственного плана по уничтожению Русской Православной Церкви

В начале 1920-х годов советская власть предприняла первые попытки внедрения в Донецкой губернии расколов: обновленческого и «самосвятского» (автокефалистского). Попыткам внедрения автокефалистского раскола предшествовали события в Киеве. Украинофильские брожения в политических и околоцерковных кругах Киева (их целью было создание национальной Церкви) привели к тому, что в октябре 1921 г. в Софийском киевском соборе посредством некоего «возложения рук верных» (украинофильски настроенных священников и мирян, но не епископов) было совершено так называемое посвящение в митрополита Киевского женатого священника Василия Липкивского. После этого посвящения сам Липкивский посвятил уже других епископов. Подобные посвящения были совершенно не законными с канонической точки зрения. Тем не менее, они положили начало Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ), которую с тех пор называли «самосвятской». Власти не вдавались в канонические тонкости создания структуры «самосвятов». Тем более что надеялись использовать ее против канонической Православной Церкви, возглавляемой Святейшим Патриархом Тихоном (верных Православной Церкви власти называли «тихоновцами»).

Уже в следующем, 1922-м, году на Украине начали появляться представители обновленческого движения[227]. В октябре 1922 г. в Киеве было «засилие обновленцев»[228]. Власти сделали все для того, чтобы с территории Украины были высланы канонические епископы: Патриарший экзарх митрополит

[227] Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. М., 2004. С. 254.
[228] Там же. С. 246.

Михаил (Ермаков), викарный епископ Назарий (Блинов)[229] и многие другие архиереи Православной Церкви (в 1922-1923 гг.). В конце 1923 г. в Киеве зарождается обновленческий Всеукраинский Синод[230]. 14 мая 1925 г. обновленцы объявили о своей автокефалии[231] (в 1935 г. аннулированной). И в мае 1925 г. во главе обновленческого Всеукраинского Священного Синода оказался митрополит Киевский и всея Украины Пимен (Пегов). Таким образом, обновленцы на Украине получили своего главу. А так как именовалась их церковь «Украинская автокефальная православная синодальная церковь», то вторым названием украинских обновленцев стало – «синодалы»[232]. Очевидно поддерживаемые властями, синодалы активно начали распространяться по территории республики. В том же 1922 году они появились и в Донецкой губернии.

Уже упоминавшийся епископ Мариупольский Андрей (Одинцов) был подвергнут аресту за сопротивление изъятию церковных ценностей. Во время следствия на него оказывало давление ГПУ. Епископ был завербован. Вслед за вербовкой последовала амнистия. После чего епископ Мариупольский Андрей (Одинцов) перешел в обновленческий раскол[233].

Появление синодалов (еще одно их название – «Живая церковь») вызывало резко негативную реакцию у населения. Эта структура явно навязывалась властями, и подобные грубые действия приводили к противостоянию. В архивных документах есть указания на то, что, например, церкви Екатеринослава разделились на два лагеря – на «Старую-Греко-Российскую» Церковь (Православную) и на обновленческую («Живую»). При этом церкви «живоцерковников» всегда пустовали, между тем как православные церкви были «почти все переполнены молящимися»[234]. Аналогичной была ситуация и в Мариуполе, где в то время находилась викарная кафедра Екатеринославской епархии. Когда мариупольским обновленцам советские власти передали

[229] Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. М., 2004. С. 257.
[230] Там же. С. 258.
[231] Там же. С. 322.
[232] Там же. С. 323.
[233] Тригуб О. Розкол Російської православної церкви в Україні (1922–39рр.): між державним політичним управлінням та реформацією. Миколаїв, 2009. С. 37–38.
[234] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75735 фп. Л. 2.

кафедральный собор священномученика Харлампия (вмещавший более 5000 человек), во время «обновленческих» служб людей в соборе почти не было, в то время как в «тихоновском» храме Всех святых молящихся всегда было много[235].

В документах 1920-х гг. понятия «Живая церковь» и обновленцы («синодалы») проходят как синонимичные. В этот период уровень противоборства между православными верующими и обновленцами достигает наивысшей точки. Вот какую характеристику давали обновленцам православные верующие: «Синодалы (они же живоцерковники) – для нас считаются христопродавцы. Еретики и недостойные переступить даже порог нашего святого храма, с ними мы должны бороться до последней капли своей крови»[236]. Захваченные обновленцами церкви они нередко называли «живистскими». (В свою очередь православных христиан обновленцы, как и власти, также зачастую называли «тихоновцами» – по имени Святейшего Патриарха Тихона.)[237]

Таким образом, в 1923–1925 гг. на территории Донетчины действовали приходы, относившиеся как к двум упоминавшимся православным («тихоновским») епархиям – Екатеринославской (имела в своем составе Мариупольское и Бахмутское викариатства)[238] и Харьковской (к этой епархии относился Святогорский монастырь), так и к двум обновленческим епархиям – Екатеринославской (имела в своем составе Мариупольское викариатство) и Донецкой (с Бахмутским викариатством). В этот же период на территории Донецкого региона появилась Бахмутская епархия неканонической «самосвятской» УАПЦ (Украинская автокефальная православная церковь). А в дальнейшем – и епархия также неканонической БОПУПАЦ («Братское объединение приходов Украинской православной автокефальной церкви»)[239] с центром в том же Бахмуте. С 1925 г. по 02.1928 гг. архиепископом БОПУПАЦ здесь был ушедший в раскол уже упоминавшийся в связи с изъятием церковных

[235] Мултых В. К. Мои воспоминания. Одесса; Афины, 2001.
[236] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 3.
[237] Там же. Л. 10.
[238] Ириней (Середний), митрополит. Агеева Е. А. Днепропетровская и Павлоградская епархия // Православная Энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 453–460.
[239] Другое название – Лубенский раскол, «лубенцы».

ценностей архиепископ Иоанникий (Соколовский)[240].

Согласно сведениям, приведенным в работе «История иерархии Русской Православной Церкви», на православной Мариупольской викарной кафедре в эти годы последовательно находились: с 26.11 (09.12) 1922 г. по 1922 г. – Кирилл Соколов; в 1922 – 1923 гг. – временно управляющий св. Димитрий (Абашидзе); с 14 (27) 08. 1924 г. по 09.1926 г. – свщмч. Антоний (Панкеев); в 1927 (1926) – 1927 гг. – Иоанн Петропавловский; с 05.1928 г. по 12 (25).08.1928 г. – Григорий Лебедев; с 16 (29).11.1928 г. по 25.06 (08.07) 1930 г. – епископ Дионисий (Прозоровский)[241].

Что касается Мариупольской обновленческой викарной кафедры, ее возглавляли следующие обновленческие архиереи: с 8.1922 г. по 1923 г. – ушедший в раскол православный епископ Андрей (Одинцов) (был назначен обновленческим епископом сразу же после отпадения от Православной Церкви); с 04.1925 г. по 01 (14).04.1926 г. – епископ Августин (Разумовский); с 26.04 (09.05).1926 г. по 1926 г. – временно управляющий архиепископ Макарий (Быстров); с 26.06 (09.07).1926 г. по 31.01 (13.06).1930 г. – епископ Амвросий (Нагорский)[242]. Кроме того, согласно обнаруженным архивным документам, на этой же кафедре (в последние годы ее существования) находился обновленческий епископ Рафаил (Прозоровский). В 1933 г. он был возведен в сан архиепископа, а с 1935 г. (в связи с закрытием Мариупольского викариатства) стал настоятелем собора г. Мариуполя. 28 июля 1938 г. Прозоровский был уволен за штат, а затем репрессирован[243].

Как уже отмечалось, православная Бахмутская викарная кафедра была открыта в 1921 г. С октября 1922 г. она называлась Донецкая и Бахмутская[244]. (Собственно Сталинской (Донецкой) епархии в этот период еще не существовало.) С 21.10.(03.11) 1921 г. (и до 12.1924 г.?) на Бахмутской викарной кафедре пребывал епископ Иоанникий (Соколовский), который впоследствии стал одним

[240]Лавринов Валерий, протоиерей. Временный Высший Церковный Совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). М., 2018. С. 552.
[241] История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2019. С. 530.
[242] Там же. С. 288.
[243] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75734 фп. Л. 33.
[244] История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2019. С. 42.

из организаторов Лубенского раскола[245]. В 1924 г. епископом Бахмутским некоторое время был владыка Антоний (Панкеев)[246]. Позже, во время своего пребывания уже на Мариупольской кафедре, епископ Антоний (Панкеев) по приглашению верующих приезжал служить в Юзовку[247], относившуюся к Бахмутскому викариатству. Для того, чтобы владыка имел возможность въехать в город, Сталинская православная община обращалась с телеграммой-ходатайством в ГПУ, в г. Харьков[248].

После епископа Антония (Панкеева) архиереи на Бахмутскую кафедру не назначались, в связи с чем Бахмутское викариатство Екатеринославской епархии прекратило свое существование. Но в Бахмутском округе появился «наблюдающий за религиозно-нравственной жизнью верующих», функции которого выполнял благочинный – священник, который возглавлял округ и следил в нем за церквами и священнослужителями.

Несмотря на то, что Сталинской (Донецкой) православной кафедры в описываемый период не существовало, Сталинская обновленческая епархия в регионе функционировала. Ее последовательно возглавляли следующие обновленческие архиереи: с 1926 г. по 1928 г. – архиепископ Макарий (Быстров), а с 1929 г. по 1937 г. – епископ Иоаким (Пухальский)[249]. С 1932 г. Сталинская обновленческая епархия называлась Донецкая и Сталинская[250].

Известно, что, согласно Акту на уничтожение обновленческого архива от 20 декабря 1950 г., дело № 87 архиепископа Макария (Быстрова) было уничтожено[251]. Поэтому информации об этом архиерее крайне мало. Между тем, он являлся участником важных событий в г. Юзовке, о чем будет сказано ниже.

Что касается Бахмутской викарной кафедры Сталинской обновленческой епархии, ее возглавляли следующие обновленческие архиереи: с 1923 г. по 1924 г. – уже упоминавшийся в связи с изъятием церковных ценностей в Мариуполе

[245] История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2019. С. 24.
[246] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 136–137.
[247] Впоследствии переименовывался в Сталино и в Донецк.
[248] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 109.
[249] История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2019. С. 477.
[250] Лавринов Валерий, протоиерей. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 656.
[251] Сафонов Д. В. Материалы по истории обновленческого раскола в российских архивах // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Том 2. М., 2006. С. 198 – 205.

епископ Андрей (Одинцов); с 1924 г. по 1926 г. – архиепископ Александр (Мигулин); с 1926 г. по 1928 г. – епископ Артемовский и Луганский Иоаким (Пухальский); с 1928 г. по 1929 г. – временно управляющий Анатолий Соколов и с 1929 г. по 1935 г. он же в качестве архиерея – митрополита Анатолия (Соколова)[252].

Как следует из приведенных данных, зачастую обновленческие епископы активно перемещались с кафедры на кафедру или же окормляли сразу две кафедры, что может свидетельствовать об определенных проблемах с кадрами у обновленцев.

Так, завербованный в 1922 г. в обновленчество православный епископ Андрей (Одинцов) сначала был обновленческим епископом Мариупольским, а с 1923 г. – обновленческим архиепископом Донецким и Бахмутским (впоследствии Артемовским и Донецким). Пребывал в таковом статусе до сентября 1924 г.[253].

Обновленческий епископ Августин (Разумовский) с 1925 г. был одновременно обновленческим викарием Донецким и обновленческим епископом Мариупольским и Бердянским, председателем Мариупольского епархиального управления[254].

Обновленческий архиепископ Макарий (Быстров) 12 мая 1926 г. был избран епископом Сталинским, а с 16 июля 1926 г. по 1928 г. был временно управляющим обновленческой Мариупольской епархией[255].

Обновленческий архиепископ Иоаким (Пухальский) в декабре 1926 г. был назначен обновленческим епископом Артемовским и Донецким, управляющим Артемовским епархиальным управлением, а в сентябре 1928 г – епископом Сталинским. В 1932 г. Пухальский был избран епископом Донецким и Сталинским и возведен в сан архиепископа. С декабря 1937 г. находился на покое[256].

Насаждение обновленческого раскола в Донецком регионе, как и в целом по

---

[252] История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2019. С. 24.
[253]Лавринов Валерий, протоиерей. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 109–110.
[254] Там же. С. 35–36.
[255] Там же. С. 343–344.
[256] Там же. С. 267–268.

стране, проводилось при поддержке советских властей и вызывало противодействие со стороны духовенства и мирян Православной Церкви. Так, согласно сводкам ОГПУ за май-июнь 1923 г., в некоторых населенных пунктах Донбасса (не указанных в документе конкретно) представители Патриаршей Церкви якобы организовывали антисоветские выступления и агитацию. Примерно в это же время сообщалось о том, что в Донбассе арестованы священники, будто бы объединявшиеся в подпольную организацию и хранившие оружие в одной из церквей[257]. Как показывала практика, антисоветской агитацией (или скрытой агитацией среди верующих) собственно в Донетчине в реальности было разъяснение верующим сути обновленческого раскола [258].

В ответ на попытки внедрения обновленчества внутри канонической Патриаршей Церкви стало заметно стремление мобилизовать здоровые церковные силы, прежде всего, благодаря укреплению иерархии и структур церковного управления. В отчете ОГПУ за февраль 1924 г. отмечалось, что православные епископы работают над созданием «церковно-административного органа». В числе вновь созданных и функционирующих структур Патриаршей Церкви были епархиальные управления в Харькове и Екатеринославе. При этом чекистами отмечалось, что создаваемые управления легальными не являлись, так как регистрацию в органах местной власти не проходили. В период с мая и по октябрь 1924 г. власти наблюдали усиление позиций «Тихоновской» Церкви в Донецкой губернии. В октябре 1924 г. как пример «методов борьбы» «тихоновцев» с обновленцами в Донецком регионе в документах ОГПУ приводились проповеди «обличительного характера». Также говорилось об организации в среде православных верующих неких «групп», целью которых был захват обновленческих церквей и налаживание работы «церковно-административного аппарата». Кроме того, на свободные православные епархиальные кафедры назначались энергичные епископы, готовые защищать православие[259]. В рамках данной инициативы в 1924 г. на викарную православную Мариупольскую кафедру

[257] Церковь в сводках ОГПУ. Режим доступа: http://istmat.info/node/8765 (дата обращения: 21. 08 15 г.).
[258] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 3.
[259] Церковь в сводках ОГПУ. Режим доступа: http://istmat.info/node/8765 (дата обращения: 14. 10 15 г.).

был назначен епископ Антоний (Панкеев)[260].

Священномученик Антоний (имя в миру – Антон Александрович Панкеев) родился 1 января 1892 г. в с. Фалевка-Садовая Херсонской губернии. Его отец был священником в Балтском округе Одесской губернии. В 1912 г. А. А. Панкеев окончил Одесскую духовную семинарию и поступил в Киевскую духовную академию. В 1915 г. был переведен на 3-й курс Петроградской духовной академии.[261] В Первую мировую войну иеромонах Антоний служил на фронте настоятелем одной из походных церквей. В 1917 г. окончил Петроградскую духовную академию, после чего его и был направлен на служение в Одессу. В Одессе был возведен в сан игумена[262], преподавал в Одесской духовной семинарии[263].

В июне 1923 г. под влиянием обновленческого митрополита Евдокима (Мещерского) был хиротонисан во епископа Херсонского, викария Одесской обновленческой епархии. В 1924 г. принес покаяние за участие в обновленческом расколе и был принят в сане игумена в Православную Церковь[264].

В следственном деле владыки Антония содержится информация о том, как он стал епископом «Тихоновской» Церкви и был поставлен епископом Мариупольским. В документах дела говорится, что в 1924 г. «Определением Святейшего Патриарха от 29 октября 1924 г. за №1243» епископ Бахмутский Антоний был перемещен «на кафедру Криворогско-Александрийского Епископа викария Екатеринославской епархии»[265]. При этом отмечается, что ему был усвоен титул «Епископ Криворогско-Александрийский, викарий Екатеринославской губернии». В следственном деле также указывается, что «резолюцией Его Святейшества, Святейшаго Тихона, патриарха Московского всея России, от 2 декабря» 1924 г. епископ Антоний был перемещен «на Мариупольскую викаріатскую кафедру», о чем владыке Антонию сообщил «Петр, Митрополит

[260] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 134.
[261] То же, что рукоположение.
[262] Дамаскин (Орловский), игумен. Антоний (Панкеев), священномученик // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 608–609.
[263] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 30.
[264] Дамаскин (Орловский), игум. Антоний (Панкеев), сщмч. // Православная Энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 608–609.
[265] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 136–137.

Крутицкий»[266].

В «криворожский» период служения владыки Антония его взаимоотношения с местными властями, не желавшими видеть на своей территории православного епископа, были достаточно сложными. Прибыв в Екатеринослав, владыка в ожидании назначения жил некоторое время без регистрации (регистрацию необходимо было оформить в губликвидкоме). После того, как владыка Антоний был назначен епископом Криворожским и Александрийским, он выехал в Кривой Рог, где уже зарегистрировался в админотделе Криворожского окрисполкома. Так как владыка Антоний был епископом и Криворожским, и Александрийским, он по долгу службы должен был выезжать «на территорию Александрийского Округа»[267] (например, на приход в Долинский район Александрийского округа)[268]. В связи с чем владыку вызвали в админотдел Криворожского окружного исполнительного комитета. Здесь ему «предложили» как распространяющему свою деятельность на несколько округов «немедленно выехать в гор. Екатеринослав, для регистрации в Губадминотделе». Владыка выехать в Екатеринослав отказался, и ему было «запрещено административное управление церковными единицами и выезд... на периферию Криворогского Округа и территорию Александрийского Округа».

Несмотря на запрет, епископ Антоний продолжал окормлять паству, в чем админотдел окрисполкома усмотрел «сознательное злостное не выполнение законных распоряжений местной власти и демонстративно-пренебрежительное отношение к законам Советской Республики». Админотдел задержал владыку и «доставил его в гор. Екатеринослав в распоряжение Административного Отдела Губисполкома», который вынес решение «выслать его... за пределы Екатеринославской губернии»[269]. С епископа Антония (Панкеева) была взята подписка «выехать из пределов Екатеринославской губернии не позднее 16 часов и 25 минут 21 октября 1924 года»[270]. В противном случае архиерей мог быть

[266] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 134, Л. 135.
[267] Там же. Л. 41.
[268] Там же. Л. 38.
[269] Там же. Л. 41–42.
[270] Там же. Л. 44.

«выслан этапным порядком»[271].

Тем не менее, 5 ноября 1924 г. по жалобе владыки Антония в прокуратуре при Наркомате юстиции приняли решение срочно отменить вышеуказанное постановление. Было определено «аннулировать незаконно-отобранную у гр. Панкеева подписку о выезде из Екатеринославской губернии и не чинить препятствий к его возвращению на место жительства в город Кривой Рог»[272]. Прокурор пояснил, что «по закону» Губадминотдел не имеет права производить высылку кого бы то ни было. Оно «предоставлено лишь... Особому Совещанию при ГПУ УССР», и поэтому «высылка гр. Панкеева является незаконным актом со стороны Екатеринославского Губернского Административного Отдела»[273].

Вследствие этого по приезде епископа Антония (Панкеева) в Мариуполь в декабре 1924 г. им занималось уже непосредственно ГПУ, а как повод для планировавшейся высылки теперь использовали уже не отсутствие регистрации, а негативное отношение епископа Антония к «Живой церкви», то есть к обновленцам. О том, сколь важным представлялся для советских властей арест владыки Антония, свидетельствует тот факт, что владыка был арестован Донецким ГПУ[274], но препровождался «со специальным конвоем» «на основании распоряжения СО ГПУ УССР №10948 от 19-го февраля 1925 года»[275]. То есть решение о его аресте принималось на республиканском уровне.

ГПУ разработало детальный план «разоблачения» епископа Антония. Аресту владыки предшествовал обыск (3 февраля 1925 г.) у священника Николая Туткевича, секретаря Управления Криворожского викариатства[276]. 38-летний Николай Степанович Туткевич[277] на момент ареста служил вторым священником Николаевской церкви г. Кривой Рог[278]. При обыске у него среди прочей переписки были обнаружены несколько экземпляров 53-страничной рукописной брошюры

[271] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 37.
[272] Там же. Л. 49.
[273] Там же. Л. 50.
[274] Там же. Л. 6.
[275] Там же. Л. 1.
[276] Там же. Л. 10.
[277] Уроженец Одессы, окончил Одесскую духовную семинарию, после чего учительствовал в Одессе в народной школе, отец двоих детей (Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 11).
[278] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 11.

«О живой церкви”. Письмо другу».

В брошюре, в частности, говорилось: «Соввласть ополчилась против православной церкви, применяя к верным сынам ее расстрелы, ссылки, аресты, всевозможные притеснения и т. д. Через ЧК и агентов ГПУ Соввласть создает полицейскую церковь, поддерживающую существующий государственный строй. Такой церковью, связанной с ГПУ, является «Живая церковь». В брошюре подчеркивалось, что производимые в стране «расстрелы и ссылки епископов, священников и мирян» совершенно не обоснованы и происходят «под предлогом контрреволюции». По поводу церковной жизни в брошюре отмечалось, что имеет место «крайнее стеснение всей деятельности, запрещение обучать вере», так что «православные русские люди начинают чувствовать себя чужими в своей родной стране». Речь также шла о поддержке, которую «Живой церкви» (обновленцам) оказывало ГПУ: «Снова церковь хотят сделать придатком государственной машины, а духовенство – своего рода духовной полицией»[279].

После того, как ГПУ в Харькове санкционировало арест священника Туткевича, Донецкому губотделу ГПУ было дано указание вызвать епископа Антония (Панкеева) в Бахмут и, арестовав его, направить в Екатеринославский городской отдел ГПУ для производства в отношении него следствия. Следствие по делу епископа Антония планировали закончить в недельный срок. В случае подтверждения того, что брошюра «Живая церковь» написана епископом Антонием, следовало немедленно направить материалы дела в Харьков «для представления на административную высылку»[280].

На допросе отец Николай Туткевич показал, что брошюру «Живая церковь» ему дал епископ Антоний (Панкеев) в октябре 1924 г. – владыка привез ее, когда приехал в Кривой Рог из Москвы. 25 февраля 1925 г. было подготовлено обвинение в отношении епископа Антония в том, что он «изготовлял и распространял под видом религиозных брошюр – брошюры контр-революционного характера и содержащие контр-революционные ложные сведения

[279] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 8–10.
[280] Там же. Л. 29.

и имеющие целью путем возбуждения предрассудков масс направить для свержения рабоче-крестьянской Власти».

Как следствие, на первом же допросе епископа Антония спросили, составлял ли он «воззвания или брошюры религиозного характера, в которых имелись моменты контр-революционного характера?» и давал ли ему кто-нибудь читать брошюру «Живая церковь»?[281]. Сначала владыка отрицал, что знает о существовании брошюры «Живая церковь»[282]. Он высказывал предположение, что священник Николай Туткевич дал свои показания ошибочно[283]. Но на дополнительном допросе 2 марта 1925 г. архиерей сообщил что брошюру «Живая церковь» в августе или сентябре 1924 г. ему дал в поезде незнакомый священник. Это было тогда, когда владыка ехал из Москвы в Екатеринослав. Епископ Антоний подчеркнул, что не помнит, как брошюра попала к священнику Николаю Туткевичу, и предположил, что, «вероятно... со всеми другими церковными бумагами Духовнаго Правления»[284].

Причиной того, что владыка Антоний изменил свои показания, стала уловка, к которой прибегли в ГПУ. Для того, чтобы епископ дал признательные показания, священник Николай Туткевич был завербован чекистами, согласившись стать их осведомителем. Владыке же сообщили, что Туткевич арестован в Екатеринославе с целью выявления владельца брошюры. Священник действительно был арестован, но должен был получить свободу после того, как епископ признается, что брошюра принадлежала ему[285]. Как видно из материалов личного дела епископа Антония, этот план сработал. Священник Туткевич был освобожден 15 марта 1925 г. (арестован 25 февраля 1925 г., а 3 февраля нашли брошюру).

После этих событий дело епископа Антония (Панкеева) за №6193 было направлено прокурору при Наркомате юстиции на предмет прекращения. 15 (16) апреля 1925 г. вышло постановление прокурора об освобождении епископа «из под стражи из Харьковского Допра №1 под подписку о/невыезде из г. Харькова с

[281] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 30.
[282] Там же. Л. 30–32.
[283] Там же. Л. 61.
[284] Там же. Л. 31.
[285] Там же. Л. 64.

еженедельной явкой в СО ТУ УССР на регистрацию...».

Позже, уже на дополнительном допросе 21 апреля 1925 г., владыка еще раз признал, что получил брошюру от незнакомца в поезде и что в брошюре имеются «намеки», направленные против советской власти[286]. 30 декабря 1925 г. вышло постановление о ходатайстве об административной высылке владыки Антония (Панкеева) в Туркестан сроком на три года[287]. Из материалов дела неясно, был ли епископ Антоний выслан в ссылку в Туркестан или же оставался в Харькове до конца 1926 г. под подпиской о невыезде. Но на особом совещании при Коллегии ОГПУ 8 октября 1926 г. владыку Антония было решено на три года заключить в концлагерь[288].

Находясь в Харькове, владыка Антоний продолжал руководить Мариупольским викариатством. В письме в ГПУ неизвестный осведомитель сообщал о том, что в Харькове от одного до трех раз в неделю проходили заседания архиереев (в Харьков как столицу Украины ссылались епископы со всей республики). Выработанные и утвержденные на этих заседаниях постановления посылались через доверенных лиц в управляемыми епископами епархии и там уже приводились в исполнение благочинными[289].

Согласно делу священномученика Антония (Панкеева), в 1924 г. благочинным церквей г. Мариуполя был настоятель (1922-1929 гг.) Николаевской церкви Мариупольского порта протоиерей Павел Андреев[290]. В Мариуполе отец Павел Андреев тайно собирал настоятелей храмов благочиния в доме священника Арнаутова. Одним из основных вопросов, обсуждавшихся в этот период, была проблема взаимоотношений с обновленцами. Согласно донесению осведомителя ГПУ, по окончании заседания настоятели церквей тайно собирали членов церковных Советов своих храмов и оглашали постановления, касающиеся «Живой церкви» (обновленцев). В Мариуполе, по словам осведомителя,

[286] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 73–75.
[287] Там же. Л. 112.
[288] Там же. Л. 120.
[289] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75735 фп. Л. 3.
[290] 16 ноября 1937 г. прот. Павел Андреев был расстрелян на Бутовском полигоне. Канонизирован Русской православной церковью как священномученик. Режим доступа: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/5675/ (дата обращения: 15. 10 14 г.).

«тихоновское» духовенство выступило со следующей декларацией: «Мы, приходские Советы и прихожане всех церквей г. Мариуполя, причисляем себя к Греко-Российской Православной церкви, канонически и административно в церковном отношении подчиняемся Местоблюстителю Патриаршего Престола Митрополиту Петру и своему каноническому Епископу Антонию Панкееву. Синодалы (они же живоцерковники) – для нас считаются христопродавцы. Еретики и недостойные переступить даже порог нашего святого храма, с ними мы должны бороться до последней капли своей крови». В доносе отмечается, что после праздничных богослужений благочинный регулярно произносил «погромные речи против Синода Епископов и священников». «Синодалам под час бывает опасно показываться к Тихоновцам даже на пушечный выстрел», – подчеркивал осведомитель[291].

Помощником благочинного Павла Андреева в Мариуполе был уже упоминавшийся священник Михаил Арнаутов (впоследствии протоиерей). Под их началом служили православные мариупольские священники Михайличенко, Балдинов, Жежеленко, Гонтаревский, священник из Новоселовки Дубовский, миряне Виталий Васильевич Соколовский, Тихон Петрович Попов, Сергей Николаевич Николаев («состоящий в коллегии защитников»). Эти люди координировали противодействие обновленцам на Мариупольщине.

В этот период в Мариуполе, как и в целом по стране, была распространена практика, в соответствии с которой адмнотделы расторгали договора с общинами Патриаршей Церкви и передавали церкви обновленцам («синодалам»). Православные верующие Мариупольщины надеялись, что им удастся не допустить перехода в руки обновленцев мариупольского Харлампиевского собора. При этом власти предполагали, что православные готовы в этом случае «употребить все усилия вплоть до насилия», на что имели «устное благословение от Епископа Антония через благочинного Андреева». Действия «тихоновцев» были квалифицированы советскими властями как «система настойчивости». Православные жители Мариуполя, как считали представители советских властей,

[291] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75711 фп. Л. 3.

якобы вдохновлялись примером Одессы, где верующие «добились успеха, отвоевав сразу у Синодалов четыре видных церкви». Кроме того, власти Мариуполя опасались, что «тихоновцы» будут вести активную борьбу с адмотделом[292].

В феврале 1925 г. в сводках ОГПУ по Украине была опубликована информация о том, что «подъем религиозного чувства» среди православного населения сопровождается случаями «крупных столкновений верующих, натравливаемых черносотенными церковниками, с представителями власти». Сотрудники ОГПУ утверждали, что подобные случаи сопровождались «угрозами по адресу представителей власти» и даже «нападением на последних». Одновременно подчеркивалось, что обновленческая церковь, напротив, стоит «на точке зрения полной лояльности по отношению к Советской власти». Чекисты заявляли, что «тихоновщина выкристаллизировалась как антисоветская группировка, и такое насыщение антисоветским элементом существует не только в среде служителей культа, но и среди активных групп мирянского объединения, так называемых церковно-приходских советов», являющихся «почти повсеместно опорными пунктами для монархистов». По мнению сотрудников ОГПУ, разница в политической ориентации была причиной острого противостояния между обновленцами и приверженцами Православной Церкви. В сводке ОГПУ отмечалось, что в марте 1925 г. «борьба тихоновцев с обновленцами... дошла до предела своего развития», когда «идейная борьба» перешла «в форменные бои из-за церкви» как в городах, так и в деревнях[293].

Аналогичным образом оценивали ситуацию и в отделении ОГПУ по Донецкой губернии. Здесь 1925 год был определен как «время сильной внутрицерковной борьбы» в Донецком регионе. Примером такой борьбы-противостояния между «тихоновцами» и обновленцами может стать ситуация в г. Сталино (до 1924 г. – Юзовка), входившем в состав православного Бахмутского викариатства. Благочинный Артемовского округа священник Иоанн Крещановский говорил, что

[292] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75735 фп. Л. 3–4.
[293] Церковь в сводках ОГПУ. Режим доступа: http://istmat.info/node/8765 (дата обращения: 14. 10 15 г.).

в Сталино «коммунисты православных свящ-в в тюрьмы сажают, а на их места своих коммунистов ставят»[294], то есть обновленцев. Все знали, что обновленцы получают «жалованье» от правительства и «помогают безбожникам разорять православных верующих...». Было очевидно, что «...Советская власть... стоит на стороне Синодалов»[295].

В Сталино противостояние православных и обновленцев особенно остро проявилось в ситуации вокруг Преображенского собора. Настоятелем собора в описываемый период был протоиерей Димитрий Поликарпов[296]. Как «компрометирующий материал» в деле священника проходила информация о его дореволюционной биографии. Так, в свое время он учительствовал в морском кадетском корпусе, жил в Царском Селе[297], а 8 августа 1900 г. протопресвитером военно-морского духовенства «был командирован для исполнения пастырских обязанностей на императорскую яхту “Штандарт”«. В 1902 г. отец Димитрий стал судовым священником на царской яхте. 6 декабря 1902 г. «был награжден золотым крестом из кабинета его величества»[298]. В 1911 г. отец Димитрий служил в соборе Зимнего дворца. За усердную службу был награжден в 1913 г. – орденом Святой Анны 3 степени, в 1914 г. – орденом Святой Анны 2 степени, в 1916 г. – орденом Святого Владимира 4 степени, в 1912 г. – орденом от Сербского короля. После октября 1917 г. отец Димитрий попал на Донетчину, где стал настоятелем Преображенского собора. Священник до самой смерти поминал в своих молитвах императора Николая Второго и семью Романовых.

Подготовка к передаче собора в Сталино обновленцам развернулась после того, как 12 мая 1926 г. здесь прошло собрание «членов учредителей общины и членов приходского Совета по вопросу о пересмотре состава 50-ки и совета»[299]. Четырех, вполне возможно, заранее завербованных, членов Совета «возмутило», что на собрании «присутствовали лица не имеющие никакого отношения к 50-

[294] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75779 фп. Л. 26.
[295] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75735 фп. Л. 4.
[296] Родился в 1870 г. в с. Ягодное Самарской губернии, сын псаломщика, окончил Казанскую духовную академию, на момент ареста – вдовец.
[297] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75712 фп. Л. 12.
[298] Там же. Л. 72– 73.
[299] Там же. Л. 12–14.

ки»[300]. 13 мая 1926 г. они написали протест, в котором сообщили о «посторонних лицах» и о том, что собрание якобы было «созвано без разрешение гражданской власти». Как следствие, они потребовали аннулировать постановления собрания, расторгнуть договор и т. д.[301]. И хотя этот явно искусственный конфликт носил сугубо внутриприходской характер, а отец Димитрий пояснил, что не решился удалить указанных лиц, так как считал, что собрание должно проходить открыто[302], священника арестовали. После ареста отца Димитрия настоятелем собора стал священник Александр Данилов[303]; диаконом остался отец Димитрий Волковниченко[304]; а помощником старосты собора – Филипп Владимирович Мезин[305].

В конце июля на очередном заседании приходского совета прихожанином собора был поднят вопрос о том, когда освободят настоятеля – отца Димитрия Поликарпова. В ответ «священник Данилов предложил ходатайствовать пред Центральной Властью об освобождении...» отца Димитрия[306]. Примерно в это же время, летом 1926 г., среди членов православной общины г. Сталино распространился «слух о том, что в приходе... кем-то организуется... новая пятидесятка (учредителей общины) с целью передачи единственного в Сталино православного собора обновленцам»[307]. 3 августа 1926 г. Сталинским админотделом было представлено распоряжение о расторжении ранее утвержденного гражданской властью договора с «тихоновской» общиной на право пользования храмом и церковно-культовым имуществом. Параллельно среди православных верующих распространился слух о том, что в Сталино уже прибыл обновленческий епископ Макарий (Быстров) «со штатом обновленческого духовенства... хором и некоторым числом прихожан из города Дмитриевска

[300] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75712 фп. Л. 33. Орфография сохранена.
[301] Там же. Л. 2.
[302] Там же. Л. 33.
[303] 42-летний выходец из духовного сословия, выпускник духовной семинарии, до рукоположения занимался педагогической деятельностью, в Юзовке жил с 1915 г. (Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75709 фп. Л. 79).
[304] 45-летний диакон на вакансии псаломщика, также преподавал пение в гимназии (Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75709 фп. Л. 71).
[305] 56-летний выходец из мещан, машинист, вдовец, в следственном деле также упоминается как Марков (Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75709 фп. Л. 20).
[306] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75709 фп. Л. 81.
[307] Там же. Л. 79.

(Макеевки) для захвата... собора». Как следствие, прихожане Преображенского собора начали собираться в ограде церкви. А священник Александр Данилов по окончании литургии и треб направился в административный отдел, куда предварительно был приглашен к 9 утра особой повесткой. Из административного отдела его не выпускали до самого вечера.

Пока священник был в админотделе, к собору действительно прибыли обновленцы. Собравшиеся в ограде прихожане обновленцев в храм не пустили, а к вечеру часть собравшихся направилась к зданию Сталинского окружного ГПУ, где находились под арестом протоиерей Трухманов (по всей видимости, арестованный раньше) и протоиерей Димитрий Поликарпов. Православные верующие просили об освобождении священников. Трухманов был освобожден. Но освободить Поликарпова чекисты отказались. После отказа освободить отца Димитрия люди начали бросать камни в окна ГПУ.

Тем временем помощник старосты собора Филипп Владимирович Мезин запер собор, передал ключи совету верующих и отправился в Харьков на прием к руководителю отдела по религиозным делам при НКВД Г. Петровскому. Подав заявление Г. Петровскому, Мезин поехал обратно в Сталино. 6 августа он приехал в Сталино, а 7 августа из ГПУ к нему «пришли с обыском и требованием возвратить от собора ключи»[308]. Сложившаяся вокруг собора ситуация была охарактеризована властями как спровоцированные «массовые беспорядки»[309], в ходе которых 3 августа 1926 г. толпа «до 700 человек явилась к зданию Сталинского Окротдела ГПУ, с требованием освобождения арестованного священника Поликарпова Дмитрия, и не получив удовлетворения своих требований, пыталась разгромить Окротдел ГПУ, побив в здании последнего, камнями окна». Вслед за чем священник Данилов, диакон Волковниченко и староста Мезин были арестованы «как инициаторы массового безпорядка общины верующих Сталинского Собора»[310]. 8 августа 1926 г. Данилова, Волковниченкова

[308] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75709 фп. Л. 80–84.
[309] Там же. Л. 20.
[310] Там же Л. 43.

и Мезина отправили в Харьков[311].

После арестов в соборе начали проходить собрания прихожан с требованием, «чтобы церковный совет добился через общину верующих освобождения» заключенных[312]. Верующие написали письмо главному уполномоченному секретного отделения Харьковского ГПУ: «Мы, нижеподписавшиеся прихожане Сталинской Православной общины просим освободить на поруки священнослужителей... священника о. Александра Данилова, диакона Димитрия Волковниченко и помощника старосты... храма Мезинова, которые вот уже скоро 2 месяца находятся в заключении при Харьковском Допре...» Прихожане пытались убедить сотрудника ГПУ в том, что отец Александр Данилов «никогда ни в какой агитации против Советской власти не был замечен... был и есть достойным пастырем и честным гражданином Советской Республики». Диакон Волковниченко в письме квалифицировался как «скромный священнослужитель», а о помощнике старосты Мезинове сообщалось, что он «проявил себя лойяльным гражданином». По мнению прихожан собора, «случившееся» могло «быть только следствием печального недоразумения»[313]. Несмотря на это, через три месяца все арестованные были отправлены из Харькова в Москву[314] и в том же 1926 г. заключены в концлагерь сроком на три года[315].

Что касается отца Димитрия Поликарпова, то община Преображенского собора также обращалась с ходатайством об освобождении священника на поруки. 19 июня 1926 г. верующие ходатайствовали об этом перед прокурором Сталинского округа[316]. 11 сентября 1926 г. дело приостанавливалось за недостаточностью собранных доказательств[317]. Тем не менее, по постановлению Особого совещания при Коллегии ОГРУ от 26 ноября 1926 г. (на основании ст. 69 УК) священник был выслан в Казахстан сроком на три года (в 1937 г., уже по

[311] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75709 фп. Л. 84.
[312] Там же. Л. 44.
[313] Там же. Л. 63.
[314] Там же. Л. 84.
[315] Там же. Л. 89.
[316] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75712 фп. Л. 33.
[317] Там же. Л. 71.

другому делу, отец Димитрий был расстрелян)[318]. Преображенский собор в конечном счете был отдан обновленцам.

Такие «передачи» храмов от «тихоновцев» обновленцам были характерны не только для городов Донетчины, но и для сельской местности. «Передачи» проводились повсеместно как на приходах Екатеринославской епархии, так и в Харьковской, к которым, как уже отмечалось, относились в обозначенный период приходы Донецкой губернии. К примеру, 22 августа 1926 г. на приходе священника Павла Михайличенко в с. Чердаклы тоже произошла попытка провести в церковной ограде собрание и заключить договор «на Синодальную ориентацию»[319]. На момент инцидента священник Рождество-Богородицкой церкви отец Павел Михайличенко[320] подчинялся сщмч. Константину (Дьякову)[321], который 12 ноября 1927 г. был возведен в сан архиепископа и назначен управляющим Харьковской и Ахтырской епархией[322].

Священник выразил протест собранию. Ситуация временно разрешилась тем, что было решено «в другое время» провести «законное собрание с разрешения власти»[323]. Но вскоре священник был арестован, а храм занят обновленцами[324].

Говоря об общих статистических данных по «тихоновцам» и обновленцам в Донецкой губернии, следует отметить, что в 1925 г. в Мариупольском округе было 172 «тихоновских» общин, насчитывавщих 198 714 членов (прихожан), в Сталинском – 116 общин (98 534 членов), в Артемовском – 162 общин (100 555 членов). У обновленцев в Мариупольском округе было 29 общин, насчитывавших 18 911 членов, в Сталинском – 16 общин (11 988 членов) и в Артемовском – 28 общин (6 869 членов)[325]. Несмотря на очевидную поддержку со стороны властей, ОГПУ вынуждено было признать, что положение обновленцев в крае оставалось

[318] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75712 фп. Л. 112.
[319] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75735 фп. Л. 7.
[320] Родился в 1872 г., окончил Екатеринославскую духовную семинарию.
[321] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75735 фп. Л. 14.
[322] Константин // Православная Энциклопедия. Т. 36. М., 2014 г. С. 733–735.
[323] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75735 фп. Л. 7.
[324] Там же. Л. 11. (В 1937 г. священника обвинили в том, что он «является ярым врагом Советской власти и Партии» и приговорили к расстрелу (Отраслевой архив СБУ. Д. 75735 фп. Л. 27, 30)).
[325] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2007. Л. 63.

неустойчивым[326].

Но уже к 1927 г. позиции «синодалов» в Донецкой губернии значительно укрепились, что было связано, прежде всего, с ослаблением Патриаршей Церкви после кончины Патриарха Тихона. Так, в 1927 г. в Мариупольском округе количество обновленческих общин увеличилось с 29 до 42 (39 563 членов). В Сталинском округе увеличение количества «синодальных» общин шло медленнее: их стало 18 (12 624 членов). В Артемовском же округе количество обновленческих общин уменьшилось до 19 (19 152 членов). Возможно, что здесь произошел отток части прихожан-обновленцев в общины украинских автокефалистов (УАПЦ) и соборно-епископские (БОПУПАЦ), о чем будет сказано ниже. При этом количество «тихоновских» общин в губернии значительно уменьшилось. Так, на 1 мая 1927 г., в Мариупольском округе их было 53 (45 272 человек), в Сталинском – 66 (60 839 человек) и в Артемовском – 73 (78 229 человек)[327].

Наиболее резонансным событием церковной жизни конца 1920-х – начала 1930-х годов стала Декларация митрополита Сергия (Страгородского). Отношение к ней среди священнослужителей Донецкой губернии было неоднозначным. Как сказал впоследствии руководитель Донецкого епархиального управления протоиерей Арсений Кнышев, «в то время много архиереев и духовенства не признавали... Декларацию»[328].

Уже в 1928 г. прошла информация, что многие прихожане Православной Церкви стали «отходить от православной церкви, т. к. … местные священники стали служить… не так, как раньше». А в 1929 г. среди верующих Донецкой губернии распространился слух о том, что митрополит Сергий «пошел рука об руку с Соввластью» (что, по их мнению, доказывала Декларация) «и за одно с ней выдает лучших пастырей, коих сажают в тюрьмы и т. д.». От митрополита Сергия стали отходить целые приходы, которые в современной историографии принято

[326] Церковь в сводках ОГПУ. Режим доступа: http://istmat.info/node/8765 (дата обращения: 21. 08 15 г.).
[327] ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1064. Л. 9.
[328] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 23.

называть «непоминающими»[329].

Движение «непоминающих» в Донецком регионе, так же, как и в целом по стране, было очень сложным и неоднородным. С одной стороны, в это движение вошли те, кто впоследствии были причислены к лику святых, как, например, святой преподобный Варсонофий (Юрченко), одно время служивший в Донетчине[330]. А с другой – и достаточно радикально настроенные представители, как, в частности, «подгорновцы», обосновавшиеся в пос. Зайцево под Горловкой.

После выхода Декларации митрополита Сергия (Страгородского) священник из Елисаветовки (поселение в Екатеринославской губернии) привез на Донетчину воззвание митрополита Крутицкого Петра, Патриаршего Местоблюстителя. Донецкие священники «воззванию не поверили». Воззвание было понято ими как резкое осуждение митрополита Сергия (Страгородского). В следственном деле священника Белышева содержатся показания о том, что, по мнению священнослужителей, Патриарший Местоблюститель считал, что «Сергий является врагом православной церкви, т. к. ... нарушил церковный канон, и впал в обновленство», а Декларацию написал без его благословения. Но каких бы то ни было четких документальных подтверждений определенной позиции Местоблюстителя относительно сложившейся ситуации у священнослужителей не было. В связи с чем они отказались от категоричных высказываний[331]. Найденные письма Местоблюстителя священномученика митрополита Петра (Полянского) к митрополиту Сергию (Страгородскому) из Тобольской ссылки свидетельствуют о том, что в декабре 1929 г. Местоблюститель писал митрополиту Сергию о том, что тот превысил свои полномочия: «...Смею заявить, что званием заместителя Вам предоставлены полномочия только для распоряжения текущими делами, быть только охранителем существующего порядка. Я глубоко был уверен, что без предварительного сношения со мною Вы не предпримете ни одного ответственного решения». Местоблюститель с любовью призывал митрополита Сергия к исправлению: «Побуждаюсь обратиться к Вашему

[329] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75741 фп. Л. 10.
[330] Пасенко Василий, протоиерей. Документы к канонизации преподобного Варсонофия исповедника Херсонского. Режим доступа: http://archiv.orthodox.org.ua/page-666.html (дата обращения: 04. 11 19 г.).
[331] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75726 фп. Л. 26.

В[ысокопреосвященст]ву с убедительнейшей просьбой исправить допущенную ошибку... Такая Ваша решимость, надеюсь, создаст доброе настроение в Ц[ерк]ви и успокоит измученные души чад ея, а по отношению к Вам, для нашего общего утешения, сохранит то расположение, каким Вы заслуженно пользовались, и как церк[овный] деятель, и как человек. Возложите все упование на Господа, и Его помощь всегда будет с Вами»[332].

Знать об этом письме священнослужители Донетчины не могли: подобные документы властями тщательно скрывались. По этой причине ни к какому конкретному решению клирики «по... вопросу не пришли»[333]. Но поминать митрополита Сергия зачастую отказывались. Часто при отказе священника поминать митрополита Сергия на приходе происходил раскол: часть прихожан уходила со священником – часть оставалась в юрисдикции митрополита Сергия[334]. Так, например, отошел от митрополита Сергия молитвенный дом в Рыково (Енакиево). Прихожане этого молитвенного дома не поминали митрополита Сергия, но признавали своими епископами Павла (Кратирова) и Алексия (Буя). Настоятелем молитвенного дома в Рыково был священник Иоанн Протопопов. Когда на приходе встал вопрос, как «дальше проводить службу», в качестве примера была взята община города Дебальцево, священник которой тоже не признавал митрополита Сергия, но подчинялся епископу Воронежскому Алексию (Бую). Таким образом, можно предположить, что одной из первых на Донетчине отошла от митрополита Сергия (Страгородского) именно община в городе Дебальцево. Впоследствии общины в Дебальцево и Енакиево стали центрами «непоминающих» на территории современной Донецкой области[335].

Священником общины в Дебальцево был отец Феодор Павлов, 1895 г.р., уроженец с. Русская Белгородского округа, выходец из крестьян. Отец Федор окончил церковно-приходскую школу. До 1921 г. был хлебопашцем, затем был призван в Красную Армию. В 1925 г. его рукоположили в диаконы. С 1927 г. отец

[332] Воробьев Владимир, протоиерей. Косик О. В. Слово Местоблюстителя. Письма Местоблюстителя священномученика митрополита Петра (Полянского) к митрополиту Сергию (Страгородскому) из Тобольской ссылки и люди, послужившие появлению этих документов // Вестник ПСТГУ. 2009. Вып. II:3 (32). С. 37–69.
[333] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75726 фп. Л. 26.
[334] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75741 фп. Л. 10, Л. 53.
[335] Там же. Л. 10.

Феодор служил священником в с. Дроновка Белгородского округа. В 1928 г. он стал священником в городе Дебальцево, где в июле этого года была создана община[336]. Молитвенный дом в Дебальцево находился на улице Школьной, дом 9[337]. Владельцем дома, в котором разместилась община, был некто Петраков.

Сначала в молитвенном доме было 50 прихожан. Но уже к 1930 г. в большие праздники молитвенный дом не вмещал всех приезжающих, и часть православных верующих во время богослужений оставалась около дома (большею частью здесь молились приезжие). Как отмечали чекисты, службы в молитвенном доме проводились «почти каждый день с утра до вечера» (вполне возможно, сотрудники ГПУ понимали под богослужением не только собственно церковные службы, но и непрерывное чтение Псалтири, что было характерно для этой общины). У общины был свой хор. В молитвенном доме крестили, совершали «брако обручение» (по всей видимости, венчание) и продавали крестики, «изображения святых» (иконы) и т. д.[338].

В религиозную жизнь Дебальцевской общины активно вовлекались дети. В связи с резким неприятием советской власти прихожане молитвенного дома не пускали своих детей учиться в советские школы. В то же время детей часто водили «в монастырь» (общину также называли «Петраковским монастырем»)[339]. Помимо того, что дети прихожан молитвенного дома были оторваны от школы, каких-либо других особенностей (в богослужении, образе жизни и т. д.) у дебальцевских «непоминающих» нами обнаружено не было. Между тем, общину в Дебальцево сотрудники ГПУ в следственном деле (нередко со ссылкой на ее прихожан) именуют «православной общиной памяти старца Стефана Подгорного», а ее членов – «стефановцами» или «подгорновцами».

В исследовании священника Александра Мазырина приводится выдержка из протокола допроса епископа Димитрия (Любимова) от 21 декабря 1930 г., в котором отмечалось, что на Украине существовало объединение, напоминавшее секту, но сектой не считавшееся: «стефановцы» и «подгорновцы»; отличительной

[336] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75761 фп. Л. 8.
[337] Там же. Л. 9.
[338] Там же. Л. 10.
[339] Там же. Л. 11.

их чертой называлась фанатичность, выделявшая их из среды православных; в итоге подгорновцы были присоединены к православным, но сохранили за собой свое название[340].

Основателем «подгорновцев» (или «стефановцев»), чье сообщество существовало еще в дореволюционные годы, был уроженец с. Тростянец Ахтырского уезда Василий Карпович Подгорный. Подгорный утверждал, что якобы принял на Афоне монашество с именем Стефан (или был пострижен в монашество в 1903 г. в Суздале). Особенностью учения Подгорного было отрицание целомудрия в браке и неуважение к Православной Церкви и православному духовенству. Подгорный основал в Харьковской губернии «особенные» общины для молодых девушек. Это послужило причиной ссылки Подгорного в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, откуда он вел активную переписку с «духовными чадами» и куда к нему ездили почитатели, считавшие его святым. При этом почитателей Подгорного характеризовало «особое благочестие»[341].

Между тем, в изученных нами документах (в частности, в описании внутренней жизни указанных общин) нами не были обнаружены какие бы то ни было признаки, характерные именно для жизни «подгорновцев».

Между тем, енакиевские «непоминающие», по сведениям сотрудников ОГПУ, принимали «очень большое участие в беспорядках, имевших место в Енакиево при закрытии церкви»[342]. Попытка енакиевских верующих защитить свой храм вылилась в серьезные столкновения между представителями власти и прихожанами. Согласно данным следственного дела, «было много крови пролито бросали камни и т. д»[343].

После этих событий чекистами было открыто дело о так называемых «хатнических группах»[344]. По енакиевскому делу проходили люди, которые в ходе следствия дали показания на «очень сильную и организованную подпольную

[340] Цит. по: Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–х – 1930-х годах. М., 2006.
[341] Веденеев Д. В. Атеисты в мундирах: Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. М., 2016. С. 119.
[342] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75741 фп. Л. 2.
[343] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75726 фп. Л. 51.
[344] Там же. Л. 2.

группу возглавляемую священником Феодором» из прихода в Дебальцево. Скорее всего, эти показания были получены в ходе допросов под сильным нажимом или прямым физическим воздействием. Не исключено, что получение такого рода показаний было связано со стремлением властей как можно скорее найти предлог для ареста священника Феодора Павлова.

В соответствии с указанными показаниями дебальцевский молитвенный дом пытались представить как группу, имеющую филиалы, один из которых якобы существовал на станции Енакиево, откуда верующие ездили в Дебальцево. «Дебальцевская группа необыкновенно интересная подпольная организация», – сделали вывод следователи, занимавшиеся упомянутым делом. По их мнению, из Дебальцево «нити... разветвления» организации якобы «терялись где-то очень далеко чуть-ли даже не переползая границы Советской республики». На территории современной Донецкой области, помимо Енакиево и Дебальцево, «филиал» указанной группы «непоминающих», по мнению следователей, существовал и в городе Дружковке[345].

Между тем, община в с. Зайцево Горловского района, также именовавшаяся в документах ГПУ «общиной Стефана Подгорного», была очень не похожа на приходы «непоминающих» в Дебальцево и Енакиево. В этом смысле показательно, что нами не было найдено информации о том, что кто-либо из «стефановцев» из с. Зайцево проходил по вышеупомянутому делу о «хатнических группах», в котором фигурировали «непоминающие» из Дебальцево и Енакиева. В то же время надо отметить, что паломники из с. Зайцево иногда приезжали в молитвенный дом в г. Дебальцево[346].

Особенно обращают на себя внимание некоторые существенные отличия в религиозной жизни общин в Дебальцево и Зайцево. В Дебальцево у общины был свой молитвенный дом, вокруг которого концентрировалась жизнь не только собственно дебальцевской общины, но и людей из многих близлежащих населенных пунктов. Община в с. Зайцево своего молитвенного дома не имела. В

[345] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75741 фп. Л. 2.
[346] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75749 фп. Л. 10.

Дебальцево люди не только молились, но и причащались Святых Христовых Таин, тогда как в с. Зайцево «стефановцы» не причащались никогда. И, наконец, община в Дебальцево, как уже отмечалось, окормлялась владыкой Алексием (Буем). А община в с. Зайцево в описываемый нами период никому не подчинялась.

Согласно найденным нами документам, на территории Донетчины только жители Зайцево заимствовали свое учение непосредственно от Стефана Подгорного и могут считаться собственно «стефановцами», или «подгорновцами». Употребление этого термина сотрудниками ГПУ в отношении «непоминающих» из Дебальцево, Енакиево и др. общин вызывает вопросы.

Из документов следует, что члены общины в с. Зайцево дважды ездили в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь к, как они считали, «старцу Стефану». Сначала по предложению некоей женщины Агафьи (или Евдокии) в Суздаль ездило 40–45 человек[347]. Затем вместе с, согласно делу, монахом Шатохиным в Суздаль отправилась еще одна группа: Ищенкова (по делу также проходившая как монахиня), Евсюкова, Завражная и другие. В Суздале Стефан Подгорный сказал паломникам из Зайцева, чтобы они «не курили, не пили, жили мирно между собой и помогали друг другу»[348].

В 1924 г. среди прихожан Зайцевской церкви произошел раскол. Одни прихожане были за учение Стефана, другие – против. Из поддержавших учение Стефана Подгорного прихожан в 1925 г., то есть еще до выхода Декларации митрополита Сергия (Страгородского), в с. Зайцево образовалась группа (то есть община) «стефановцев», многие из которых при этом продолжали ходить в православную церковь[349].

Одним из главных организаторов «стефановской» общины в Зайцево был Федот Шатохин (согласно следственному делу, «бродячий монах»), 1883 г. р., из крестьян[350]. В 1926 г. за принадлежность к «стефановцам» он был судим и приговорен к одному году лишения свободы[351]. В дальнейшем наиболее

[347] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75749 фп. Л. 23.
[348] Там же. Л. 10.
[349] Там же. Л. 24.
[350] Там же. Л. 6.
[351] Там же. Л. 9.

активными членами «стефановской» общины в Зайцево стали, помимо Шатохина, Подзигун Иона Леонтьевич, Поздняк Василий (Афанасий) Дмитриевич, Евсюкова Дарья Свиридовна, Вожжев Иван Семенович, Завражный Василий Никифорович, Ищенкова Агафья Семеновна, Котов Андрей Пантелеевич, Хамлова Агафья Прохоровна[352]. Кроме того, со временем к «стефановцам» из с. Зайцево примкнул странник Матющенко (согласно документам, сосланный священник с Кубани)[353].

Следственное дело «подгорновцев» свидетельствует, что в религиозной жизни верующих из Зайцева после их обращения к учению Стефана Подгорного произошли большие изменения. Так, до поездки в Суздаль они никогда не молились в квартирах – только ходили в храм. Теперь же они начали собираться в доме у Ищенковой. Как сказано в деле, у нее они «молились, пели псалмы», «читали псалтирь и евангелие». Если в поселке кто-нибудь умирал, то (по приглашению) они читали Псалтирь по умершему. Сама Ищенкова «содержала молодых девочек», которые в ее «доме... молились и пели»[354]. Жили девушки у нее, начиная с 1926 г. В документах отмечается, что они выполняли все требования и поручения Ищенковой. То есть можно предположить, что уже в 1926 г. в с. Зайцево был организован «стефановский» монастырь (сама Ищенкова, возможно, действительно была монахиней). Девушки, находившиеся на послушании у Ищенковой, изредка посещали церковь, но никогда не говели и не причащались[355]. В частности, известно, что они совершали вместе с другими «стефановцами» паломничества в Дебальцевский молитвенный дом[356].

Члены общины «стефановцев» имели репутацию глубоко религиозных людей. За ними в с. Зайцево закрепилось наименование «богомольцы». Особенно удивляло жителей Зайцево то, что «стефановцы» собирались по домам читать псалмы. На этих чтениях присутствовали только взрослые (детей никогда не было). Тот, у кого читались псалмы, устраивал для всех присутствующих обед или

[352] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75749 фп. Л. 1.
[353] Там же. Л. 30.
[354] Там же. Л. 10.
[355] Там же. Л. 25.
[356] Там же. Л. 10.

ужин[357]. Параллельно с этим о «стефановцах» говорили, что многие из них сожительствуют друг с другом, а в их семьях жены изменяют мужьям и т. д. В частности, в следственном деле отмечено, что Дарья Евсюкова якобы родила ребенка от бродячего монаха Шатохина[358]. В то же время к православным «стефановцы» из Зайцева относились резко отрицательно. Так, к примеру, Федот Шатохин, Агафья Ищенкова, Василий Завражный (согласно данным дела, бывший священник, уведомивший о переходе к «стефановцам» своего правящего архиерея), Дарья Евсюкова и Ефросинья Шишкова изредка приходили в церковь, но при этом высмеивали прихожан. Был даже случай, когда священник Коханов выпроводил из церкви Панкову и Шатохина за то, что они высмеивали молящихся.

При этом у «стефановцев» из Зайцево были свои «духовные матушки», например, уже упоминавшаяся Ефросинья Шишкова (к моменту следствия умершая)[359] и некая Агафия, в дальнейшем, в 1934 г., ездившая в Киев к монаху Евстафию (он был насельником Троицкого монастыря г. Киева и имел дом на окраине)[360]. Агафье монах Евстафий якобы «предрек», что советская власть – «власть безбожная, разорительница святых храмов» – должна «в скором времени погибнуть», после чего «власть будет другая и на престол взойдет царь Михаил». Евстафий также якобы призвал, «чтобы... детей... не допускали в школы по той причине, что их учат безбожному», и т. д.[361]. Из материалов следственного дела следует, что многие зайцевские «стефановцы» – в прошлом священнослужители или монахи: священник Иона Подзигун, монах Василий Завражный, монах Федот Шатохин, монахиня Агафья Ищенкова, и они действительно настраивали жителей Зайцево против клубов и театров, призывали не принимать участия в демонстрациях и праздниках и требовали, чтобы родители не пускали детей в школы и «культурные учреждения»[362].

В 1935 г. суд приговорил: Ишенкову Агафью Семеновну к 3 годам лишения свободы, Завражного Василия Николаевича к 3 годам лишения свободы,

[357] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75749 фп. Л. 26.
[358] Там же. Л. 25.
[359] Там же. Л. 141.
[360] Там же. Л. 150.
[361] Там же. Л. 151.
[362] Там же. Л. 180.

Приданчука Василия Дмитриевича к 4 годам лишения свободы, Шатохина Федора Владимировича к 7 годам лишения свободы, Подзигуна Иону Семеновича к 7 годам лишения свободы[363].

Исходя из изложенного, можно заключить, что на Донетчине существовало два религиозных направления, которые чекистами отождествлялись со «стефановцами». В первом преобладали традиционные православные устои (общины в г. Дебальцево, Енакиево и др.). Второе же беспрекословно следовало указаниям Стефана Подгорного (община в Зайцево). Для представителей второго, «зайцевского», направления характерно негативное отношение к православию. Кроме того, согласно следственному делу, у них, вероятнее всего, практиковались внебрачные отношения между членами общины (в том числе монашествующими), что считается недопустимым у православных. То, что общины в Енакиево и Дебальцево в документах чекистов отождествлялись со «стефановцами» или «подгорновцами», возможно, было связано с именем внука Стефана Подгорного – Василия Подгорного, в 1922 г. рукоположенного во иерея (священника), а в 1927 г. назначенного епископом Алексием (Буем) благочинным иосифлянских приходов на Украине и Северном Кавказе[364].

Что касается общины «подгорновцев» в Зайцево, следует отметить, что, даже несмотря на начавшиеся аресты, к 1930-м гг. община не исчезла. Ее члены по-прежнему называли свое сообщество монастырем. Кроме того, в это время «подгорновцы» из Зайцево даже нашли обещанного «киевским старцем» будущего «царя Михаила», который якобы должен был прийти на смену советской власти. Им стал называвший себя «епископом Михаилом, викарием Киевской епархии» и «священноархимандритом Киево-Печерским» А. В. Костюк[365]. В начале 1930-х гг. он взял монастырь в с. Зайцево под свое «окормление», а впоследствии, в 1939 г., несколько месяцев скрывался в монастыре Зайцево от ареста. При этом сам Костюк в 1930-е гг. юрисдикционно уже не подчинялся ни одному архиерею.

В связи с тем, что на Украине существует запрет на выдачу дел граждан,

[363] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75749 фп. Л. 225–226.
[364] Веденеев Дмитрий. Как чекисты с «пророками» боролись. Режим доступа: https://religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/16008-kak-chekisty-s-prorokami-borolis.html (дата обращения: 05. 11 19 г.).
[365] Пидгайко В. Г. Истинно православные христиане // Православная Энциклопедия. М., 2011. С. 704–716.

репрессированных менее, чем 75 лет назад, нам не удалось ознакомиться с делом репрессированного Александра Васильевича Костюка (архимандрита Михаила), и мы вынуждены ссылаться на исследования о нем, написанные в 1990-х гг., когда доступ к документам был еще открыт. По одним данным, архимандрит Михаил (Костюк), 1871 г. р., уроженец г. Глухова, в 1919 г. все-таки принял монашеский постриг, в августе 1922 г. был рукоположен во иеромонаха в Никольском монастыре г. Киева[366]. По другим данным, Александр Васильевич Костюк родился в 1892 г. в Киеве. В 1904 г. окончил министерскую школу, в 1908 г. – Киевскую военно-фельдшерскую школу. В 1909 г. сдал экзамен об окончании кадетского корпуса генерала графа Муравьева-Амурского в Хабаровске. В 1914 г. был мобилизован с четвертого курса в армию, после ранения вернулся в Киев, работал в госпитале и одновременно учился на медицинском факультете Киевского университета.

После встречи в Киево-Печерской лавре (где Костюк на тот момент работал врачом) со схиигуменьей Михаилой (Щелкиной) (духовной дочерью Голосеевского старца Алексия (Шепелева)) Костюк стал ее послушником. Заведовал канцелярией схиигуменьи. Возможно, учился в Петроградской духовной академии. В 1922 г. Костюк был рукоположен во иерея. В 1924 г. якобы именным указом Патриарха Тихона был назначен священноархимандритом Киево-Печерской Лавры «с правом ношения панагии, дикирия и трикирия». После закрытия лавры служил в тайном монастыре в Киеве. После выхода Декларации митрополита Сергия (Страгородского) Костюк не принял ее, так же, как и схиигумения Михаила. Отношения с «иосифлянами» у него тоже не сложились: архимандрит Михаил (Костюк) не захотел подчиняться владыке Иосифу (Петровых) и поминать митрополита Петра (Полянского). Архимандрит Михаил и схиигумения Михаила создавали тайные монашеские общины. Помимо Киева, такие общины были образованы в Киевской, Кировоградской, Полтавской, Сумской, Черкасской и Черниговской областях. После смерти схиигумении

[366] Веденеев Дмитрий. Как чекисты с «пророками» боролись. Режим доступа: https://religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/16008-kak-chekisty-s-prorokami-borolis.html (дата обращения: 05. 11 19 г.).

Михаилы в 1939 г. и ее похорон архимандрит Михаил в течение четырех месяцев скрывался от ареста в монастыре общины «подгорновцев» в с. Зайцево Горловского района Сталинской (Донецкой) области. Исследователь И. Осипова утверждает, что с весны 1940 г. архимандрит Михаил (Костюк) уже ожидал приближающуюся войну с немцами как освободительную. Автор сообщает, что Костюком была создана тайная община в Донецкой области[367]. Здесь, по всей видимости, подразумевается община в Зайцево, которая, как уже отмечалось, была создана ранее как «подгорновская», а позднее перешла под начало архимандрита Михаила (Костюка).

Признаком «неканоничности» Православной Церкви в советской России Костюк считал то, что в ней «без соборного постановления прекратили поминовение Царствующего Дома РОМАНОВЫХ, не исправив богослужебных и церковных книг». В дальнейшем, в годы Великой Отечественной войны, Костюк также «ни одному из епископов... не подчинялся, т. к. считал их неправославными и никаких отношений с ними не имел». Согласно данным журнала «Символ», архимандрит Михаил (Костюк) показал на допросе, что «для сохранения преемства царской власти» он был «схиигуменьей Михаилой в 1929 г. помазан на царство и, таким образом», являлся «царем Всероссийским». «Помазание», согласно сведениям журнала «Символ», произошло 15 ноября 1929 г. В дальнейшем, в сентябре 1941 г., к Костюку явился некий странник Михей, «предрекший», что после власти немцев в России якобы должна установиться власть царя[368], коим Костюк считал себя.

Если исходить из того, что «духовная матушка» Зайцевской общины узнала о грядущем «царе Михаиле» в 1934 г., а архимандрит Михаил (Костюк) был «помазан на царство» в 1929 г., можно предположить, что «подгорновская» община в с. Зайцево перешла под окормление Михаила (Костюка) в середине 1930-х гг. Как будет показано далее, Костюк был связан с этой общиной до конца оккупации.

---

[367] Осипова Ирина. Сквозь огнь мучений и воды слез. Судьба движения «Истинно-Православная Церковь». М., 1998.

[368] Смирнов А. Киевский подпольный ставропигиальный монастырь // Угасшие непоминающие в беге времени. - Символ, 1998. - №40. С. 251.

Как упоминалось, Дебальцевская, Енакиевская и Дружковская общины «непоминающих» (опять-таки, в отличие от подгорновской общины в Зайцево) проходили по делу о т. н. «хатнических группах». Помимо указанных общин под дело о «хатнических группах» подвели и другие общины «непоминающих» Донетчины. К этим «хатническим группам» якобы имел отношение священник Толмачев (имя клирика в следственном деле не указано). Согласно следственному делу, в 1927 г. в Харькове священник Толмачев познакомился с епископом Павлом (Кратировым). Беседа якобы касалась организации «подпольных хатнических групп» на территории Донетчины, вследствие чего в дальнейшем эти «хатнические группы» получали «директивы» епископа Павла (Кратирова) и епископа Алексия (Буя), объединившихся «вокруг митрополита Ленинградского Иосифа и епископа Дмитрия Гдовского». В деле отмечается, что «непоминающих» якобы объединила «непримиримая борьба против советской власти»[369]. Помимо священника Толмачева, в связях с владыкой Алексием (Буем) и в создании по его указанию «хатнических групп» обвинили поставленного владыкой благочинного – священника Митрофана Дузя из поселка Щербиновка[370].

Какими были представители «хатническим групп» и чего именно опасались власти, можно судить по монаху «Ананину» (или Анании) (Чорноволу) из общины в Ханжонково (пригород г. Макеевки). Монах Анания, согласно материалам дела, открыто заявлял, что «все церкви ныне существующие – есть живые, а живисты угнетают вместе с безбожниками и антихристами» православный народ, а «неподчиняющихся сажают в тюрьмы и т. д.». Анания привозил в Донецкую губернию брошюры «непоминающих», зачитывал их людям и призывал прихожан Дебальцева убеждать верующих, «которые ходят к живистам», не делать этого. Своим непосредственным епископом монах Анания называл владыку Иоасафа (Попова)[371], епископа Бахмутского (Артемовского) и Донецкого.

Благочинным Сталинского и Артемовского округа «непоминающих» в этот

[369] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75741 фп. Л. 13.
[370] Там же. Л. 60–62.
[371] Там же. Л. 10.

период был уже упоминавшийся священник Митрофан Афанасьевич Дузь, получивший свои полномочия от епископа Воронежского Алексия (Буя)[372].

Следует отметить, что находившиеся на территории Донецкой области приходы «непоминающих» окормлялись и епископом Старобельским Павлом (Кратировым). При этом, по всей видимости, четкой юрисдикционной границы между территориями архиереев не было. По этой причине среди «непоминающих» священнослужителей иногда возникала ситуация, когда они сами решали, какому архиерею подчиняться. Например, в следственном деле упоминается, что священник Толмачев ряду клириков «предлагал подчинятся... Епископу... Старобельскому», но некоторые священники все-таки «остались в подчинении епископа Воронежского»[373]. Позже «непоминающие» приходы Донецкой области перешли под окормление владыки Иоасафа (Попова).

Летом 1929 г. монах Анания (Чорновол) «настоял на приезде в... благочиние епископа» Иоасафа: они вместе ездили по приходам, были в Артемовске (Бахмуте), Енакиеве[374], Ханжонково. В следственном деле монаха упоминается эпизод, имевший место в ходе этой поездки. Случилось, что власти именно в это время закрывали заводскую церковь[375], в которой по благословению епископа Иоасафа служил иерей Георгий[376]. Согласно следственному делу, епископ Иоасаф сказал священникам по поводу закрытия храма: «Вот... видите до чего доводят... защитники Сергеевской декларации, которые... вместе с Соввластью уничтожают религию».

Помимо названных районов, общины, не принявшие Декларацию митрополита Сергия и призывавшие «не ходить к безбожникам в церкви» и «не пускать детей в школы», имелись в Щербиновском районе (здесь священник Григорий Никитин и учительница Елизавета Закревская ориентировались на Дебальцевскую общину «непоминающих»); в с. Авдеевка (здесь, согласно данным следственного дела, священник служил, «как в старые времена», и вместе с

[372] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75741 фп. Л. 63.
[373] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75726 фп. Л. 25.
[374] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75741 фп. Л. 53.
[375] Там же. Л. 11.
[376] Георгий Никитич Никитин. Православная Энциклопедия. М., 2006. Т. XI. С. 10.

монахиней Александрой читал брошюры «против соввласти»)[377] и в ряде других мест. В следственном деле отмечается, что «непоминающие» занимались «агитацией» не только в храме, но и «среди крестьян на базаре»[378], то есть за оградой храма.

Исследователь И. Осипова в составленном ею списке «непоминающих» на Украине указывает священника Серафима Кириллова[379]. Согласно найденным нами документам, священник Серафим Кириллов жил в г. Сталино, «нелегально» («по домам верующих») освящал воду, «паски» (так на Украине называют куличи), крестил детей. Отец Серафим призывал прихожан «подписываться» «за открытие церквей и молитвенных домов», в связи с чем сам ездил с ходатайством в Киев и рекомендовал прихожанам ехать в Москву[380]. Этот священник считал, что советская власть «хороших людей выслала, а крестьян загнала в колхозы»[381]. Отец Серафим ездил к священнику Липчинскому из села Григорьевка №1 Сталинского района (в следственном деле не упоминается его имя, но отмечается, что он пользовался популярностью у верующих как известный духовник)[382]. Впоследствии, в 1931 г., отец Серафим Кириллов был осужден на три года, а в 1937 г. приговорен к расстрелу[383]. Но четких указаний на то, что священники Серафим Кириллов и Липчинский были «непоминающими», нами найдено не было.

Между тем, согласно данным исследователя И. Осиповой, отец Серафим Кириллов проходил по одному делу с монахиней Пелагеей (Бойко), 1885 г. р., уроженкой Гродненской области, в середине 1920-х гг. находившейся на нелегальном положении. В 1931 г. она была арестована как «участница и связная Сталинской группы Харьковского контрреволюционной монархической организации ИПЦ». После освобождения монахиня Пелагея, так же, как и отец

---

[377] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75741 фп. Л. 11.
[378] Там же. Л. 12.
[379] Осипова Ирина. Сквозь огнь мучений и воды слез. Судьба движения «Истинно-Православная Церковь». М., 1998.
[380] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75731 фп. Л. 10.
[381] Там же. Л. 14.
[382] Там же. Л. 8.
[383] Там же. Л. 23–24.

Серафим, вернулась в Донецкую область[384].

Предположительно «непоминающие» были и в Мариуполе. Вероятно, это были обвиненные 15 марта 1931 г. М. М. Михайловская, ее муж, А. М. Михайловский, две падчерицы Михайловской (Медвецкая; Даниленко); М. К. Кузнецова и ее муж, М. Е. Кузнецов, в прошлом послушник Троицкого Матренинского и Кизилташского монастырей. Дом Кузнецовых называли в Мариуполе «монастырем». В то же время эти люди помогали заточенному свмч. Антонию (Панкееву), который не относился к числу «непоминающих». Некоторое время владыка жил у Медвецкой на квартире[385]. Таким образом, с уверенностью отнести упомянутую группу к числу «непоминающих» не представляется возможным.

В епархиальном отчете уполномоченного за 1947 г. указывалось, что на тот момент на территории Донецкой области существовали группы «кирилловцев». Исходя из того, что в отчете указывалось, что «кирилловцы» были сосредоточены на станции Дебальцево и в с. Зайцево Горловского района и изредка посещали православные храмы (одновременно устраивая свои «моления»[386]), можно предположить, что «кирилловцами» в отчете были названы выше описанные общины «непоминающих», располагавшиеся в этих районах в довоенное время, в том числе «подгорновцы» из Зайцево.

Следует отметить, что, помимо «подгорновцев» из с. Зайцево, в описываемый нами период на территории современной Донецкой области существовало еще одно религиозное объединение, которое советские власти были склонны рассматривать негативно, – это община т. н. «иоаннитов» в с. Ольгинка. Ее руководителем был священник Пантелеимон Еременко[387]. В детстве и юности он был хористом, затем псаломщиком. Еще при жизни святого праведного Иоанна

---

[384] Осипова Ирина. Сквозь огнь мучений и воды слез. Судьба движения «Истинно-Православная Церковь». М., 1998.

[385] Таненков А. Катакомбный монастырь в мариупольских Садках, или История одного советского судебного процесса. Режим доступа: http://apologetika.eu/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=2593&mode=thread&order=0&thold=0 (дата обращения: 21. 08 15 г.).

[386] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

[387] Пантелей Еременко, 1869 г. р., уроженец села Егоровка, житель села Ольгинка Сталинской области, из крестьян-середняков (Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75755 фп. Л. 15).

Кронштадтского отец Пантелеимон читал брошюры о нем, а после смерти Кронштадтского пастыря, в 1909 г., поехал в Петроград, чтобы поклониться его гробу и больше узнать о его жизни и деятельности. Там же отец Пантелеимон купил книгу проповедей отца Иоанна Кронштадтского (впоследствии изъятую при аресте) и несколько брошюр о батюшке[388].

Таким образом, почитатели святого праведного Иоанна Кронштадтского в с. Ольгинка появились еще в 1909 г. Вполне возможно, что единомышленниками отца Пантелеимона были названные им на допросе (и обозначенные в следственном деле как участники группы «иоаннитов») Иващенко Петр Алексеевич, 1874 г. р. (согласно делу, выходец из кулаков); Кучеренко Николай Терентьевич, 60-65 лет, (бывший кулак); Кучеренко Павел Терентьевич, брат Николая Терентьевича (также бывший кулак); Кудлай Андрей Григорьевич, 50 лет, из крестьян, служил в красной армии; Кучеренко Мария Трофимовна, 47-50 лет, из крестьян-бедняков. До 1921 г. руководителя у «ольгинских» «иоаннитов» не было[389], что можно объяснить тем, что почитание памяти отца Иоанна Кронштадтского среди упомянутых жителей с. Ольгинка не приняло аномальных форм и не привело к разрыву с Православной Церковью.

Что касается Пантелеимона Еременко, он 1921 г., в Мариуполе, в Харлампиево-Власьевской церкви, был рукоположен в диакона впоследствии перешедшим в обновленчество епископом Андреем (Одинцовым)[390]. В следственном деле отмечается, что в том же 1921 г. «ольгинских» «иоаннитов» якобы возглавил некий Григорий. Однако дававший показания по этому вопросу священник Еременко утверждал, что Григория никогда не видел (несмотря на то, что в период с 1921 по 1928 годы последний будто бы несколько раз приезжал в село Ольгинку). Кроме того, в деле (вопреки вышесказанному) также отмечается, что в 1921–1928 гг. общиной «иоаннитов» в Ольгинке руководил некий Иващенко – «как наиболее грамотный и убежденный». Как следует из следственного дела, «деятельность» общины «иоаннитов» заключалась в том, что ее члены

[388] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75755 фп. Л. 17–18.
[389] Там же. Л. 24.
[390] Там же. Л. 17.

«собирались друг у друга» и читали «стихи и книги монархического содержания»[391].

В 1928 г. в городе Ельце владыкой Алексием (Буем) диакон Пантелеимон Еременко[392] был рукоположен в сан священника в Православной Церкви. Согласно данным следственного дела, Еременко считал, что «руководимая патриархом Тихоном» «Старая Святая Соборная Апостольская церковь» стояла на твердых позициях, «не признавая советскую власть». Поэтому он открыто заявлял о том, что считает, что «Сергий... продался советской власти»; и «призывал... не верить в Сергия, а быть верным старой церкви и идеям Тихона»[393]. Священник также призывал не ходить в церковь, в которой «служат советские священники»[394], т. е. священнослужители, признающие митрополита Сергия (Страгородского), и обновленцы. Отец Пантелеимон проповедовал «по селам Ольгинского района Карловке, Новотроицком» и т. д. и нелегально «служил по квартирам». В деле есть указание, что таких «непоминающих» священников, как Еременко, в народе называли «стригунами» и «артистами»[395].

Согласно данным дела, «иоанниты» враждебно восприняли коллективизацию. Это стало одной из причин репрессий против них. В 1929 г. священник Пантелеимон Еременко был отправлен в ссылку на Север, братья Кучеренко – сосланы в отдаленные районы, Иващенко был выслан в Сталино, а Степаненко и Кудлай направлены на принудительные работы на угольные рудники. После 1932 г. ссыльные вернулись в Ольгинку[396]. Они возобновили свою легальную деятельность уже во время фашистской оккупации региона в годы Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что каких-либо связей или попыток сотрудничества между «непоминающими» и поддержавшими митрополита Сергия (Страгородского) в Донетчине нами выявлено не было. Скорее всего, причиной отсутствия контактов было то, что «непоминающие» были настроены достаточно

[391] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75755 фп. Л. 24–25.
[392] Там же. Л. 17.
[393] Там же. Л. 18–19.
[394] Там же. Л. 36.
[395] Там же. Л. 38–39.
[396] Там же. Л. 25, Л. 26.

враждебно по отношению к тем, кто признавал юрисдикцию митрополита Сергия. Среди «непоминающих» бытовало мнение, что «лучше... церкву пусть закроют, чем иметь священника... давшаго подписку Советской Власти»[397].

В данной связи представляет интерес эпизод, связанный с попыткой группы «непоминающих» перетянуть на свою сторону священника из Лубенского раскола (БОПУПАЦ)[398]. Михаил Варяница был уроженцем села Алексеевка. Это село находится недалеко от станции Попасная на территории современной Луганской области[399]. В 1929 г. староста церкви станции Попасная, находившийся в Лубенском расколе, пригласил Варяницу в свой храм на должность регента-псаломщика. В 1931 г. Варяницу рукоположили во священники БОПУПАЦ. Через три недели после его рукоположения храм был закрыт. В то же время храм в с. Ново-Александровке, община которого отказалась поминать митрополита Сергия («непоминающие»), еще функционировал, и его прихожане попытались «перетянуть» к себе Михаила Варяницу в качестве священнослужителя.

На данном примере можно проследить отношение друг к другу представителей Лубенского раскола и «непоминающих». Для «лубенского» священника Варяницы, согласно его показаниям в следственном деле, «непоминающие» – это верующие, имевшие «не легализованное состояние и сообщение с Епископом, не получившим от Соввласти разрешение на Управление церквями». В свою очередь, для «непоминающих» неприемлемым в сторонниках главы Лубенского раскола Феофила (Булдовского) было то, что «их епископ по новому служе», в то время, как они, «непоминающие», служат «по старому»[400].

При этом «непоминающие» из Ново-Александровки, вероятно, плохо разбирались в особенностях канонического строя Православной Церкви. Из материалов следствия видно, что они были убеждены в том, что в Николаевке служит «священник, который заменяет епископа» для «непоминающих», и что есть «где то Православный Епископ который и доверил ему, пасти стадо Истинно

[397] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75710 фп. Л. 10 об.
[398] Там же. Л. 1.
[399] Там же. Л. 4.
[400] Там же. Л. 9–10.

Христово в этом районе»[401].

В храме «непоминающих» в Ново-Александровке постоянного священника не было с 1931 г., и здесь поочередно служили отец Сергий Свиридов из Артемовска, отец Иоанн, отец Аверкий, отец Стефан Гуща. С сентября 1932 г. на приходе в Ново-Александровке начал служить священник Михаил Варяница[402]. Его пригласили староста храма Елена Чаленко и ее муж[403]. Очевидно, что убеждения этой супружеской пары существенно отличались от настроения других «непоминающих». В частности, они договорились с Варяницей, что в случае перехода Ново-Александровской церкви в Лубенский раскол священники из юрисдикции Феофила (Булдовского) будут по очереди служить на приходе до тех пор, пока не найдется постоянный священник[404].

Как видно, говорить о четкой и принципиальной позиции общины «непоминающих» в Ново-Александровке не приходится. Вероятно, прихожане храма не разбирались в сути существовавших на Украине церковных расколов и нестроений. В конечном счете возможность быть в церкви и жить церковной жизнью перевешивала, и эти «непоминающие» готовы были принять священника из возглавляемого Булдовским непризнанного сообщества.

Таким образом, наиболее резонансным событием общецерковной жизни конца 1920-х – начала 1930-х годов на Донетчине стала Декларация митрополита Сергия (Страгородцева). Отношение к ней у православных священнослужителей региона было неоднозначным. В большинстве своем духовенство Декларацию не поддержало, в связи с чем и было связано появление на территории области «непоминающих». Между тем, само это течение на территории Донецкого региона было очень неоднородным, о чем свидетельствует в том числе то, что даже общины, названные в следственных делах «стефановскими», значительно отличались друг от друга.

Что касается «самосвятской» Украинской автокефальной православной церкви, то, согласно Справке УАПЦ «Статистические сведения о деятельности

[401] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75710 фп. Л. 10–10 об.
[402] Там же. Л. 17.
[403] Там же. Л. 21.
[404] Там же. Л. 10.

Украинских Православных Приходов на 1 июня 1923 года, «в 1921–1922 гг. на территории современной Донетчины автокефалистских приходов не было. Три прихода УАПЦ в Ново-Славянском уезде Донецкой губернии были впервые образованы в 1923 г. В указанной справке как относящийся к Донетчине числился и приход УАПЦ в г. Екатеринодар (современный Краснодар), входившем на тот момент в состав Донецкой губернии. В полном «Реестре Украинских Православных Приходов в странах и уездах» были отмечены все автокефалистские приходы на Украине. В частности, на Киевщине, согласно реестру, значилось 539 приходов УАПЦ, на Волыни – 16, на Подолье – 18, в Одесской, Николаевской, Херсонской областях – 12-16, на Слобожанщине – 11, на Полтавщине – 105, в Черниговщине – 108. На Донетчине (в Славянском уезде) в это время числилось всего 5 приходов автокефалистов[405] (причем один из них – в Екатеринодаре, а второй – в Луганске, на тот момент тоже входившем в состав Донецкой губернии; об этих приходах будет сказано ниже). Таким образом, на территории современной Донецкой Народной Республики действовали лишь 3 автокефалистских прихода, относившиеся к Бахмутской епархии УАПЦ. Кафедральным собором УАПЦ на Донетчине стал Ново-Славянский Александро-Невский собор на станции Славянск, настоятелем которого являлся протоиерей Петров.

23 марта 1923 г. община Ново-Славянского кафедрального собора УАПЦ вместе с «архиепископом Слобожанщины Александром» (т. е. автокефалистским архиепископом Харьковским Александром (Ярещенко)) отправила поздравительную телеграмму на имя митрополита УАПЦ Василия (Липкивского). Исходя из данного факта, можно сделать предположение, что Ярещенко первоначально окормлял не только приходы автокефалистов на Слободской Украине, но также открываемые общины УАПЦ на Бахмутщине[406]. В дальнейшем, в 1925 г., автокефалистским архиереем с титулом Бахмутский и кафедральным собором в Славянске был епископ Николай (Пивоваров). Но, по всей видимости,

[405] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75710 фп. Л. 3.
[406] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 475. Л. 2.

его пребывание на Донетчине было недолгим: согласно автокефалистской сводке по архиереям, в 1922–1926 гг. Пивоваров был «коротко на разных кафедрах»[407]. Кроме него, возможно, на этой же кафедре был упоминавшийся в документах некий епископ Амвросий[408].

Несмотря на усилия представителей УАПЦ, дело распространения «Украинской церкви» за пределы Киевской и близлежащих к ней областей шло не слишком успешно, и это вынуждены были признать сами автокефалисты, в том числе Ярещенко. Что касается факторов, препятствовавших распространению УАПЦ в Донецком регионе, их было несколько. Прежде всего, это отсутствие «національноі свідомості» (то есть национального сознания) среди большинства населения Донетчины, которое было крайне далеко от идеалов украинского национализма. Кроме того, каноническую несостоятельность непризнанной УАПЦ православные верующие в большинстве своем хорошо сознавали, как, впрочем, понимали это и сами автокефалисты. Помимо этого, имело место неприятие УАПЦ со стороны местных гражданских властей, которые видели в «самосвятах-липкивцах» «приспешников Петлюры». Также сказывались раздоры и элементарная человеческая непорядочность в рядах самих автокефалистов.

Согласно удостоверению, выданному Ярещенко ВПЦС (Всеукраинским православным церковным советом) 23 сентября 1921 г., изначально он был «главно уполномоченный Церковного Совета на Полтавщину и Харьковщину в деле консультативной помощи украинской верующей общественности и организации церковных служб на украинском языке». Несмотря на то, что церковный совет просил органы советской власти «благоприятно отнестись к работе гражданина Ярещенко, а церковно-религиозные организации, учреждения и всех граждан помогать ему, в чем только будет необходимость»[409], сам Ярещенко в ноябре 1921 г., в одном из писем к Михаилу Наумовичу Морозу, сообщал, что, «как и раньше Губ’юст Харьковщины с группой клерикального духовенства во главе с Буткевичем терроризируют» приверженцев УАПЦ «разными

[407] Иерархия литургических церквей. Иерархия Украинской Автокефальной Православной Церкви (после 1921). Режим доступа: hierarchy.religare.ru/h–orthod–uapc21.html (дата обращения: 28. 10 15 г.).
[408] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 498. Л. 2.
[409] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 259. Л. 7 (Перевод с украинского – М. Р.)

провокационными слухами». В частности, речь шла о том, «что половина соборян уже расстреляна» и «что все автокефалисты будут постепенно уничтожены». Ярещенко также жаловался, что если власти и выделяли автокефалистам храмы, то исключительно маленькие. Таким образом, в описываемый период советская власть уже не поддерживала автокефалистов, как прежде, поскольку убедилась в их неэффективности в антицерковной борьбе.

У автокефалистов в это время также были немалые проблемы с кадрами. Как говорит в том же письме Ярещенко, «беда в том, что ни на Полтавщине, ни на Слобожанщине нет протодиакона, и даже кандидатов никак не подыщем»[410]. Можно предположить, что аналогично складывалась ситуация с национальной церковью и в других районах, в том числе на Донетчине, немногочисленность автокефалистских приходов в которой сами автокефалисты объясняли «общими сложностями».

Важную информацию, позволяющую увидеть ситуацию в УАПЦ изнутри, предоставляют частные письма. Так, например, в письме от 12 февраля 1922 г. автокефалистский священник[411] из Елисаветграда (ныне – Кропивницкий), описывая «состояние церковное вокруг», констатирует, что «дело с украинизацией... церкви... в... городе не продвигается». Объясняет он это тем, что «городская общественность украинская распылена, запугана, голодна» и «не проявляет активности, выжидает». Но, как считал клирик УАПЦ, основным препятствием в деле распространения Украинской церкви было то, что верующие требовали от него «точное указание, каким каноническим правилом (Вселенского Собора или Апостольским) руководствовался Всеукраинский церковный Собор, когда поставил сам (без Патриарха) епископов для Украинской Церкви». Как видно из письма, это был «главный вопрос, с которым... на каждом шагу» приходилось сталкиваться автокефалистским священникам. «Самосвятский» клирик также жаловался на то, что православные «благочинные разослали оповещения о еретических событиях», к которым они относили «в том числе и

[410] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 102. Л. 27.
[411] В автографе фамилия автора не указана, но из содержания письма видно, что он являлся священником УАПЦ.

незаконное якобы избрание... епископов» УАПЦ. В связи с этим автокефалистский священник высказывал мнение о том, что УАПЦ следовало бы получить «благодать» «от Патриарха Грузии»[412].

Что касается внутрицерковных взаимоотношений между автокефалистами, их тоже нельзя было назвать безоблачными. Существуют косвенные указания на конфликты в их среде в Донецкой губернии. Так, в письме к Всеукраинскому православному церковному совету председатель «Подольского краевого церковного совета» охарактеризовал «состояние Украинской Православной Церкви на Подолье» как «катастрофическое». При этом, сообщая о «недоразумении», которое имело место между «Подольским советом» и местным архиепископом Иоанном, председатель косвенно упоминает о негативном поведении архиерея УАПЦ в Славянске. В частности, Подольский владыка сравнивается с епископом Славянским Амвросием. Он «по примеру еп. Амвросия (славянского)» позволял себе оскорбительное отношение к священникам УАПЦ[413].

Следует отметить, что представители УАПЦ пытались наладить отношения с обласканными советскими властями «живоцерковниками», то есть обновленцами. Но, как следует из документов, не слишком в этом преуспели. Так, священник УАПЦ Алексий Сердюк в 1923 г. занимался украинизацией церковной жизни в городе Краснодаре. В связи с этим он обратился с письмом в обновленческое «Кубанско-Черноморское епархиальное управление»: «Просим Кубанско-Черноморское Епархиальное Управление найти возможным предоставить помещение «в сторожке» при Екатерининском Соборе, или в сторожке иного храма города Краснодара, для собрания членов учредителей Краснодарского религиозного общества верующих украинской православной автокефальной всенародно-соборной православной церкви» (21 июля 1923 г., г. Краснодар)[414]. В обновленческом епархиальном управлении отказ предоставить УАПЦ помещение мотивировали тем, что их «за это не пожалует ВЦУ». По словам Сердюка, его разговор с краснодарскими обновленцами сопровождался

[412] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 255. Л. 1 (Перевод с украинского – М. Р.)
[413] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 498. Л. 2 (Перевод с украинского – М. Р.)
[414] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 476. Л. 5 об.

«оскорбительными нападками» со стороны «живоцерковников». В частности, обновленцы заявили священнику УАПЦ, что автокефалисты держат «за пазухой контрреволюционный камень «петлюровщину». Сердюк привел слова обновленческого священника Делавериди: «Я вам открыто заявляю Я председатель Кубанско Черноморского Епархиального Управления священник Делавериди буду всеми силами мешать вашему начинанию. Вы должны знать что это говорит Делавериди. Все вы будете там где Петлюра»[415]. Несмотря на столько категоричную позицию Делаверили, автокефалистский приход в Краснодаре был открыт.

В отличие от ситуации в Краснодаре, в том случае, если в городе находились жители, которые сами изъявляли желание открыть украинский приход (как это, например, случилось в Луганске), расходы по его организации и оформлению община брала на себя. Но и при таких, казалось бы, благоприятствующих обстоятельствах не обходилось без недоразумений. Так, в 1924 г. в Луганске разгорелся конфликт из-за трех червонцев, которые еще в 1923 г. жители Луганска Овсиенко и Панченко выдали Морозу «на билеты и другие расходы». Червонцы были даны с тем условием, что Мороз немедленно («не больше чем через неделю») приедет в город «по делу основания прихода Автокефальной Церкви». Несмотря на договоренности и полученные средства, Мороз в Луганск не явился. Причины, по которым Мороз не приехал, благотворителям известны не были, и они вполне обоснованно начали настаивать на том, чтобы их деньги либо вернули им, либо оприходовали[416]. В августе 1924 г. был сделан запрос, и находившийся в Одессе Мороз 13 октября 1924 г. подтвердил, что в марте 1924 г. в Харькове Овсиенко и Панченко просили его приехать к ним в Луганск «для помощи им в деле основания прихода». Мороз признал, что Овсиенко дал ему три червонца на расходы. Причины, по которым он не прибыл в Луганск, Мороз не указал, а так как деньги получал «персонально», то предложил считать полученные им от Овсиенко средства использованными на покрытие ему «долга со стороны ВПЦР»

[415] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 476. Л. 3–5.
[416] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 72. Л. 54.

в размере 30 рублей[417].

Данная ситуация сама по себе наглядно характеризует как людей, которые входили в состав автокефальной церкви, так и взаимоотношения между ними. Как следствие, отношение к автокефалистам со стороны православных верующих было чаще всего негативным. Так, в одном из частных писем православного священнослужителя из Мариуполя говорится, что «на Украине самосвяты оказались политиканствующими прохвостами, губящими дело Церковное»[418].

Относительно статистики УАПЦ по Донетчине можно привести следующие данные: в 1925 г. в Артемовском округе было 3 автокефалистских общины общей численностью 211 человек. В Луганске также была одна община УАПЦ[419], но уже к 1927 г. она прекратила свое существование и в Ведомости о количестве религиозных объединений не значилась. 3 общины в Артемовском округе в 1927 г. еще существовали, и численность их прихожан увеличилась до 1703[420].

При этом общее количество автокефалистов на территории современной Донецкой области был невелико. Об отсутствии сколь-либо значимых личностей в донецком автокефалистском движении косвенно свидетельствует тот факт, что в современном издании о репрессированных автокефалистах, составленном на основе архивов НКВД–КГБ («Репресовані діячі Українскоі Автокефальноі Православноі Церкви» – «Репрессированные деятели Украинской Автокефальной Православной Церкви») не фигурирует ни один деятель УАПЦ, относящийся к Донецкому региону[421].

Тем не менее, в целом по Украине количество приходов УАПЦ росло. Так, в 1921 г. в республике было зафиксировано 300 автокефалистских приходов, в 1922 г. – около 600, в 1923 г. – 800, в 1924 г. – 1200, а на 15/X–25 г. – уже 1600[422]. Данный рост числа приходов УАПЦ был связан как с покровительственным отношением большевиков к этой конфессии, в которой поначалу видели средство борьбы с «Тихоновской» Православной Церковью, так и с политикой

[417] ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 72. Л. 57.
[418] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75789 фп. Л. 43.
[419] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2007. Л. 63.
[420] ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1064. Л. 9.
[421] Репресовані діячі Українскоі Автокефальноі Православноі Церкви. К., 2011.
[422] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2007. Л. 1.

украинизации, которую в это время активно проводили советские власти в юго-восточных регионах Украинской ССР.

Однако довольно скоро большевики убедились, что УАПЦ – не слишком эффективный инструмент в антицерковной политике. Более того, УАПЦ стала восприниматься большевистской властью как явление антисоветского характера, с которым следует вести борьбу. Вследствие этого «с целью внутреннего разложения УАПЦ... в 1924 г. было организовано левое крыло под названием «ДХЦ» « (т. е. «Действенно-Христова церковь», возглавил Мороз), куда вошли все недовольные «политической линией ВПЦР[423] по отношению к власти»[424]. А в 1925 г. для «нейтрализации» и автокефалистов, и «тихоновцев» было решено создать «Братське объеднання парафій Украньскоі Православноі автокефальноі Церкви»[425] (БОПУПАЦ) (другое название – «Соборно-епископская церковь»). О целях создания БОПУПАЦ сообщалось в письме «Всем окружным антирелигиозным комиссиям» от 12 ноября 1925 г.: «В целях разложения тихоновщины и липковщины, как группировок, проводящих антисоветскую работу, в начале сего года была начата подготовительная работа к созданию новой церковной группировки». Предполагалась, что эта группировка должна была «иметь те преимущества, которые выдвигают тихоновцы и липковцы». С одной стороны, для того, чтобы группировка «могла успешно бороться с тихоновщиной», епископы, возглавляющие ее, должны были быть «строго каноничны», а с другой – быть украинцами, чтобы «стать на путь автокефалии Украинской церкви и украинизации богослужения». В числе сторонников этого церковного направления в документе назывались «архиепископ Иоанн», который «объединяет Харьковскую, Екатеринославскую и Донецкую епархии», а также «епископ Павел Погорилко (Подолия), епископ Сергий Лабунцев (Золотоноша), Сергий Иваницкий (Сновск Черниговской губ.), Феофил Булдовский (Лубны)».

Указанные деятели имели различное иерархическое происхождение, будучи в прошлом как епископами Православной Церкви (например, Феофил

[423] Т. е. «Всеукраинского православного церковного совета».
[424] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2007. Л. 8.
[425] Т. е. «Братское объединение приходов Украинской Православной автокефальной Церкви».

(Булдовский), так и обновленческими «архиереями» (Павел (Погорилко)). Новое церковное направление было оформлено в начале июня 1925 г. на соборе в Лубнах и по этой причине получило наименование «Лубенский раскол». Планировалось, что данная группировка будет бороться с «тихоновцами» и «липкивцами», а к обновленцам будет относиться лояльно. Как следствие, после создания на Украине еще одного раскола в республике резко изменились численность и количественное соотношение приходов. Если прежде на Украине было 5056 «тихоновских» приходов, 2928 обновленческих и 1600 «липкивских», то на конец 1925 г. – 3056 «тихоновских», 2928 обновленческих, 1600 «липковских» и 2000 «соборно-епископских» (т. е. принадлежавших к БОПУПАЦ и именуемых советскими властями «левым крылом тихоновщины», ставшим «на путь активной лойяльности в отношении Сов. власти»)[426].

На 1 июля 1925 г., согласно официальной статистике, приходов БОПУПАЦ в Донецкой губернии еще не было[427]. К 1927 г. «соборно-епископские» общины уже были зафиксированы на территории Артемовского (14 общин и 19 247 прихожан) и Сталинского (5 общин и 4284 прихожан) округов[428]. В целом же по Украине на 1 января 1928 г. было 5 287 «тихоновских» общин, насчитывавших 4 341 247 прихожан (2 319 988 женщин и 2 021 259 мужчин). «Синодальных» (обновленческих) общин было 1 841 (1 376 285 прихожан: 734 031 женщин и 642 254 мужчин); общин «автокефалистов» (УАПЦ) – 1090 (728 351 прихожан: 385 542 женщин и 342 809 мужчин); общин Д.Х.Ц.[429] – 61 (38 846 прихожан: 19 837 женщин и 19 009 мужчин); общин БОПУПАЦ («соборно-епископских») – 381 (268 636 прихожан: 142 249 женщин и 126 387 мужчин)[430].

Таким образом, несмотря на всестороннюю поддержку властью всяческих расколов, в Донетчине по сути не укоренились ни обновленческое движение, ни автокефалистское, ни БОПУПАЦ. Количество православных приходов превышало обновленческие в несколько раз. Что касается автокефалистских приходов, на

---

[426] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 21–22.
[427] Там же. Л. 63.
[428] ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1064. Л. 9.
[429] «Действенно-Христова церковь».
[430] ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1064. Л. 3.

Донетчине их было только три. Отторжение православными верующими обновленчества было определено в том числе не лучшими нравственными качествами обновленцев. Что касается УАПЦ, для жителей Донецкого региона была неприемлема националистическая идеология, столь характерная для представителей этой структуры. Кроме того, православные Донетчины достаточно хорошо ориентировались в канонических вопросах и понимали, что УАПЦ «безблагодатна», то есть неканонична. Для «нейтрализации» и автокефалистов, и «тихоновцев» властями была создана БОПУПАЦ, которая, тем не менее, также не достигла своей цели.

1.3. Формы государственной борьбы с Русской Православной Церковью и церковное управление в 1920 – 1930-е гг.

Помимо испытанных в более ранний период средств (провоцирование и поддержка церковных расколов, передача храмов обновленцам и проч.), советские власти в середине 1920–1930-е гг. использовали в Донецком регионе и другие формы борьбы с Православной Церковью. Они становились тем более действенными в связи с тем, что, начиная с середины 1920-х гг., церковное управление в расположенных на территории Донетчины викариатствах было затруднено и настоятели храмов поддерживали связь в основном не с епископами, а с благочинными.

Так, к примеру, с 11 мая 1924 г. в течение нескольких месяцев викарием Екатеринославской епархии был епископ Александровский Стефан (Андриашенко). В том же 1924 г. владыка был арестован и выслан в Харьков без права выезда. В 1925–1926 гг., находясь в г. Харькове под надзором ГПУ, епископ Стефан (Андриашенко) по-прежнему оставался управляющим приходами

Екатеринославской (Днепропетровской) епархии. При этом жизнью верующих Бахмутского (Артемовского) округа фактически управлял (на правах благочинного) священник Иоанн Крещановский[431].

Параллельно в эти годы складывалась основанная на подчинении и подотчетности система сосуществования православных общин с советскими органами власти. Так, например, в том же Бахмутском (Артемовском) благочинии (территориально совпадавшим с Бахмутским округом) местные священники имели право совершать богослужение в храмах без регистрации, но священники из других районов обязаны были регистрироваться при местных советах. Если же в храме благочиния случался престольный праздник, то церковный совет обязан был за три дня до праздника оповещать власти о дне совершения праздничного богослужения. Сам благочинный имел право посещать приходы своего благочиния только «на основании личных переговоров с Уполномоченным Г.П.У.»[432].

В этих условиях в 1923–1924 гг. в регионе начала активно проводиться агитационно-пропагандистская работа по распространение среди населения атеистических настроений. В сентябре 1924 г. был издан циркуляр «О порядке закрытия молитвенных домов», согласно которому закрытие храма совершалось, когда в общине было меньше установленного законом количества прихожан или когда община не имела зарегистрированного устава. Храм могли закрыть и в том случае, если «возникала» необходимость использовать церковь для санитарно-медицинских, культурно-просветительских и общественных нужд. В последнем случае закрытие храма разрешалось на основании ходатайства большинства жителей той или иной местности, подтвержденного резолюциями общих собраний.

В то же время закрытие храмов на территории современной Донецкой области в этот период еще не носило массового характера. Так, например, с 31 января 1926 г. по 1 марта 1927 г. в Донецкой губернии были закрыты часовня в г.

[431] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75779 фп. Л. 18.
[432] Там же Л. 11.

Сталино (Постановление ВЦИК о закрытии от 61 февраля 1926 г.) и церковь в с. Богатыри Андреевского района (Постановление ВЦИК о закрытии от 5 октября 1926 г.). Поводом для закрытия часовни стало предложение окружного исполкома, а церкви – якобы высказанное намерение самих верующих с. Богатыри[433].

При этом в целом по Украине количество закрытых храмов было значительным. В 1927 г. в республике был составлен официальный отчет «Количество молитвенных домов всех культов в УССР». Согласно его данным, в 1914 г. на территории Украины было 14 371 храмов и молитвенных домов «всех религий», а в 1927 г. в УССР их было уже 10 987. Сокращение на 23,54% называлось в отчете «естественным следствием… угасания религиозного влияния в УССР»[434] и уменьшения количества членов религиозных общин, что якобы в комплексе привело к уменьшению «материальных доходов религиозных организаций» и «сократило потребность в молитвенных домах и возможности их содержания». При этом существовавшие тогда на Украине восемь православных «ориентаций» занимали 8 324 храмов и молитвенных домов, в то время как в 1914 г. их было 10 897. Большая часть закрытых церквей (до 60%) – были «хатними» (т. е. домовыми) церквами: гимназическими (и при других образовательных учреждениях), тюремными, домовыми храмами при архиерейских домах и т. д. Большинство из них было закрыто еще в 1919–1921 гг. Согласно все тому же отчету, в 1926–1927 гг. на Украине якобы «увеличилось количество случаев закрытия молитвенных домов по ходатайству самого населения». Так, с 1 января 1926 г. по 1 апреля 1927 г. из 39 закрытых храмов «по просьбе населения» было закрыто 16 (что приводилось как пример уменьшения «религиозного влияния»), а «для удовлетворения разных культурно-просветительских потребностей», то есть для размещения в зданиях храмов школ, изб-читален, сельских домов и т. д., – 23[435].

Тем не менее, несмотря на очевидную тенденцию к сокращению количества храмов, в эти годы на Украине еще строились (или достраивались) некоторые

[433] ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1064. Л. 14.
[434] Анализ «угасания религиозного влияния» давался в журнале «Безбожник», ч. 2 за 1927 г.
[435] ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1064. Л. 20–21.

церкви и молитвенные дома. Например, с 1 января 1926 г. по 1 марта 1927 г. в ответ на заявления общин о постройке или достройке молитвенных домов, строительство (или реконструкция) были разрешены 15 «тихоновским» общинам, 2 «синодальным» и 1 «автокефальной». Отказано было 3 «тихоновским» общинам. Вопрос не был решен в отношении 14 «тихоновских» и 4 «синодальных» общин[436]. То есть соотношение решенных и нерешенных вопросов по строительству было примерно одинаковым.

Параллельно с закрытием храмов в середине 1920-х гг. власти продолжали практиковать ссылку неугодных священнослужителей (обычно сроком на три-пять лет). При этом поводом для ссылки могло быть не только сопротивление передаче храма обновленцам, но и любая другая «противоправная», с точки зрения государства, деятельность: к примеру, поддержка правящего архиерея. Так, например, благочинный священник Иоанн Крещановский после ареста владыки Стефана (Андриашенко) в 1926 г. призывал священников и верующих своего округа оставаться под окормлением владыки Стефана (как сказано в деле отца Иоанна, призывал «признавать своим Архиереем только... Стефана» и «быть с ним в духовном Общении, чтобы считаться Истинно-верующими»[437]). За это священник без разбора дела в суде был приговорен к заключению в концлагере сроком на три года[438].

Одновременно сотрудниками ГПУ продолжалась вербовка православных священнослужителей с их последующим переходом в обновленчество. При вербовке нередко применяли подкуп: обновленческим иерархам и священнослужителям выплачивалась зарплата, что, вероятно, обещалось в качестве вознаграждения и тем, кто покидал ряды «тихоновского» духовенства. Так, например, официальный, указанный в регистрационной карте служителя культа оклад мариупольского обновленческого епископа Рафаила Прозоровского составлял 200 руб.[439].

Кроме того, при вербовке сотрудники ГПУ зачастую использовали

[436] ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1064. Л. 13.
[437] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75779 фп. Л. 18.
[438] Там же. Л. 30.
[439] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75734 фп. Л. 7.

безвыходность ситуации, в которую попадал священнослужитель. Примером может служить ситуация со священником Афанасием Петровым. Отец Афанасий, 1883 г. р., был арестован 15 мая 1928 г.[440]. Он был образованным человеком: учился в Екатеринославской семинарии, потом учительствовал, был рукоположен во священники[441]. В 1928 г. за якобы «контрреволюционную агитацию» священника Афанасия выслали на три года из г. Азова, «лишив права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, означенных губерниях и округах и СКК с прикреплением к определенному местожительству».

Местожительством отца Афанасия был определен г. Мариуполь, где священник начал служить в портовой церкви[442]. Сюда же, в Мариуполь, переехала семья отца Афанасия. После того, как священника (без семьи) на какое-то время «перебросили» в г. Запорожье, его «обработкой» занялось ГПУ. 26 февраля 1929 г. в Мариупольское ООГПУ было направлено письмо следующего содержания: «Нами обработан для перехода из тихоновской в обновленческую ориентацию проживающий в Запорожье – админвысланный священник Петров Афанасий, каковой ходатайствует перед нами о разрешении ему в'езда в В/округ. Имея ввиду, что таковой может быть Вам полезен – просим сообщить В/мнение о возможности его переезда в В/округ, где находится в д/время его семья. Мы ему разрешили 10-ти дневный отпуск, предложив ему зайти к Вам. Нач. Окротдела Александровский»[443].

Священника вынудили написать так называемую «Декларацию священника Петрова». Декларация содержала следующий текст: «Я окончил Екатеринославскую Духовную Семинарию в 1905 г., священствую с 1907 г. В г. Азове служил с 1920 г. до последнего времени. В прежнее время ни в каких союзах и партиях не состоял. С появлением Обновленческого движения в Русской церкви я примкнул к последнему, был его активным работником. В 1925 г. Ростовская епархия решением своего Епархиального С'езда вся целиком перешла в Тихоновщину. Я некоторое время оставался вне всяких ориентаций, но потом

[440] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75789 фп. Л. 5.
[441] Там же. Л. 6.
[442] Там же. Л. 27, Л. 28.
[443] Там же. Л. 30.

подчиняясь воле прихода, я принял Сергиевскую ориентацию, легализованную Советским Правительством. В 1927 г. в г. Азове два храма стали обновленческими и у меня обострились отношения с обновленческими батюшками на почве обслуживания прихожан, что быть может косвенным образом отразилось на моем теперешнем положении. Формальная сторона дела моей высылки выражена в ст. 58й Уг. К... проявленной в прочтении мной в 1926 г. пасквильного стихотворения «Отче наш», автор коего и прочие граждане... здравы и невредимы в г. Азове». Это стихотворение священник дал прочесть своему другу – обновленческому псаломщику. В итоге «в 1928 г... обновленческие батюшки и псаломщик свидетельствовали в Г.П.У.», что не они, а священник Петров читал им упомянутое стихотворение.

В «Декларации» отец Афанасий осудил свой «легкомысленный поступок» и выразил намерение быть по отношению к советской власти «честным, лойяльным гражданином». Как сказал священник, он «никогда не был врагом трудящихся», считал и сейчас считает «для себя целиком приемлемой декларацию Митрополита Сергия». При этом, несмотря на то, что в обновленчестве «имеются церковно-канонические нарушения»[444], враждебно к нему не относился и считал «его приемлемым для всей Русской Церкви». Священник подчеркнуто отмежевался от нелегальных контрреволюционных организаций в СССР или за границей и всех антисоветских выступлений русских эмигрантов и духовенства за границей (и параллельно – осудил их). Петров пообещал «впредь сугубо блюсти свою лойяльность и не допускать чего бы то ни было, подрывающего авторитет Советской власти» (1 марта 1929 г.)[445].

После подписания «Декларации священника Петрова», 25 марта, в Запорожский Окротдел ГПУ пришло письмо от начальника Мариупольского окротдела ГПУ о том, что отцу Афанасию «разрешили остаться на жительство в Мариуполе»[446]. В итоге священник Петров примкнул к мариупольским обновленцам.

---

[444] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75789 фп. Л. 29.
[445] Там же. Л. 31.
[446] Там же. Л. 35.

Тем временем в 1929 г. выходит закон ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», вслед за которым последовали постановления и в других республиках страны. Эти документы стали юридической основой для контроля государством жизни религиозных организаций[447]. Вследствие чего в 1929–1935 гг. на Донетчине началась новая кампания по закрытию храмов, которая носила уже всеобщий характер и затронула все церковные направления и юрисдикции.

Закрытие православных храмов проходило на фоне обнищания приходов, обусловленное, прежде всего, непосильным налоговым бременем и сокращением числа верующих. Обеднение приходов вызывало большие трудности в церковной жизни, что также использовалось советскими властями в борьбе с Православной Церковью.

В 1930 г. в одном из частных писем православного жителя г. Мариуполя отмечалось: «У нас идет массовое закрытие церквей, духовенство бежит с приходов не выдерживая налогов... Колокола сняты почти со всех церквей, так что давно звона не слышим, по селам идет сплошная коллективизация и верующие тают не по дням, а по часам... Через год, много 2, – церкви все закроют, так как некого будет обслуживать»[448].

Притеснения 1930-х годов коснулись уже не только православных священнослужителей, но и обновленцев. На Украине, по сведениям самих обновленцев, на тот момент было «2039 приходов синодальной ориентации» (то есть обновленческих). Несмотря на столь значительное число приходов, синодальный митрополит Пимен (Пегов) характеризовал экономическое положение обновленческих священнослужителей как «тяжелое». По словам обновленческого иерарха, обнищание приходов и духовенства влекло за собой «связанное с ним расстройство церковно-религиозной жизни широких верующих масс». Синодальное духовенство, так же, как и православное, было обложено подоходным налогом, налогом на культурное строительство, налогом на лишенцев

[447] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 118.
[448] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75789 фп. Л. 43.

и прочими видами поборов в пользу советской власти. Также обновленческих священнослужителей заставляли подписываться на займы. При этом налоги были настолько велики, что значительно превышали доходы клириков. Доходы духовенства, по словам обновленческого митрополита Пимена (Пегова), зачастую исчислялись «преувеличенно», а «заявления с мест» и «жалобы в инстанционном порядке на неправильность обложений» оставались «в большинстве случаев без последствий».

В связи с крайне низким уровнем доходов синодальные священнослужители были вынуждены пополнять «недостающее выручками от продажи» своего «хозяйства», домашних вещей, а подчас и «самой необходимой одежды». При этом сфера «деятельности и доходности» обновленцев постоянно сокращалась. Из-за невозможности выплачивать налоги значительная часть обновленческих священнослужителей отказывалась «от исполнения своих обязанностей» (но в то же время была готова «возвратиться к службе» в случае перемены обстоятельств)[449]. Особенно катастрофичной была ситуация в селах. В сельской местности синодальные священнослужители большею частью не имели «никакого хозяйства» и не могли его «даже заводить потому, что… сами не имеют где жить на селе». Несмотря на это, их продолжали облагать всеми сельскими налогами, в том числе и по мясозаготовкам.

Стремясь облегчить положение клириков, обновленческий митрополит Пимен в конце 1933 г. обращался с жалобой на завышенные нормы мясозаготовок в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИКа[450]. Митрополит Пимен напоминал Всеукраинскому ЦИК, что в РСФСР нормы по мясозаготовкам для священнослужителей в случае, если они не имели хозяйств или же у них не было «признаков кулацкого хозяйства», приравнивались к «нормам трудовых крестьянских хозяйств». На Украине же нормы для священнослужителей приравнивались к нормам «для кулацких хозяйств»[451]. В этой связи митрополит Пимен просил постановить, «чтобы служители

[449] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 71. Л. 212.
[450] Там же. Л. 210.
[451] Перевод с украинского – М. Р.

религиозного культа на Украине синодальной ориентации в деле привлечения к мясосдаче Государству были бы приравнены в этом вопросе к служителям религиозного культа в РСФСР как в 1933 году, так и в 1934 году»[452].

Патриарший Экзарх Украины, митрополит Харьковский Константин (Дьяков) 28 ноября 1933 г. писал заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), что налог по мясозаготовкам «взыскивается» на Украине сельсоветами «по-разному»: где по 46 кг, где по 72 кг, но были районы, где налог не взыскивался вообще[453].

Тем не менее, большинство священнослужителей Русской Православной Церкви тоже страдали от непосильного налогообложения. Они обращались по этому поводу с жалобами (как, например, священнослужитель Алексий Беляк из с. Новопетриковки на Донетчине). Но, как правило, все дела передавались для рассмотрения на местах, а заявителей только извещали «о принятых мерах к выправлению неправильных действий местных органов»[454]. В реальности из-за бюрократических проволочек все жалобы священнослужителей тонули в делопроизводстве, и дело оканчивалось ничем.

Особенно беднели и бедствовали священнослужители, остававшиеся без приходов. Кроме того, клирики без приходов, именовавшиеся теперь «бесприходными попами», лишались избирательных и других прав, становились «лишенцами». Опять-таки, под категорию лишенцев попадали представители всех конфессий (не только православные). В том числе, например, и баптисты, которые не имели ни конкретных «служителей культа», ни «религиозных зданий». По распоряжению исполкомов, лишенцы штрафовались, а размер штрафа и пени за несвоевременную уплату штрафа полностью зависели от исполкома. Так, например, общине баптистов хутора Сурово Константиновского района на штраф в 100 рублей[455] начислили пеню в размере 223 руб. В случае несвоевременной уплаты штрафов и пени грозили административными взысканиями[456].

---

[452] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 71. Л. 210.
[453]Там же. Л. 213.
[454] Там же. Л. 221.
[455] Там же. Л. 226.
[456] Там же. Л. 232.

Одновременно советскими властями целенаправленно создавались препятствия на пути регистрации новых церквей или молитвенных домов. Для регистрации требовалось определенное количество документов – справка учредителей, списки членов исполнительного органа и служителей культа (то есть священнослужителей)[457] и т. д., которые было очень тяжело собрать.

Согласно постановлению «О религиозных объединениях» (1929 г.), все религиозные объединения обязаны были проходить регистрацию в исполкомах, лишались права юридического лица, не могли владеть собственностью (но имели право приобретать церковную утварь), не имели права без разрешения исполкомов проводить собрания и проч.[458] Как следствие, начиная с 1929 г. и вплоть до 1935 г., закрытие храмов и молитвенных домов в Донецком регионе приняло массовый характер. Если на момент работы ликвидационной комиссии по отделению церкви от государства и школы от церкви в Донецкой губернии «случаев закрытия церквей, молитвенных домов... не было»[459], а после 1924 г., как уже отмечалось, они были единичными и не выносились на всенародное обсуждение, то теперь о предстоящих закрытиях храмов предварительно сообщали в газетах[460]. А сами закрытия церквей нередко сопровождались кровопролитием и насилием над верующими. Так, в городе Енакиево «было много крови пролито бросали камни и т. д.»[461]. Аналогично в селе Райское Краматорского района закрытие храма привело к применению насилия в отношении православных верующих[462].

В обнаруженных нами документах указывалось, что сообщение о предстоящем закрытии церкви прихожане зачастую встречали «с негодованием», вследствие чего устраивали демонстрации протеста[463]. Связано это было с тем, что православные понимали, что закрытие храма автоматически лишало их возможности в последующем жить полноценной церковной жизнью, то есть

[457] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 71. Л. 226.
[458] О религиозных объединениях. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/9056238 (дата обращения: 30. 08 22 г.).
[459] ГАДО. Ф. 552. Оп. 2. Д. 218. Л. 446 об.
[460] Архив Учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров УССР. Ф. 16802 – 2 ф. Д. 233. Л. 1.
[461] Там же. Л. 51.
[462] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 76. Л. 54.
[463] Архив Учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров УССР. Ф. 16802 – 2 ф. Д. 233. Л. 1.

ходить в храм, принимать участие в церковных Таинствах и т. д. Вследствие чего многие, узнав о том, что их церковь собираются закрыть, начинали спешно готовиться к таинству причастия и причащаться. Советские власти были непомерно возмущены, когда узнали, что 3-4 ноября 1929 г., то есть перед празднованием дня Октябрьской революции, прихожане храма с. Кодемо вместо того, чтобы готовиться к государственному празднику, начали говеть (то есть поститься и посещать все церковные службы), чтобы приготовиться к таинству исповеди и таинству причастия. Свое решение сельчане объяснили тем, что узнали о том, что их церковь будет закрываться, а значит, в будущем им «негде будет отговеться»[464].

Православные верующие очевидно не хотели, чтобы их храмы и молитвенные дома закрывали. Но, несмотря на нежелание и даже протесты верующих, власти официально объявляли, что храмы закрывали и передавали под культурно-просветительские цели исключительно по желанию местных жителей. Так, например, осенью 1929 г. церковь в с. Ново-Ивановке Амвросиевского района якобы была закрыта и передана под дом культуры, «основываясь на решениях большинства крестьян села Ново-Ивановки» и президиума Амвросиевского РВК[465].

Составлявшиеся на местах «ходатайства трудящихся» санкционировал Всеукраинский центральный исполнительный комитет. 14 января 1930 г. на общем заседании секретариата Всеукраинского центрального исполнительного комитета под председательством Г. И. Петровского в Харькове (протокол №40/433) было принято постановление: «удовлетворить ходатайство трудящихся и на представление НКВнДел позволить окружным исполнительным комитетам закрыть... церкви, синагоги и молитвенные дома, чтобы использовать их помещения для культурно-просветительских нужд». Таких церквей, согласно протоколу, на тот момент в Юзовке и уезде насчитывалось 43[466] (соответственно

[464] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75743 фп. Л. 20.
[465] ГАДО. Ф.Р.-2. Оп. 1. Д. 203. Л. 1.
[466] ГАДО. Ф.Р.-2. Оп. 1. Д. 532. Л. 1.

священников в Юзовке было 8[467]).

При всем многообразии используемых государством поводов для закрытия церквей к середине 1930-х гг. наиболее распространенным стало изъятие храмов с целью временного хранения зерна. Вполне возможно, что это было связано с напряженной ситуацией в сельском хозяйстве и охватившим Донетчину голодом. Так, например, в связи с уборкой хлеба церковный совет прихода в слободе Ново-Павловка (Белокуракинский район Старобельского округа, на тот момент Сталинской (Донецкой) области) вынудили до сентября 1935 г. уступить здание церкви и «молитвенные здания» под складирование зерна. Верующими и властями был оформлен и подписан договор, оговаривавший сроки и условия их использования. Но, несмотря на существовавший договор, осенью «Заготзерно» освободил только «бездействующие молитвенные здания» (по всей видимости, крестильню и проч.), а «действующие» (то есть собственно храм) оставил за собой, чтобы использовать для хранения семенного материала, от которого предполагалось освободить здания только весной.

Подобные манипуляции с храмами не могли не вызывать возмущения у верующих, которые вполне оправданно видели в них «метод борьбы с религией»[468]. Тем не менее, такие ситуации становились типичным явлением, причем как для православных храмов, так и для обновленческих. К примеру, в Мариуполе по постановлению Мариупольского городского совета от 12 июля 1935 г. «Заготзерно» также временно, на 3 месяца, занял под засыпку зерна обновленческую Успенскую церковь. Так как на временное использование здания тоже был составлен договор, то за три недели до его окончания обновленческий церковный совет сначала письменно, а затем устно обратился в «Заготзерно» с просьбой освободить храм. На что «Заготзерно», посоветовавшись с горсоветом, ответил, что помещение церкви будет освобождаться, но только «по мере отгрузки зерна со всех... складочных помещений». При этом прихожанами Успенской церкви были десятки тысяч верующих из Мариуполя и окрестностей в радиусе до

[467] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 2. Д. 37. Л. 18.
[468] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 73. Л. 37.

80 км («на расстоянии до 80 километров»). Изъятый аналогичным образом конторой «Заготзерно» у обновленческой общины 1 января 1935 г. мариупольский Харлампиевский собор, тем не менее, до лета 1935 г. стоял свободным, потом ненадолго был занят под хранение муки, после чего снова долгое время пустовал[469].

Как повод для закрытия храмов государство также достаточно часто использовали материальную задолженность общины. Но зачастую даже в случае ее погашения храм закрывали, как, например, Богородичную церковь в Марьяновском районе[470]. Помимо этого, власти могли предъявить претензии к оценке церковного здания, посчитав, что община осуществила ее неправильно (как, например, это было в с. Бело-Скелеватое)[471]. Поводом для закрытия храма мог стать и распад «пятидесятки», повторной регистрации которой РИК (районный исполнительный комитет) всячески препятствовал[472]. Иногда, как, например, в Валериановке Петрово-Марьинского района, церкви закрывались беспричинно: как сказано в документах, без предварительного «технического осмотра... на предмет ремонта» и без «причин к расторжению договора»[473].

Для того, чтобы собрать необходимое количество голосов людей, якобы желающих использовать православные храмы для культурно-просветительских целей, местные советы проводили активную «работу», ставили вопрос о закрытии церквей на общих собраниях[474]. В связи с тем, что сельские жители были более религиозны, чем городские, при сборе подписей сельчан запугивали крайними мерами: например, тем, что в случае отказа их исключат из колхоза, а детей из школы, и т. д.[475].

На рудниках закрытие церквей чаще всего проходило спокойнее. Причем здесь порой храмы действительно закрывались по заявлению собрания рудничных рабочих, но без согласования с прихожанами храма. Таким образом, например,

---

[469] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 73. Л. 11.
[470] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 71. Л. 20.
[471] Там же. Л. 184.
[472] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 72. Л. 3.
[473] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.
[474] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 73. Л. 213.
[475] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 71. Л. 94.

закрыли, церковь в пос. Лозовая-Павловка (на тот момент Сталинской (Донецкой) области). Храм было решено переоборудовать под клуб, несмотря на то, что его постоянная община насчитывала более 2 000 человек; говеющих (то есть постящихся и посещающих в это время церковные службы) в храме бывало более 10 000 человек; а крещаемых – более 2 000 человек. Прихожане надеялись, что своим трудом смогут поспособствовать тому, что церковь не закроют. Они бесплатно отработали колхозу 400 трудодней, посадили при озеленении дорог больше 1000 деревьев, сделали пожертвования на самолеты-гиганты, привезли местной школе известь, масло и т. д. и, кроме того, ежегодно своими силами ремонтировали храм. После того, как, несмотря на их усилия, было принято официальное решение о закрытии храма в пос. Лозовая-Павловка, православные верующие в поисках справедливости обращались в горсовет, в Сталинский областной совет, три раза в ВУЦИК и во ВЦИК. Но вместо ответа они получали только расписки о приеме заявлений[476]. Верующим отказали даже в просьбе «оборудовать на свои средства молитвенный дом»[477].

О том, что таких жалобщиков было немало, свидетельствует тот факт, что по поручению Г. И. Петровского (г. Харьков, комиссия культов) дела с жалобами на неправильное закрытие церквей и выражением протеста против закрытия храмов передавались для проверки в ЦИК Украинской ССР[478].

При этом в реальности далеко не все изъятые церковные здания использовались государством. Несмотря на это, храмы верующим практически никогда не возвращались, хотя потерявшие церковное здание люди нередко просили разрешения вновь приобрести его на свои средства. Например, такой случай имел место в с. Луганское Горловского района[479]. Согласно найденным нами документам, на современной территории Донецкой Народной Республики по жалобе прихожан была вновь открыта и передана в пользование верующих церковь в селе Благодатное Амвросиевского района[480]. Это произошло в начале

[476] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 72. Л. 274.
[477] Там же. Л. 275.
[478] Там же. Л. 273.
[479] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 75. Л. 128.
[480] Там же. Л. 53.

апреля 1937 г. Обычно же жалобы отвергались примерно по одной схеме: сначала они попадали в комиссию культов, затем в ВУЦИК для «проверки», результаты которой снова перенаправлялись в комиссию культов. Так, например, 16 августа 1934 г. в Киев, в ЦИК Украинской ССР, была направлена жалоба церковного совета сельской церкви Магдалиновского района «на незаконное закрытие церкви и использование ее под ссыпку зерна». Жалобу рекомендовалось проверить и рассмотреть «в установленном порядке», а «о последующем уведомить Комиссию Культов»[481].

Случалось и так, что члены общины уже постфактум узнавали о том, что их храм закрыт по постановлению ВУЦИКа. А после жалобы в ЦИК, в Москву, «с мест» приходило объяснение, что «вопрос о передачи церкви Сельсовету для культурных нужд обсуждался на общем собрании, после чего и были собраны подписи о закрытии церкви»[482]. То есть местные власти уверяли, что поводов для жалобы у сельчан нет.

Верующие понимали, что закрытия церквей и молитвенных домов производились неправомерно. В поисках законности они вновь и вновь обращались с жалобами. Первой инстанцией, в которую подавали жалобы, был Киев, второй – ВЦИК[483], «промежуточными» становились, в том числе, письма к Н. К. Крупской. Характерно, что «за возвращение» изъятой церкви обычно собиралось значительное количество голосов. Например, община г. Ворошиловска собрала подписи 2600 человек. Собранные подписи прихожане предоставили «в область г. Сталино», где им отказали в возвращении храма. При этом очень скоро выяснилось, что церковь была непригодной как для переоборудования под клуб, так и для размещения в ней других «общественных учреждений». А ремонт церкви («переделка») стоил 140 000 рублей[484]. В итоге изъятый храм в хозяйстве не использовали, но и прихожанам не вернули. Аналогичным образом в Калиновке под школу изъяли церковь постройки 1761 г. В силу своей древности и ветхости храм не смогли использовать как учебное заведение, и он стоял

[481] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 71. Л. 39.
[482] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 72. Л. 202.
[483] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.
[484] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 72. Л. 106.

закрытым. Здесь за возвращение церкви подписались 200 человек маленького села[485]. Также церковь изъяли, но не использовали в с. Петровка Горловского района Сталинской (Донецкой) области и т. д.

Хотя, конечно, власти следили за тем, чтобы изъятое церковное здание использовалось в хозяйстве. Они заявляли, что не использование храмов способствует «активизации церковников». И всячески рекомендовали применять «меры к использованию» зданий под «культурно-просветительские цели»[486].

Несмотря на то, что в рассматриваемое время храмы изымались и у православных, и у обновленцев, остававшиеся церкви еще иногда передавались обновленцам. Так, в 1935 г. здание церкви в с. Александровке Сталинского района было изъято из пользования церковного совета православной общины и передано в пользование обновленцев (при том, что у обновленцев в описываемый период была своя действующая церковь)[487]. Но такие «передачи» храмов уже не носили массового характера, тем более что действующих храмов оставалось немного.

Люди отчаянно боролись за последние храмы. Когда 22 октября 1935 г. уже упоминавшийся мариупольский Успенский храм был окончательно изъят из ведения общины, в городе оставалась только одна маленькая кладбищенская Всехсвятская церковь вместимостью не более ста человек. Члены Успенской общины пытались убедить власти, что ими выплачены все налоги за 1935 г. и даже частично за 1936 г., в 1935 г. был сделан капитальный ремонт на 8 000 рублей, а сама община лояльна к власти и т. д.[488]. Но Успенскую церковь все равно закрыли. Таким образом, к 1935 г. в Мариуполе из 10 церквей были закрыты 9; а в окрестностях Мариуполя были закрыты 70 церквей. Поэтому в единственную кладбищенскую церковь во имя Всех святых стекались люди со всей округи[489].

Характерно, что церкви изымались или уничтожались вне зависимости от их исторической ценности. Например, среди уничтоженных мариупольских храмов была Екатерининская (ее называли «греческая») церковь, заложенная в

[485] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 72. Л. 201.
[486] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 78. Л. 173.
[487] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 72. Л. 18.
[488] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 73. Л. 10.
[489] Там же. Л. 9.

1780 г. св. митрополитом Игнатием Мариупольским, который вывел греков из Крыма в Мариуполь. Здесь он был здесь похоронен в 1787 г. А сама церковь была заложена как соборная Харлампиевская церковь, но позднее переосвящена. Среди уничтоженных храмов Мариуполя были: Харлампиевский собор, освященный в 1845 г.; церковь в честь св. Марии Магдалины; церковь Успения Богородицы, тоже заложенная св. Игнатием Мариупольским в конце XVIII в.; церковь Рождества Богородицы, заложенная в 1780 г. греческими переселенцами из Крыма (в ней крестили Архипа Куинджи, позже знаменитый художник венчался здесь и организовал школу); церковь на Слободке[490] и т. д. Последней в Мариуполе была снесена кладбищенская церковь Всех святых.

Был взорван и главный храм на тот момент Сталинской (Донецкой) области – Свято-Преображенский собор[491]. Собор был построен в 1886 году. Согласно инвентарной описи, он был выстроен из жженого кирпича на каменном фундаменте. Собор венчали пять куполов, под храмом были обширные подвалы. Длина собора вместе с колокольней была 63 аршина, наибольшая ширина – 44 аршина, наименьшая – 28 аршин. В соборе, имевшем три престола, сделанных из дуба и кипариса, был резной позолоченный двухъярусный иконостас[492]. На колокольне висели большие колокола, отливка которых обошлась в очень крупную сумму[493]. При Преображенском соборе были три часовни, в том числе одна на дальнем кладбище и одна на ближнем. При храме имелись: крытый железом дом из тесаного камня; здание для хозяйственных надобностей из простого камня; два дома из простого камня, крытые железом; четыре летних кухни; четыре погреба; четыре сарайчика; прачечная; сторожка; лавка; сарай; дом на Большой улице №24[494]. Все это было безжалостно уничтожено.

Согласно отчету уполномоченного уже по Донецкой области, в период с 1935 по 1941 гг. «на территории Донецкой области... действующих православных

[490] Яруцкий Л. Д. Мариупольские храмы вчера и сегодня. Мариуполь, 1991.
[491] ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 231. Л. 23а.
[492] Там же. Л. 23в.
[493] Там же. Л. 23е.
[494] Там же. Л. 23у.

религиозных обществ не существовало»[495]. В 1937 г. в газете «Социалистический Донбасс» писали: «На Рутченковке [под Донецком] и в окружности километров на 10 давно нет церквей»[496]. Там же отмечалось, что в Славянске до революции было 19 монастырей, церквей и синагог, а сейчас «по требованию трудящихся церкви и молитвенные дома закрыты»[497].

Несмотря на проводимую государством политику, направленную на полное уничтожение храмов, ходатайства об открытии церквей продолжали поступать даже в 1937 г. Власти на подобные ходатайства «реагировали» публикациями в прессе. Так, в 1937 г. газета «Социалистический Донбасс» сообщала, что, «пользуясь бездействием местных организаций», в области находятся «мракобесы», которые «кое-где возбуждают вопрос об открытии церквей, закрытых в свое время по требованию трудящихся», или же пишут «письмо в горком партии с просьбой оказать содействие в расширении молитвенного дома» (как «на Первой Донецкой улице»)[498].

Что касается соседнего Донецку Луганска, то к ноябрю 1935 г. в городе были закрыты все 8 православных церквей. Сделано это было несмотря на то, что предварительно в Луганске решался вопрос о целесообразности «оставить в пользовании верующих хотя бы одну из церквей»[499]. Закрытие церквей было осуществлено несмотря на то, что в городе было значительное количество верующих[500]. Аналогично складывалась ситуация и в Запорожской области. В области оставались одна церковь в Глухове и две – в Запорожье[501]. В Николаеве на июнь 1937 г. была одна действующая «тихоновская» (то есть православная) церковь и две «синодальных» (обновленческих)[502]. Дело доходило до того, что в некоторых украинских областях отчаявшиеся люди просили разрешения служить под открытым небом. Так, верующие с. Новые Санжары Полтавской области 2 марта 1937 г. отправили во ВЦИК телеграмму: «Все шесть церквей

[495] ГАРФ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 239. Л. 1.
[496] Ильин И. Дать отпор мракобесам // Социалистический Донбасс. 1937. №151. С. 2.
[497] Ильин И. Разоблачать вражеские дела церковников // Социалистический Донбасс. 1937. №235. С. 2.
[498] Жерновой Ю. Антинародные дела церковников-сектантов // Социалистический Донбасс. 1937. С. 2.
[499] ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 72. Л. 280.
[500] Там же. Л. 106.
[501] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 73. Л. 11.
[502] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 75. Л. 184.

ликвидированы разрешите совершать богослужение под открытым небом молитвенного дома не разрешают верующие полтавщины новые сенжары»[503]. Но такого разрешения им никто не дал.

Несмотря на то, что храмы в Сталинской (Донецкой) области к 1935 г. были закрыты, связи между священнослужителями и священноначалием не прервались. Как уже отмечалось, начиная с середины 1920-х гг., церковное управление в расположенных на территории Донетчины викариатствах было затруднено и с конца 1920-х гг. настоятели храмов поддерживали связь, прежде всего, с благочинными.

В статье «Православной энциклопедии», посвященной Донецкой епархии, никаких сведений относительно времени учреждения епархии не содержится[504]. В работе М. Е. Губонина Донецкой епархии тоже не значится[505]. Однако нами обнаружено что, по крайней мере, с 1936 г. в документах НКВД начинает фигурировать название Донецкая епархия. По всей видимости, она «проходила» в списке епархий Русской Православной Церкви, хотя и не существовала как самостоятельная. По имеющимся сведениям, в 1936 г. Донецкой епархией (одновременно с Харьковской) управлял архиепископ Харьковский и Ахтырский Иннокентий (Летяев). Когда владыка Иннокентий 27 апреля 1936 г. на полтора месяца ушел в отпуск, «временное управление Харьковской и Донецкой епархиями Московской Патриархии» поручалось «преосвященному Экзарху Украины Митрополиту Киевскому Константину», о чем сообщалось «о.о. Благочинным Харьковской и Донецкой епархий для сведения и надлежащих распоряжений»[506].

Благочинные на территории Донетчины в описываемый период по-прежнему назывались «наблюдающими благочиний»[507]. Например, в октябре 1936 г., когда управляющим Донецкой епархией был уже Патриарший экзарх

[503] ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 75. Л. 233.
[504] Агеева Е.А., Гуляев Георгий, прот. Донецкая и Мариупольская епархия // Православная Энциклопедия. Т. XIII. М., 2007. С. 657–661.
[505] Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин; Ред.: Протоиерей Владимир Воробьев, Иеромонах Дамаскин (Орловский). М., 1994. 1064 с.
[506] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75799 фп. Л. 12.
[507] Там же. Л. 18.

митрополит Константин (Дьяков), в одном из писем (о назначении священника Александра Саховского настоятелем Успенской церкви с. Елисавето-Николаевки Макеевского района) экзарх обращается к протоиерею Якову Евсееву[508] как «наблюдающему Макеевского благочиния Донецкой епархии». Из документов видно, что у экзарха был личный секретарь по Донецкой епархии. Но в то же время владыка Константин лично поддерживал связи с благочинными епархии. Помимо благочинных, в епархии также существовала должность «уполномоченного Экзарха». Таковым по «Мариупольщине и Сталинщине» был протоиерей из Мариуполя Михаил Арнаутов. В обязанности уполномоченного экзарха входил, в том числе, контроль за благочиниями. Например, уполномоченный экзарха вел учет того, сколько в благочинии оставалось действующих церквей с поименным указанием членов клира и т. д.

Так как количество православных церквей постоянно уменьшалось, со временем на Донетчине произошло укрупнение благочиннических округов. В июне 1937 г. Патриарший экзарх всея Украины митрополит Константин «в целях удобства сношений с православными приходами Донецкой епархии и наилучшего окормления их» счел «необходимым и целесообразным образовать из состава приходов Донецкой епархии три благочиннических округа», а именно:

1-й благочиннический округ – под руководством прот. Михаила Арнаутова (в округ входили г. Мариуполь, с. Константиновка, с. Ново-Петриковка, с. Петровское, с. Андреевка, с. Елисавето-Николаевка);

2-й благочиннический округ – под руководством прот. Константина Ружицкого (в округ входили с. Муратово, с. Байдовка, с. Беловоды, с. Ямполь, г. Славянск, с. Сватово, с. Меловатка, с. Краснянка);

3-й благочиннический округ – под руководством прот. Семена Орловского (в округ входили г. Орджоникидзе, с. Зайцево-Никитовка, Серебрянка и Дьяково).

В связи с образованием благочиннических округов «прежние о.о. наблюдающие за Донецкой епархией в виду произведенного образования в связи с

[508] Протоиерей Яков Петрович Евсеев, 1868 г.р., священник с 1892 г., сын дьячка, с 1929 по 1937 г. благочинный. В 1936 г., когда властями было официально запрещено совершать требы, «в некоторых случаях... производил требы у себя наквартире» (4 месяца) (Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75799 фп. Л. 24). 14 июля 1937 г. Евсеев был приговорен к расстрелу (Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75799 фп. Л. 27).

сокращением в Донецкой епархии числа приходов, 3-х благочиннических округов», считались «освобожденными от своих обязанностей, с выражением им Архипастырской благодарности за понесенные труды». «Все духовенство заштатное и оставшееся без храмов в виду закрытия таковых, но проживающих на территории Донецкой епархии обязано» было «зарегистрироваться у ближайшего благочинного, состоять у него на учете и находиться под его духовным окормлением»[509], – так говорилось в распоряжении по поводу реорганизации благочиний, которые и до этого уже существовали исключительно на бумаге в условиях, когда действующих храмов в области не оставалось.

Заштатные и оставшиеся без храмов священники Сталинской (Донецкой) области автоматически становились «бесприходными попами», лишенными (как нигде не работающие) права голоса и права служить, совершать требы и т. д. Для того, чтобы служить и совершать требы, им необходимо было зарегистрироваться в ИКе (исполнительном комитете) и взять разрешение для «проведения религиозной службы», что было очень сложно[510].

Таким образом, начиная с 1924 г., храмы в регионе закрывались целенаправленно, а в 1929 г., после принятия постановления “О религиозных объединениях”, кампания по закрытию и уничтожению церквей и молитвенных домов приняла огромный размах. Согласно данным уполномоченного, к 1935 г. в регионе уже не было действующих православных храмов. Священнослужители были объявлены «бесприходными попами», а церковная жизнь приняла подпольные формы. Определенное количество священнослужителей Донетчины не приняло Декларацию митрополита Сергия (Страгородского). Появившееся в регионе движение непоминающих было достаточно неоднородно и включало как православных священнослужителей, со временем причисленных к лику святых, так и радикально настроенных «подгорновцев».

Но, несмотря на все сложности, церковная жизнь на территории современной Донецкой Народной Республики не прекратилась, а приняла другие

[509] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75799 фп. Л. 16, Л. 17, Л. 18.
[510] Там же. Л. 22.

формы, став преимущественно нелегальной. Священники служили литургии, совершали требы, освящали на Пасху куличи и яйца по домам и квартирам; верующие совершали тайные паломничества, ездили к духовникам; привозили из Киева крестики и предметы «церковного обихода»; раздавали листовки «о покаянии заблудшихся» и т. д. Все это совершалось на фоне разворачивавшихся репрессий против священнослужителей и верующих.

1.4. Репрессии 1920–1930-х гг. в Донетчине как составляющая антицерковной политики советского государства

Репрессии на территории Донетчины проходили в контексте репрессивного процесса, осуществлявшегося во всесоюзном масштабе.

Начавшиеся сразу после октября 1917 г., к 1929–1932 гг. они стали оформляться в систему, окончательно выработанную в период коллективизации и «отшлифованную» ко времени Сталинской Конституции 1936 г. (и ее украинского варианта 1937 г.).

Как и в целом по стране, репрессии в Сталинской (Донецкой) области достигли своего пика в 1937 г., в период «великой чистки», которая охватила все социальные слои населения: рабочих, крестьян, интеллигенцию, священнослужителей, причем как православных, так и обновленцев и т. д.

Уже к 1929 г. положение в стране кардинально изменилось. Как говорили сами священники, «безбожники идут против» православных, а «молодежь... начинает отходить» «от Церкви»[511]. Если в 1920-е гг. гонениям (как правило, высылке) подвергались в основном священнослужители, то с конца 1929 г. давление оказывалось уже и на мирян, хотя оно носило еще характер «пробных

[511] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75779 фп. Л. 8.

задержаний».

Задержать верующего могли за то, что он присутствовал на собрании в храме (показания задержанного Федора Лашина, семидесяти двух лет). Или за то, что он знал, что у кого-то в доме был незнакомый священник, общавшийся с монахом (показания задержанного Ивана Андреева, сорока семи лет)[512]. И тому подобное. Задержание могло происходить и без причины, как, например, в ситуации с 23-летним грузчиком из г. Артемовска (Бахмута) Алексеем Подлесным, который был задержан в своей квартире, но «не знал за что». Тем не менее, при задержании людей уже предупреждали об ответственности за дачу ложных показаний. Но каких-либо «весомых» фактов, которые можно было бы использовать для инициирования серьезных обвинений, в показаниях задержанных в это время еще не наблюдалось[513].

Что касается священнослужителей, выдвигаемые против них обвинения претерпевали трансформации. В 1929 г. они еще большею частью обвинялись в нелегальном требоисполнении. Так, например, был отправлен в лагерь сроком на шесть лет с понижением в правах на два года православный священник Евтихий Сафановский из села Павловка Марьинского района[514]. Этот священник, не будучи зарегистрирован в РИКе и не взяв разрешения для «проведения религиозной службы», «нелегально» служил и «подпольно» «собирал подписи... против закрытия церкви»[515].

Но, начиная с 1930 г., священнослужителей преследовали уже не только за нелегальное требоисполнение, но и под откровенно надуманными предлогами. К этому времени в ОГПУ были уже выработаны стандартные обвинения, использовавшиеся на протяжении всего периода репрессий. Людей обвиняли в антисоветской агитации, контрреволюционной деятельности, монархических взглядах, шпионаже, противлении советскому строю, восхвалении жизни в капиталистических странах. По мере изменения ситуации в стране к этому набору добавились: противодействие образованию колхозов, обложению налогами,

[512] Архив Учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров УССР. Ф. 16802-2 ф. Л. 51.
[513] Там же. Л. 50–52.
[514] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75759 фп. Л. 37, 93.
[515] Там же. Л. 16, 22, 37.

саботаж новой Конституции и выборов в Верховный Совет и т. д. Эти обвинения выдвигали и в адрес отдельных священнослужителей, и в адрес «групп», под которые могли попасть любые встречи и любые собрания людей.

Причем священников, которых в 1929 г. за нелегальное требоисполнение отправляли в ссылку, в 1937 г. уже расстреливали[516] или (в лучшем случае) ссылали на 10 лет[517]. При этом в 1930-х гг. в регионе имела место практика повторной ссылки ранее осужденных лиц, а также присовокупление «отягчающих обстоятельств» («неправильное» происхождение, судимость и проч.) к уже имевшимся в деле обвинениям, о чем будет сказано дальше.

Характерно, что наряду с общими тенденциями, присущими репрессиям в целом, репрессии на Донетчине имели и специфические региональные особенности. Таковыми, например, стали проведение «национальных» операций НКВД (в отношении греков, немцев и проч.) и фиктивная борьба с несуществующими в русскоязычном регионе украинскими националистами.

«Национальные» операции НКВД[518], как и все проводимые в регионе операции, претерпевали изменения на протяжении всего репрессивного периода. Если в начале они были направлены в основном против поляков и немцев, то по мере усиления репрессий затронули и греческое население области. (При этом наказание, которому подвергались репрессированные, тоже менялось.)

В первую очередь «национальные» операции коснулись лиц, родившихся на территории Польши, имевших там родственников, переписывавшихся с поляками и т. д. Так, например, в 1935 г. житель Донетчины Сергей Зуммер заполнил в Харькове у консула анкету для желающих выехать в Польшу. После этого было проведено расследование, в ходе которого выяснилось, что Зуммер получал из Польши посылку (в 1932 г.) и деньги (в 1933 г. – 6 долларов, в 1934 г. – 40 злотых и 3 доллара)[519]. Этого оказалось достаточно для того, чтобы открыть дело. Но в 1935 г. Зуммер, даже имея «связи с Польшей», еще остался на свободе. Иначе

[516] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75715 фп Л. 1–12.
[517] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75802 фп. Л. 3.
[518] Никольский В. Н. Правда через роки... Політичні репресії 1937–1938 рр. на Донетчині: причини, перебіг, наслідки. Донецьк, 2011. С. 38.
[519] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75774 фп. Л. 16–17.

складывалась ситуация в 1937 г. В 1937 г. диакона Покровского молитвенного дома г. Орджоникидзе (ныне Енакиево) Александра Илюкевича расстреляли за то, что он был белорусом и уроженцем Варшавы[520]. Диакона обвинили в том, что он «прививал» верующим любовь «к фашистской Польше», ожидая перемены власти в СССР, а в письмах в Польшу сообщал сведения «провокационного характера»[521].

В 1937-1938 гг. польское происхождение нередко добавлялось как отягчающее обстоятельство к уже имевшимся в деле обвинениям, и дело становилось «расстрельным». Например, священника Николая Горового (на момент ареста в 1938 г. – счетовода шахты Калиновка)[522] сначала обвиняли в том, что он «высказывал... недовольство» закрытием церквей[523]. В процессе следствия к этому обвинению присовокупили тот факт, что священник в 1927 г. уже приговаривался к 10 годам заключения за «контрреволюционную деятельность», а также был уроженцем Польши. В результате священник Николай Горовой был обвинен в националистической пропаганде и «восхвалении» фашистского строя в Польше[524] и приговорен к расстрелу[525].

В этот же период в Донецком регионе начали активно «разоблачать» «группы». Причем под категорию группы могли попасть любые собрания односельчан. Так, зимой 1930 г. в с. Благодатное Первомайского округа была раскрыта «группировка крупных кулаков», якобы руководимая священником Василием Молодченко. Мифическую группу из шести человек обвинили в том, что на ее ночных собраниях подвергались резкой критике мероприятия советской власти и высказывалась надежда на ее скорую гибель[526]. Участников «группировки» осудили на десять и на пять лет заключения[527].

Группы «разоблачались» самые разные, в том числе, как уже отмечалось, «националистические». Ярким примером мифичности возводимых на верующих обвинений является якобы существовавшая в 1931 г. на территории Донецкой

[520] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75796. Л. 1; 20.
[521] Там же. Л. 19.
[522] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75737 фп. Л. 2.
[523] Там же. Л. 7.
[524] Там же. Л. 13.
[525] Там же. Л. 15.
[526] Там же. Л. 70.
[527] Там же. Л. 76.

области «националистическая» группа на шахте 1/Д Чистяковского района. Группу обвиняли в связях с «Союзом освобождения Украины» (СОУ) – националистической организацией, которая на тот момент уже прекратила свое существование. Так как почвы для национализма на Донетчине не было в силу доминирования в регионе русскоязычного населения, и это для всех было очевидно, авторы обвинительного заключения представили дело так, будто националистическая группировка состояла из мобилизованных для работы в регион «кулаков-тылоополченцев», приехавших из других областей Украины. Чекисты утверждали, что группировку якобы возглавляли сын священника Сергей Панкевич и священник Алексей Поповиченко (сначала клирик УАПЦ, потом – обновленческой «Синодальной церкви»). Все проходившие по делу обвинялись в вербовке в указанную организацию «враждебных элементов», разжигании национальной розни, вредительстве, подготовке диверсионных актов и антисоветской агитации[528]. Священника Алексея Поповиченко представили как члена уже не существовавшего к тому времени СОУ (Союз освобождения Украины), якобы завербованного в Киеве в 1925 г. епископом УАПЦ Нестором Шараевским. Согласно данным следственного дела, вербовка произошла при рукоположении священника Поповиченко в Софийском соборе в Киеве. Среди «инструкторов» Поповиченко по созданию ячеек для пропаганды националистических идей на селе упомянуты митрополит УАПЦ Василий (Липкивский), один из главных идеологов УАПЦ Владимир Чеховской и другие[529]. Именно по их указаниям в регионе якобы создавались ячейки СОУ[530]. Панкевич, Поповиченко, регент В. А. Таранов и другие были отправлены в концлагерь сроком на десять лет[531].

Характерно, что в 1930-е гг. арестовывать начали уже и по письмам-доносам. Причем если в 1930 г. священников арестовывали по заявлению взрослых людей, то в 1937 г. священника могли отправить на десять лет в лагерь

[528] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75771 фп. Т. 2. Л. 153.
[529] Там же. Л. 163.
[530] Там же. Л. 173.
[531] Там же. Л. 177.

по письму несовершеннолетнего[532].

В 1930 г. совещанием коллегии ГПУ УССР от 24 февраля 1930 г. был отправлен в концлагерь сроком на три года[533] священник села Крестище Славянского района отец Тимофей Левочкин[534]. Священника сослали после письма безработного электрика Андрея Ковалева – комсомольца, который решил, что священник – «негодный элемент, недовольный всеми политкомпаниями на селе» и «не нужно его в с. Христищи» (Крестище)[535]. В сельсовете подтвердили, что священник якобы агитировал прихожан против хлебозаготовок, займа, коллективизации[536], а также просил их помощи при выплате налога на церковь[537]. В результате отец Тимофей Левочкин был обвинен в агитации против выполнения «политических кампаний на селе»[538].

Аналогичным образом в 1930 г. по письму учительницы был сослан на три года в Казахстан отец Исихий Ключников[539] из с. Пришиб Славянского района Артемовского округа[540]. На этот раз священника обвинили в том, что он настраивает «церковников» «против закрытия церкви и коллективизации»[541]. К такому заключению чекисты пришли после того, как учительница Пришибской школы Т. Ф. Коваль услышала, что в «пять утра скрипнули церковные двери, и несколько человек вошли в храм». Учительница была встревожена тем, что никто так и не узнал, о чем разговаривали в «то утро» «церковники», из чего сделала вывод, что «церковники мешают проводить... политические кампании на селе». Также учительницу Т. Ф. Коваль возмутило то, что председатель церковного совета Алексей Лаврентьевич Кравченко спросил у нее: «Ты товарищ Коваль имеешь совесть, что нахально лезешь, чтоб закрыть церковь»[542]. Свое письмо Т. Ф. Коваль закончила словами: «Я думаю, что такие явления не нормальны, а

[532] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75802 фп. Л. 3.
[533] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75746 фп. Л. 15.
[534] Там же. Л. 12.
[535] Там же. Л. 2.
[536] Там же. Л. 8.
[537] Там же. Л. 9.
[538] Там же. Л. 13.
[539] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75748 фп. Л. 28.
[540] Там же. Л. 1.
[541] Там же. Л. 24.
[542] Перевод с украинского – М. Р.

поэтому придется предлагать самые серьезные меры, для остановки агитации церковников»[543].

В 1937 г. ситуация с доносами стала еще серьезнее, и священнослужителя могли на десять лет отправить в лагерь по письму-доносу ребенка – пионера, как, например, это случилось со священником Даниилом Бабич из с. Былбасовка. 14 октября 1937 г. в газете «Большевик» в рубрике «Письма в редакцию» с пометкой «Вниманию прокуратуры» было опубликовано письмо юнкора-шестиклассника Былбасовской железнодорожной неполной средней школы М. Голуба. В письме, в частности, отмечалось: «В газете «Большевик» от 4 октября было напечатано письмо под заголовком «Чего не замечает партийная организация». В письме я писал, что в селе Былбасовке не проводится никакой антирелигиозной работы и что поп Бабич проводит разлагающую, подрывную работу среди колхозников».

После публикации письма, по мнению подростка, против него начались «вражеские выпады поповских приспешников». Согласно заявлению пионера, к его матери якобы приходила жена священника и просила, чтоб она запретила сыну писать в газету. Голуб заявил об этом в комсомольскую и партийную организации и председателю сельсовета Смоляр. Но, по мнению пионера, «никто из них никаких мер не принял, чтоб приструнить поповских мракобесов». После письма пионера была помещена приписка от редакции: «...Редакция считает, что прокуратура должна немедленно расследовать факты враждебных случаев против юнкора тов. Голуба и привлечь к суровой ответственности не только попа Бабича, его приспешников, а также председателя сельского совета, парторга и комсорга, которые бюрократично отнеслись к жалобе Голуба и тем самым потакают вражеским элементам»[544].

После письма пионера в Былбасовке было проведено расследование, в ходе которого «выяснилось», что в селе якобы по вине священника срывались собрания по проработке постановления ЦИК и СНК СССР о самообложении и кружки по изучению положения о выборах в Верховный Совет. По этой причине

[543] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75748 фп. Л. 3. (Перевод с украинского – М. Р.).
[544] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75802 фп. Л. 3, 4, 5. (Перевод с украинского – М. Р.)

парторганизация и президиум Былбасовского сельсовета попросили НКВД «принять соответствующие меры». Спешно было организовано собрание первичной организации колхоза «Красный октябрь» Былбасовского сельсовета. Участники собрания засвидетельствовали, что к священнику приезжают люди, он крестит детей, служит литургию, из чего они сделали вывод, что преданным советской власти человеком он не является[545].

После закрытия церкви отец Даниил Бабич действительно служил дома литургию, к нему съезжались люди, они у него говели, исповедовались и причащались; во все праздничные и воскресные дни у священника служились молебны, панихиды, совершались крещения новорожденных[546], а на Пасху освящались куличи[547]. Кроме того, священник совершал требы на дому у верующих[548]. С одной стороны, как говорил отец Даниил, он не мог отказать верующим[549]. А с другой – полагал, что, согласно новой Конституции, «сейчас все разрешено»[550]. В конечном счете, священник Даниил Бабич был отправлен в лагерь[551].

Характерно, что в складывавшейся в стране ситуации священнослужители были готовы к исповедничеству. «...Если нужно, то я пострадаю», – сказал в 1929 г. в церкви, в присутствии около 300 человек, отец Иоанн Крещановский (благочинный Артемовского округа)[552]. Аналогично и другие священники не боялись открыто заявлять, что продолжат окормлять свою паству при любых обстоятельствах. Таковым, например, был иеромонах Аввакум (Калюжный)[553], с 1918 г. по 1929 г. служивший в церкви села Коровий Яр. После того, как храм закрыли, иеромонах Аввакум, как нигде не работающий, был лишен права голоса[554] и, согласно следственному делу, «начал вести бродячий образ жизни»[555].

---

[545] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75802 фп. Л. 6, 7.
[546] Там же. Л. 13, 14.
[547] Там же. Л. 26.
[548] Там же. Л. 14.
[549] Там же. Л. 27.
[550] Там же. Л. 24.
[551] Там же. Л. 3.
[552] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75779 фп. Л. 8.
[553] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75804 фп. Л. 18.
[554] В надежде на новую Конституцию призывал выдвигать кандидатов из христиан, которые защищали бы православных и помогли открыть церковь. (Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75804 фп. Л. 7).

Отец Аввакум ходил по селам Лиманского района[556], крестил детей, служил молебны. Кроме того, он «проводил... беседы с верующими», призывая их «к сбору подписей и средств для ходатайства об открытии церквей»[557]. Иеромонах открыто заявлял, что советская власть – это власть, «идущая против Священного писания», и призывал верующих ее не поддерживать[558]. Отец Аввакум знал об опасности, которой подвергал себя, совершая нелегально требы, но говорил, что не прекратит своего служения до самой смерти[559].

Преследования священнослужителей и мирян совершались на фоне общей нестабильности и низкого уровня жизни в стране в целом и в регионе в частности. При этом реакция на происходившие события священнослужителей с нищавших сельских приходов была особенно острой.

Священнослужителями и мирянами в сельской местности складывающаяся в стране ситуация понималась как результат греховного заблуждения людей. Она, по их мнению, требовала терпения со стороны верующих. Поэтому на проповедях сельские священники часто говорили о том, что людям нужно «вооружаться терпением» и молиться о заблуждающихся[560]. Как следствие, и священники в храмах, и прихожане за оградой церкви призывали людей молиться о заблудших и оступившихся, что расценивалось властями как антисоветская агитация и заканчивалось обвинением и арестом православных верующих. Так, например, в 1931 г. обвинили в антисоветской агитации и выслали на Север[561] священника храма с. Дмитриевка Чистяковского района отца Петра Кондратенко[562]. Его арестовали по заявлению в ГПУ односельчанина Я. Г. Павлюкова, который сообщил в своем доносе, что слышал, как отец Петр призывал в храме молиться за всех трудящихся, отступивших от православия. А вся община в этот момент стала на колени и со слезами молилась[563]. В дальнейшем имели место случаи,

---

[555] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75804 фп. Л. 19.
[556] Там же. Л. 14.
[557] Там же. Л. 19.
[558] Там же. Л. 16.
[559] Там же. Л. 15.
[560] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75780 фп. Л. 75.
[561] Там же. Л. 20.
[562] Там же. Л. 75.
[563] Там же. Л. 1.

когда с призывом молиться об оступившихся выступали и верующие женщины. Скорее всего, это происходило по благословению духовника. Так, Александра Печникова в г. Константиновке «разносила контрреволюционные антисоветские листовки» «о покаянии заблудившихся»[564], за что также была приговорена к заключению в ИТЛ[565].

Кроме того, вполне вероятно, что в селах некоторые священнослужители[566] утверждали, что в СССР «плохо живется», потому что в стране «преследуется религия»[567]. Такие заявления расценивались как «восхваление жизни в капстранах» и «мечты о скорой гибели СССР» и тоже заканчивались арестом.

Подобные тенденции усугубились тем, что в 1932 г. Донецкую область снова охватил голод. Согласно постановлению Совнаркома УССР от 22 июля 1932 г., годовой план по зерну для Донецкой области составил 583 000 тонн зерна. Но уже 29 июля 1932 г. на посвященном хлебозаготовкам 2-м заседании бюро Донецкого обкома этот план был увеличен до 606 300 тонн. На хлебозаготовку были отправлены и горожане: рабочие и служащие. За их работой наблюдали информаторы, политкомиссары и прочие. 7 августа 1932 г. вышел закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», ставший официальным оснований для новых репрессий, связанных с хлебозаготовками.

К осени 1932 г. голод в регионе принял ужасающие масштабы: люди ели собак, кошек, были отмечены случаи каннибализма. Несмотря на то, что из области было вывезено все зерно, в том числе то, которое должно было остаться для посева в будущем году, хлебозаготовки были продолжены в январе-феврале 1933 г. Среди рабочих начались волнения, люди просили облисполком о продовольственной помощи[568], и власти начали искать «препятствующих хлебозаготовкам». В числе якобы препятствующих хлебозаготовкам начали арестовывать и священнослужителей. Были эпизоды, когда арестовать

[564] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75788 фп. Л. 9.
[565] Там же. Л. 17.
[566] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75743 фп. Л. 1.
[567] Там же. Л. 9.
[568] Максимчук Т. А. Донбасс: три страшных времени. Режим доступа: http://dn.archives.gov.ua/articles/stat35.htm (дата обращения: 28. 11 15 г.).

«срывателей хлебозаготовок» просили односельчане. В частности, это случилось с жителями с. Мариновка. По доносу односельчан священника Иоанна Рыбальченко, церковного старосту Т. П. Рыбалко[569] и других обвинили в организации «контрреволюционной группировки» и антисоветской агитации[570]. Несмотря на то, что в деле не было обвинительного заключения, все, проходившие по делу, были высланы на Север сроком на три года[571].

Между тем, в начале 1930-х гг. еще не все обвиненные в антисоветской деятельности священнослужители и миряне подвергались репрессиям. Например, староста храма с. Ремовка Василий Позднеев был объявлен «невыполнителем хлебозаготовки» и обвинен в недоброжелательном отношении «ковсем политическим компаниям» на селе. Так как «изолировать» его просил сам председатель сельсовета[572], Позднеева планировали отправить в концентрационный лагерь на 8 лет[573]. Но, тем не менее, дело прекратили, а церковного старосту выпустили из-под стражи[574]. Таким образом, в период, когда репрессии только набирали обороты и не носили тотального характера, в ряде случаев возможно было еще добиться оправдания обвиненных лиц.

Пиком репрессий на Донетчине, как и повсюду по стране, стал 1937 г. Характерно, что до 1937 г. главный печатный орган края – газета «Социалистический Донбасс» не опубликовала ни одной статьи, посвященной репрессиям. И только летом 1937 г., в разгар арестов, в газете появились публикации, явившиеся своего рода комментариями к новой, вышедшей 25 января 1937 г., Конституции Украины. По сути, эти публикации призваны были сформировать у жителей региона мнение о священнослужителях как о пользующихся в народе колоссальным влиянием враждебных элементах и иностранных шпионах, борьба с которыми должна быть бескомпромиссной.

Как пример приведем цитаты из летних выпусков газеты «Социалистический Донбасс» за 1937 г. В статье И. Ильина «Дать отпор

[569] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75781 фп. Л. 37–38.
[570] Там же Л. 1.
[571] Там же. Л. 133–134.
[572] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75724 фп. Л. 6–9.
[573] Там же. Л. 46.
[574] Там же. Л. 61.

мракобесам» (№151) говорилось: «Находятся товарищи, которым кажется, что религиозники уже не представляют никакой силы и не пользуются малейшим влиянием»[575]. В статье Ю. Жернового «Антинародные дела церковников–сектантов», напечатанной в следующем номере (№152), вновь подчеркивалось: «У многих партийных, профсоюзных и комсомольских работников сложилось в корне неправильное мнение, что антирелигиозная пропаганда уже не нужна, ибо религиозники мол не пользуются никаким влиянием». Русская Православная Церковь в материале именовалась «орудием контрреволюции», «орудием борьбы против социализма, против колхозов, против культурной работы в городе и на селе… и против укрепления обороноспособности нашей родины». В статье делался акцент на том, что «религиозные организации остаются организациями, которых используют и будут использовать в своих антисоветских целях… враждебные социализму элементы»[576].

1930-е гг. – это время, когда газетные передовицы Донетчины были заполнены статьями о трудовых победах. Страна была на экономическом подъеме, которому, согласно внушаемой большевистским руководством задумке, должен был противостоять враг, которого следовало персонифицировать, чтобы убедить людей в истинности этого тезиса. Православная Церковь оказалась в числе основных кандидатов на роль такого «врага». В прессе настойчиво проводилась мысль о том, что именно она выступает против Стахановского движения. «В народ» была «запущена» информация о том, что «с появлением в газетах сообщений о рекордах товарища Стаханова, церковники послали ему письмо, предлагали прекратить ударную работу и советовали «обратиться к Богу». Газета «Социалистический Донбасс» утверждала, что якобы имеется множество других примеров того, что «церковники… пытаются мешать развитию стахановского движения». Подобные эпизоды, как заявляла газета, будто бы имели место на станции Рутченково, в городе Дружковке и других. Издание безапелляционно утверждало: «церковники… как установлено из ряда дел, имеют связи с

[575] Ильин И. Дать отпор мракобесам // Социалистический Донбасс. 1937. №151. С. 3.
[576] Жерновой Ю. Антинародные дела церковников–сектантов // Социалистический Донбасс. 1937. №152. С. 2

иностранными шпионами»[577].

Подобные заявления выглядели особенно резко на фоне вышедшей в УССР новой Конституции, декларировавшей права и свободы граждан и обещавшей демократическую избирательную систему[578]. Между тем, новая Конституция вселила надежды и в священнослужителей, и в мирян. Многие представители духовенства поверили, что при наличии тайного голосования в Верховный Совет им удастся провести в ряды депутатов православных верующих, что позволит им отстаивать свои интересы во властных структурах[579]. Поверили они и в то, что новая Конституция предоставит верующим право открыто молиться[580].

Так, священник Симеон Никифоров, который после закрытия в 1936 г. церкви в селе Малая Крынка нелегально совершал требы в том числе в близлежащих селах (Николаевке и Благодатном), был убежден, что новой Конституцией людям дано право на религиозную свободу. Поэтому он призывал верующих организованно и настойчиво требовать от властей открытия церкви. Священник начал собирать подписи за открытие храма. За это отца Симеона арестовали[581]. Священника обвинили в связях с уже осужденными на тот момент священниками Сахновским и Китайским, в контрреволюционной деятельности, противостоянии закрытию церкви и т. д., и приговорили к расстрелу[582].

В реальности новая Конституция не только не принесла верующим свободы, но, напротив, дала новые поводы для привлечения духовенства и мирян к ответственности. Так, например, священников стали обвинять в том, что они пытались провалить кандидатуры коммунистов на выборах, выступают против колхозного строительства, госзаймов и т. д.[583]. Все это квалифицировалось как контрреволюционная деятельность[584], за которую священнослужителей и

[577] Кандидов Б. Церковь – орудие контрреволюции // Социалистический Донбасс. 1937. №169. С. 2.
[578] Конституція УРСР. 1937 р. Режим доступа: http://histua.com/ru/knigi/istoriya–gosudarstva–i–prava–ukraini/konstituciya–ussr–1937h (дата обращения: 28. 11 15 г.).
[579] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75790 фп. Л. 8.
[580] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75729 фп. Л. 5; Л. 7.
[581] Там же. Л. 2, 5, 6, 7.
[582] Там же. Л. 21, 23.
[583] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75790 фп. Л. 8; Л. 23.
[584] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75785 фп. Л. 32.

связанных с ними мирян расстреливали[585].

Между тем, не все верующие поддались эйфории по поводу ожидаемых от новой Конституции свобод. Так, например, священник Филипп Максименко вполне трезво полагал, что конечная «цель власти – закрыть церковь», поэтому в ожидании новых арестов он призывал верующих сплотиться и действовать[586]. За это священнослужитель был обвинен в том, что проводил активную контрреволюционную пропаганду, занимался компрометацией решений партии и советской власти[587] и приговорен к расстрелу[588].

Стоит отметить, что к середине-концу 1930-х гг. позиции городских и сельских священнослужителей в регионе отличались. Некоторые священнослужители были склонны видеть в происходящих в СССР в конце 1930-х гг. событиях предвестие конца «диавольской власти»[589]. Это было характерно в основном для сельских священников[590]. Например, когда священник села Елено-Николаевки Амвросиевского района отец Александр Сахновский начал проводить «сборы» на церковь, его вызвали в сельсовет для предупреждения. Там священник заявил, что, согласно Конституции, сельсовет не имеет права ему препятствовать и что «скоро кончится царствование идола» и всем «будет жить хорошо». За это священник был арестован, осужден и расстрелян[591].

Кроме того, для некоторых сельских священнослужителей было характерно напряженное ожидание приближающейся войны. С ее началом они опять-таки связывали надежды на конец антихристианской власти и упразднение колхозов, где «людей… мучают… голодом». Такие тенденции наметились уже с конца 1935 г. Некоторые священнослужители надеялись, что в ходе войны все вернется к тому положению вещей, которое было до 1918 г.[592].

В отличие от духовенства сельской местности, городские священнослужители Донетчины были в меньшей степени склонны к обострению

[585] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75785 фп. Л. 24; Л. 37.
[586] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75717 фп. Л. 12.
[587] Там же. Л. 14.
[588] Там же. Л. 16.
[589] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75785 фп. Л. 7.
[590] Архив Учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров УССР. Ф. 16802 - 2 ф. Д. 233. Л. 51-53.
[591] Там же. Л. 51, 52, 53.
[592] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75787 фп. Л. 1, 2, 3.

отношений с советской властью. И, по всей видимости, такие священнослужители составляли большинство. Согласно переписи населения 1939 г., в Сталинской области из 3 102 323 жителей 2 423 084 человек проживали в городах и только 679 239 человек проживали в селах[593]. Преобладание городского населения в регионе было очевидным. Население концентрировалось преимущественно в крупных, активно развивающихся промышленных городах. Во время переписи все области СССР делились на пять групп, и в первую входили регионы с высокоразвитой и быстро развивающейся в истекшем десятилетии индустрией. В эту категорию наряду с Московской, Ленинградской, Свердловской и рядом других областей вошла и Сталинская область.

При этом население городов Донетчины росло бурными темпами. В Сталино (Юзовка, Донецк) в 1926 г. проживало 105.732 человек, в 1937 г. – уже 241.597 человек. В Макеевке в 1926 г. численность населения составляла 51.458 человек, в 1937 г. – 159.775 человек. В Краматорске в 1926 г. население составляло 12.345 человек, в 1937 г. – 93.387. Мариуполь с населением 63.346 человек в 1926 г. в 1937 г. имел уже 190.862 жителей. В Артемовске в 1926 г. проживало 37.306 человек, в 1937 г. – 50.416. Население Константиновки с 26.455 в 1926 г. выросло до 91.353 человек в 1937 г.[594].

Как следствие, ввиду разных условий жизни, воспитания и проч. городское население Донецкого края отличалось от более консервативных и патриархальных по своему менталитету сельских жителей. Вероятно, именно с такими различиями было связано то, что в 1935–1937 гг. городское духовенство, в отличие от сельского, уже не стремилось к открытой конфронтации с советским государством. Как пример такого рода лояльности к властям, зафиксированный в делопроизводстве НКВД, можно привести священников г. Сталино[595] (Донецка).

Но даже несмотря на такого рода перемены в настроении духовенства, со стороны органов НКВД против священнослужителей продолжалось применение репрессивных мер. Так, в августе 1936 г. 4-м отделом УГБ-УНКВД по Сталинской

[593] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 154. Л. 2.
[594] РГАЭ. Д. 143. Л. 24.
[595] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75730 фп. Л. 12; Д. 75731 фп. Л. 5.

(Донецкой) области в г. Сталино было инспирировано дело о ликвидации «контрреволюционной организации» бесприходных священнослужителей. На роль лидера данной мифической «организации» чекисты определили вернувшегося к тому времени из ссылки священника Климентьева[596]. Всего по этому делу проходило 16 священников[597]. В их числе помимо Климентьева (место служения – Рутченково)[598], были священники: Павел Фролов, Николай Петров (место служения – Рутченково, Рыковка), Виктор Демишев (место служения – поселок завода Боссе), Димитрий Осипенко (место служения – Петро-Марьинка), Евдоким Пальчевский, Гермоген Вербик (место служения – Мушкетово), Серафим Кириллов, Василий Козлов (место служения – поселок ст. Сталино), Вениамин Крамаренко (место служения – Сталино) и др.[599].

Согласно архивным документам, поводом к открытию указанного дела стало якобы высказанное священнослужителями мнение о том, что новая Конституция СССР была принята под давлением со стороны капиталистических стран и Лиги наций. Также священники будто бы утверждали, что Конституция ставит своей «целью выбить козырь из рук фашистов и папы римского, готовящих крестовый поход»[600]. В качестве доказательства антисоветской деятельности священников чекисты вопреки всякой логике приводили тот факт, что священнослужители служили на городском (Мушкетовском) кладбище панихиды. Эти поминальные службы были объявлены «антисоветскими собраниями»[601].

Согласно данным следствия, священник Климентьев был совершенно лояльным по отношению к советской власти гражданином. Тем не менее, в его деятельности чекисты усмотрели опасные, с их точки зрения, тенденции. В частности, ему вменялось в вину, что он в прошлом «был сторонником об’единения обновленческой и патриаршей ориентации, заявляя, что необходимо

[596] Священник Климентьев служил на Рутченково; после того, как вернулся из ссылки, жил на иждивении детей. (Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75731 фп. Л. 19).
[597] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75730 фп. Л. 12.
[598] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75731 фп. Л. 19.
[599] Там же. Л. 6.
[600] Там же. Л. 1.
[601] Там же. Л. 4.

не распыляться, а об’единять церковную силу»[602]. После принятия новой Конституции Климентьев призывал использовать ее для защиты прав верующих[603]. Это выражалось в том, что Клименьев и другие священники из г. Сталино считали, что, пользуясь представленными Конституцией правами и возможностями, им необходимо браться за любые посильные общественно-полезные работы, чтобы в советском обществе их перестали считать «паразитами», и вместе с тем они могли бы продолжать свою церковную деятельность «в противовес безбожию». Помощниками священнослужителей в этом должны были стать глубоко воцерковленные верующие.

Указанные настроения были распространены и среди других городских священнослужителей Донецкого края, которые сочетали нелегальное церковное служение с работой в гражданских учреждениях[604]. Так, священник Николай Горовой (1894 г.р.) на момент ареста был счетоводом шахты Калиновка[605] (г. Сталино). Мариупольский священник Николай Шумаков на момент ареста работал счетоводом на городском графитном заводе. Священник Лев Окиншевич на момент ареста работал в порту «Углеэкспорта»[606], а ранее – заведующим архивом народного суда г. Мариуполя[607]. Священник Петр Балдинов на момент ареста был учителем[608].

Возможно, некоторые священнослужители искренне надеялись на то, что после принятия новой Конституции СССР в их положении произойдут перемены к лучшему. Это придавало их действиям смелости и решимости. Как пример такого рода иллюзий можно привести деятельность священника Михаила Попова[609], приехавшего в Сталино из города Изюма Харьковской области. После приезда в Сталино на учет как служитель культа он не встал[610]. Тем не менее, в 1937 г., уже в разгар репрессий, он не побоялся выступить на заседании местной

[602] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75730 фп. Л. 6.
[603] Там же. Л. 3.
[604] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75731 фп. Л. 5.
[605] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75737 фп. Л. 2
[606] Там же. Л. 43.
[607] Там же. Л. 20.
[608] Отраслевой государственный архив СБУ. Ф. 6. Д. 75727 фп. Л. 3.
[609] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75791 фп. Л. 32.
[610] Там же. Л. 5

избирательной комиссии с заявлением, потребовав на основании Конституции включить его в списки избирателей по участку №137[611]. После этого выступления священник был задержан: как повод был использован факт крещения им ребенка на дому[612]. Отец Михаил был обвинен в контрреволюционной деятельности[613] и приговорен к расстрелу[614], несмотря на то, что его родной сын работал в то время в милиции[615].

Одним из резонансных дел, датируемых 1937 г., стала расправа над мариупольскими священнослужителями. В их числе были и благочинные Донецкой епархии, объединявшей Мариупольщину и Донетчину[616]. Все священнослужители, проходившие по так называемому «Делу по обвинению Шумакова Николая Семеновича и других» (помимо священника Николая Шумакова, были репрессированы священники: Михаил Арнаутов, Орест Жеженленко, Борис Станецкий, Лев Окиншевич, Василий Критинин, Феодор Гонтаревский), были расстреляны[617]. В обвинительном заключении от 23 октября 1937 г. в отношении протоиерея Михаила Арнаутова и священников Николая Шумакова, Ореста Жеженленко, Бориса Станецкого, Льва Окиншевича, Василия Кретинина и Феодора Гонтаревского было указано, что все они («группа попов тихоновцы») являются ярыми монархистами, тесно связанными между собой совместной контрреволюционной деятельностью, направленной против компартии и советской власти. Руководителями «группы» в деле названы протоиерей Михаил Арнаутов и священник Орест Жеженленко, которые «неоднократно устраивали у себя на квартирах нелегальные контрреволюционных сборища…»[618].

25 октября 1937 г. Тройка УНКВД по Донецкой области, заслушав дело по обвинению священников Арнаутова, Шумакова, Жеженленко, Станецкого, постановила всех четырех расстрелять. В этот же день вышло и второе

[611] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75791 фп. Л. 3.
[612] Там же. Л. 5.
[613] Там же. Л. 42.
[614] Там же. Л. 44.
[615] Там же. Л. 5.
[616] Архив временного хранения Управления СБУ в Донецкой области. Ф. 16802 - 2 ф. Д. 10536-2ф. Л. 43.
[617] Там же. Л. 61–62.
[618] Там же. Л. 59.

постановление – расстрелять священников Окиншевича, Кретинина и Гонтаревского. Приговор был приведен в исполнение 1 марта 1938 г.[619].

Только после смерти Сталина, в 1950-е гг., когда родственники расстрелянных начали поиски, КГБ обратился с запросами в ЗАГСы с просьбой зафиксировать смерть священнослужителей[620]. При этом родственникам священников были выданы справки, содержавшие ложные сведения о времени и обстоятельствах смерти клириков. Например, указывалось, что священник Борис Станецкий якобы умер 19 октября 1943 г. от саркомы легких[621], а священник Орест Жежеленко – умер своей смертью 25 ноября 1937 г.[622]. О том, что священнослужители на самом деле были расстреляны и «сведений о месте захоронения в деле не имеется»[623], близкие репрессированных узнали только в 1989 г. В конце 1950-х гг. встал вопрос о пересмотре дела расстрелянных священников. В 1959 г. Сталинский областной суд издал определение: «Постановление Тройки УНКВД по Донецкой области от 25 октября 1937 года отклонить и дело… производством прекратить за недоказанностью их вины»[624].

Вслед за мариупольскими священниками были расстреляны и те, кто так или иначе был с ними связан. В их числе был протоиерей Петр Балдинов, на момент ареста работавший учителем. Прежде отец Петр был настоятелем Успенской общины в городе Мариуполе[625], находившейся в ведении «Московской Патриархии в лице патриаршего местоблюстителя Митрополита Петра, его заместителя, Митрополита Сергия, Экзарха Украины, Митрополита Украины и временно управляющего Мариупольской епархией Константина, Архиепископа Харьковского». Сначала отец Петр проходил свидетелем по «Делу о мариупольских священниках»[626]. А в ноябре 1937 г. «как выходец из служителя религиозного культа» и «бывший протоиерей тихоновской ориентации» он был обвинен в тесной связи с расстрелянным «ярым монархистом Арнаутовым».

[619] Архив временного хранения Управления СБУ в Донецкой области. Ф. 16802 - 2 ф. Д. 10536-2ф. Л. 61, 62, 63.
[620] Там же. Л. 85.
[621] Там же. Л. 151.
[622] Там же. Л. 154.
[623] Там же. Л. 165.
[624] Там же. Л. 143.
[625] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75727 фп. Л. 3.
[626] Там же. Л. 16.

Протоиерея Петра Балдинова также обвинили в проведении монархической контрреволюционной агитации. На самом деле он был одним из организаторов православного сестричества на Мариупольщине, которое было расценено как организация «контрреволюционно настроенных женщин под видом сестричества»[627]. Отец Петр был признан виновным и расстрелян[628].

Тогда же, осенью 1937 г., расстреляли и Николая Андреевича Дубовецкого, учителя, выпускника духовной семинарии. Его расстреляли за то, что он также «имел тесную связь» с ранее репрессированным протоиереем Арнаутовым, якобы предвещал гибель коммунистам от рук испанских фашистов, а в случае войны собирался уничтожать коммунистов.

Если в 1929 г. священников за нелегальное требоисполнение отправляли в ссылку, то в 1937 г. уже расстреливали[629] или (в лучшем случае) ссылали на 10 лет[630]. К обвинению в нелегальном требоисполнении, как правило, добавляли контрреволюционную пропаганду, которой священник якобы занимался при исполнении треб. Так, в 1937 г. был приговорен к расстрелу протодиакон[631] Екатерининской церкви г. Мариуполя Платон Колесниченко[632]. Приговор ему был вынесен за то, что он «без ведома Горсовета» (то есть без регистрации) проводил «служения» и активную контрреволюционную пропаганду в окрестных селах (по всей видимости, вместе со священниками)[633]. К расстрелу были приговорены диакон Максим Березняк и священник Слышко из с. Щербиновка Дзержинского района, совершавшие требы на дому[634]. На допросе от диакона Максима Березняка требовали дать показания о подрывной работе, контрреволюционной пропаганде и антисоветской деятельности священника Слышко. Диакон отказался давать показания против священника[635], после чего также был приговорен к

[627] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75727 фп. Л. 28.
[628] Там же. Л. 42.
[629] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75715 фп Л. 1-12.
[630] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75802 фп. Л. 3.
[631] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75713 фп. Л. 12.
[632] Там же. Л. 2.
[633] Там же. Л. 11.
[634] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75792 фп. Л. 1.
[635] Там же. Л. 13–14.

расстрелу[636].

Несмотря на это, даже в 1937 г. священники тайно крестили не только младенцев, но и молодых людей. Например, в с. Зайцево священник Константин Горбань на протяжении июля – августа 1937 г. крестил молодежь в возрасте от 15 до 20 лет[637]. Священник делал это, зная, что может поплатиться не только свободой, но и жизнью: за нелегальное крещение, которое было квалифицировано сотрудниками НКВД как возбуждение недовольства советской властью среди верующих и распространение «провокационных слухов»[638], был арестован и через три дня расстрелян священник из г. Орджоникидзе Аркадий Борейко[639]. Показательно, что в уголовном деле этого священника даже не содержится протокола его допроса.

Аналогично миряне не боялись обращаться к священникам за духовной поддержкой. Например, к известному духовнику священнику села Григорьевка №1 Сталинского района Липчинскому люди приезжали группами по 2-3 человека из разных городов и сел области[640].

Не прекращала активной церковной деятельности и монахиня Емилия (Елена Егоровна Кириченко, уроженка Зайцево Горловского района), постриженица Старобельского монастыря[641]. В документах НКВД эта монахиня значилась как гражданка «без определенного местожительства и работы». При этом монахиня, как отмечали чекисты, «аккуратно» посещала церковь и читала в храме часы (краткое богослужение). Священником Зайцевской церкви в этот период был отец Гавриил Коханов. Свое нежелание работать в советских учреждениях монахиня Емилия (Кириченко) объясняла тем, что не желает «бесам подчиняться» и «бесам работать», т. е. советской власти. Монахиня ездила в Киев к мастерам, которые подпольно изготовляли предметы церковного обихода[642]. После очередной поездки в Киев (монахиня привезла оттуда 100 крестиков, 50

[636] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75792 фп. Л. 18.
[637] Там же. Л. 1–2.
[638] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75793 фп. Л. 23.
[639] Там же. Л. 4.
[640] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75731 фп. Л. 8.
[641] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75801 фп. Л. 9.
[642] Там же. Л. 1–4.

венчиков, 6 комплектов покрывал, 2 деревянных креста, 200 восковых свечей и 1 кг ладана), она была обвинена в антисоветской агитации[643] и заключена на 10 лет в ИТЛ[644].

Православные верующие понимали, что «Советская власть руководимая коммунистами арестовывает духовенство только за то что они веруют в бога». И священнослужители, и верующие старались помогать ссыльным и заточенным в тюрьмы. В уголовных делах того времени можно встретить такого рода пометки: «...Проводит сбор средств для оказания помощи семьям арестованных врагов народа»[645]. Так, диакон Тимофеев не боялся открыто пересылать деньги и посылки в Енисейск и на Соловки[646]. По благословению благочинного Артемовского округа священника Иоанна Крещановского Сергиевская община, в которую входили священники Сергий Повалиев, Николай Голованов, а также диакон Петр Литвиненко, посылала деньги владыке Стефану (Андриашенко)[647]. Священник Филипп Максименко из с. Дружковка занимался сбором средств в пользу семейств священнослужителей и мирян, арестованных органами НКВД[648]. Была оказана материальная поддержка жене погибшего в застенках священника Егорова[649]. Председатель церковного совета с. Алексеевки Константиновского района чернорабочий Роман Светленко также собирал средства для помощи репрессированным и предоставлял кров священникам, приезжавшим в село из других мест[650].

Сведения о том, что попавшие в застенки НКВД подвергались страшным мучениям, просачивались в народ, и репрессированные воспринимались верующими как мученики и исповедники. Между тем, против «распространителей» подобной информации тоже применялись меры. Так, священник Максименко был обвинен в том, что «по его наставлению... старухи распускают слухи о том что органы ревзаконности применяют пытки над

[643] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75801 фп. Л. 13
[644] Там же. Л. 10–14.
[645] Там же. Л. 9.
[646] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75726 фп. Л. 9.
[647] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75779 фп. Л. 15.
[648] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75717 фп. Л. 6.
[649] Там же. Л. 11.
[650] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75769 фп. Л. 1–6.

арестованными верующими. В частности о попе Егорове распустили версию что он не выдержал пытки и в кабинете начальника УГБ умер от разрыва сердца»[651]. Между тем, свидетельства о пытках в отношении духовенства и верующих отнюдь не были слухами. В частности, в архивном деле Службы безопасности Украины сохранились адресованные жене письма священника Григория Китайского, которые он не смог передать из тюрьмы своей матушке. Отец Григорий был обвинен в участии в повстанческо-диверсионной организации, готовящей в случае нападения Германии вооруженное восстание против СССР. С этой целью он якобы собирал «сборища на дому» и «выполнял установку» некоего немца Фишера, с которым случайно познакомился в 1933 г.[652]. В одном из писем арестованный священник сообщает жене, что до последнего момента и помыслить не мог, что его будут обвинять в том, что он «в 1933 году... в доме немца Фишера беседовал… о том, что во время войны с Германией всеми мерами пособлять Германцам, для чего загодя устроить фашистскую организацию». От священника Григория требовали «назвать завербованных». Но, как писал священник: «...Я пока бодр, надежду возлагаю на Б Творца и верю она не посрамит». 9 июля священник написал жене: «Издеваются ужасно»[653], а уже 10 августа 1937 г. отец Григорий Китайский был расстрелян[654]. Несмотря на мучения, которым подвергались при допросах священнослужители, в делах репрессированных православных клириков и мирян нами не было обнаружено ни одного свидетельства того, что ими были даны показания против других лиц.

Как уже указывалось, под репрессии в описываемый нами период попадали не только православные, но и обновленцы, представители Лубенского раскола и т. д. Уже с 1929 г. в Донецком регионе начали принимать меры против обновленцев. Так, в с. Андреевка Чистяковского района антирелигиозная демонстрация у обновленческого храма стала причиной ссылки на пять лет в концлагерь[655]

[651] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75717 фп. Л. 9.
[652] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75716 фп. Л. 59, 120.
[653] Там же. Л. 66.
[654] Там же. Л. 122.
[655] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75740 фп. Л. 21.

обновленческого священника Алексия Селеверстова[656]. Ему вменили в вину то, что он в ночь с 4 на 5 мая 1929 г. призывал верующих разогнать антирелигиозную демонстрацию, проходившую в 100 саженях от церкви. Все прихожане, принявшие участие в акции, также были привлечены к суду[657].

Но, несмотря на начавшиеся гонения, обновленцы продолжали надеяться, что советская власть, как и прежде, будет относиться к ним более лояльно, чем к «тихоновцам». В 1935 г. обновленцы пытались помешать закрытию своего храма в с. Старобешево. Настоятелем обновленческой Георгиевской церкви в с. Старобешево Мариупольского района был священник Нил Котиков[658], псаломщиком – Иван Кирицев. Как следовало из материалов дела, Иван Кирицев был лично знаком с секретарем ВУЦИКа Василенко[659]. Когда возникла угроза закрытия обновленческой церкви, ее прихожане написали на имя Василенко ходатайство с просьбой не закрывать храм. Параллельно верующими была составлена жалоба на имя Г. И. Петровского (отдел религиозных культов) о том, что их притесняют местные власти. Когда в 1935 г. Петровский приезжал в Старобешевский район, он принял от прихожан жалобу, но ответа на нее не дал[660]. В качестве аргументов за сохранение храма в письме-жалобе в секретариат ЦИК Украины, в отдел религиозных культов (26 апреля 1936 г.) сообщалось, что храм является единственным в радиусе 25 км и для культурных и прочих целей не нужен: в селе есть клуб, Дом советов, больница и санитарная станция. Отмечалось, что налоги обновленческая община платит вовремя, храм содержится в должном порядке, ремонтируется своевременно, посещаемость храма достаточная, и порой храм даже бывает переполнен. К письму прилагались список верующих общины (670 человек)[661] и статистика по крещеным, погребенным, венчаным и говеющим (от 18 лет): в 1928 г. – 1516 человек, в 1929 г. – 1706, в 1930 г. – 2264, в 1931 г. – 2207 человек[662]. Обновленцы также пытались прибегнуть к

[656] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75740 фп. Л. 1.
[657] Там же. Л. 15.
[658] Там же. Л. 23.
[659] Там же. Л. 8.
[660] Там же. Л. 23.
[661] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75803 фп. Л. 5.
[662] Там же. Л. 7.

авторитету своего митрополита Киевского Александра (Чекановского)[663]. Священник Нил Котиков[664] писал к «Управляющему Православным церквам в УССР Митрополиту Киевскому Александру», надеясь через него повлиять на Петровского[665].

В 1935 г., благодаря поддержке Василенко, обновленцам удалось отстоять свою церковь с. Старобешево. Но после того, как сам Василенко осенью 1937 г. был репрессирован, неожиданно «выяснилось», что церковь в Старобешево пытались закрыть еще с 1934 г., но до сих пор не закрыли, вследствие чего она все это время она «служила» «для сборищ и проведения контрреволюционной деятельности»[666]. Было очевидно, что к этому времени от былого благоволения советских властей к обновленцам уже ничего не осталось, и, как только личные связи псаломщика Ивана Кирицева стали неактуальными, обновленцы сразу же лишились своего храма и подверглись репрессиям.

В дальнейшем псаломщик Кирицев, мариупольский грек по национальности, попал в жернова уже упоминавшейся «националистической» операции: «греческой». С 15 декабря 1937 г. по март 1938 г. в некоторых регионах СССР проходила так называемая «греческая» операция НКВД – массовые репрессии против понтийского греческого этнического меньшинства. Мариупольские греки имели крымское происхождение. Тем не менее, они тоже стали жертвами «греческой» операции. Так, псаломщика И. С. Кирицева попытались «представить» «активным участником греческой контрреволюционной повстанческой националистической организации», о которой в Старобешево ему якобы рассказал священник Лука Аленгоз, тоже мариупольский грек[667]. А так как вскоре выяснилось, что ни руководителей, ни участников этой мнимой организации никто не знал, обвинения в участии в повстанческой организацией были сняты[668]. Однако это обстоятельство не означало оправдания Кирицева. Вскоре Иван Кирицев был обвинен в том, что

[663] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75728 фп. Л. 5 об.
[664] Там же. Л. 3.
[665] Там же. Л. 5 об.
[666] Там же. Л. 25.
[667] Там же. Л. 16.
[668] Там же. Л. 18.

вместе с «кулаком» Науменко организовал нелегальное молитвенное помещение в с. П.-Екатериновка. Также Кирицеву инкриминировали связь с «разоблаченным врагом народа» Василенко[669]. Соответственно, обновленческий священник Котиков был обвинен в контрреволюционной деятельности – «противодействии проработке Конституции» и попытке сорвать тайное голосование в Верховный Совет, используя «отсталые слои греческого населения»[670]. В итоге оба – и священник, и псаломщик – были приговорены к расстрелу[671].

Под «греческую» операцию попали даже те обновленческие священнослужители, которые ранее способствовали расправе над православными священниками. Среди них, в частности, был обновленческий священник Георгий Яйлов, мариупольский грек по национальности, который после закрытия храма работал сторожем пищеторга. Ранее он проходил как свидетель по делу о мариупольских «тихоновских» священниках, дал против них показания, прибегнув при этом к лжесвидетельству. 15 декабря 1937 г. Яйлов был арестован и обвинен в том, что сам якобы являлся участником греческой контрреволюционной диверсионно-повстанческой националистической организации[672]. Через 13 дней после ареста на допросе Яйлов назвал имена «участников» организации, среди которых якобы были обновленческий епископ Августин (Разумовский) и другие лица. Яйлов утверждал, что завербовал их лично. Георгия Яйлова расстреляли без проверки его показаний и допроса свидетелей[673].

Как и в случае с «тихоновцами», в 1937 г. в ходе привлечения обновленческих священнослужителей к следствию часто «всплывали» те обвинения, которые выдвигались в их адрес еще в конце 1920-х гг. Так, в 1929 г. обновленческий священник Тимофей Баша из с. Ново-Экономическое Постышевского района был обвинен в том, что просил односельчан помочь ему погасить большой налог, без уплаты которого церковь могли закрыть[674]. В 1937 г. к этому обвинению добавили высказывания обновленческого священника о том, что

[669] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75728 фп. Л. 29.
[670] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75803 фп. Л. 31.
[671] Там же. Л. 30–33.
[672] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75727 фп. Л. 47.
[673] Там же. Л. 48.
[674] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75767 фп. Л. 4–17.

«неверующие стараются разными методами отвлекать верующих от церкви»[675]. Баше также инкриминировали злоупотребление спиртными напитками. Злоупотребление охарактеризовали как «выпивки у монашки Свечкиной»[676], проводимые «с целью срыва важнейших политических кампаний». Обновленческому священнику также ставили в вину «деятельность… по открытию молитвенного дома»: якобы целью этого открытия была попытка срыва всесоюзной переписи населения[677]. В итоге священник Тимофей Баша был приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 10 лет[678].

Обновленческих священников не только осуждали на тюремное заключение, но в ряде случаев приговаривали к расстрелу. Так, в 1937 г. обновленческого священника Василия Попова, служившего в с. Старый Крым Мангушского района и с. Чердаклы Володарского района, как «ярого врага партии и советской власти и монархиста» приговорили к расстрелу[679].

Почти всегда в случае ареста одного из священнослужителей подлежали репрессиям и те, кто с ним хоть в какой-то степени контактировал. Причем юрисдикционная принадлежность священнослужителей в таких случаях не имела никакого значения. Так, обновленческий священник Афанасий Петров, с 1933 г., после закрытия обновленческой кафедры, служивший в кладбищенской церкви[680], в 1937 г. был обвинен в связях со священниками Арнаутовым, Окиншевичем и другими[681], на тот момент уже расстрелянными «тихоновцами». 10 октября 1937 г. Петров тоже был приговорен к расстрелу[682].

Расстрелу[683] или ссылке на 10 лет[684] подвергали не только обновленческих священников, но и архиереев. Последний Мариупольский обновленческий епископ Рафаил (Прозоровский)[685] был обвинен в том, что вел

---

[675] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75767 фп. Л. 20.
[676] Там же. Л. 19.
[677] Там же. Л. 76.
[678] Там же. Л. 78.
[679] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75714 фп. Л. 9, 20, 23, 38, 39.
[680] Там же. Л. 62.
[681] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75789 фп. Л. 72.
[682] Там же. Л. 88.
[683] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75727 фп. Л. 48.
[684] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75767 фп. Л. 78.
[685] Родился 28 октября 1870 г. в с. Ватлино.

контрреволюционную пропаганду и боролся против советской власти и партии, и в 1937 г. расстрелян[686]. На момент ареста Прозоровский возглавлял обновленческую общину в г. Мариуполе[687]. Прозоровский был достаточно образованным человеком. В свое время он окончил духовную семинарию и был вольнослушателем в архитектурном институте. Став священником, служил в нескольких общинах. До того, как стать обновленческим епископом в Мариуполе, он был епископом в Николаеве. Вопреки попыткам обновленцев отрицать факт оплаты своего труда советской властью, у Рафаила (Прозоровского) был фиксированный оклад в Мариуполе – 200 руб.[688]. Как обновленческий епископ он был поставлен на учет Мариупольским городским советом 17 июня 1930 г.[689].

На примере обновленческого епископа Рафаила (Прозоровского) можно проследить динамику взаимоотношений обновленцев и государственной власти. Согласно характеристике периода пребывания Прозоровского на Николаевской кафедре (от 13 ноября 1926 г.), он «как епископ... в высшей степени строгий исполнитель церковных канонов, т. е. правил, чего и требует от своих подчиненных, а особенно с служащих с ним... Как человек очень добрый и сердечный готовый всегда оказать помощь и услугу. Как администратор – деспот по отношению к себе, что и требует от своих подчиненных... Любит порядок... Корректен по отношению к Соввласти и ее представителям. С возмущением если вопрос затронуть вспоминает прежнюю власть. Не позволяет себе уклоняться в сторону сплетен, что не нравится старым барынькам, которые на этот счет посещали его предшественника Архиепископа Константина». Отмечалось, что Прозоровский очень хорошо редактирует документы. «Тонкий экономист в хозяйственном отношении», – писал о Прозоровском составитель характеристики – начальник Николаевского окружного отдела, уполномоченный СО, 13 ноября 1926 г.[690]. Но совсем иначе обрисован Прозоровский во второй характеристике, составленной уже в Мариуполе, после его отставки: «Прозоровский... бывший

[686] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75734 фп. Л. 3, 31, 33.
[687] Там же. Л. 3.
[688] Это имело место около 1930 г.
[689] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75734 фп. Л. 7–8.
[690] Там же. Л. 13.

епископ Синодальной епархии Николаевщины в настоящий момент постановлением украинского синода от 13/VI–30 года переведен епископом Мариупольской синодальной епархии. В Николаеве Прозоровский пробыл 5 лет, за это время проявил себя с негативной стороны, а именно: большой стяжатель, за «кружку» – готов устроить ужасающий скандал. Управлял епархией «палкой». Делил духовенство на цензовиков и неграмотных. Себя дискредитировал в епархии тем что писал отношения в религиозные общины, ссылаясь в случае невыполнения того или иного поручения на «Совласть». В епархии «систематически» имели место «склоки»[691].

Вслед за обновленческим архиереем был репрессирован и обновленческий священник Сергий Сенченко[692], которого считали «правой рукой» Прозоровского[693]. Он был обвинен в принадлежности к контрреволюционной организации и контрреволюционной агитации, а также в содействии Прозоровскому. Осенью 1937 г. Сенченко был расстрелян[694].

Действовавшие на территории Донецкой области клирики и общины БОПУПАЦ («Братское объединение приходов Украинской православной автокефальной церкви», иначе: «Соборно-епископская церковь» или Лубенский раскол) также в конце 1930-х гг. подверглись репрессиям со стороны государственной власти. После того, как закрыли «лубенскую» церковь в с. Луганское на Донетчине, ее настоятель, священник Павел Бирюков, так же, как и многие другие священники, стал нелегально служить по домам[695] и собирать подписи местных жителей «за открытие» церкви[696]. Поводом для его ареста стало то, что он занимался этим в июле 1937 г., то есть в период уборочной кампании. Характерно, что при этом Бирюков руководствовался справкой, подписанной лубенским митрополитом Феофилом (Булдовским). В ней говорилось: «Священникам закрытой Покровской церкви с. Луганскаво Горловского района: О. Филиппу Шуклину и О. Павлу Бирюкову»: «Ввиду ходатайства верующих

[691] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75734 фп. Л. 10. (Перевод с украинского – М. Р.)
[692] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75736 фп. Л. 1.
[693] Там же. Л. 5.
[694] Там же. Л. 11, 13, 14.
[695] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75794 фп. Л. 1.
[696] Там же. Л. 6.

закрытой Покровской церкви с. Луганскаго, и на основании изданнаго Рабоче-Крестьянским Правительством Украины... 1918 г. декрета о свободе совести, а так же в силу 352 и 357 сттАдминкодекса УССР, и наконец, на основании 123 СТ. утвержденной КОНСТИТУЦИИ УССР, разрешается Вам по просьбе верующих закрытого Покровского храма с. Луганскаго совершать для них требоисполнения, как-то: крещения, погребения, освящения домов, молебны, панихиды и другие частные молитвословия согласно правилам Православной Греко-Российской Церкви, в чем и выдается Вам настоящее удостоверение за подписью и приложением надлежащей печати». Председатель Собора Епископов в Украине Митрополит Феофил. Святой Собор Православных Епископов Всей Украины»[697].

Как писали в опубликованном в горловской газете «Кочегарка» (№ 132 от 12 июня 1937 года) памфлете «Забытый участок», Бирюков, ссылаясь на документ от митрополита Феофила, заявил председателю сельсовета: «Согласно новой Конституции приступаю к своим обязанностям»[698]. Так как «разрешение» митрополита Феофила, с точки зрения советских властей, не имело никакой юридической силы, инспектор культов потребовал применить в отношении Бирюкова «санкции» за совершение служб «без разрешения отдела культов»[699]. Священник Павел Бирюков был подвергнут лишению свободы сроком на 10 лет[700].

Как уже отмечалось, центрами «непоминающих» на территории Донецкой области были общины в г. Дебальцево и в г. Енакиево. Репрессии против них оказались тесно связанными с попыткой властей закрыть в Енакиево храм, принадлежавший «тихоновской» общине. Попытка верующих противостоять закрытию вылилась в кровопролитные стычки между представителями власти и православными верующими[701]. Начав преследование «тихоновцев», чекисты сразу же после этих событий начали дело и о «хатнических группах» – т. е. «непоминающих». По этому делу проходили лица, которые (скорее всего, под сильным давлением на допросах или же пытками) якобы открыли «очень сильную

[697] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75794 фп Л. 1.
[698] Забытый участок // Кочегарка. 1937 г. №132.
[699] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75794 фп. Л. 7.
[700] Там же. Л. 29.
[701] Архив Учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров УССР. Ф. 16802 – 2 ф. Д. 233 Л. 51.

и организованную подпольную» организацию в Дебальцево. По этим «показаниям» сотрудники НКВД попытались представить Дебальцевский молитвенный дом «непоминающих» как обширную антисоветскую группу с «филиалами», «нити... разветвления» которой «терялись где-то» очень далеко[702]. Все выявленные в ходе этого дела «непоминающие» были репрессированы. Также были репрессированы и члены общины «стефановцев» из с. Зайцево. Они обвинялись в том, что настраивали сельчан «против клубов, театров» и призывали «не принимать участия в демонстрациях и религиозных праздниках»[703].

Под репрессии в 1930-х гг. попали и старообрядческие священнослужители. Старообрядческие общины (Белокриницкой иерархии) на территории современной Донецкой области появились еще в XVIII веке, и долгие годы их центром оставалось с. Ольховатка Енакиевского района. Еще в начале XX века количество православных и старообрядческих общин здесь было примерно одинаковым. Кроме храма в с. Ольховатка, у старообрядцев была церковь на хуторе Мелековом Мариупольского уезда, в котором тоже служили ольховатские священники[704]. В 1930-х гг. двух старообрядческих священников из с. Ольховатка расстреляли за «антисоветскую настроенность»[705]. Еще одного отправили на 10 лет в ИТЛ[706]. Не избежал расправы и священник, перебравшийся из Ольховатки на хутор Мелеково Мариупольского уезда: его расстреляли за нелегальное требоисполнение[707].

Как уже отмечалось, в 1930-е гг. на Донетчине была распространена практика повторной ссылки ранее осужденных лиц. Новый арест при этом зачастую мотивировался непрекращающейся контрреволюционной деятельностью. В качестве таковой священникам инкриминировали то, что по возвращении из ссылки они продолжали тайно служить по домам. Ситуация со старообрядческим священником Феодором Бесчастным хорошо иллюстрирует

[702] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75741 фп. Л. 2.
[703] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75749 фп. Л. 180.
[704] Нестерова С.М., Майорова Е П. Старообрядчество в Донбассе в 19 – начале 20 вв. Режим доступа: http://olhovatka–online.ru/publ/cerkov_religija/staroobrjadchestvo_v_donbasse_v_khikh_nachale_khkh_vv/8–1–0–233 (время обращения: 11. 05 2015 г.).
[705] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75772 фп. Л. 35.
[706] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75797 фп. Л. 14.
[707] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75786 фп. Л. 12.

«многоступенчатость» репрессий против одного и того же человека[708]. Когда в декабре 1929 г. Ольховатский сельсовет совместно с районными работниками закрыли церковь в селе Ольховатка, священника обложили индивидуальным сельским налогом как кулака. «Налог в деньгах» священник выплатил, а по зерновым культурам выполнить был не в состоянии. За несвоевременную уплату налога зерном на священника был наложен дополнительный, в 5 раз больше предыдущего, налог, после неуплаты которого у него изъяли все имущество, а семью выселили из квартиры[709]. Священник вынужден был выехать из региона. Арестовали его уже после того, как он начал служить в одной из станиц Терской области. Священника Феодора Бесчастного отправили на три года в Архангельский край, в июне 1932 г. комиссия освободила его по старости и болезни. Но в 1937 г. власти «установили», что священник якобы по-прежнему антисоветски настроен[710]. На этот раз пожилой священник был обвинен в том, что является кулаком и, бежав из ссылки, занимается контрреволюционной агитацией и угрожает жильцам ранее принадлежавшего ему дома. В итоге священника расстреляли[711].

Аналогичным образом арестовывали другого ольховатского старообрядческого священника, отца Николая Евдокимова. Первый раз (за нелегальное требоисполнение) священника[712] арестовали еще до 1930 г. Отец Николай 4 года пробыл на Урале, а в 1935 г. вернулся в Ольховатку, где продолжил крестить детей и совершать требы. Ежедневно священник крестил около десяти детей, причем не только в с. Ольховатка, но и на близлежащих угольных рудниках[713]. 19 марта 1937 г. он крестил около 20 детей в квартире на одной из шахт[714], после чего на руднике Кондратьевка Горловского района священника задержала милиция[715]. Священник Николай Евдокимов был обвинен в том, что «враждебно настроен против существующего стоя», «нелегальным путем

[708] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75772 фп. Л. 3.
[709] Там же. Л. 24.
[710] Там же. Л. 8.
[711] Там же. Л. 34, 35.
[712] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75800 фп. Л. 10.
[713] Там же. Л. 12.
[714] Там же. Л. 7.
[715] Там же. Л. 12.

исполнял массовые религиозные обряды», «проводил контрреволюционную агитацию». В конечном счете он был приговорен к расстрелу[716].

Третий ольховатский старообрядческий священник, Евсей Веревочников, тоже первоначально был выслан в 1931 г. за пределы района на два года[717]. По возвращении в 1936 г. в Ольховатку священник в течение короткого времени вновь создал общину[718]. Церковные службы проходили в доме у Елены Поповой. Вторым священником в общине был Иоанн Чернышев, псаломщиком – Иван Васильевич Благушин. Там же, в доме Е. Поповой, Евсей Веревочников крестил детей, а в квартирах колхозников совершал требы[719]. В 1937 г. «за совершение нелегальных обрядов» и якобы враждебную настроенность против существующего строя священник Евсей Веревочкин был отправлен в ИТЛ на 10 лет[720].

Ольховатский старообрядческий священник Марк Глебов на момент ареста в 1937 г. числился как «бесприходный поп» г. Мариуполя[721]. Здесь священник нелегально совершал требы и служил. Его прихожанами были преимущественно жители Мариуполя и близлежащего к Мариуполю села Мелекино (второго населенного пункта, где, как уже указывалось, была старообрядческая церковь). В 1937 г. Глебов был обвинен в нелегальном требоисполнении, что было квалифицировано как контрреволюционная агитация[722], и приговорен к расстрелу[723].

Исходя из изложенного, можно заключить, что, хотя преследования православных священнослужителей и мирян в Донетчине начались с приходом большевиков, после 1929 г. они приобрели глобальные масштабы. Пик репрессий, как и в целом по стране, пришелся на 1937 г. Этому «предшествовали» «подготовительный период» публикаций в прессе, в течение которого людям внушалось, что Русская Православная Церковь есть ни что иное, как орудие

[716] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75800 фп. Л. 23, 25.
[717] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75797 фп. Л. 9.
[718] Там же. Л. 4 об.
[719] Там же. Л. 5.
[720] Там же. Л. 12, 14.
[721] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75786 фп. Л. 7.
[722] Там же. Л. 11.
[723] Там же. Л. 11, 12.

контрреволюции и первый враг новшеств социалистической республики. Репрессиями были охвачены как православные верующие, так и обновленцы, старообрядцы и проч. Вменялся стандартный набор обвинений: контрреволюционная деятельность, монархические взгляды, шпионаж, противодействии советскому строю.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны Православная Церковь в Донецком регионе была полностью обескровлена: церковные ценности изъяты, храмы закрыты или уничтожены, подавляющее большинство пастырей сослано или расстреляно. Среди православных верующих все чаще раздавались сетования, что молодежь «отходит от Церкви». По всей видимости, это как раз и было тем, чего добивалась власть: чтобы и память о православии стерлась в поколениях. Но уже разразившаяся в нашем Отечестве Великая Отечественная война показала, что этого не случилось.

ГЛАВА 2. ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ НА ДОНЕТЧИНЕ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ХОД ОККУПАНТОВ

2.1. Немецкие оккупационные власти и православные церковные управления: характер взаимоотношений

В период немецкой оккупации Сталинская (Донецкая) область, в силу близости к фронту, подчинялась непосредственно военной администрации. Это обстоятельство наложило отпечаток на жизнь региона[724]. Органы немецкого военного управления в регионе были самостоятельными отделами при полевых комендатурах, штабах армий и т. д.[725]. На должности высшего руководства административных и карательных органов населенных пунктов в регионе принимались этнические немцы[726], в полиции служили местные жители. Архивные документы военного периода свидетельствуют, что основными «способами» управления немецких оккупантов были аресты, пытки и террор. Согласно партийным документам, от действий «сотрудников» гестапо, полиции и немецких «врачей» в регионе погибло более 100 000 человек. 130 000 человек оккупанты отправили на принудительные работы в Германию. Что касается статистики по городам, то, например, в городе Горловке, комендантом города являлся г-н Фук, оккупанты расстреляли 195 человек[727]. В Макеевке (комендант майор Флек, помощник коменданта по гражданским делам – капитан Фоглер) было расстреляно и замучено 181 человек; кроме того, подверглось пыткам и издевательствам 527 человек, арестовано и пропало без вести 57 человек, угнано в

[724] Міненко Т. Православна Церква в Україні під час другої світової війни 1939-1945 (Волинський період): В 3 т. Вінніпег – Львів. 2000. Том І.
[725] Титаренко Д. М. Донбасс навесні 1943 року, німецькі документи свідчать. // Нові сторінки історіі Донбасу. Збірник статей. Кн. 12. Донецьк, 2006. С. 26.
[726] Например, военными комендантами Сталино, которому оккупанты вернули его прежнее название «Юзовка» и вокруг которого концентрировалась вся жизнь края, были сначала немецкий полковник Петерс, а затем подполковник Кенц; начальником гестапо – Моор.
[727] ЦГАВОВУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 40, 41.

Германию 2.652 человек[728]. В Славянске (комендант С. Отто) было расстреляно или пропало без вести 815 человек, угнано в Германию 23.339 человек[729]. Документы указывают, что местные жители испытывали к захватчикам исключительно ненависть[730]. Жизнь в оккупированном регионе была парализована, города и села большею частью разрушены[731]. Например, в промышленном Енакиево[732] было разрушено около 75% всех городских построек; продовольствия в городе не было[733]. Ущерб, нанесенный региону в годы оккупации, был колоссальным[734]. К примеру, если в довоенный период в Сталинской области работали 1532 советских школы, то в период оккупации система советских школ была полностью уничтожена, а из имевшихся школьных зданий оставалось только 710[735]. Немцы заявляли о необходимости в «новых условиях» «новых» немецких школ. В крупных населенных пунктах Донецкого края действительно открывались немецкие четырехклассные начальные школы. Но, как правило, для их полноценного функционирования не было необходимых помещений. Не хватало и школьного инвентаря, уничтоженного самими же оккупантами при обстрелах[736].

В документах не сохранилось сведений о том, какими были немецкие школы Донецкого региона. Между тем, немецкие школы организовывались и в ближайшей к нему промышленной Днепропетровской области, и, вполне возможно, что донецкие школы были аналогичны тем, что создавались на Днепропетровщине. В Днепропетровске начальные школы (их было немного) открыли в 1942 г. Их особенностью было не только неприемлемое для

---

[728] ЦГАВОВУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 11.
[729] Там же. Л. 15.
[730] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 60. Л. 9.
[731] Там же. Л. 4; ЦГАООУ. Ф.1. Оп. 23. Д. 336. Л. 1.
[732] В Енакиево в годы войны размещалось Епархиальное управление, возглавляемое протоиереем Арсением Кнышевым.
[733] ЦГАООУ. Оп. 23. Д. 336. Л. 1.
[734] Когда в СССР создавались комиссии по учету ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками, областной комиссией в г. Сталино (Донецк) были собраны материалы–доказательства зверств оккупантов. Были составлены акты и списки расстрелянных, замученных и угнанных в Германию жителей области (ЦГАВОВУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 18). В отдельный документ был выделен «Список злодеяний, причиненных немецко-фашистскими захватчиками по городу Сталино Сталинской области, УССР» (ЦГАВОВУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 40).
[735] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2 ч. Д. 451. Л. 49.
[736] Титаренко Д. М. Донбасс навесні 1943 року, німецькі документи свідчать // Нові сторінки історіі Донбасу. Збірник статей. Кн. 12. Донецьк, 2006. С. 30.

охваченного войной края платное обучение, но и определенное «идеологическое» воспитание подрастающего поколения. (Параллельно с этим обязательным для изучения предметом был «Закон Божий».) Преподаватели и сотрудники немецких школ действовали в соответствии с «Инструкцией по организации обучения в начальной и средней школах», изданной оккупационным отделом просвещения. Оккупанты не разрешали работать в школах учителям, получившим образование при большевиках: на должность учителя брали только тех, кто получил педагогическое образование до 1917 г. или не позднее 1921 г. Предполагалось, что открываемые школы дадут подрастающему поколению твердые знания и привьют базовые трудовые навыки. Дети должны были воспитываться в любви к родине и уважении к старшим, любить чистоту и порядок и отвергать «грубый материализм». Еще одним условием воспитательного процесса было «уважение к религиозным убеждениям» каждого гражданина страны. Обязательным для изучения предметом в немецких школах был «Закон Божий»[737].

В реальности все оказалось далеко не таким радужным, как рисовалось в инструкции. Во-первых, как уже упоминалось, обучение в школах было платным (в Днепропетровске на 1 марта 1942 г. – 30 рублей в месяц). Во-вторых, школьники учились в холодных неотапливаемых классах, а учебников и тетрадей у них не было. В силу чего, как показала практика, в школах в основном преподавали только «Закон Божий» и арифметику. Упомянутый акцент на религиозном воспитании учащихся[738] был неслучаен. Это было частью идеологической программы оккупантов, в основе которой лежало противопоставление советской идеологии.

Целью оккупантов заявлялось построение «нового порядка» и, соответственно, воспитание человека этого порядка. Пропагандой «нового порядка» занимались в том числе выходившие при оккупантах местные газеты. Активная информационная атака на жителей Донетчины велась практически в каждом номере. На фоне того, что все выходившие до войны советские газеты

[737] ЦГАООУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 52-53
[738] Там же. Л. 54, 55, 56.

оккупанты закрыли, подобная атака была особенно ощутима[739]. В период оккупации на Украине начали выходить несколько десятков газет на украинском языке[740]. Несмотря на то, что население региона было преимущественно русскоязычным, в регионе также начали выпускать украиноязычные газеты «Родная земля», «Украинская земля», «Украинский Донбасс» и т. д., газета «Донецкий вестник» была русскоязычной.

Для распространения газет в крупных городах Сталинской области создавались специальные читальные залы. Отделы пропаганды нацистов активно сотрудничали с этими залами, регулярно поставляя в них газеты и литературу. Хотя в целях пропаганды оккупантами использовались любые средства. Так, по улицам населенных пунктов региона ездили автомобили с громкоговорителями. В громкоговорители выкрикивалась информация, которую, по мысли нацистов, нужно было донести до населения[741].

Что касается выходивших газет, в них освещались все более или менее значимые события, случавшиеся в области[742].

При этом русскоязычная газета «Донецкий вестник» акцентировала внимание на своей основной задаче – формирование человека «нового порядка». По мнению оккупантов, человек «нового порядка» обязан был ненавидеть все советское, быть профашистски настроенным и стремиться жить в «немецкой

---

[739] Их количество до войны было значительным. Помимо областной газеты «Социалистический Донбасс», это были городские газеты: «Артемовский рабочий» (Артемовск), «Кочегарка» (Горловка), «Дружковский рабочий» (Дружковка), «Краматорская правда» (Краматорск), «Знамя индустрии» (Константиновка), «Приазовский рабочий» (Мариуполь), «Макеевский рабочий» (Макеевка), «Большевик» (Славянск), «Горняк» (Чистяково), «Енакиевский рабочий» (Енакиево) и районные: «Колхозная Правда» (Амвросиевка), «Ленинский путь» (Большая Янисоль), «Колхозный путь» (Володарское), «За большевицкие темпы» (Волноваха), «За темпы» (Красный Лиман), «За сталинский урожай» (Мангуш), «Соц. Наступление» (ст. Керменчик), «Стахановская вахта» (Снежное), «Социалистическая Родина» (Харцызск), «Ленинский путь» (Ямский), «Социалистическая победа» (Старобешево). Эти газеты были закрыты так же, как были уничтожены практически все полиграфические предприятия Украины. Взамен в течение полутора лет с начала оккупации Украины для населения временно оккупированных областей выходила лишь газета «За Советскую Украину», издававшаяся и печатались листовки (затем сводки Информбюро и «Вести Советской родины») (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2302. Т. 2. Л. 123–124; ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2 ч. Д. 451. Л. 46.)

[740] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2 ч. Д. 451. Л. 5.

[741] Титаренко Д.М. Донбасс навесні 1943 року, німецькі документи свідчать // Нові сторінки історії Донбасу. Збірник статей. Кн. 12. Донецьк, 2006. С. 28.

[742] Например, когда оккупантами были введены комендантский час и пропускная система, военная комендатура Юзовки сразу же объявила об этом в своей газете «Донецкий вестник» (№2 от 19 ноября 1941 г.): «Германская военная комендатура доводит до сведения, что гражданскому населению г. Юзовки запрещается появляться в общественных местах, на улицах и площадях города между 19 ч. вечера и 5 ч. утра по германскому времени, без особого на то разрешения (пропуска) германских властей» (От военной комендатуры г. Юзовки // Донецкий вестник. 1941 г. №2).

цивилизации». Все советское именовалось оккупантами не иначе как «варварство». Как следствие, человек «нового порядка» должен был «по-новому» смотреть на создаваемые оккупационными властями жизненные (не «варварские») реалии и приветствовать их. В прессе печатались материалы, содержащие «разъяснение» «новых понятий». Это были публикации о том, что советским людям необходима частная собственность, о том, что в их жизнь должна войти реклама, и т. д.[743] Как правило, подобные материалы заканчивались агитационными призывами или утверждениями, что Германия освободит советскую страну от «жидовско-коммунистического ига»[744]. Уже в первый год оккупации, в Новогоднем поздравлении 1942 г., оккупанты безапелляционно заявляли, что в начавшейся войне «культурная Германия» обязательно победит «варварский» Советский Союз и что большевистское наследие находится в руинах, но они, оккупанты, уже обновили в Донетчине «школу, церковь» и «театр»[745]. Последнее было очевидным популизмом.

Параллельно захватчики формировали образ нового «врага» – советского солдата-варвара, воюющего против цивилизованной немецкой «армии-освободительницы». В русскоязычном «Донецком вестнике» систематически размещались «Оперативные сводки» с фронта, в которых советские солдаты именовались «врагами», «неприятелем», «противником» и т. д.[746]. Газета приводила ложные сведения о жестокости советских солдат, якобы проявлявших трусость перед оккупантами, но издевавшихся над мирными гражданами[747]. Как пример использования немецких газет в пропагандистских целях можно привести небольшую заметку в макеевской украиноязычной газете «Украинская земля» (номер от 19 июля 1943 г.). В публикации сообщалось о пожертвовании, сделанном Советскому Союзу епископом Хельмсдорфским (пожертвование составило 40.000 фунтов). Епископ сопроводил свой дар словами о «благословении» христиан России, из чего оккупанты сделали вывод, что таким

[743] Частная инициатива – двигатель восстановления хозяйства // Донецкий вестник. 1941 г. №2; За образцовую рекламу // Донецкий вестник. 1941 г. №6.
[744] За образцовую рекламу // Донецкий вестник. 1941 г. №6.
[745] С Новым годом, господа читатели! // Донецкий вестник. 1942 г. №15.
[746] Оперативные сводки // Донецкий вестник. 1941 г. №2.
[747] Правое дело // Донецкий вестник. 1941 г. №2.

образом он «благословляет убийцу». Соответственно заметку озаглавили «Англия благословляет Сталина»[748].

Между тем, советская разведка располагала сведениями о том, что жители Восточной Украины и Донбасса подобные публикации воспринимали не иначе как «брехню», относились к ней презрительно, а оккупационную прессу использовали преимущественно как оберточную бумагу[749].

Тем не менее, даже несмотря на очевидную идеологическую заангажированность, пресса периода немецкой оккупации является важным источником информации. Выше отмечалось, что территория Донетчины подчинялась непосредственно военной администрации[750]. Оккупанты в регионе руководствовались инструкцией «Поведение войск в религиозных вопросах по отношению к местному населению». Согласно инструкции, им вменялось не запрещать, но и не поддерживать «религиозную деятельность» местных жителей и не участвовать в религиозных мероприятиях на оккупированной территории. Инструкция подразумевала наличие военных священников. Но они не должны были активно сотрудничать с населением и участвовать в религиозной пропаганде. Кроме того, на оккупированной территории нельзя было задействовать священнослужителей из рейха или других (не СССР) стран. Также было запрещено проводить службы для людей из вермахта в бывших советских храмах и молитвенных домах. При этом оккупационным властям разрешалось и рекомендовалось способствовать тому, чтобы советские граждане вновь открывали закрытые при советской власти церкви[751].

Как следствие, в период немецкой оккупации на территории региона активно открывались церкви и молитвенные дома. Во многом эта кампания носила пропагандистский характер и была призвана противопоставить «новый порядок» «варварскому», то есть тому, что существовал при советской власти. Вследствие этого каждое открытие церкви или молитвенного дома активно

---

[748] Англия благословляет Сталина // Украинская земля. 19.07.1943 г.
[749] ЦГАООУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 58.
750 Міненко Т. Православна Церква в Україні під час другої світової війни 1939-1945 (Волинський період): В 3 т. Вінніпег – Львів. 2000. Том І.
[751] Поведение войск в религиозных вопросах по отношению к местному населению // Вперед. 1943 (24 марта). // Цит. по: Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Донецк, 2008. С. 146.

освещалось в оккупационных средствах массовой информации. Зачастую для церквей использовали кинотеатры и проч., то есть очевидно неприспособленные помещения[752]. Что касается собственно Юзовки (в период оккупации городу Сталино было возвращено его историческое название), то здесь первым открыли молитвенный дом на 9-й линии[753], вторым – молитвенный дом на Ларинке (долгое время этот молитвенный дом выполнял в Донецке функции кафедрального собора). Об открытии молитвенных домов сообщалось в «Донецком вестнике» от 15 ноября 1941 г.[754].

Со временем церкви начали открывать и в других населенных пунктах. Например, 21 декабря 1941 г. газета «Донецкий вестник» разместила заметку «Село Авдотьино». В заметке описывается процедура открытия церквей и молитвенных домов в Донецком регионе в военный период. В частности, сообщается, что инициатором открытий становятся сами верующие и они же приводят молитвенный дом в порядок («оборудуют»)[755]. Подобные заметки размещались и в других газетах. Так, в украиноязычной газете «Украинский Донбасс» от 25 декабря 1941 г. (№2) читателям сообщили о том, что 4 декабря 1941 г. была открыта церковь в г. Горловке Сталинской области. Достаточно быстро, 13 декабря 1941 г., здесь был отслужен первый молебен[756].

Согласно архивным документам, с 1935 по 1941 гг. на территории Сталинской области действующих православных церквей и молитвенных домов не было[757]. В достаточно короткий промежуток времени, с осени 1941 г. до 7 сентября 1943 г. (до освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков), в области было открыто 232 церкви[758]. Так, на начало 1942 г. в регионе насчитывалось церквей и молитвенных домов: в городах – 44; в селах – 138; в поселках – 33. Пасха всегда был главным праздником православных христиан. Оккупанты это понимали и не препятствовали празднованию Светлого Христова

[752] Поведение войск в религиозных вопросах по отношению к местному населению // Вперед. 1943 (24 марта). // Цит. по: Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Донецк, 2008. Л. 9–10, 58.
[753] Так в Донецке называли улицы.
[754] Открылся молитвенный дом на Ларинке // Донецкий вестник. 15 ноября 1941 г.
[755] Село Авдотьино // Донецкий вестник. 21 декабря 1941 г.
[756] З релігійного життя // Український Донбас. 1941 г. №2.
[757] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 239. Л. 1.
[758] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 64.

Воскресения. Уже в первый год оккупации, весной в 1942 г., во всех церквах и молитвенных домах региона были проведены Пасхальные службы. В богослужениях принимали активное участие местные жители. Так, в городских церквах и молитвенных домах в богослужении в среднем приняло участие от 2.000 до 3.000 человек; в поселковых – свыше 1000 человек; в сельских – свыше 600 человек[759]. При этом, вероятнее всего, до 1942 г. все открывавшиеся на Донетчине православные приходы были «дикими» – то есть подчинялись только местному немецкому коменданту[760].

В силу идеологических причин оккупанты были заинтересованы в том, чтобы в Донецком регионе, так же, как и в других регионах СССР, открывалось как можно больше церквей и молитвенных домов. Подобная ситуация создавала видимость «духовного освобождения» «закабаленных» большевиками жителей. При этом захватчики требовали от священнослужителей, чтобы они в своих проповедях также акцентировали внимание на том, что немецкая армия якобы является для населения армией-освободительницей. И что только благодаря немецкой армии в СССР наконец прекратилось распространение атеизма, а верующие получили возможность беспрепятственно открывать закрытые церкви и посещать богослужения. Вследствие этого немецкие коменданты нередко сами выступали с предложением открыть новую церковь или молитвенный дом и выясняли у священнослужителей, в каком именно месте их можно было бы открыть[761]. Между тем, открытие церкви было делом непростым. Помимо того, что для храма необходимо было найти здание, нужны были священники, которые бы в нем служили, и церковная утварь для богослужений. Все эти проблемы верующим помогали решать местные оккупационные власти. Уже упоминалось, что некоторые богослужебные сосуды и проч. в период изъятия ценностей были отправлены в музеи. Оккупанты способствовали тому, чтобы церковные предметы были возвращены верующим. Что касается антиминсов (платов с зашитой в них частицей святых мощей, на которых совершается литургия), во время гонений они

[759] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.
[760] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 90. Л. 26.
[761] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75754 фп. Л. 23.

находились у священников, и священнослужители сами приносили их в открываемые храмы[762].

Оккупанты помогали и с ремонтом порой полуразрушенных церквей и молитвенных домов[763]. Они не только не препятствовали строительным работам по восстановлению храмов, но и выплачивали рабочим зарплату (с трудившимися на восстановлении церквей заключались трудовые договоры)[764]. При этом вопрос со священническими кадрами в регионе оставался открытым. Если, например, в соседнем Юзовке (Донецку) Днепропетровске курсы по подготовке священнослужителей были открыты по инициативе управы[765], а в Харькове их открыло епархиальное управление, то в Сталинской (Донецкой) области ничего подобного не было**.** Поэтому здесь было принято решение привлекать к служению священников, обученных и рукоположенных до войны. Как правило, священников и диаконов для своих храмов искали сами прихожане. Но бывало и так, что поиском священнослужителей для вновь открывающейся церкви занимались немецкие власти.

Известного священника, протоиерея Арсения Кнышева попросили стать настоятелем Покровского молитвенного дома города Орджоникидзе (Енакиево)[766] верующие. Вторым священником в доме назначили иеромонаха Варлаама (Семисал)[767]. Согласно сведениям архива Службы безопасности Украины, иеромонах Варлаам был киевлянином[768].

На момент открытия Покровского молитвенного дома перед приходом автоматически встал вопрос о юрисдикционной принадлежности. Поэтому, когда в июне 1942 г. отцу Варлааму необходимо было отправиться в Киев (в следственном деле отмечалось, что иеромонах ездил в Киев по «личным делам»), священнослужители предложили ему выяснить, остались ли в столице

[762] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.
[763] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 11. Л. 44.
[764] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
[765] ЦГАООУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24. Л. 59-60.
[766] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 11.
[767] По другим источникам: Семисало.
[768] Впоследствии иеромонах Варлаам стал духовным отцом будущего схиархимандрита Зосимы (Сокура), духовника Донецкой епархии, которому принадлежат слова: «Строго держитесь Русской Православной Церкви и Святейшего Патриарха Московского и всея Руси» // Год с батюшкой Зосимой. Сергиев Посад. Изд-во Свято-Троицой Лавры, 2021. Электронный вариант.

канонические епископы. Задачей иеромонаха Варлаама было попросить канонического архиерея взять их приход под свое окормление.

В Киеве иеромонаху Варлааму удалось встретиться с православным епископом Пантелеимоном (Рудыком), принадлежавшим к канонической Украинской Автономной Церкви, возглавляемой митрополитом Алексием (Громадским). В конце июля 1942 г. иеромонах Варлаам привез в Донетчину письмо-благословение от канонического владыки. В письме пояснялось, что на тот момент на Украине существовала лишь одна каноническая Православная Церковь – Автономная. Согласно церковным канонам, только с Автономной Церковью можно было иметь молитвенное общение православным верующим. При этом в письме содержалось указание, что Украинская автокефальная церковь (УАПЦ), которую в тот период возглавлял архиепископ Поликарп (Сикорский), является «самосвятской», вследствие чего общение с ней запрещено. В письме дончанам предлагалось создать свое, Донецкое, епархиальное управление под председательством протоиерея Арсения Кнышева. Помимо письма, из Киева были переданы церковные документы: инструкции, протокол съезда духовенства Киева, циркулярное письмо о запрете общения с УАПЦ и др.[769]. Впоследствии немецкая городская управа одобрила и утвердила предложенный ей протокол избрания председателя управления[770]. Все организационные вопросы, связанные с образованием управления, были решены достаточно быстро, после чего в приходы было направлено извещение о создании в Донетчине управления и об окормлении края каноническим архиереем[771]. Немецкие власти разрешили отпечатать распоряжение епархиального управления в своей типографии[772].

Протоиерей Арсений Кнышев активно принялся за работу. В сфере его влияния оказались две области: Сталинская (современная Донецкая Народная Республика) и Ворошиловградская (современная Луганская Народная Республика). На территории двух областей по его благословению открывались

[769] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 18, 19, 20.
[770] Насчет личности секретаря управления данные расходятся. В следственном деле в качестве секретаря указываются и протодиакон Яков Гуль, и иеромонах Варлаам (Семисал).
[771] В извещении также отмечалось, что об управлении известно каноническому Экзарху Украины митрополиту Алексию (Громадскому).
[772] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 21.

приходы, входившие в единую Донецкую епархию. До 15 января 1943 г. на территории областей было отрыто 544 прихода, причем сам протоиерей Арсений открыл 91 приход. Как правило, несколько приходов на территории района объединяются в благочиния. Протоиерей Арсений назначал руководителями благочиний (благочинными) достойных и деятельных священников, помогавших ему при открытии новых церквей и молитвенных домов. Так, во главе Артемовского (Бахмутского) благочиния был поставлен протоиерей Евгений Ломакин; во главе Марьинского – священник Евстафий Гавриленко; Горловского – протоиерей Гавриил Коханов (позже протоиерея Гавриила сменил священник Афанасий Гаркуша) и т. д. В Ворошиловградскую область также был поставлен благочинный – протоиерей Константин Анпилогов[773].

Особенности военного времени, когда основной задачей было возрождение в регионе церковной жизни, определяли и обязанности отцов благочинных. Согласно распоряжению протоиерея Арсения, благочинные должны были собирать информацию об отрывавшихся храмах, назначать в храмы священнослужителей и регистрировать и храмы, и священнослужителей в епархиальном управлении.

В годы оккупации право оформлять официальную регистрацию крещений, браков и погребений, выдавать метрики и вести приходно-расходные книги снова закреплялось за церковными приходами. Контролировали деятельность приходов благочинные, подотчетные протоиерею Арсению Кнышеву[774].

Помимо решения сугубо организационных вопросов, обязанностью протоиерея Арсения был и поиск новых кандидатур к рукоположению во священники. Наиболее достойных кандидатов он представлял епископу Пантелеимону (Рудыку). Так, по рекомендации протоиерея Арсения были поставлены во священники Константин Ломакин, Николай Литвинов, Яков Гуль, Григорий Гавриленко, Павел Орловский, Павел Еремко. По всей видимости, в 1943 г. епископ Пантелеимон (Рудык) лично принимал участие в возведении в сан

[773] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 14–15.
[774] Там же. Л. 154.

священнослужителей Донетчины. Так, в следственном деле содержится указание на то, что протоиерей Преображенской церкви города Юзовки Фирсанов был знаком с епископом Пантелеимоном и последний возводил его в протоиереи[775].

Заботой протоиерея Арсения Кнышева было и поставление донецких кандидатов во епископы. Таким потенциальным кандидатом был, к примеру, вдовый протоиерей Пальчевский[776]. Но, как следует из дела, протоиерей Пальчевский от перспектив стать епископом отказался. Причины отказа в деле не указывались.

Полноценная жизнь епархии, по мнению протоиерея Арсения Кнышева, подразумевала наличие епархиальных заводов (свечного и по изготовлению церковной утвари), типографии и проч. Протоиерей Арсений Кнышев приобрел оборудование для свечного завода и в декабре 1942 г. вышел с ходатайством о его открытии; но по каким-то там причинам оккупационные власти здание управлению не выделили, и эта идея протоиерея так и осталась нереализованной.

Впоследствии протоиерей Арсений договорился с оккупационными властями о том, чтобы молитвословы, венчики для отпевания, разрешительные грамоты и прочее ему отпечатывали в местной типографии, находившейся в ведении городской управы.

Между тем, со временем выяснилось, что наряду с Донецким епархиальным управлением[777] в регионе существовало еще одно управление. Центр этого управления находился в городе-спутнике Юзовки – Макеевке. Руководил управлением протоиерей Петр Качевский.

Согласно показаниям, которые давал на следствии протоиерей Арсений Кнышев, представители двух управлений в течение длительного времени не имели сведений о функционировании аналогичной структуры. Этой же версии (об отсутствии информации о другом управлении) придерживался и протоиерей Петр Качевский. Протоиерей Петр Качевский был человеком деятельным. В

[775] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 72.
[776] Там же. Л. 31.
[777] Там же. Л. 11-12.

довоенный период он проживал в городе Сталино (Донецке). Служил священником там же, вплоть до закрытия церкви. После того, как его храм был закрыт большевиками, протоиерей Петр переехал на постоянное место жительства в Макеевку. С приходом в город немцев священнослужитель начал выполнять функции благочинного Макеевского округа, по всей видимости, сначала тайно[778]. Протоиерей Петр Качевский вел учет живущих в округе священников, благословлял их совершать требы (крещения и проч.) на дому у верующих, а также направлял в близлежащие поселки – для того, чтобы выяснить у местных жителей, можно ли открыть в их населенном пункте церковь или молитвенный дом. Таким образом под руководством протоиерея Петра Качевского было открыто 46 приходов. Этого количества было достаточно для того, чтобы поднять вопрос о создании управления. Разрешение на создание такого управления протоиерею Петру дали в 1942 году городской голова города Макеевки и комендант немецких оккупационных войск. Председателем управления был назначен сам протоиерей Петр Качевский, секретарем – некто Иванов. Священнослужители округа всячески стремились оказывать управлению посильную помощь. Среди таких активных священников были Пашкевич, Лиринский и Годзиевский[779]. По всей видимости, со временем управление расширялось. Потому что, согласно следственному делу, в ведении управления находились не только священнослужители – настоятели и служащие открываемых церквей и молитвенных домов Макеевского округа, но и священники из Юзовки и Юзовского округа[780], а также из близлежащих районов, начиная от Харцызского и Амвросиевского и заканчивая Таганрогским[781].

Летом 1942 г. состоялось знакомство протоиерея Арсения Кнышева и протоиерея Петра Качевского. Согласно сведениям следственного дела протоиерея Арсения, о существовании параллельного управления он узнал в августе 1942 г. Протоиерей отправил посыльного, чтобы предложить Макеевскому управлению

[778] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 15. Л. 97-98.
[779] Там же. Л. 97.
[780] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 14.
[781] О епархиальном церковном управлении // Юзовский вестник. 1942. С. 5.

объединиться с Енакиевским[782]. По всей видимости, протоиерей Петр по каким-то своим причинам предложение не принял[783]. Его даже возмутило то, что городская управа Макеевки распространяет «листовки» (извещения) протоиерея Арсения Кнышева. (В них сообщалось, что канонический епископ Пантелеимон (Рудык) одобрил создание в Енакиево управления.) Возможно, протоиерею Петру Качевскому не понравилось то, что в документе содержалась приписка о том, что «другие» управления и «организации» в регионе автоматически аннулируются, а председателем Енакиеевского управления остается протоиерей Арсений Кнышев. В любом случае он, со своей стороны, предложил протоиерею приехать в Макеевку и дать объяснения[784].

Как бы там ни было, но, несмотря на изначально зарождавшиеся разногласия, протоиерей Арсений Кнышев понимал, что потенциальное объединенное управление должно окормляться именно каноническим архиереем (в сложившейся ситуации – православным епископом Пантелеимоном (Рудык). Тем более что храмы, которые открывались под руководством протоиерея Качевского, были «дикими». Как следствие, в Юзовке (Сталино) было проведено совещание, на котором бы было закреплено, кто из протоиереев останется во главе управления. Оба протоиерея давали советским сотрудникам показания по поводу этого совещания. Сведения, указанные протоиереем Петром Качевским, несколько отличаются от сведений, данных протоиереем Арсением Кнышевым. Тем не менее, из обоих показаний становится ясно, что итогом проведенного совещания стало решение отправить в Киев, к каноническому архиерею Пантелеимону (Рудык), делегацию с «декларацией»[785].

Протоиерей Арсений Кнышев и далее продолжил свою «объединительную политику» (в частности, предложил протоиерею Петру Качевскому создать общую делегацию для поездки в Киев)[786]. Но протоиерей Качевский со своими единомышленниками приняли решение поехать к другому каноническому

[782] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 14.
[783] Там же. Л. 21.
[784] Там же. Л. 69.
[785] Там же. Л. 21.
[786] Там же. Л. 70.

архиерею – епископу Иосифу (Чернову), в Таганрог. А протоиерей Арсений Кнышев со священнослужителями привезли письмо от канонического епископа Вениамина (Новицкого) с благословением протоиерею Петру Качевскому «ради блага Церкви» объединиться с Енакиевским управлением.

По приезде протоиерея Арсения Кнышева его и протоиерея Петра Качевского вызывали в гестапо[787]. Согласно материалам следственного дела протоиерея Арсения Кнышева, в гестапо у него пытались выяснить, как он относится к автокефализму (к УАПЦ), и наметить направление возможного сотрудничества Донецкого управления и гестапо[788].

Характерно, что на допросе протоиерей Арсений Кнышев показал себя как образованный пастырь, разбирающийся в канонических вопросах и демонстрирующий готовность отстаивать позицию Православной Церкви. Отвечая на вопросы сотрудников гестапо, протоиерей ссылался на постановления Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Так, гестаповцев интересовало отношение протоиерея к митрополиту Сергию (Страгородскому). Помимо того, что протоиерей Кнышев пояснил, что в силу разобщенности территорий у него нет возможности поддерживать контакты с митрополитом, он еще и отметил, что именно это обстоятельство допускает автономное существование Православной Церкви на Украине (во главе с экзархом в Почаевской лавре, то есть с митрополитом Алексием (Громадским)). Что касается «самосвятов» УАПЦ, протоиерей отметил, что в силу их неканоничности он их никогда не признавал и не будет признавать в дальнейшем. А так как регион не питает к ним симпатий, попытки поставить в регионе священнослужителей УАПЦ привели бы к раздору в церковной среде. Относительно возглавившего УАПЦ архиепископа Поликарпа (Сикорского) у протоиерея тоже были вопросы. По словам отца Арсения, архиепископ Поликарп не может быть признан церковным сообществом, поскольку получил разрешение на автокефалию Украинской церкви только от митрополита Варшавского Дионисия (Валединского), между тем

[787] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 22.
[788] Там же. Л. 23.

как согласно правилам он должен был получить разрешение от «Вселенского Патриархата». В ходе беседы гестаповцы дали протоиерею Арсению установку повсеместно «рекламировать и популяризировать немецкую Структуру Управления на Украине»[789], а, выступая с проповедями, делать акцент на «освободительной роли» немецкой армии и необходимости сотрудничества с ней.

В дальнейшем оккупанты не возражали против объединения двух управлений под единым окормлением каноническим епископом Пантелеимоном (Рудык). Оккупационные власти приняли самое активное участие в организации объединительного съезда священнослужителей региона. Съезд собрали в соборе Юзовки. На повестке дня стояли два вопроса. Во-первых, о председателе Донецкого епархиального управления (им объявлялся протоиерей Арсений Кнышев). А во-вторых, о том, что управление будет подчиняться каноническому епископу Пантелеимону (Рудык). Кроме того, на съезде закрепили следующее поминовение: «Вселенские Восточные Православные Патриархи, Митрополиты, Архиепископы и Епископы Греко-Российския Православныя Церкви и т. д.» и «Богохранимую страну нашу православную – вождей ея и воинство их». Несмотря на то, что съезд всячески призывал священнослужителей объединиться ради блага Православной Перкви, протоиерей Петр Качевский со своими сторонниками съезду не подчинились и перешли под окормление епископа Иосифа (Чернова), Таганрогского[790].

Между управлениями начались распри. И разделение, и последовавшие за ним нестроения и разногласия, помимо личного конфликта, могли быть обусловлены несколькими причинами. Во-первых, это могло быть следствием того, что часть Сталинской (Донецкой) области (от Макеевки до Иловайска)[791] в свое время входила в Войско Донское и действительно территориально была ближе к Таганрогу[792]. Во-вторых, протоиерея Петра Качевского, возможно, смущало западно-украинское происхождение епископа Пантелеимона (Рудык): в

[789] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 23.
[790] Там же. Л. 24, 25.
[791] Область Войска Донского. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/219618 (дата обращения: 21. 02 16 г.).
[792] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 22.

деле есть указание, что протоиерей считал западно-украинских епископов «автокефалистами» и «униатами», что, конечно же, не соответствовало действительности. Кроме того, протоиерей Петр «киевлянами» называл и представителей Украинской автономной церкви, и представителей неканонической УАПЦ[793] (что, возможно, свидетельствует о недостаточной осведомленности протоиерея).

В следственном деле приводятся слова, якобы сказанные протоиерею Петру Качевскому епископом Таганрогским Иосифом (Черновым), о том, что все западные епископы являются униатскими и с ними нельзя иметь ни канонического, ни молитвенного общения[794]. Между тем, сам епископ Иосиф (Чернов) позже также вошел в состав Украинской автономной церкви, поэтому достоверность указанных слов вызывает сомнения. Хотя собственно «самосвятские» священнослужители в Донетчине все-таки были. В следственном деле протоиерея Арсения Кнышева есть указание на некоего Извекова как на «липковского священника»[795]. При этом Извеков имел общение с православными священнослужителями и даже был старостой в енакиевской церкви, то есть его «автокефалистские взгляды» вряд ли были достаточно укорененными.

Между тем, немецкое руководство настояло на том, чтобы 1 декабря 1942 г. протоиерей Арсений Кнышев и протоиерей Петр Качевский подписали акт о едином Донецком епархиальном управлении (глава – протоиерей Арсений Кнышев)[796]. 3 декабря 1942 г. газета «Юзовский вестник» опубликовала заметку «О епархиальном церковном управлении», в которой было засвидетельствовано, что 1 декабря 1942 года в Юзовском отделе народного воспитания и культуры подписан акт между управляющим Донецким епархиальным управлением и временным председателем Макеевского управления. Согласно акту, отныне в регионе существует и действует единое Донецкое епархиальное церковное управление. Резиденцию управления постановили оставить в Енакиево. О принятых решениях предполагалось оповестить православных верующих и

[793] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 70.
[794] Там же. Л. 25.
[795] Там же. Л. 21.
[796] Там же. Л. 25–27.

священнослужителей региона. Согласно акту, распоряжения Макеевского управления считались недействительными. Отцам благочинным Донецкой епархии рекомендовалось провести регистрацию приходов и священнослужителей, результаты которой сдать для утверждения в епархиальное управление. Протоиерей Петр Качевский, в соответствии с документом, оставался временным управляющим Макеевского, Харцызского, и Амвросиевского районов – вплоть до города Таганрога. Благочинным Сталинского, Авдеевского, Старобешевского, Волновахского, Ольгинского районов назначался член епархиального управления протоиерей Евдоким Пальчевский[797].

Вскоре после подписания акта протоиерей Петр Качевский отказался от своей подписи, о чем сообщил чиновнику оккупационных властей Баранову. Узнав о решении протоиерея Петра, протоиерей Арсений Кнышев 15 января 1943 г. издал указ о том, что руководителем епархиального управления становится протоиерей Евдоким Пальчевский, а духовником – священник Преображенского собора Михаил Арбелли. Протоиерей Арсений передал им через священника села Старо-Михайловки Петра Паскевского дела и выехал по итальянскому пропуску в Днепропетровск[798]. Протоиерей Петр Качевский в свою очередь продолжил до 1944 г. (до своего ареста) руководить приходами под окормлением епископа Таганрогского Иосифа (Чернова)[799].

Как уже указывалось, митрополит Феодосий (Процюк) в своей диссертации пишет о том, что в прошлом архиепископ УАПЦ[800], а затем епископ Автономной церкви[801] владыка Димитрий (Маган) с января 1943 по 21 сентября 1943 г. являлся епископом Донецким[802].

Информация о владыке Димитрии приводится и у митрополита Мануила (Лемешевского) в труде «Русские православные иерархи; Епископ Димитрий (Маган) (1899-1969)». В частности, митрополит Мануил свидетельствует, что

---

[797] О епархиальном церковном управлении // Юзовский вестник. 1942. С. 5.
[798] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75760 фп. Л. 26.
[799] ГАДО. Ф.Р–4022. Оп 1. Д. 15. Л. 99.
[800] Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 562.
[801] Там же. С. 473.
[802] Там же. С. 562.

владыка Димитрий во время Великой Отечественной войны оставался на оккупированной территории Украины. С 25 ноября 1941 г. был епископом Черниговским, а с 1 августа 1942 г. по 1 сентября 1943 г. являлся епископом Екатеринославским, управляющим Донецкой епархией[803]. Последнее, как выяснилось, не совсем верно.

Сам владыка Димитрий в своей краткой автобиографии говорит о том, что в начале Великой Отечественной войны, 25 ноября 1941 г., Собором епископов Украины был избран епископом Новогрудским, викарием Черниговской епархии. 11 июня 1942 г. был хиротонисан во епископа и оставлен первым викарием Волынской епархии (как епископ Ровенский). В августе 1942 г. Собором епископов Украины был назначен епархиальным архиереем Екатеринославской епархии с титулом Екатеринославский и Мелитопольский (с декабря 1942 г. – епископ Екатеринославский и Запорожский). А в январе 1943 г. экзарх Украины митрополит Алексий поручил владыке управление Донецкой епархией. До дня своей эвакуации, то есть до 21 сентября 1943 г., епископ Димитрий (Маган) управлял одновременно Екатеринославской и Донецкой епархиями. Каких бы то ни было конкретных сведений о жизни Донецкой епархии в этот период в автобиографии владыки Димитрия не приведено[804].

Что касается Мариуполя и прилегающих к нему населенных пунктов, здесь также открывались православные церкви и молитвенные дома. В Мариинском районе, в Новоселовке, в порту, в центральной части города Мариуполя верующим было разрешено занять под храмы бывшие государственные здания: клубы, магазины и проч. Так, например, Свято-Преображенский собор открыли в пятиэтажном здании предприятия «Азовсталь». Туда из Мариупольского краеведческого музея были перенесены мощи святителя Игнатия Мариупольского, который вывел греков из Крыма в Мариуполь[805]. В Мариуполе открыли курсы по подготовке псаломщиков, диаконов и священников; была

---

[803] Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи; Епископ Димитрий (Маган) (1899-1969). Н.-Й., 1969. // Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М., 2007. С. 179.

[804] Архіепіскопъ Димитрій. 1942–1967. Archbishop Dimitry. Jackson, New Jersey 08527. С. 6.

[805] Яруцкий Л. Д. Мариупольские храмы вчера и сегодня. Мариуполь, 1991.

установлена должность епархиального проповедника-апологета; организовано преподавание Закона Божиего; а в кафедральном соборе каждую неделю устраивались религиозно-просветительские беседы-чтения[806]. Начиная с 1942 г., Мариуполь окормлялся архиепископом Ростовским Николаем (Амасийским). К концу 1942 г. архиепископ Николай также вошел в состав Украинской автономной церкви. В 1943 г. он был заочно осужден за «связь с гитлеровцами», после чего эвакуировался с немцами в Румынию[807].

Таким образом, в период оккупации в Донетчине была возобновлена церковная жизнь: в регионе активно открывались храмы (чему немало способствовали сами оккупанты), рукополагались священнослужители и было организовано объединенное епархиальное управление, со временем вошедшее в состав канонической Украинской Автономной Православной Церкви.

Кампания по возобновлению церковной жизни во многом носила пропагандистский характер, а сами оккупанты всячески стремились контролировать священнослужителей в их деятельности.

2.2. Поддержка оккупантами неканонических структур как способ разобщения православных верующих

Несмотря на то, что верующие Донецкого региона явно поддерживали каноническую Православную Церковь, оккупанты предпринимали попытки привнести в регион автокефалистское движение. Спецсводка НКВД свидетельствует, что вошедший в состав Украинской автокефальной

[806] Церковная хроника // Мариупольская газета. №91. 1943. Цит. по: Таненков А. Катакомбный монастырь в мариупольских Садках, или История одного советского судебного процесса. Режим доступа: http://apologetika.eu/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=2593&mode=thread&order=0&thold=0 (дата обращения: 21. 08 15 г.).

[807] Режим доступа: http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/ans/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcmZsS8iVu0eeyvbdOqcvru–cCWeeC1Vee1j660FYN*g68AiYyGU901Wvi1gf8–yV8Kfc5tjNK2iAnU (дата обращения: 29. 12 15 г.).

православной церкви (УАПЦ) проживавший в Харькове митрополит Феофил (Булдовский) в годы оккупации распространял свое влияние не только на Харьковскую и Полтавскую области, но и на Ворошиловградскую и частично Курскую, Воронежскую и Сталинскую (Донецкую)[808]. Тем не менее, можно предположить, что особого распространения в Донецком регионе автокефалистское движение не имело. Косвенным подтверждением чему может служить тот факт, что в донецких газетах оккупационного периода не размещались материалы об открытии в Донецком регионе церквей УАПЦ. Между тем как в средствах массовой информации соседних областей такие статьи публиковались[809]. Кроме того, в обнаруженных нами оккупационных газетах Донетчины не размещались публикации, ориентированные на церковных людей с «проукраинскими» националистическими взглядами. Единственным материалом такого рода была перепечатка из «Краковских вестей» – «Родная Церковь». Основной идеей статьи было утверждение, что Православная Церковь на Украине столетиями являлась инструментом в руках манипулирующей ею Москвы. В материале утверждалось, что целью Москвы было исключительно уничтожение украинской индивидуальности. Из чего делался вывод, что только с приходом оккупантов стало возможным истинное возрождение церкви[810], которому всячески препятствовала Москва»[811].

---

[808] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 90. Л. 26.

[809] Посвята храма // Дніпропетровська газета. №16. 1941. С. 2.

[810] Рідна Церква // Донецька Церква. 1942. №5. С. 2.

[811] Согласно сообщению статьи, «враждебность и ненависть» Москвы к Украине особенно проявились после 1917 г., когда «православные епископы в Украине не хотели посвящать украинских кандидатов в епископы, что спровоцировало организацию отдельной Автокефальной Православной Церкви в Украине, так называемую липковщину, епископы–«самосвяты» которой не имели каноничного посвящения и которая в конце–концов под большевистским режимом исчезла». «Сегодня, с разгромом Советов, настала великая перемена. После векового рабства есть возможность упорядочить и дела церковные. Как во всех сферах национальной жизни, так в первую очередь в сфере церковной должна исчезнуть и наименьшая тень Москвы», – отмечалось в статье. «...Украинская общественность... ищет... для себя новых путей. Ищет их... и в делах Православной Церкви», – сообщала статья.

«...Большевики разрушили Православную Церковь в Украине почти до ее основ. Из духовенства осталось в живых только единицы, ныне в старшем или все в целом старом возрасте. Воспитать и дать образование соответственно потребностям современного момента новым кадрам духовенства – дело не легкое. Не хватает и квалифицированных и всецело отданных делу религиозного возрождения украинских кандидатов в иерархи Православной Церкви в Украине, которые должны перейти основную внутреннюю – очевидно, в пределах обязывающих церковных канонов – и внешнюю реорганизацию. Это дело требует даже больше усилий чем дело организации будущего Украины. До вывода Православной Церкви в Украине на твердую, проторенную дорогу и ее полной самостоятельности в виде Киевского патриархата... нужно будет немало тонкой политики и дипломатии, что окончательно можно будет произвести только после войны. Но мероприятия по установлению самостоятельности Православной Церкви Украины нужно провести немедленно, убирая тень нынешней зависимости от Москвы. Это поняла национально сознательная часть украинской общественности недавно

Тем не менее, старания оккупантов «раскачать» местных жителей на предмет украинизации богослужения и церковной жизни к какому бы то ни было существенному результату не привели. Выше говорилось, что основатель Донецкого епархиального управления протоиерей Арсений (Кнышев) крайне отрицательно отнесся к перспективе введения в регионе «национальной церкви». Аналогично отрицательной была реакция на подобные предложения протоиерея из другого крупного областного центра – Горловки – Николая Войтковского. Настоятеля горловского Свято-Николаевского собора неоднократно «вызывали» и к председателю городской управы, и в «СД». На многочисленные и настойчивые предложения ввести в Горловке богослужение на украинском языке протоиерей Николай неизменно отвечал отказом. Отец Николай полагал, что в связи с преобладанием в национальном составе Горловки русских, украинское богослужение в городе принято не будет[812].

Характерно, что в следственном деле протоиерея Николая указывалось, что офицер СД всячески подчеркивал, «что немецким командованием проводится национальная политика, и желательно, чтобы в Церкви богослужение проводилось на украинском языке»[813]. То есть этот момент был очень важен для оккупантов. (К слову, исследователь А. С. Мартынов в своей статье также отмечал, что в период оккупации в Донбассе имела место «пропагандистская кампанию по «украинизации» региона»[814].)

Тем не менее, количество автокефалистов в регионе было, по всей видимости, очень небольшим, поскольку ни имен, ни каких-либо следов «деятельности» представителей УАПЦ в документах зафиксировано не было. Между тем, автокефалисты внесли в свою службу поминовение оккупантов, что вполне ожидаемо вызвало негодование верующих. Людей возмутило, что их

освобожденных украинских земель, кинув лозунг: «Создаем Родную Церковь!» Под таки заголовком размещена недавно третьего числа еженедельника «Кременецкий Вестник» передовая статья «Хватит уже нам русификации в Церкви и полонизации, – пишет автор статьи. – Национальное сознание украинского народа требует незамедлительного создания украинской родной Церкви... Всяким москвофилам не место в духовном Соборе Украинской Православной Церкви» (Перевод с украинского – М. Р.)

[812] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75806 фп. Л. 26–27.

[813] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75806 фп. Л. 27.

[814] Мартынов А.С. Положение русского языка на Украине в условиях нацистской оккупации (1941-1943). Режим доступа: http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=128 (дата обращения: 14. 01. 23 г.).

вынуждают молиться о победе захватчиков в то время, как их родные служат в Красной Армии. После подобных инцидентов представители УАПЦ изменили текст поминовения и стали молиться, не уточняя, кто именно является их врагом[815].

У митрополита Феодосия (Процюка) есть информация о том, что митрополит Феофил (Булдовский) получил указание от лидера УАПЦ митрополита Поликарпа (Сикорского) направить в крупные города Левобережья Украины епископов – представителей УАПЦ. Среди рекомендованных Сикорским городов митрополит Феодосий называет Мариуполь и Ворошиловград (современный Луганск)[816]. Документальных подтверждений присутствия в Мариуполе автокефалистского епископа нами не обнаружено. Вполне возможно, что речь тут шла об упоминавшемся у Ивана Власовского эпизоде, когда рейхкомиссар Украины предложил украинскому архиепископу Поликарпу (Сикорскому) (УАПЦ) перевести епископа Мстислава (Скрипника) в город, где преобладало не украинское население (в Ростов-на-Дону, Сталино (Юзовку) или Ворошиловград (Луганск)[817]. Епископ Мстислав ехать в не украинские города отказался[818].

Согласно документам уполномоченного К. Ф. Черноморченко, к 1 января 1945 г. в Сталинской (Донецкой) области автокефалистов не было. Вполне возможно, что немногочисленные представители УАПЦ к этому времени выехали из региона вместе с отступавшими немецкими войсками[819].

В годы Великой Отечественной войны на территории Донетчины появились обновленцы[820]. Но, по всей видимости, обновленческие священнослужители в моральном отношении были не самыми достойными людьми (в документах проходила информация о том, что они отрицательно действовали на своих

---

[815] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2291. Л. 75.
[816] Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 475.
[817] Власовськiй І. Нарис історії Української Православної Церкви: В 4 т. Київ, 1995. Т. 4. С. 237.
[818] Власовськiй І. Нарис історії Української Православної Церкви: В 4 т. Київ, 1995. Т. 4. С. 247.
[819] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
[820] Шкаровский М. В. Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 гг. М., 2003.

прихожан)[821].

Вполне возможно, что в связи с тем, что автокефалистское движение распространения на Донетчине не получило, в целях разъединения верующих оккупанты пытались использовать в области в том числе и обновленцев. Кроме того, с этой же целью в регионе использовалась и правая церковная оппозиция.

Как уже отмечалось, в 1920-х гг. в с. Ольгинка Сталинской области действовала община «иоаннитов»[822]. В 1932 г. «иоанниты» вернулись в Ольгинку из первой ссылки и, устрашенные наказанием, не проявляли активности вплоть до начала Великой Отечественной войны. С приходом немецких войск «иоанниты» публично поддержали оккупантов как «освободителей»[823]. После открытия церкви в селе Ольгинка священник Еременко, к этому времени ставший лидером общины «иоаннитов», открыто благодарил немецкое командование за то, что оно возвратило храм верующим. Летом 1942 г. Еременко добровольно совершил благодарственный молебен с заздравными прошениями за немецкую армию и ее вождей[824]. Впоследствии все члены «иоаннитской» общины были осуждены Сталинским областным судом и получили наказание: от трех до десяти лет лишения свободы[825].

Аналогично «стефановцы» из с. Зайцево Горловского района в годы Великой Отечественной войны приняли сторону немецко-фашистских захватчиков и открыто призывали молиться за победу немецкого оружия[826]. В свою очередь подтверждением положительного отношения оккупантов к «стефановцам» можно считать открытое функционирование в эти годы в с. Зайцево «стефановского» монастыря, возникшего и действовавшего в нелегальных условиях еще в довоенное время. Несмотря на то, что немецкие оккупационные власти, как правило, отрицательно относились к монастырям, монастырь «стефановцев» в Зайцево отнюдь не ущемлялся. Возглавляла

[821] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235. Л. 22.
[822] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75755 фп. Л. 1.
[823] Там же. Л. 27.
[824] Там же. Л. 31.
[825] Отраслевой государственный архив СБУ. Д. 75755 фп. Л. 226.
[826] Веденеев Дмитрий. Как чекисты с «пророками» боролись. Режим доступа: https://religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/16008-kak-chekisty-s-prorokami-borolis.html (дата обращения: 05. 11 19 г.).

монастырь Ефросинья Антоновна Пыжова, проходившая по делу как схиигумения Серафима[827].

В дальнейшем, в мае 1945 г., Пыжова обвинялась в проведении антисоветской агитации, пропаганде свержения советской власти и восстановления в СССР монархического строя. Кроме того, согласно материалам дела, Пыжова якобы призывала верующих бойкотировать Патриарха Сергия (Страгородского) как человека, стремившегося воспитать верующих в духе патриотизма. И, кроме того, поддерживала связи с оккупантами и получала от них же материальную помощь[828].

Последнее маловероятно, но очевидно, что немецкие власти не препятствовали хозяйственной деятельности монастыря, который, действительно, по меркам того времени отличался достатком. Он включал в себя два дома, два флигеля, сарай, подвал, колодец[829]. После закрытия монастыря советскими властями в нем были конфискованы: фотоаппарат «Фотокор», церковная утварь, часы[830], посуда[831].

Внутренняя жизнь монастыря тщательно скрывалась. На территорию посторонних не пускали, в монастырской усадьбе было три цепных собаки, во время «служений» в монастырском дворе всегда оставляли дежурного[832]. Послушницами в обители были молодые девушки[833]. Монастырь они покидали только для сбора пожертвований на его содержание[834]. Дисциплина в обители была строгой[835]. Кроме местных жителей, в Зайцево, судя по материалам дела, жили бывшие насельники крупных монастырей из других регионов, например, из Кобылянского и Козельщанского. Также в обители можно было встретить и бывших насельников Киево-Печерской лавры[836]. Так, например, в монастыре жил Василий Филиппович Филиппов, который, согласно материалам дела, являлся

[827] Архив временного хранения Управления СБУ в Донецкой области. Ф. 8563–2ф. Д. 3851. Т. 1. Л. 1.
[828] Там же. Л. 3.
[829] Там же. Л. 41.
[830] Там же. Л. 16.
[831] Там же. Л. 44.
[832] Там же. Л. 85.
[833] Там же. Л. 172.
[834] Там же. Л. 55.
[835] Там же. Л. 86.
[836] Там же. Л. 175.

иеромонахом Вениамином, в прошлом – насельником Киево-Печерской лавры[837]. В Зайцевском монастыре были собственный хор и псаломщик[838].

После того, как немецкие власти в Киеве арестовали называвшего себя архимандритом Михаила (Костюка)[839], который в предвоенные и военные годы окормлял монастырь в Зайцево, из Киева к Пыжовой приезжал человек, сообщивший ей об этом аресте[840]. Такая свободная связь с Киевом в условиях военного времени также косвенно может свидетельствовать о расположении немецких властей к «стефановцам» в Зайцево. Монастырь был закрыт советскими властями весной 1945 г.[841].

В архивных делах имеются сведения о неких «сектантах», многие из которых состояли на службе в немецких оккупационных органах и, соответственно, пользовались поддержкой с их стороны. Кроме того, указывается, что некоторые немецкие офицеры приходили на «сектантские собрания» и даже выступали на них. Так, в Юзовке на одном из подобных собраний немецкий офицер заявил, что оккупанты намереваются освободить их «от евреев и коммунистов» и дать возможность «свободно молиться»[842].

Так как в Сталинской области в период оккупации было немало баптистов, можно предположить, что сектантами в документах названы именно баптисты. Они действительно активизировались в годы войны и продолжали действовать в послевоенные годы[843]. Органы НКВД обратили внимание на то, что баптисты большое «влияние распространяют» на молодых людей. В связи с чем после освобождения Донецкого региона от захватчиков партийные органы призвали «организовать коммунистическое воспитание молодежи»[844].

Влияние на церковную жизнь Донетчины немцы пытались пролонгировать

---

[837] Архив временного хранения Управления СБУ в Донецкой области. Ф. 8563–2ф. Д. 3851. Т. 1. Л. 55.
[838] Там же. Л. 50.
[839] Дело подпольного Киевского Ставропигиального монастыря. Киев, 1944 г. Режим доступа: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/docum/ans/ans/newmr/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcCid74gdS1We5smA1*kTcGZeu-yPnAl9X2pA5sxDbtjAn2iAHIkTcy3Y6WCV7gUVcW5XMVyALuCsSCad8KheCxyALuCfuXVUy1XfsGZeu-yXeycsO0heCy1sCCjV8KfTU2* (дата обращения: 20. 09 15 г.).
[840] Архив временного хранения Управления СБУ в Донецкой области. Ф. 8563–2ф. Д. 3851. Т. 1. Л. 129.
[841] Там же. Л. 191.
[842] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2291. Л. 78.
[843] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
[844] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2291. Л. 78.

до своего окончательного выхода из региона. Нацистская пропаганда велась вплоть до освобождения региона в сентябре 1943 года, а в пропагандистских целях оккупационные власти старались использовать любые поводы, в том числе и празднование Светлого Христова Воскресения. Весной 1943 г. в Юзовке появилось «Объявление немецкого командования о порядке празднования Пасхи 1943 г.». В нем сообщалось, что главное командование признает, что Пасха является для славян главным праздником. И выражает пожелание отпраздновать его максимально торжественно.

К Пасхе немцами были выданы продукты и пособия «призреваемым» (в размере недельного заработка). В тыловых местностях и прифронтовой полосе в Великий четверг увеличивалось разрешенное время хождения по улицам. В ночь со Страстной субботы на Пасхальное воскресенье был отменен запрет на передвижение по улицам и площадям, а первый и второй дни праздника сделали выходными днями. Кроме того, «для питания участников празднеств» были предоставлены полевые кухни, а сами оккупанты принимали непосредственное участие в подготовке к празднику[845].

В апреле 1943 г., перед Пасхой, в земледельческом товариществе к востоку от Юзовки немцы начали передавать населению земельные участки. При этом оккупанты заметили, что далеко не все люди восприняли эту новость с ликованием: если одна часть жителей «очень обрадовалась», то другая – отнеслась к данной акции индифферентно[846]. Тогда же, в соответствии с армейским приказом, при проведении массовых мероприятий по случаю Пасхи населению было решено выплатить пенсии и денежную помощь. Однако и это не принесло того результата, на который оккупанты рассчитывали: выплаты «вместо ожидаемого благотворного влияния на настроение произвели противоположное впечатление»[847].

Уже в сентябре 1943 г. Донецкий регион был освобожден от немецко-

[845] Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Донецк, 2008. С. 147.
[846] Титаренко Д.М. Донбасс навесні 1943 року, німецькі документи свідчать // Нові сторінки історії Донбасу. Збірник статей. Кн. 12. Донецьк, 2006. С. 28.
[847] Там же. С. 32 (Перевод с украинского – М. Р.)

фашистских захватчиков. Отступая, немцы нередко сжигали храмы[848]. О какой бы то ни было «лояльности» по отношению к православию с их стороны в условиях отступления уже не было и речи.

Характерно, что после освобождения региона от немецких оккупантов, советские власти также разрешили православному населению праздновать Пасху. Очевидно, что они не хотели произвести негативное впечатление после продемонстрированной немцами религиозной терпимости. Народным комиссаром внутренних дел УССР Сергиенко было отправлено первому секретарю ЦК компартии Украины Н. С. Хрущеву специальное сообщение «О реагировании церковников в связи с разрешением ночных пасхальных богослужений». В документе было отмечено, что разрешение пасхальных богослужений на освобожденных территориях было воспринято положительно как верующими, так и священнослужителями.

В этот период в регионе наблюдался всплеск патриотической деятельности Русской Православной Церкви. В храмах освобожденных городов и сел были организованы сборы продуктовых посылок и средств на организацию помощи фронтовикам. Священники выступали с патриотическими проповедями, в которых призывали верующих оказывать всемерную помощь Красной Армии и тем самым способствовать скорейшему разгрому гитлеровцев. По призыву духовенства подавляющее большинство православных верующих (особенно женщины) праздновали только первый день Пасхи, а во второй и последующие дни Пасхальной недели трудились на полевых работах и участвовали в возведении оборонительных сооружений[849].

Таким образом, несмотря на то, что храмы и молитвенные дома Донецкого региона окормлялись каноническими архиереями Украинской Автономной Церкви, оккупационные пытались ввести на Донетчине автокефалистское движение, возродили обновленческое движение, поддерживали правую церковную оппозицию (иоаннитов, «подгорновцев» и т. д.). То есть всячески

[848] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235. Л. 8.
[849] ЦГАООУ. Ф. 1 Оп. 23. Д. 90. Л. 41, 43.

способствовали потенциальному разъединению православных верующих и направлению их церковной жизни в выгодное для оккупантов русло. Все это проходило на фоне контроля за православными священнослужителями и попыток «сотрудничества» с ними на предмет использования церковного амвона в своих пропагандистских целях.

При этом, зная о возрождении церковной жизни на оккупированных территориях, советские власти со своей стороны также разрешили православным верующим на освобождаемых территориях праздновать Пасху. Разрешение было встречено верующими с радостью, а Пасхальное богослужение сопровождалось патриотическими проповедями, сбором средств на пострадавших в войну и призывами потрудиться для окончательного освобождения Родины.

Следовательно, к концу оккупации Русская Православная Церковь в Донецком регионе подошла с фактически уже созданной епархией, со штатом священнослужителей, патриотическим настроем и желанием и дальше служить своему Отечеству. Судя по радости, с которой православные восприняли разрешение встретить Пасху в храмах и на освобожденных территориях, верующие надеялись на то, что положительное взаимодействие с властями продолжится и после войны. Но их надеждам не суждено было реализоваться.

ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДОНЕЦКОМ РЕГИОНЕ В 1943 – 1988 ГГ.

3.1. Отличительные черты функционирования Ворошиловградско-Донецкой епархии в 1943 – 1953 гг.

8 сентября 1943 г. Донецкий регион был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В связи с чем автоматически встал вопрос об официальном подчинении открытых в годы оккупации православных приходов единому правящему архиерею[850]. 21 мая 1944 г. на территории Сталинской области (современная Донецкая Народная Республика) и Ворошиловградской области (современная Луганская Народная Республика) областей была оформлена Ворошиловградская епархия Русской Православной Церкви[851]. Исследователь протоиерей Александр Авдюгин отмечает, что позже епархии дали общее название «Донецкая епархия»[852]. А с 26 июня 1944 г. она уже именовалась «Донецкая и Ворошиловградская»[853]. Под таким названием епархия просуществовала до 7 мая 1990 г.[854].

Донецкая и Ворошиловградская епархия включала в себя 21 благочиннический округ. 13 из них (а впоследствии 14) находились на территории современной Донецкой Народной Республики. Кафедральным городом новой епархии решено было сделать Ворошиловград (современный Луганск). Так же, как и в более ранние периоды, руководство благочиниями осуществлялось через отцов благочинных. Благочинные обязаны были каждый месяц отчитываться о проделанной работе (и получать необходимые наставления и рекомендации) у

[850] Митрополит Феодосий (Процюк) говорит о том, что с января 1943 г. по сентябрь 1943 г. приходы Донецкой области подчинялись епископу Димитрию (Магану) (Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческое движение в православной Церкви на Украине: (1917-1943). М., 2004. С. 473, 562).
[851] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–7.
[852] Авдюгин Александр, протоиерей. Первый архиерей Луганщины. Жизнеописание архиепископа Никона (Петина). Луганск, 2010. С. 27.
[853] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 92. Л. 1–4.
[854] Авдюгин Александр, протоиерей. Жизнеописание митрополита Бориса (Вик). Луганск, 2010. С. 6.

управляющего епархией. Первым управляющим епархией был епископ Никон (Петин)[855]. Владыка Никон окормлял Донецкий регион до 16 апреля 1956 г.[856].

Согласно материалам личного дела, заведенного на епископа Никона (Петина) органами НКВД, архиерей был образованным человеком. Он получил хорошее духовное образование (окончил Краснодарское духовное училище и Ставропольскую духовную семинарию); а кроме того, учился в Кубанском государственном университете и в Кубанском политехническом университете (г. Краснодар). Там же, в Краснодаре, в 1928 г. местным обновленческим епископом был рукоположен в священники (целибатом). Но, по всей видимости, очень скоро принес покаяние и вернулся в лоно канонической Русской Православной Церкви. Поскольку уже в 1943 г. числился клириком Московского Патриархата. Почти сразу же после освобождения Донбасса от немецко-фашистских оккупантов, в апреле–мае 1944 г., Святейший Патриарх Сергий (Страгородский) вызвал будущего архиерея в Москву для принятия монашества и хиротонии во епископа Ворошиловградского. Хиротония состоялась 21 мая 1944 г. А 26 июня 1944 г. епископу Никону было вверено управлять и «Сталинской епархией». Владыка получил титул «епископ Донецкий и Ворошиловградский»[857].

Практически параллельно (в 1945 г.) Священный Синод Русской Православной Церкви принял решение рекомендовать епископа Никона для служения на Западной Украине. Владыка должен был занять Львовскую кафедру. Во Львове на тот момент находился униатский митрополит, и для уравновешивания его влияния было решено отправить на Западную Украину образованного православного архиерея. Впоследствии, в связи с тем, что русскоязычный владыка Никон не владел украинским языком, его все-таки оставили в Донбассе, а во Львов направили другого образованного архиерея – украиноязычного профессора, магистра богословия протоиерея Михаила Оксиюка, будущего архиепископа, а затем и митрополита Макария (Оксиюка)[858].

---

[855] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–7.
[856] Агеева Е.А., Гуляев Георгий, прот. Донецкая и Мариупольская епархия // Православная Энциклопедия. М., 2007. Том 15. С. 657–661.
[857] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 92. Л. 1–4.
[858] Там же. Л. 6, 7. Впоследствии «умелый подход к униатскому духовенству, умение расположить к себе, знание в

Епископ Никон (Петин) обладал недюжинными организаторскими способностями. По всей видимости, это был талантливый администратор, что не раз отмечалось советскими чиновниками. Владыка за достаточно короткий промежуток времени сумел не только установить порядок во временных ему приходах, но и адаптировать подчиненных ему священнослужителей (и мирян) к строгой дисциплине. При этом, как свидетельствовали очевидцы событий, все это делалось с любовью и не вызывало отторжения. О владыке говорили, что он знал «настроения и чувства» людей, то есть, вероятно, был еще и хорошим психологом и достаточно харизматичной личностью. Владыка бесспорно пользовался авторитетом[859]. Причем это не был авторитет начальствующего, который «сверху», силовыми методами насаждает свою точку зрения, но авторитет современного человека, идущего в «ногу со временем» и при этом верующего и чрезвычайно любящего богослужение»[860].

Формирование Донецко-Ворошиловградской епархии проходило в тяжелый послевоенный период. Аппарат уполномоченного Совета по делам Русской Русской Православной Церкви, с которым предстояло выстраивать отношения владыке, только организовывался. Первым уполномоченным Совета по Сталинской области был Кондратий Федорович Черноморченко. Черноморченко был уполномоченным достаточно длительный период: с 1943 г. по 1960 г. Начинал он свою деятельность с того, что изучал документы Русской Православной Церкви[861] и занимался освобождением священнослужителей от военной службы[862].

При этом сам аппарат уполномоченного, как следует из документов, формировался не только как организация, регулирующая взаимоотношения государства и церковных структур в области, но и как ведомство, ограничивающее

совершенстве украинского языка» владыкой Макарием расположили к нему униатское духовенство: «униаты шли к нему с охотой, как (к) доброжелательному для них епископу, и это способствовало ликвидации унии в епархиях». (ГАРФ. Ф. 6991. Оп 1. Д. 723. Л. 107, 109-11. Копия. // Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 572). Впоследствии, в 1951-1959 гг., владыка Макарий (Окисюк) являлся митрополитом Варшавским и всей Польши, Предстоятелем автокефальной Польской Православной Церкви.

[859] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 92. Л. 12.

[860] Там же. Л. 41.

[861] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

[862] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 319. Л. 105.

влияние архиерея и священнослужителей на жителей региона. Как уже отмечалось, Донецкий регион был освобожден от немецко-фашистских оккупантов 8 сентября 1943 г. К этому моменту в области было взято на учет 231 (или 232) вновь открытых церквей и молитвенных домов, 107 из которых размещались в церковных зданиях, ранее изъятых у Русской Православной Церкви, и 124 – в общественных помещениях, до этого не имевших культового назначения[863]. С ноября 1943 г. (то есть еще до появления официального правящего архиерея) в области начали изымать храмы и молитвенные дома. С ноября по декабрь 1943 г. в Сталинской области были изъяты переоборудованные под церкви три школы и один клуб. С 1 января по 1 октября 1944 г. власти забрали еще 29 церковных зданий[864].

Процесс изъятия храмов и молитвенных домов начался на фоне общего подавленного настроения населения, обусловленного продолжающейся войной. Так, в документах уполномоченного отмечалось, что весной 1944 г. верующие еще не надеялись на скорую победу в войне, на Пасху приходили в храм в ветхой одежде и в целом были невеселы; возле храмов было много просящих милостыню. Весной 1945 г. настроение православных людей переменилось, и на Пасху среди молящихся уже почти не было людей в старых костюмах, все были с веселыми и радостными лицами. Когда в 1944 г. священник приветствовал народ возгласом «Христос Воскресе!», ответ прихожан был невнятен. А в 1945 г. в той же церкви верующие ответили священнику «ясно, дружно, полным голосом»[865].

Изъятие храмов и молитвенных домов проводилось согласно инструкции для уполномоченных Совета (раздел 5, параграф 48, пункт «В», второй абзац): изъятию подлежали здания, занятые общинами в период немецкой оккупации. Процедура изъятия была следующей. Сначала исполкомы городских районных советов возбуждали ходатайства об изъятии занятого под храм строения. После этого уполномоченный выяснял, представляет ли исполком общине аналогичное здание, и вызывал к себе настоятеля храма и представителей общины. Если

[863] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 148. Л. 257.
[864] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
[865] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 3. Л. 24–25

исполком ничего общине предоставить не мог, прихожанам предлагалось самим найти себе частный дом для совершения богослужений[866]. Если общине не удавалось найти его в оговоренный период, православный приход или подлежал объединению с близлежащим приходом, или аннулировался. В обоих случаях церковь или молитвенный дом снимали с регистрации. Примером подобной ситуации может служить эпизод с храмом в Яковлево[867].

С января 1945 г. решение облисполкома об изъятии у общин бывших государственных и общественных зданий (сюда относились школы, клубы и т. д.) не согласовывалось с Советом по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР. То есть вопрос об изъятии церквей и молитвенных домов полностью перешел в компетенцию областной исполнительной власти.

К 1945 г. уполномоченный Совета по Украине П. С. Ходченко (при участии Г. Г. Карпова) разработал инструкцию по регистрации на Украине церквей и молитвенных домов. В январе 1945 г. инструкция была утверждена[868]. Документ разослали всем уполномоченным Украины[869]. Согласно инструкции, чиновники должны были к марту собрать сведения о районах, в которых не было зарегистрировано ни одной действующей церкви или молитвенного дома. Учет церквей и регистрацию общин и священнослужителей рекомендовалось закончить к маю 1945 г[870].

Послевоенные годы были тяжелыми для Донетчины. Люди нищенствовали, зачастую у них не был средств для достойного содержания своей церкви или молитвенного дома. Это обстоятельство государство использовало для закрытия храмов. Особенно бедствовали сельские жители. Нередко сельчане были не в состоянии содержать священника. Как следствие, нищавшие сельские приходы закрывались и снимались с регистрации в первую очередь. Уполномоченный сообщал правящему архиерею, что несколько таких общин можно объединить в

[866] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.
[867] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 73. Л. 75.
[868] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, 4.
[869] Там же. Л. 8.
[870] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 3.

одну; закрытые общины при этом объявлялись «самоликвидировавшимися»[871].

Православные верующие Донетчины не раз просили уполномоченного приостановить изъятие храмов или, если это невозможно, позволить прихожанам отрывать новые[872]. Несмотря на это, ситуацию с закрытием церквей и молитвенных домов в регионе пытались представить как волеизъявление народа. Как, например, это было в январе 1945 г. при объединении православных общин поселка станции Мушкетово города Сталино (Донецка) и поселка шахты имени М. И. Калинина этого же города[873].

В то же время уполномоченный К. Ф. Черноморченко контролировал внутриепархиальную жизнь. В ведении уполномоченного было разрешать или запрещать проведение внутриепархиальных собраний, благотворительных концертов и проч. В деятельности К. Ф. Черноморченко явно прослеживалась тенденция: он одобрял только те мероприятия, которые могли показательно продемонстрировать миру реализацию в Советском Союзе права свободы совести. В то же время любые начинания Русской Православной Церкви, имевшие миссионерский уклон, оказывались под запретом.

Например, зимой 1945 г., перед Поместным собором, в епархии было запланировано собрание благочинных. Для согласования собрания епархиальное управление направило уполномоченному письмо с подробной повесткой дня мероприятия. Ознакомившись с документом, уполномоченный перенаправил его на утверждение во всесоюзный Совет по делам Русской Православной Церкви (г. Москва) и в республиканский (г. Киев)[874]. Резолюция за подписью И. Иванова была получена К. Ф. Черноморченко из всесоюзного Совета: чиновник рекомендовал не чинить препятствий епархиальному совещанию, а делегатам оказать содействие[875]. Между тем, летом этого же года священнослужители епархии намеревались провести благотворительный концерт. И эта инициатива уже не вызвала положительной реакции ни у И. Иванова, ни у К. Черноморченко:

[871] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
[872] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
[873] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
[874] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.
[875] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

московский чиновник засвидетельствовал, что Совет не видит необходимости в каких бы то ни было благотворительных концертах, особенно на Украине»[876].

Но запрещались в епархии не только потенциально многолюдные концерты с участием прихожан или священников. Священнослужителям в том числе не разрешалось ношение священнической одежды (облачения) за пределами церкви или молитвенного дома. Священническую одежду можно назвать одной из форм проповеди. К духовному лицу в облачении люди чаще обращаются с вопросами или просьбами о совете. И это понимал в том числе и уполномоченный.

Как следствие, в первую очередь запрет на ношение облачения вне храма касался правящего архиерея. Верующие любили епископа Никона (Петина), и его появление на улице, а особенно в облачении, сразу же привлекало к себе внимание людей. Как сказано в документах уполномоченного, православные ходили за архиереем «толпой», что считалось непозволительным. Епископу Никону было указано на недопустимость подобных ситуаций, владыка был вынужден подчиниться запрету. Как написал заместителю председателя всесоюзного Совета К. А. Зайцеву уполномоченный по Ворошиловградской области Дубовой: епископ Никон – «человек дисциплинированный». С этого момента люди действительно перестали сопровождать владыку, когда он шел из своего дома в собор на службу или просто по улице. При этом уполномоченный К. Ф. Черноморченко признавал тот факт, что желание людей быть рядом с владыкой обусловлено не их экзальтированностью, а положительными качествами архиерея. Как один из эпизодов «хождения толпой» с епископом в документах приводится ситуация в Мариуполе. Тогда многолюдная толпа пришла поприветствовать и взять благословение у владыки Никона после того, как он собрал и привез в детский дом Мариуполя 13000 рублей[877].

Между тем перечень «нежелательных действий» священнослужителей постепенно расширялся. Нежелательными оказались молебны за пределами церкви или молитвенного дома, крестные ходы и т. д. При этом сам епископ

[876] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
[877] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

Никон (Петин), несмотря на «законопослушность», не препятствовал проведению молебнов вне храма. Отсутствие запрета владыка объяснял тем, что к месту проведения молебна иконы неслись закрытыми. Между тем, молебны в епархии служились не только в домах, квартирах или дворах, но и в садах, и на полях. И этого власти уже старались не допустить. Вместе с тем некоторые священнослужители, по всей видимости, еще до конца не понимали, что ситуация в стране меняется и политика государства по отношению к Русской Православной Церкви становится жестче. Когда священника из села Старая Крынка Амвросиевского района К. А. Ломакина попросили отслужить молебен в поле, он, ничуть не сомневаясь, обратился за разрешением пройти в поле крестным ходом – в исполком районного совета. Естественно, что проводить крестный ход священнику запретили, на что он открыто заявил, что запрет крестного хода – это притеснение верующих[878].

Запрещались в это время и ремонт и благоукрашение (то есть украшение) церквей и молитвенных домов. Как следствие, уполномоченный К. Ф. Черноморченко не только не требовал от священнослужителей, чтобы они приводили храмы в порядок, но и всячески препятствовал малейшим стремлениям хоть как-то улучшить состояние церковных зданий. На всем протяжении своей службы уполномоченный четко следовал полученной от вышестоящего начальства «установке»: «повышать религиозное настроение верующих» (а именно этому, как считалось, способствует ухоженный вид храма) не входит в функции уполномоченного[879].

Постепенно из жизни советских людей вытеснялось все, связанное с Православной Церковью, в том числе церковная лексика. Чтобы и сам уполномоченный, постоянно общаясь со священнослужителями, невольно не стал источником «церковности», из его речи тоже рекомендовалось убрать «церковные наименования». Характерная ситуация имела место в 1945 году. В переписке с уполномоченным по Украине П. В. Ходченко К. Ф. Черноморченко случайно

[878] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 92. Л. 8.
[879] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235. Л. 39.

назвал епископа Никона «преосвященным». Черноморченко тут же было сделано замечание и рекомендовано именовать управляющего епархией исключительно «епископом Ворошиловградским»[880].

В конце концов чуть ли не единственным «видом деятельности» Православной Церкви, в ход которого не имела возможности вмешаться власть, стали церковные службы. Выше отмечалось, что епископ Никон (Петин) очень любил богослужение. Уполномоченный хорошо понимал, что церковные службы являются негласным «способом воздействия» Православной Церкви на жителей региона, но препятствовать им не мог. Между тем, епископ Никон настаивал на том, чтобы богослужения проводились как можно чаще и повсеместно. Если в начале поставления владыки Никона на Ворошиловградскую кафедру богослужения проводились преимущественно в ворошиловградском кафедральном соборе Святых апостолов Петра и Павла, то по мере устроения внутриепархиальной жизни служить начали и в приходских церквах и молитвенных домах, то есть в провинции. Последнее имело своим следствием увеличение верующих на приходах. Но запретить людям посещать церкви уполномоченный не мог.

При этом службы в церквах проходили не только по субботам и воскресеньям, но и в будние дни. Правящий архиерей неизменно требовал, чтобы «служение» в храмах постоянно «улучшалось». Он благословил (то есть рекомендовал к выполнению) всем священнослужителям епархии постоянно находиться возле своей церкви (на приходе), а в Великий пост (и особенно в первую неделю поста) ввел запрет на выезд священнослужителей с территории храма[881]. В конце каждой службы священники обязаны были говорить проповеди, а после службы – заниматься требоисполнением, то есть крестить взрослых и детей, венчать брачующихся, отпевать умерших. При этом количество священников и диаконов в епархии постоянно росло. А священнослужители и прихожане отзывались о владыке как об архиерее, который не только умело

[880] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
[881] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 92. Л. 11, 12.

управляет епархией, но и хорошо служит, хорошо говорит проповеди и «ласково» обращается с верующими и подчиненным духовенством[882].

Несмотря на то, что послевоенные годы были чрезвычайно тяжелыми для всех слоев населения, владыка Никон неустанно работал над тем, чтобы его епархия оказывала максимально возможную помощь пострадавшим в годы Великой Отечественной войны. Пожертвования на помощь Советской Армии, на госпитали, детские дома в церквах и молитвенных домах епархии начали собирать с первых дней ее существования. Особенно большие пожертвования люди делали на праздники (главным из которых считалось Светлое Христово Воскресение – Пасха)[883]. С окончанием войны патриотическая проповедь духовенства не прекратилась. Но теперь священнослужители призывали не к победе над врагом, а к победе над принесенными страшной войной разрушениями: в стране активно проходило восстановление экономики, сельского хозяйства. Между тем, в 1945 г. регион охватила страшная засуха. На борьбу за урожай были брошены все человеческие ресурсы. Епископ Никон (Петин) направил отцам благочинным, настоятелям и прихожанам храмов Ворошиловградско-Донецкой епархии письмо, в котором выступил с призывом принять участие в прополке сорняков и уборке зерновых. Большая часть духовенства вместе с прихожанами приняли участие в полевых работах[884]. Благочинный 13-го округа, священник Авксентий Сидоренко, обращаясь с проповедью к прихожанам, объявил, что сейчас все должны отправиться на уборку хлеба»[885].

Совпавшее с периодом сбора зерновых празднование второй годовщины освобождения региона от немецко-фашистских захватчиков сопровождалось совершением в областных церквах и молитвенных домах благодарственных молебнов. Священники призывали своих прихожан жертвовать на восстановление родного края и помощь семьям погибших[886]. Только за один месяц

[882] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 92. Л. 41.
[883] Там же. Л. 25.
[884] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 3. Л. 61.
[885] Там же. Л. 56.
[886] Там же. Л. 62.

верующие епархии пожертвовали 200 072 рублей[887]. Все это делалось, несмотря на крайне тяжелое материальное положение самих прихожан. И хотя в регионе уже явно наметилось стремление государства к подавлению церковной жизни, это не повлияло на готовность православных христиан служить своей стране. Более того, даже советское государство не могло не оценить патриотический настрой православного духовенства Донетчины: 13 священников епархии по окончании войны были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[888].

При этом наметившиеся отрицательные тенденции в государственно-церковных отношениях в этот период соседствовали с определенно положительными. В 1947 году в епархии были сделаны важные нововведения: в епархиальном доме в Сталино (Донецке) был создан медико-санитарный уголок, устроена библиотека. Кроме того, здесь можно можно было заблаговременно приобрести железнодорожные билеты.

Но главным епархиальным событием этого года стало проведение пастырско-богословских курсов с миссионерским уклоном. Как уже отмечалось, в военный период миссионерская деятельность баптистов (евангельских христиан-баптистов, ЕХБ) активизировалась. На это обстоятельство обратили внимание в том числе партийные органы. А священноначалие сочло недопустимой недостаточную теоретическую подготовку православных священнослужителей[889]. Открытию курсов предшествовало проведение с конца 1946 г. в кафедральном соборе Святых апостолов Петра и Павла так называемых миссионерских вечерен с пояснительными проповедями. Такие службы проводились каждый четверг. Позже, в мае 1947 г., в епархии был открыт миссионерский совет. Его председателем стал архимандрит Нафанаил (Смердынский). В дальнейшем в епархии намеревались создавать миссионерские библиотеки, проводить беседы с разъяснениями богослужений и проч.[890]. При этом все понимали, что в условиях

[887] Указанная в документе Совета по делам Русской Православной Церкви сумма была собрана частью приходов епархии – без пяти благочиний (Там же. Л. 61).
[888] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[889] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 6, 9.
[890] Там же. Л. 15, 16.

отсутствия в регионе духовных учебных заведений всех вышеперечисленных мероприятий было явно недостаточно. С 20 июля по 10 августа 1947 г., по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) в епархии были открыты богословские курсы.

Организация курсов сопровождалась значительными трудностями: в регионе не хватало книг, практически не было квалифицированных преподавателей, не было и нужного помещения. Благодаря содействию городских властей и уполномоченного К. Ф. Черноморченко все эти сложности удалось преодолеть. На курсы набрали 51 слушателей. В основном это были священнослужители, которым доводилось сталкиваться с миссионерской работой евангельских христиан-баптистов. Всем учащимся было обеспечено проживание в новом епархиальном доме и питание в городской столовой. В процессе учебы изучались Священное Писание, сектоведение, общая Церковная история, история Русской Православной Церкви, церковное пение, церковное право, практическое руководство для пастырей, гомилетика, литургика и т. д.

Узнав о курсах, другие священнослужители приезжали в епархиальное управление с просьбой записать их на занятия. Им пообещали, что такая возможность появится при следующем наборе[891]. Аналогичные курсы были внесены в план епархии[892], но, к сожалению, так и не состоялись.

В документах уполномоченного не указаны причины, по которым проведение богословских курсов стало невозможным. Можно лишь предположить, что открытию новых курсов помешал охвативший в 1947 г. регион голод. Жители региона получали хлебный паек. А в условиях голода материальное обеспечение и священнослужителей, и педагогов могло вызвать сложности. При этом за снабжение священников и диаконов продуктами отвечал сам уполномоченный. Именно он договаривался с областным торговым отделом и с районными исполкомами об обеспечении городских, поселковых и сельских священнослужителей пайками. Как отмечал К. Ф. Черноморченко, поток

[891] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 10, 11.
[892] Там же. Л. 29.

посетителей (и поступающих заявлений) по вопросу хлебных пайков в этот период практически не прекращался. При этом по-прежнему особенно тяжелым было положение верующих и духовенства в сельских приходах[893].

Между тем, богословские курсы были крайне необходимы молодой епархии. Большая часть священнослужителей региона имела низшее образование. Так, на 1 января 1948 г. в епархии (количественно в двух областях: Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской) было 335 пресвитеров и 52 диакона[894]. Из них настоятелей храмов – 221. При этом 120 священнослужителей имели низшее образование[895]. А из 52 диаконов епархии 51 имели низшее образование и только один окончил семинарию.

В условиях отсутствия духовных учебных заведений вновь рукоположенные священнослужители Донецко-Ворошиловградской епархии были вынуждены заниматься исключительно самообразованием. Но и с самообразованием возникали трудности, поскольку в регионе не было необходимых учебных пособий и проч. Между тем, даже те священнослужители, которые имели низшее образование, перед рукоположением обязательно проходили церковно-практическую подготовку. В течение нескольких лет они изучали богослужебный устав, учились читать церковно-славянские тексты, изучали церковные песнопения. При этом акцент делался на нравственных качествах потенциальных кандидатов в священники и диаконы. Именно этот момент становился отправным при выборе кандидата на рукоположение[896].

Для противостояния миссионерам: баптистам (евангельским христианам-баптистам, ЕХБ), пятидесятникам (христианам веры евангельской, ХВЕ) и другим, активно работавшим среди православных, в епархии была разработана программа проповеднически-профилактической деятельности[897]. В соответствии с этой программой в благочинические округа с многочисленными общинами и активными миссионерами ЕХБ и ХВЕ направлялись специально подготовленные

[893] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235. Л. 12, 19.
[894] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
[895] Там же. Л. 13.
[896] Там же. Л. 14, 15.
[897] ГАДО. Ф.Р-4022. Оп. 1. Д. 14. Л. 33.

православные проповедники[898].

Между тем, параллельно, во второй половине 1940-х гг. взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви очевидно менялись в худшую сторону. В 1947 г. прихожанам храмов было уже запрещено приглашать священника в дом, чтобы причастить больного или освятить жилье. (Этот запрет нашел отражение в решении, принятом Пискуновским сельским советом Славянского района.) Кроме того, верующие не имели права просить храмы о материальной помощи (а храмы в свою очередь не имели права такую помощь оказывать). Сборы и пожертвования на патриотические цели прекратились, оставался только «кружечный сбор» на «Красный крест» («кружечный», то есть такой, когда во время службы желающий пожертвовать опускал определенную сумму в церковную кружку)[899].

Тем не менее, Православная Церковь, как и в годы Великой Отечественной войны, по-прежнему занимала активную патриотическую позицию и призывала соотечественников «на труд великий, творческий и святой»[900]. Поскольку основной послевоенной задачей советского народа было восстановление экономики и сельского хозяйства, эта тема нередко затрагивалась в проповедях священников. Помимо этого, в проповедях все активнее звучала тема борьбы за мир, навязываемая Русской Православной Церкви советской властью. Епископ Никон также не избежал подобной риторики в своих проповедях. В частности, он напоминал своей пастве о том, что Советский Союз стремится достичь довоенного уровня во всех областях экономической и культурной жизни и акцентировал внимание на том, что труд с целью возрождения страны – это основа борьбы за мир во всем мире[901].

При этом, несмотря на то, что в целом по стране храмы в этот период практически не закрывались[902], в Донецком регионе продолжали снимать с регистрации и закрывать церкви и молитвенные дома. Аргументом в пользу

---

[898] ГАДО. Ф.Р-4022. Оп. 1. Д. 14. Л. 43.
[899] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235. Л. 15.
[900] Там же. Л. 84.
[901] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 81.
[902] Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 143.

подобных действий становилось утверждение, что церковные здания, занятые верующими во время немецко-фашистской оккупации, были общественными. То обстоятельство, что эти действительно общественные здания до войны зачастую были церковными, чиновники во внимание не брали. К 1947 г. государство изъяло 47 «общественных строений» из 120. Подразумевалось, что взамен изъятым зданиям верующим выделят другие. Но предоставленных зданий оказалось только 16, то есть в три раза меньше изъятых[903]. И к первому кварталу 1947 г. в Сталинской области оставалось 211 действующих церквей и молитвенных домов (из них 86 храмов и 125 домов – приспособленных под церковные нужды)[904].

В 1948 г. в Сталинскую область поступило важное указание от уполномоченного по УССР П. А. Вильхового. Республиканский уполномоченный утверждал схему, по которой должны были проходить все процедуры, связанные с церквами и молитвенными домами, как-то: закрытие, открытие, перемена адреса, слияние приходов. Согласно указанию, для обоснования любых своих действий областной уполномоченный обязан был составлять заключение по каждому конкретному храму или молитвенному дому. Заключение уполномоченного направлялось в Донецкий областной исполнительный комитет, где, собственно, и принималось решение, которое уже утверждал Совет[905]. По такой схеме в 1948 г. был изъят молитвенный дом во имя святителя Николая в поселке Авдеевка-один. Этот молитвенный дом, изымаемый государством как бывшее общественное здание, занятое верующими во время оккупации, на самом был изъятым в 1920–1930-е гг. у общины храмом. Тогда церковное здание было решено переоборудовать под спортивный зал для местной школы. Церковь частично перестроили. И в годы войны отдали верующим как бывший спортивный зал. К моменту описываемых событий церковное здание оказалось частично разрушенным. Это обстоятельство решено было использовать как аргумент в пользу повторного изъятия. Здание взамен изъятого общине не предоставили[906].

Аналогично проходили повторные изъятия церквей и молитвенных домов и

[903] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235. Л. 16.
[904] Там же. Л. 34.
[905] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 50. Л. 92.
[906] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 34. Л. 153, 154.

в других населенных пунктах Донетчины: в с. Щурово Краснолиманского района[907], с. Октябрьское Волновахского района[908], пос. Яровая Краснолиманского района и др. При этом только в поселке Яровая местные власти решили выделить общине здание взамен изымаемого[909]. Все изъятые церкви и молитвенные дома планировалось использовать для «культурно-просветительской» работы. К примеру, храм в с. Мануилово Снежнянского района, первый раз изъятый в 1932 г. под клуб, после вторичного изъятия в 1949 г. использовался под лекционный зал, библиотеку и читальню[910].

Команда уполномоченного по УССР активно разрабатывала документы, в которых обосновывалась необходимость изъятия церквей и молитвенных домов. Список условий, обосновывающих изъятия, был достаточно длинным. Одним из первых пунктов в нем было невыполнение общиной договора на пользование зданием. После чего уже следовали возможные нарушения прихожанами законодательства о культах и, наконец, снос церковного здания для постройки на его месте нового объекта[911].

При этом под невыполнение договора на пользование молитвенным зданием попадала в том числе крайняя бедность храма или молитвенного дома. Выше говорилось, что особенно нищенствовали в Донетчине сельские приходы. Зачастую у прихожан сельских храмов не было средств для того, чтобы привести храм в порядок. Несмотря на общий запрет на «благоукрашательство» церквей, отсутствие ремонта в этот период становилось основным показателем «невыполнения» общиной договора на пользования церковным зданием. По этой причине, например, закрыли храм в с. Рубцы Красно-Лиманского района[912].

Между тем, к концу 1940-х гг. положение сельских храмов стало еще более удручающим. Прихожане не могли не только отремонтировать свою церковь или молитвенный дом, но даже обеспечить служащего священника хоть какими-то средствами к существованию. Вследствие чего священники вынуждены были

[907] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 34. Л. 163.
[908] Там же. Л. 170.
[909] Там же. Л. 159.
[910] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 46. Л. 66, 67.
[911] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 61. Л. 26.
[912] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 15. Л. 62.

уходить с места своего служения. Так, например, было в с. Андреевка Ольгинского района. Здесь приход последовательно покинули шесть священников[913]. По всей видимости, ситуации, когда храм оставался без священнослужителя, были не единичны. Вследствие чего верующими сами обращались в Совет с просьбой о том, чтобы он нашел им служащего священника, как, например, это было в с. Криворожье Добропольского района[914]. При этом уполномоченный не спешил обеспечивать приходы новыми священнослужителями. К. Ф. Черноморченко полагал, что складывавшаяся ситуация являлась крайне благоприятной для окончательного закрытия церкви или молитвенного дома[915]. Как, например, это было в Михайловской церкви с. Калинино Волновахского района[916]. Здесь храмовое здание оказалось практически полностью разрушенным, священника в храме не было. Как следствие, было принято решение о снятии церкви с регистрации и сносе здания. Случалось и так, что у прихожан сельских церквей не было средств для оплаты аренды церковного здания. В таком случае храм тоже снимали с регистрации, как, например, это было в с. Гранитное Тельмановского района (здесь сняли с регистрации молитвенный дом во имя святых Константина и Елены).

Конечно, не все церкви и молитвенные дома закрывали исключительно в связи с бедностью. Даже более или менее благоприятные обстоятельства уполномоченный умел использовать так, чтобы храм в итоге закрыли. Так, церковь могли снять с регистрации по истечении срока аренды верующими церковного здания (продлевать договор на аренду власти отказывались), как это было в с. Шандриголово Красно-Лиманского района[917]. Или если храм «самопрекращал» свою деятельность, как в с. Комар Большого-Новоселковского района[918]. Зачастую уполномоченный сам решал, что храм может быть использован для «общественных нужд» (например, для обустройства классных комнат в местной школе, как в с. Терны Краснолиманского района), и тогда

[913] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 73. Л. 135.
[914] Там же. Л. 143.
[915] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 88. Л. 13.
[916] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 59. Л. 180.
[917] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 59. Л. 172, 173.
[918] Там же. Л. 179.

церковь тоже снимали с регистрации [919]. Если же в храме происходил несчастный случай, например, пожар, храм снимался с регистрации без обсуждения возможного возобновления деятельности (как, например, в с. Светогоровка Добропольского района[920]). Очень характерной была ситуация в пос. Софьино-Бродское Снежнянского района[921]. После того, как в Софьино-Бродское сгорел храм (а уполномоченный строить здание взамен сгоревшего не разрешил), жительница поселка М. И. Крыжановская решила поехать с письмом-жалобой в Киев[922]. Вернувшуюся из Киева Крыжановскую сразу же пригласили в поселковый совет, где председатель в присутствии милиционера предупредил женщину, что в случае обращения в Москву она может получить наказание в виде заключения сроком на десять лет. Позже уполномоченный К. Ф. Черноморченко также сделал Крыжановской предупреждение, что ее обращения могут быть чреваты неприятными последствиями[923].

Верующие понимали, что в складывающейся ситуации церкви и молитвенные дома закрываются без малейшей перспективы открытия в дальнейшем. В случае закрытия храма автоматически вставал вопрос о «реализации» его имущества (исключением были только случаи, когда приходы объединялись: в таких ситуация имущество передавалось из храма в храм). При этом ситуации с «реализацией» церковного имущества порой становились анекдотичными. Так, к примеру, в с. Комар председатель сельского совета решил забрать имущество местного молитвенного для нужд сельсовета. Девять ковров, четыре покрывала, две табуретки, медный таз, аналой и свечной ящик вывезли с прихода сотрудники сельсовета. После чего, вполне ожидаемо, верующие начали обращаться с жалобами сначала в Киев, а потом в Москву. Когда дело получило огласку, председатель заявил, что действительно дал распоряжение изъять церковное имущество и поместить в сельсовет, но только для временного хранения. За реализацией имущества молитвенного дома было поручено

[919] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 73. Л. 87–89.
[920] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 59. Л. 170.
[921] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 73. Л. 83-84, 144.
[922] Там же. Л. 83–84, 144.
[923] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 73. Л. 29.

проследить председателю Краснолиманского районного совета[924].

Что касается замен изымаемых церковных зданий, предоставляемые верующим помещения были настолько маленькими и неудобными, что это вызывало у прихожан неподдельное возмущение. Православные верующие обращались в вышестоящие органы с письмами-просьбами о выделении более удобных помещений (так было, в с. Безыменное Буденновского района[925], в с. Красное Добропольского района[926] и др.). Но, как правило, такие просьбы либо объявлялись необоснованными, либо вовсе оставались без ответа. Примером такой, по мнению властей, необоснованной просьбы было ходатайство верующих с. Красное (Добропольский район). Здесь церковь отдали местному сельсовету под музей[927], а прихожанам взамен выделили очень небольшое помещение. Когда верующие попытались вернуть свой храм (написали письмо И. В. Сталину), их претензии сочли необоснованными»[928].

Бывало и так, что оставшиеся без храма верующие объявляли сбор среди единоверцев и на собранные деньги покупали себе новое здание. Чаще всего это был частный дом, который сами же верующие переоборудовали под молитвенный. Прихожанам такого молитвенного дома разрешалось брать кредит в епархиальном управлении. Кроме того, они имели право какое-то время не платить взносы в епархию. Все это делалось с ведома и разрешения епископа Никона (Петина). Но даже несмотря на получаемую от епархиального управления помощь, общая площадь всех храмов и молитвенных домов в области уменьшилась на 1.481 кв. м.[929] В связи с чем верующие продолжили ходатайствовать перед уполномоченным о том, чтобы увеличить («перестроить») те молитвенные дома, которые у них были[930]. И параллельно –- о том, чтобы открыть новые церкви и молитвенные дома (в г. Мариуполе, в пос. Яковлевка[931], в г. Харцызске[932] и др.).

---

[924] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 73. Л. 78–81.
[925] Там же. Л. 41.
[926] Там же. Л. 119.
[927] Там же. Л. 116–118.
[928] Там же. Л. 120–121.
[929] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 23. Л.12.
[930] Там же. Л. 37.
[931] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.
[932] Там же. Л. 37.

Храмов и молитвенных домов в епархии становилось все меньше. На 1 квартал 1947 г. в Сталинской области было 211 церквей и молитвенных домов[933]; на 1 января 1950 года – 199 церквей и молитвенных домов[934], на 1 января 1953 г. – 194 церквей и молитвенных домов. Большинство храмов и молитвенных домов[935] были сельскими, а это значит, что в силу бедности они автоматически попадали под потенциальное сокращение. К началу 1954 г. в Сталинской области было 191 храмов и молитвенных домов[936]. Таким образом, к началу правления Н. С. Хрущева динамика сокращения церквей и молитвенных домов в Донецком регионе составляла 2-3 храма в год.

В то же время, несмотря на повсеместное сокращение количества храмов и молитвенных домов, правящий архиерей продолжал рукополагать священнослужителей. Начиная с 1944 г. по 1948 г. в целом по епархии, включавшей на тот момент территории Сталинской и Ворошиловградской областей, владыка Никон (Петин) рукоположил 87 священников и 46 диаконов, а в 1949 г. – 10 священников и 8 диаконов[937]. Проблемой оставался образовательный уровень священнослужителей. Священники и диаконы епархии, имевшие среднее духовное образование, получили его до 1917 г. То есть это были пожилые люди, пришедшие к служению до войны или в период Великой Отечественной войны. Таким образом, в силу естественных причин количество священнослужителей со средним образованием уменьшалось. Если в 1947 г. в епархии было 51 диаконов и священников со средним образованием, то в 1948 г. – 41, в 1949 г. – 36, в 1950 г. – 29, в 1951 – 22. В селах служили преимущественно священнослужители с низшим духовным образованием. Как правило, их рукополагали в годы войны и в послевоенный период[938].

Но все эти обстоятельства не отражались на внутренней церковной жизни, которой жили православные верующие Донецкого региона. Люди продолжали принимать крещение. Кроме ставших привычными крещений младенцев, в

[933] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235. Л. 34.
[934] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 17. Л. 77.
[935] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 3, 4.
[936] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.
[937] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.
[938] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 20. Л. 119.

области фиксировалось участие в таинстве молодых людей, в том числе интеллигенции, военных, студентов. Так, согласно отчету К. Ф. Черноморченко, в пос. Калиновка города Сталино крестились три студента свящано неподалеку медицинского института[939] и тридцатилетний офицер. Что касается детей, то в этом же храме родители крестили около двадцати малышей и подростков 8-18 лет[940].

Уполномоченный К. Ф. Черноморченко постоянно отслеживал в храмах количество причастников. Уполномоченный отмечал, что особенно часто верующие причащались во время постов. К. Ф. Черноморченко констатировал, что церковная жизнь жителей крупных городов, таких как Сталино, Жданов, Макеевка, Горловка, Краматорск, отличалась от жизни сельчан большей интенсивностью. Как полагал уполномоченный, жителей сел от церковной жизни отвлекали полевые работы[941].

Например, в молитвенный дом поселка Ларинка города Сталино в воскресные дни на службу приходили: в 1944 г. – около 600 человек, в 1945 г. – около 500, в 1946 г. – около 400, в 1947 г. – около 200, в 1948 г. – около 300-400, в 1949 г. – около 300, в 1950 г. – около 200, в 1951 г. – около 100-300, в 1952 г. – около 100-150, в 1953 г. – около 100-150[942]. Что касается средних показателей по населенным пунктам, то, согласно сведениям уполномоченного, в 1950 и 1951 г. на воскресные службы в городские храмы приходило от 300 до 1500 человек; в поселковые – от 200 до 1000; в сельские – от 100 до 300 человек[943].

Особенно много верующих было в храмах на праздники. Так, в 1950 г. в поселке станции Сталино г. Сталино на Пасхальной службе присутствовало более десяти тысяч человек, из них молодежи – около 1500-2000 человек. В молитвенном доме на Ларинке г. Сталино на Пасху в 1951 г. было до 15 000 человек, в 1952 г. – до 20 000 человек. В молитвенном доме поселка Авдотьино на Пасху в 1951 г. пришли около 2 000 человек, в 1952 г. – 4000 человек. В Троицком

[939] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 11. Л. 44.
[940] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235. Л. 27.
[941] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 1. Л. 10, 11.
[942] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.
[943] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 124.

молитвенном доме города Макеевки на службе на Пасху в 1950 г. было отмечено до 12000 человек, в 1951 г. – до 14000 человек, в 1952 г. – до 17000 человек. В приходе села Орловка Авдеевского района в 1950 г. на Пасху пришли до 600 человек, в 1951 г. – тоже до 600 человек, в 1952 г. – до 800 человек[944].

Активизация церковной жизни в регионе не входила в планы властей. Уже в последние годы правления И. В. Сталина в Сталинской области наметились первые признаки новой антицерковной кампании. Например, в этот период уполномоченный К. Ф. Черноморченко счел непозволительным продажу в Сталинской области куличей накануне Пасхи. По мнению К. Ф. Черноморченко, продажа куличей укрепляла «положение церкви»[945].

Уполномоченный всеми силами старался предупредить участие людей в Пасхальном богослужении. На Пасху и перед Пасхой в области давались большие концерты, устраивались вечера игр и танцев, проводились лекции, демонстрировались новые художественные кинофильмы и т. д. Концерты и показы кинофильмов в Пасхальную ночь проходили до 3-4 часов утра[946].

Прокаты фильмов определенной тематики ставили своей целью выяснить, как жители региона относятся к представителям Русской Православной Церкви. Так, в 1951 г. в Сталинскую область привезли фильм «Странный брак», снятый в Венгрии режиссером Мартоном Келети. Отрицательными персонажами фильма являлись граф, барон и некий «коварный священник», имя которого не называлось. Несмотря на то, что по сюжету роль священника была сведена к минимуму, уполномоченного чрезвычайно интересовало отношение дончан к священнослужителю. Сведения о фильме, а также высказывания людей по поводу кинокартины в целом и священника в частности были зафиксированы уполномоченным в одном из отчетов[947].

При этом любое влияние священников на жителей региона ограничивалось. Особенно это касалось влияния на молодежь. Отдельным пунктом в планах уполномоченного К. Ф. Черноморченко стояло «привлечение» священниками в

[944] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 106.
[945] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 20. Л. 99.
[946] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.
[947] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 20. Л. 72.

храмы детей и молодежи. Несмотря на активную работу по «противодействию влиянию», эпизоды присутствия (а также прислуживания) детей в церквах и молитвенных домах были, как говорил сам К. Ф. Черноморченко, «не единичны». И хотя дети привлекались к службам в основном только в городах, сам факт «привлечения» чрезвычайно беспокоил чиновника и заставлял применять против священнослужителей самые суровые меры. Например, узнав, что 15-летний ученик средней школы берет у священника Яковлева уроки для поступления в семинарию, уполномоченный сразу же снял священнослужителя с регистрации и отстранил от служб в храме[948].

Абитуриенты духовных семинарий как будущие образованные пастыри были у уполномоченного на особом учете. На каждого из них К. Ф. Черноморченко собирал дело, за каждым следил. Помощь уполномоченному обязаны были оказывать представители всех советских структур. Например, когда в 1951 г житель г. Зугрэса Николай Горшков решил поступать в семинарию и написал в газету «Советская Украина» письмо с вопросом, есть ли в Киеве учебные заведения, готовящие священников[949], его письмо сразу же переслали уполномоченному К. Ф. Черноморченко. А на Павла Харчевина, абитуриента семинарии 1952 года, уполномоченный сам собрал целый пакет документов.[950]. При этом в 1951–1952 гг. в материалах уполномоченного еще не проходили сведения о каких-либо наказаниях в отношении изъявивших желание учиться в духовных учебных заведениях.

Параллельно в области продолжилось пресечение деятельности священнослужителей за оградой церкви. Священникам не разрешалось приходить на кладбище для освящения куличей, собирать пожертвования для храмов, устраивать на праздники обеды (трапезы) для прихожан (особенно это касалось храмовых праздников: престольных); также священнослужителям запрещалось приходить в дома прихожан и проч.[951]. От некоторых укоренившихся и давно ставших любимыми обычаев людям особенно сложно было отказаться. Касалось

[948] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 20.. Л. 79.
[949] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 88. Л. 47.
[950] ГАДО. Ф.Р.- 4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 48.
[951] Там же. Л. 125, 126.

это в первую очередь праздничных трапез в храмах. Нередко такие трапезы проводились тайно. А некоторые священники, как, например, священник Беспалько из молитвенного дома с. Максимилиановка, даже пытались убедить уполномоченного что трапезы как традиция необходимы населению.

При этом уполномоченный К. Ф. Черноморченко пытался взять под свой контроль и службы в храмах и молитвенных домах. Повлиять на ход и порядок богослужения он не мог, но ограничить соборное (то есть совместное, несколькими священнослужителями) проведение богослужения пытался всегда: уполномоченный понимал, что соборное богослужение, будучи более праздничным и торжественным, привлекает больше людей. (Некоторые священники поясняли К. Ф. Черноморченко, что служат соборне, поскольку соборная служба более торжественна. То есть стремились именно к тому, чего хотел избежать уполномоченный[952].)

Несмотря на очевидное противодействие уполномоченного, епископ Никон (Петин) делал все, чтобы увеличить число священников и диаконов в городских храмах региона. Особенно это касалось крупных промышленных центров. Что касается конкретно Донетчины, то, например, в храме города Горловка было два священника, а стало четыре. В одном из молитвенных домов города Сталино тоже было два священника, а стало четыре. В пос. Рутченково г. Сталино был один священник, а стало два. В Казанском молитвенном доме г. Макеевки аналогично был один священник, а стало два. При этом епископ стремился увеличить клир за счет молодого духовенства[953]. Конечно, такое «сосредоточение» белого духовенства в храмах крупных городов чрезвычайно беспокоило К. Ф. Черноморченко. Но совершенно возмутительным и неприемлемым он находил присутствие в области представителей черного духовенства – монашествующих. Задолго до решений центральной власти уполномоченный почувствовал потенциальную опасность монашества. И в последние годы правления И. В. Сталина достаточно деятельно начал вести борьбу с православными

[952] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 20. Л. 67, 68.
[953] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 17. Л. 79.

сестричествами.

Православные сестричества появились в Донетчине после 1917 г. Они объединяли активных православных женщин, оказывавших помощь и поддержку страдающим и нуждающимся. Ядром таких обществ были монахини, но принимали в них и обычных женщин («мирских»). Так, известно сестричество в Мариуполе, в свое время активно помогавшее репрессированному владыке Антонию (Панкееву). В 1920-е гг. сестричества уничтожили. В период немецко-фашистской оккупации они возобновили свою деятельность. Открывавшиеся церкви и молитвенные дома нужно было обустраивать, и монахини принимали в этом самое активное участие. Каждый храм или молитвенный дом имеет свои, приходские, органы управления. После войны монахини вошли в эти органы. Кроме того, матушки получили в храмах «послушания» (то есть начали работать): убирали церкви и молитвенные дома, следили за свечами, пекли просфоры, были чтецами, певчими и проч., работали в столовых при храмах (трапезных). В Донетчине сестричества, как правило, открывались недалеко от Святогорской пустыни, в Славянском и Красно-Лиманском районах. Но были сестричества и в Мариуполе, и в Ясиноватском районе, и в Краматорском. Некоторые сестричества были достаточно многочисленны. Например, в селе Торское сестричество объединило тридцать инокинь и монахинь, среди которых: Манефа, Мариамна, Ульяника, Ефросия, Раиса.

Уполномоченный не раз сетовал на то, что монахини из сестричества активно занимаются миссионерской работой. Они рассказывали людям о православии; настаивали на требоисполнении; в то время, когда производство церковной утвари было под запретом, распространяли среди верующих иконы (по всей видимости, кустарные, то есть отфотографированные и распечатанные на фотобумаге), крестики, молитвы (молитвы писались от руки, фотографировались и тоже распечатывались на фотобумаге). Монахини рассказывали советским людям, что, несмотря на проводимую государством антирелигиозную политику, в стране еще оставались действующие православные монастыри, что в обителях по-прежнему молятся за весь мир, трудятся и очень нуждаются. Основным посылом

этих разговоров была мысль о том, что рано или поздно над Донетчиной снова зазвучит церковный колокольный звон. Как следствие, люди сдавали пожертвования на монастыри, и монахини передавали их в обители. Кроме того, благодаря, как говорил уполномоченный, «агитации» монахинь многие жители Донецкого региона сами отваживались на поездки (паломничества) в монастыри, что уполномоченный считал крайне нежелательным[954]. Уполномоченный К. Ф. Черноморченко полагал, что сестричества создаются исключительно для того, чтобы «активизировать» Русскую Православную Церковь. Чиновник не раз высказывался, что в будущем они будут усиливаться и разрастаться, чему будут содействовать священнослужители[955], в первую очередь из черного духовенства.

Немало хлопот доставило уполномоченному определение в Покровский молитвенный дом г. Краматорска монаха архимандрита Варсонофия (Юрченко). В свое время архимандрит Варсонофий проходил по делу «непоминающих»[956]. В Краматорск архимандрит приехал сразу же после войны, в 1946 г. Практически сразу после назначения отца архимандрита настоятелем в Краматорске образовалась монашеская община. Ее костяком стали прибывшие с отцом Варсонофием монахини (их было около сорока). Вскоре к ним присоединились другие краматорские монахини[957], и община преобразовалась в сестричество[958]. В сестричестве полностью сохранился монастырский уклад жизни: здесь служили по монастырскому уставу, трудились (выполняли послушания), оказывали помощь горожанам[959]. До сих пор неизвестно, кто именно организовал покушение на отца настоятеля, но не вызывает сомнений, что это было связано с деятельностью архимандрита Варсонофия и сестричества в целом, негативную оценку которой не раз давал сам уполномоченный. После покушения архимандрит Варсонофий был

---

954 ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 25. Л. 36–38.
955 Там же. Л. 82.
956 Прославление в лике святых подвижника благочестия архимандрита Варсонофия (Юрченко). Режим доступа: http://pravoslavie.ks.ua/news/view/148 . (дата обращения: 11. 09 15 г.).
957 ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 25. Л. 37.
958 Согласно помяннику одной из монахинь, в этот период в Краматорске поминали монахинь: Евдокию, Маргариту, Ермонию, Евфросинию, Алексию, Марию, Марию, Варвару, Доминикию, Серафиму, Сергию, Еликаниду, Елиазару, Евфимию, Анну, Нонну, Ираиду, Параскеву, Елену, Иулианию, Варсонофию, Марионилу, Ольгу, Еликониду (Овсянникова Н. Преподобный Варсонофий (Юрченко) в Краматорске. Режим доступа: http://www.ortodox.donbass.com/text/ovsyanik_varsonofiy.htm (дата обращения: 21. 07 15 г.).
959 ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 25. Л. 38.

переведен в другой город – Херсон, где 2 октября 1950 года стал настоятелем Греко-Софиевской церкви[960].

Таким образом, «монашеский очаг» в Краматорске был уполномоченным устранен. Но значительно больше, нежели в городах, вызывали опасения уполномоченного К. Ф. Черноморченко проявления активной церковной жизни в сельской местности. В силу бедности и достаточной пассивности сельчан уполномоченный рассчитывал на постепенное затухание церковной жизни в селах. Как правило, активизация церковной жизни здесь отмечалась только в связи с появлением переселенцев с Западной Украины. Жители Западной Украины в силу сложившихся традиций и достаточно позднего присоединения к Советскому государству были более религиозны, чем жители Донетчины. Они регулярно принимали участие в богослужениях и таинствах, могли не выйти на работу в церковный праздник и проч. Ситуации, когда люди отказывались работать в дни церковных праздников (особенно на Пасху, Троицу), крайне беспокоили уполномоченного[961]. Как следствие, любое проявление православной миссии в селах тотчас оказывалось в поле активного наблюдения К. Ф. Черноморченко и оперативно пресекалось. Примером миссионерской работы священника в условиях полного ее запрета может стать деятельность священника Блошицы[962]. Священник Блощица служил в поселке Яровая Красно-Лиманского района. Уполномоченный отмечал, что с приходом священнослужителя в поселковой церкви стало больше прихожан. Люди с радостью шли на службу. Это были учителя местной школы, родители и дети педагогов, ученики и т. д. Причем они не только приходили в храм, но и жили активной церковной жизнью. Эти люди причащались, жили в венчаном браке (венчал священник Блощица), крестили и причащали своих детей. О священнике Блощице известно немного. Сын священника, он окончил духовную семинарию и был глубоко убежден в необходимости духовного образования и просвещения. В беседах с прихожанами

[960] Житие преподобноисповедника Варсонофия (Юрченко) архимандрита, Херсонского. Режим доступа: http://newmartyros.ru/life/zhitie–prpisp–varsonofiya–yurchenko–arhimandrita–hersonskogo.html (дата обращения: 12. 09 15 г.).
[961] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.
[962] Имя священника, к сожалению, из источников установить не удалось.

он не раз высказывался о том, что семинарии в СССР открываются для того, чтобы люди в них учились и несли свет знания другим. Характерно, что, несмотря на распоряжение уполномоченного не общаться с верующими вне храма, священник Блощица с готовностью шел на контакт с любым человеком как в церкви, так и вне церкви: на улице, в домах. Священнослужителя неоднократно вызывали в поселковый совет и грозили санкциями и наказаниями[963].

Поведение священника Блощицы тем более удивительно, что в описываемый период в Донецком регионе имели место случаи, когда священнослужителей лишали регистрации и отстраняли от служения даже за несуществующую «антисоветскую агитацию». Например, священника Петра Целуевского из Славянского района обвинили в том, что он якобы говорил прихожанам, что советская власть чужда верующим[964].

Действуя таким образом, государство в то же время создало видимость защищенности верующих в рамках «Сталинской» Конституции. Показательной в этом случае была ситуация с жительницей Ждановского порта г. Мариуполя А. И. Токаревой. Весной 1952 г. она написала письмо-жалобу в Совет по делам Русской Православной Церкви. Тогда же это письмо перенаправили в отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)У. Как следовало из письма, женщина работала бухгалтером в санэпидстанции и была певчей в церковном хоре. За то, что А. И. Токарева пела в церкви, местные «общественные работники» высмеяли ее в одной из стенных газет. Сначала женщина пыталась найти защиту у председателя районного исполкома (при обращении за помощью женщина ссылалась на Конституцию СССР). А так как в районном исполкоме помощь ей не оказали, она отправила жалобу в Совет[965]. Результатом стали еще большие притеснения на работе, вследствие чего А. И. Токаревой пришлось написать заявление на увольнение по собственному желанию. Женщина отправила второе письмо в Совет[966], после чего в санэпидстанции сменили руководство, а А. И. Токаревой предложили вернуться

[963] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 50, 51.
[964] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 15. Л. 57.
[965] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 90. Л. 50, Л. 52.
[966] Там же. Л. 56.

на свое рабочее место[967].

Таким образом, послевоенные годы на Донетчине характеризовались как общими для всей страны положительными тенденциями (в регионе была официально оформлена открытая в период Великой Отечественной войны епархия, начали функционировать богословские курсы), так и крайне негативными: в области практически с первых дней освобождения начали изымать храмы и молитвенные дома, открытые в период оккупации, всячески ограничивалась деятельность правящего архиерея, пресекалась миссионерская работа и т. д.; а с начала 1950-х гг. наблюдались репрессивные меры против священнослужителей и мирян. Все это можно охарактеризовать как серьезное наступление на Православную Церковь, начавшееся в Донецком регионе, в отличие от страны в целом, сразу же после освобождения от оккупации.

3.2. Обострение борьбы государства с Русской Православной Церковью в 1953 – 1964 гг.

В октябре 1953 г. уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по Сталинской области К. Ф. Черноморченко получил из Совета письмо, рекомендовавшее в срочном порядке выявить в регионе «характер деятельности» и численность сестричеств. Во исполнение приказа уполномоченный развернул самую бурную деятельность: выезжал в районы, изучал деятельность сестричеств, общался «с местными работниками, церковным активом и др.».[968]. Как уже отмечалось, ранее уполномоченный предполагал, что сестричества могут использоваться «для активизации» Церкви»[969]. Уполномоченный не ошибся.

[967] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 90. Л. 61.
[968] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 25. Л. 36.
[969] Там же. Л. 82.

«Эпоха Хрущева» в Донецком регионе началась с уничтожения сестричеств.

В начале правления Н. С. Хрущева в Донетчине продолжала проводиться сформировавшаяся в послевоенные годы политика постепенного наступления на церковную жизнь. По-прежнему продолжалось закрытие церквей и молитвенных домов, занимавших общественные здания. Чаще всего общины этих храмов (большею частью городских) не имели возможности найти новое помещение взамен изымаемого[970], и их снимали с регистрации под предлогом отсутствия подходящего здания[971]. Что касается сельской местности, то здесь основным поводом для закрытия храмов оставалось обнищание приходов. Начавшееся еще в конце 1940-х гг. обеднение сельских приходов с течением времени только усугублялось, и все чаще в официальных отчетах проходила информация о том, что сельские церковные «здания... перестали использоваться верующими»[972]. Прихожане во многих случаях были не в состоянии содержать свои храмы, и тогда церкви и молитвенные дома снимали с регистрации как прекратившие «деятельность по причине материальной необеспеченности»[973]. Бывали даже случаи, когда обнищавшие прихожане сами ходатайствовали о закрытии своей церкви, поскольку были не в состоянии ни отремонтировать храм, ни содержать его[974] (например, в с. Ново-Ивановка Амвросиевского района, где храм был закрыт 23 июня 1955 г.).

Обеднению сельских приходов способствовали миграционные процессы и урбанизация Донетчины: в эти годы сельские жители все чаще переезжали в города, и, как следствие, именно в городах церковная жизнь проходила более активно, в то время как в сельской местности она все больше затухала.

Тем не менее, в самом начале правления Н. С. Хрущева сокращение храмов в Донецком регионе было незначительным. Ситуация изменилась в 1954 гг. Характерно, что в эти годы активность при изъятии храмов стали проявлять местные исполнительные комитеты. Так, уполномоченному К. Ф. Черноморченко

---

970 ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.
971 ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.
972 ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.
973 ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.
974 ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 98. Л. 23.

поступили ходатайства от исполкомов об изъятии церквей в пос. Владимировка, с. Кузнецово-Михайловка, с. Ивановка, с. Петровское, с. Новоселовка.

Дошло до того, что после выхода Постановления ЦК КПСС об усилении научно-атеистической пропаганды на чрезмерное рвение в вопросе закрытия церквей некоторых областных и районных работников жаловался сам уполномоченный Черноморченко. Так, например, заместитель председателя исполкома Сталинского областного Совета депутатов трудящихся Шерстнева 19 августа 1954 года «в категорической форме» требовала от К. Ф. Черноморченко изъять здание церкви в пос. Кирово Краснолиманского района. В то же время сам уполномоченный считал это «преждевременным». В таком же достаточно резком тоне настаивал на изъятии церковного здания (и при этом даже упрекал К. Ф. Черноморченко) и секретарь исполкома Сталинского областного Совета депутатов трудящихся Верховский[975].

Несмотря на сложную ситуацию, верующие Сталинской области продолжали подавать ходатайства об открытии новых церквей. Хотя следует отметить, что ходатайства об открытии храмов поступали от верующих на протяжении всего периода гонений на Русскую Православную Церковь. В 1954 г. ходатайств об открытии храмов и молитвенных домов было подано 18, в 1955 г. – 24; в 1956 г. – 9, в 1957 г. – 13, в 1958 г. – 8[976].

Характерно, что перед тем, как направить соответствующее письмо-ходатайство в органы государственной власти, верующие зачастую предварительно обращались за помощью к митрополиту Киевскому и Галицкому Иоанну (Соколову), патриаршему экзарху всея Украины, или даже к Святейшему Патриарху Алексию I (Симанскому). Так, ходатайство жителя пос. Яковлевка П. Р. Хрецовского о повторном открытии закрытого в поселке молитвенного дома препроводил в марте 1953 г. уполномоченному по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров УССР Г. А. Корчевому митрополит Иоанн (Соколов). Обращаясь с просьбой о повторном открытии молитвенного дома, П. Р.

[975] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 25. Л. 28.
[976] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 94, Л. 95.

Хрецовский пытался напомнить властям, что во время Великой Отечественной войны верующие этого прихода из своих скудных сбережений внесли посильную лепту на строительство самолета и танковой колонны, за что их священника наградили медалью. Несмотря на доводы П. Р. Хрецовского, Совет не нашел оснований к удовлетворению ходатайства.

В ситуации с молитвенным домом в пос. Яковлевка была четко обозначена позиция доминирования государства над Церковью, желание подчинить священноначалие представителям государственной власти. Узнав о хлопотах П. Р. Хрецовского, уполномоченный К. Ф. Черноморченко во всеуслышание заявил, что правящий архиерей Ворошиловградско-Донецкой епархии не поддержит ходатайство жителя Яковлевки. Черноморченко также сказал, что, поскольку письмо прихожанина препроводил патриарший экзарх всея Украины, «было бы полезно», чтобы отрицательный ответ на него дал сам же митрополит Иоанн (Соколов)[977]. Но уполномоченный Черноморченко ошибся: владыка Никон (Петин) даже после такого заявления не побоялся попросить у уполномоченного пролонгации жизнедеятельности молитвенного дома. Кроме того, 450 прихожан пос. Яковлевка поддержал и Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский). Но даже несмотря на это, ответ властей был отрицательным.

Следует отметить, что советских руководителей насторожило грамотно составленное письмо верующих Г. А. Корчевому: «Великий Ленин в 1919 году и бессмертный Сталин в 1936 г. в проекте Сталинской Конституции на VIII Чрезвычайном съезде говорили о нас, старом поколении, в отношении вероисповедания, а с нами поступают на протяжении 3 лет не так как тому учили наши вожди Ленин-Сталин». Представителей властей также пугали заверения верующих в том, что они «твердо» верят в Г. А. Корчевого и просят «выдать... на руки удостоверение дающее... право иметь в поселке Яковлевка молитвенный дом». Как позже выяснил заместитель уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров УССР Г. С. Катунин, жалобу прихожан написал регент Николаевской церкви г. Сталино Тавлинов. Г. С.

[977] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 88. Л. 33, 34, 35.

Катунин охарактеризовал его как человека, склонного «к авантюризму» и занимающегося «подпольной адвокатурой»[978].

Ситуация с молитвенным домом в пос. Яковлевка – не единственный случай, когда патриарший экзарх Украины выступал в качестве посредника между верующими и властями. Так, митрополит Иоанн (Соколов) перенаправлял к К. Ф. Черноморченко жителя г. Енакиево Коваленко – с просьбой открыть молитвенный дом на руднике «Красный Октябрь». Кроме того, владыка Иоанн просил власти оставить за Троицким молитвенным домом школьное здание в с. Васильевка Старобешевского района[979], но тоже безуспешно.

Чтобы отказ открыть (или возвратить) храм выглядел более или менее обоснованно, власти старались найти какой-либо повод. Одним из них стала близость другого храма или молитвенного дома. Так, например, было в ситуации с г. Доброполье, недалеко от которого, в пос. Святогоровка, был действующий молитвенный дом (декабрь 1954 г.)[980].

Со временем степень давления на Православную Церковь и верующих стала нарастать: храмы уже не только не разрешалось открывать или возвращать – запрещалось расширять и ремонтировать уже имеющиеся церковные здания. За попытки расширить церковное здание священника могли снять с регистрации, а помогавших ему мирян – уволить с работы. Так, например, в 1954 г. священник Тищенко и церковный староста Елец были сняты с регистрации за то, что заложили фундамент и частично выложили стены вокруг церковного здания, таким образом расширив его по длине и ширине[981]. А инженера-технолога краматорского завода «Пролетарий» М. Н. Пашкова директор отстранил от работы после того, как тот разрешил продать 8 000 кирпичей для строительства церковной сторожки. Когда уволенный технолог спросил у уполномоченного К. Ф. Черноморченко, насколько правомерны действия его руководства, тот заявил, что подобные вопросы не входят в компетенцию уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви.

---

978 ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 88. Л. 36, 39.
979 Там же. Л. 76, 78.
980 ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 98. Л. 13.
981 Там же Л. 32.

Лишиться работы в этот период могли и некоторые категории верующих, крестившие своих маленьких детей, прежде всего, – педагоги. Так, летом 1953 г. к уполномоченному обратилась преподаватель математики средней школы поселка Александровка Марьинского района Кравченко. Она пыталась выяснить, насколько правомерно отстранение ее районным отделом народного образования от работы в школе за то, что она крестила собственного ребенка[982]. Ответа от уполномоченного Кравченко не получила.

Между тем, 16 апреля 1956 года от тяжелой болезни скончался архиепископ Никон (Петин). Он запомнился людям как добрый пастырь, любящий богослужение, прекрасный администратор и нестяжательный человек. Характерно, что даже небольшой домик в Ворошиловграде, в котором жил владыка, ему купила сестра[983].

Новым управляющим Ворошиловградско-Донецкой епархией в 1956 г. стал архиепископ (впоследствии – митрополит) Борис (Вик)[984]. Архиепископ Борис был человеком чрезвычайно дипломатичным, своей основной задачей он считал сохранение внешней видимости доброжелательных отношений с советскими властями при одновременном скрытом противодействии их наступлению на Православную Церковь.

Архиепископ Борис (Вик) родился в 1906 г. в г. Саратове. В 1926 г. там же окончил среднюю школу №5[985], а затем – два курса духовного училища. Согласно личному делу архиепископа, с 1923 г. будущий архиерей принимал участие «в церковной жизни г. Саратова в обновленческой ориентации». В 1926 г. он был рукоположен во диакона целебатом; в 1928 г. пострижен в рясофор с именем Серафим; а в 1930 г. пострижен в мантию с именем Борис и рукоположен во иеромонаха. В 1935 г. иеромонах Борис был принят в общение с Московской Патриархией. В октябре 1942 г. будущий владыка стал настоятелем Троицкого собора г. Саратова, после чего 6 ноября 1942 года Патриаршим Местоблюстителем

[982] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 38.
[983] Авдюгин Александр, протоиерей. Первый архиерей Луганщины. Жизнеописание архиепископа Никона (Петина). Луганск, 2010. С. 25.
[984] Борис (Вик Борис Иванович; 1906 – 1965), митрополит Херсонский и Одесский. Православная Энциклопедия. М., 2003. Т. 6, С. 35–36.
[985] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 133. Л. 4.

митрополитом Сергием (Страгородским) был возведен в сан игумена, а 19 августа 1943 года – в сан архимандрита. 2 апреля 1944 г. был хиротонисан во епископа[986]. В апреле 1956 г. владыка Борис (Вик) был назначен архиепископом Одесским и Херсонским с поручением ему временного управления Ворошиловградской епархией и оставлением за ним поста экзарха Северной и Южной Америки[987]. На Ворошиловграской кафедре владыка находился до 16 ноября 1962 г., когда он был освобожден от управления епархией по состоянию здоровья[988].

В официальной характеристике на архиепископа Бориса (Вика), написанной в Совете по делам Русской Православной Церкви, подчеркивалось, что владыка Борис «работу по административному руководству епархией... строит на тесной связи с уполномоченным Совета». «Все рекомендации уполномоченного облекаются в форму соответствующих решений епархиального управления», – отмечалось в характеристике. В Совете подчеркивали, что к духовенству архиерей предъявляет «требования неукоснительного соблюдения всех законоположений о культах и требования в рамках законов местных властей»[989]. Помимо того, отмечалось, что «епископ Борис прост в разговорах, на вещи смотрит здраво», а главное – «сговорчив»[990]. Такое мнение о владыке Борисе как иерархе, который готов во всем следовать указаниям советских властей, вероятно, сложилось по итогам его деятельности в Чкаловской епархии, где архиерей, действительно, успел заработать такую репутацию[991].

Однако в Донецком регионе лояльность епископа Бориса, на которую, судя по всему, надеялись власти, оказалась далеко не столь однозначной. Вскоре стало известно, что «сговорчивый» и якобы не желающий увеличения числа верующих архиерей «решил представить патриархии кандидатуру ректора Одесской духовной семинарии для посвящения в сан епископа». Ректором семинарии на тот

---

[986] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 133. Л. 9, 10.
[987] Там же. Л. 16.
[988] Борис (Вик Борис Иванович; 1906 – 1965), митр. Херсонский и Одесский. Православная Энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 35–36.
[989] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 133. Л. 20.
[990] Там же. Л. 27.
[991] См.: Шубкин В. М. Оренбургская (Чкаловская) епархия Русской Православной Церкви в условиях изменений конфессиональной политики СССР второй трети XX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия, М.,2016.

момент был священник Сергей Васильевич Петров (будущий епископ Сергий (Петров)), характеризовавшийся как «кандидатура отрицательная», «одержимая стремлением укреплять и насаждать религию»[992]. Это обстоятельство заставило К. Ф. Черноморченко усомниться в лояльности епископа Бориса, несмотря на то, что архиерей стремился представить себя в глазах уполномоченного в качестве вполне преданного советской власти человека, намеревающегося все «делать в соответствии с духом времени». «...Верьте мне, я человек советский», – говорил владыка в беседе с Черноморченко[993]. Однако «дух времени» епископом Борисом и уполномоченным явно понимался по-разному.

Вскоре уполномоченному стало ясно, что объединение «маломощных» общин, закрытие «затухающих» церквей и ограничение деятельности духовенства «в рамках законодательства о культах» на самом деле не входило в планы архиерея. Это же касалось еще одной обозначенной уполномоченным проблемы этого периода – присутствия в храме детей. Епископ Борис заявлял, что, «если родители привели, то священники не могут и не должны отказываться от детей». А приводить родителям своих детей в церковь или нет, – «это их дело». К. Ф. Черноморченко хотя и понимал, что такая позиция епископа, по сути, является завуалированным одобрением присутствия детей в храмах, но изменить ситуацию не мог.

В конечном счете уполномоченный был вынужден признать, что вся последующая деятельность владыки Бориса – это «упорное сопротивление всем... мероприятиям» государства, а «послушный вид» владыки – «это только вид». В Совете по делам Русской Православной Церкви в итоге сочли, что на самом деле владыка Борис искал «причины для сопротивления... рекомендациям» властей[994].

Между тем, епископ Борис стремился не обострять отношений с советскими властями, поэтому действовал всегда максимально корректно и осторожно, ориентируясь на советское законодательство и рекомендации уполномоченного (а они обновлялись в соответствии с каждым новым антицерковным

[992] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 133. Л. 87.
[993] Там же. Л. 35.
[994] Там же. Л. 31, 34, 35.

постановлением). Как пример можно привести ситуацию, когда в 1956 г. Совет Министров СССР вынес постановление «О распространении законодательства о труде на лиц, работающих в качестве рабочих и служащих в религиозных организациях». К. Ф. Черноморченко незамедлительно назначил встречу с епископом и его секретарем (в ходе встречи были даны соответствующие указания). Только после встречи с уполномоченным секретарь епархии сообщил о постановлении отцам благочинным, а настоятелю молитвенного дома пос. ст. Сталино священнику Петрию было дано поручение помочь приходам заключить трудовые договора. Официально ни духовенство, ни прихожане, ни работающие при храмах каких-либо возражений по поводу труддоговоров не выразили. И сам уполномоченный в отчете отметил, что все выказали свое «положительное отношение» к вышеупомянутому постановлению[995].

Между тем, с 1955 г. по 1957 г. государственно-церковные отношения в Донетчине (как и в целом по стране) характеризовались относительной стабильностью. Так, например, в эти годы не боялись крестить детей. Крещение как торжество старались совершать в дни официальных государственных праздников: на День шахтера, 1 Мая, Новый год, в день Октябрьской революции и т. д. Бывало так, что в некоторых городских и поселковых храмах на эти праздники совершалось по 100-200 крещений[996]. К примеру, в 1956 г. в храмах поселков Ларинка, Калиновка, Рутченково г. Сталино (Донецка)[997] в день Октябрьской революции было совершено 100-130 крещений[998]. Характерно, что в эти годы детей большею частью крестили в младенчестве или в младшем возрасте, а не в 8-10 лет, как это было в военные и послевоенные годы. То есть было очевидно, что родители не боялись крестить ребенка сразу же после его рождения[999].

Понятно, что такое положение было не приемлемо для властей. Но каких бы то ни было жестких мер против крещений они не предпринимали, объясняя

---

[995] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 164. Л. 341.
[996] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 84.
[997] В настоящее время эти поселки являются районами г. Донецка.
[998] ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 29. Л. 10.
[999] Там же. Л. 29.

крещения исключительно желанием старшего поколения и его влиянием на не сознательное молодое поколение. При этом уполномоченный сам писал в своих отчетах, что совершали таинство крещения над своими детьми далеко не «темные» люди: интеллигенция и, к тому же, комсомольцы и коммунисты, а их вряд ли можно было назвать несознательными людьми. Уполномоченный констатировал, что сложившееся положение вещей – крайне вредно, так как отрицательно сказывалось на религиозной ситуации в регионе: в сознании населения укоренялась мысль, что крещение – это вполне нормально и не «зазорно»[1000]. Крещения в этот период действительно перестали совершать втайне от властей. Люди не боялись предавать огласке участие в таинстве: они приезжали к церквам на легковых автомобилях, детей из этих автомобилей выносили «приличные кумовья» «интеллигентного вида», «без всякого стеснения» входившие в церковь[1001]

В то же время количество венчаний и отпеваний в области в эти годы не увеличилось, хотя во время венчаний в храмы приходило много людей. Скорее всего, данный факт следует объяснить тем, что за крещением младенцев зачастую обращались невоцерковленные или слабо воцерковленные родители, тогда как венчание и отпевание совершали люди с более развитым церковным сознанием. Кроме того, значительная часть населения за долгие годы гонений на Православную Церковь уже успела отвыкнуть от необходимости совершения в церкви чина бракосочетания и отпевания усопших.

В пользу такого предположения свидетельствует и тот факт, что стабильно многолюдными оставались кладбищенские поминовения усопших в день Радоницы (так называемые «проводы»)[1002]. Так, на «проводы» на «Сталинском» кладбище (в г. Сталино) бывало до 30000 человек. Люди приезжали семьями на грузовых и легковых автомашинах – в день «проводов» уполномоченный насчитывал на кладбище до 200 машин. Такую религиозную активность населения советские власти пытались объяснить тем, что не везде в области

[1000] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 84.
[1001] Там же. Л. 85.
[1002] Там же. Л. 38.

«проводят соответствующую разъяснительную работу»[1003]. На самом же деле посещение кладбища на «проводы» за время гонений на Православную Церковь стало для людей своего рода заменой посещения храмов.

В 1957 г. в Сталинской области в 166 из 188 действовавших церквей и молитвенных домов были совершены Пасхальные богослужения[1004]. Причем если в предшествующие годы на службы приходили в основном пожилые женщины и старики (в среднем на 100 человек – 80 человек преклонного возраста), то в 1957 г. в церквах наблюдалось значительное количество молодых людей и людей среднего возраста[1005]. Уполномоченного крайне беспокоило, что в этот период на Пасхальных службах в храмах присутствовало особенно много молодых мужчин в возрасте от 18 до 25 лет. Кроме того, большое количество молодежи, школьников и дошкольников с родителями собирались в церковных оградах и на близлежащих улицах.

Большая часть приходивших на службу людей освящали куличи. На протяжении 1954–1957-х гг. в Сталинской области стабильно освящалось большое количество куличей. Например, в Свято-Николаевском соборе г. Сталино на Ларинке в 1954 г. освятили до 60 000 куличей, в 1955 г. – 50 000, в 1956 г. – 60 000, в 1957 г. – 60 000. В пос. Калиновка в эти же годы освящали: до 30 000, 40 000, 50 000 и более 50 000 куличей; на Смолянке – до 12 000, 10 000, 10 000, до 16 000; в г. Макеевке (в Казанском соборе) – до 20 000, 15 000, 15 000, до 15 000 куличей[1006].

В 1957 г. освящение куличей в церквах и молитвенных домах города Сталино началось в два часа ночи и продолжилось до 7 часов утра. Уже около двух часов горожане начали подходить к храмам, причем, по сообщению уполномоченного, количество верующих, несущих в Пасхальную ночь куличи, было равным количеству отдыхающих, гуляющих по улицам города в выходные дни. Всего в церкви г. Сталино в Пасхальную ночь в 1956 и в 1957 гг. пришло более 150 000 человек; в церкви г. Макеевки – свыше 50 000 человек[1007].

[1003] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 85.
[1004] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 160. Л. 170.
[1005] Там же. Л. 168.
[1006] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 160. Л. 169.
[1007] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 157. Л. 9.

Власти были вынуждены признать, что Светлое Христово Воскресение являлось для жителей Донецкого региона особенным праздником. Уполномоченный К. Ф. Черноморченко констатировал: люди готовились к Пасхе заранее, в частности, они заблаговременно покупали «в магазинах и на рынках... большое количество продуктов». Черноморченко отмечал, что на Пасху «торговли на рынках не было»: все торгующие праздновали Светлое Христово Воскресение[1008].

Сохраняющийся высокий уровень религиозности населения Донетчины побудил уполномоченного бросить на борьбу с «нежелательной активностью» верующих лекторов-атеистов из Сталинского областного профессионального совета, Сталинозаводского районного комитета партии и др.[1009] Для подготовки профессиональных «борцов» с Православной Церковью в области начали открывать курсы лекторов. Так, 21 марта 1957 г. для будущих пропагандистов атеизма была прочитана лекция на тему «Система организации (структура) Русской православной церкви и современные методы распространения религии служителями церкви»[1010].

Давление на Русскую Православную Церковь во 2-й половине 1950-х гг. все более возрастало. Государство усилило контроль за проповедями священников, производством церковной утвари, посещением верующими святых источников и т. д. В проповедях священников допускалось только толкование Евангелия, объяснение значения православных праздников и освещение деятельности Русской Православной Церкви, связанной с борьбой за мир. Согласно указанию уполномоченного, все конспекты проповедей должны были предварительно просматриваться благочинными[1011]. В отношении производства церковной утвари в Сталинской области была проведена специальная проверка, в ходе которой было установлено, что при храмах епархии производственных мастерских для изготовления «предметов культа» (церковной утвари, свечей и т.д.) нет. Вся необходимая утварь приобреталась общинами в «кладовой епархии» в

[1008] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 160. Л. 169.
[1009] ГАДО. Ф.Р.4022. Оп. 1. Д. 25. Л. 28.
[1010] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 164. Л. 347.
[1011] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 9.

Ворошиловграде, а также в церковных мастерских в Киеве, Москве и Почаевском монастыре[1012]. Тем не менее, за храмами области на предмет нелегального изготовления утвари был установлен контроль. Одно время под подозрением была Троицкая церковь г. Макеевки: предполагалось, что там изготавливают свечи, но в ходе расследования выяснилось, что при храме мастерских по изготовлению церковных свечей нет[1013].

Под запретом в Сталинской области в этот период оказались посещения святых источников в с. Ремовка, около пос. Авдеевка, с. Никольское Волновахского района и т. д. По воспоминаниям местных жителей, источник около с. Никольское несколько раз засыпали землей, заливали бетоном[1014], но вода все равно просачивалась, и люди из близлежащих сел собирались у источника на молебны. Кроме источников Сталинской области, у уполномоченного вызывали обеспокоенность и источники в соседней Ворошиловградской (ныне Луганской) области. 15 июня 1957 г. местные власти забетонировали Громовой источник у с. Мало-Ивановки и засыпали землей. В 1957 г. в Ворошиловградский областной исполнительный комитет поступило коллективное заявление от группы инвалидов из г. Енакиево Сталинской области с просьбой не закрывать Громовой источник. Свою просьбу ходатаи объясняли тем, что «инвалиды лечатся… целебной водой» источника, и «им трудно очищать его от бетона и земли». В 1956-1957 гг. к Громовому источнику приезжали по 200-300 человек в день. Это были люди из Белоруссии, Сибири, Ставропольского и Краснодарского краев, Саратовской, Сталинградской, Полтавской, Харьковской, Ростовской и Сталинской областей, а также с Урала. После того, как источник забетонировали, верующие за ночь расчистили его, и паломничества возобновились[1015]. «Проблема» источников сохранялась в регионе и в дальнейшем. Так, в 1958 г. уполномоченным К. Ф. Черноморченко были зафиксированы два случая открытия «криничек» (источников) в пос. Авдеевка и в г. Чистяково Сталинской области; жители

[1012] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.
[1013] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 24. Л. 49.
[1014] Уже в конце XX в. по благословению ныне покойного основателя Никольского монастыря в с. Никольское схиархимандрита Зосимы (Сокура) источник был расчищен.
[1015] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 157. Л. 15, 16.

Сталинской области также продолжали ездить на источники в Ворошиловградской области[1016].

Что касается собственно храмов, то ситуация с ними в этот период обстояла более или менее благополучно: в 1957 г. в Сталинской области был снят с регистрации только один храм[1017]. Ходатайства об открытии новых храмов по-прежнему подавались верующими, хотя количество таких заявок значительно уменьшилось[1018]. В ноябре 1957 г. К. Ф. Черноморченко подал докладную записку о том, что за период с 1944 г. по 1957 г. он получил из 51 населенного пункта области «множество ходатайств об открытии молитвенных домов»[1019]. Но если в 1954 г. ходатайств об открытии молитвенных домов было 18, а в 1955 г. – 24, то в 1956 г. было подано только 9 заявок, в 1957 г. – 13, а в 1958 г. – 8[1020]. Очевидно, что в более благополучные для Русской Православной Церкви годы ходатайств об открытии храмов подавалось намного больше, чем после начала нового наступления государства на Православную Церковь, когда верующие стали меньше надеяться на то, что их просьба будет услышана. Единственное, что оставалось неизменным, – это то, что государство по-прежнему оставалось глухо к просьбам людей.

В этой связи в Донетчине во 2-й половине 1950-х гг. имели место случаи, когда верующие пытались получить помещение для храма или сделать в церкви ремонт, минуя уполномоченного К. Ф. Черноморченко. В таких случаях действия людей, помогавших общине, однозначно характеризовались как незаконные. Например, когда в ноябре 1957 г. секретарь исполкома Красногвардейского районного совета города Макеевки Владимиров разрешил общине одного из храмов занять государственный жилой дом (дом был оформлен на общину в бессрочное пользование – под квартиры причта), уполномоченный К. Ф. Черноморченко охарактеризовал поступок Владимирова как «путь незаконного действия» и поддержки Православной Церкви и духовенства. В незаконных

[1016] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 96.
[1017] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
[1018] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 94.
[1019] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 164. Л. 328.
[1020] Там же. Л. 95.

действиях также были обвинены и служащие государственных органов власти района и шахтоуправления шахты 6/14, также оказавшие поддержку приходу[1021].

Плачевно обстояли дела и с попытками отремонтировать церкви. Так как ремонты храмов были запрещены, в Сталинской области имели место ситуации, когда церковные советы оформляли «незаконные» договора на ремонтные работы. К таким советам применялись строгие меры взыскания. Настоятелям и приходским советам указывали на недопустимость разрешения хозяйственных вопросов без согласования с властями. Помимо этого, общинам было категорически запрещено использовать сторожки при храмах для предоставления ночлега посторонним лицам. Архиепископ Борис (Вик), реагируя на высказанные уполномоченным замечания, объявил, что контроль за выполнением всего вышеперечисленного возлагается на благочинных и епархиальный совет[1022].

Священнослужители Сталинской области были вынуждены не только выполнять все антицерковные распоряжения государства, но и выказывать поддержку его внешней политике. Уполномоченный К. Ф. Черноморченко собирал информацию о мнении священнослужителей по поводу наиболее резонансных международных событий тех лет. Как и следовало ожидать, духовенство официально высказывалось целиком в русле обозначенной государственной политики. Как пример можно привести опрос донецких священнослужителей по вопросу об отношении к интервенции США и Англии в Ливане. Так, благочинный поселка Ларинка г. Сталино священник Гавриленко сказал, что священникам «в связи с событиями... нужно усилить проповеди о мире, так как эти события затрагивают всех людей». А настоятель молитвенного дома г. Жданова (Мариуполя) Финляндский заявил, что «Патриах должен дать специальное указание по всем храмам духовенству, чтоб безустанно молиться о мире во всем мире. Патриарх... сейчас должен быть ревностным и самоотверженным»[1023].

Таким образом, можно сказать, что в Донецком регионе проводилась политика постепенного наступления на церковную жизнь. Постепенно

[1021] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 198. Л. 60.
[1022] Там же. Л. 10.
[1023] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 31.

ухудшавшаяся, ситуация в 1956–1957 гг. более или менее стабилизировалась. Свидетельством этого может стать тот факт, что, например, в 1957 г. в Сталинской области был снят с регистрации только один храм, а количество крещаемых детей увеличилось. Но, с другой стороны, приходившие в негодность храмы Донетчины запрещали ремонтировать, обрекая, таким образом, на постепенное запустение; а помогавших храмам и открыто крестивших в храмах детей граждан уже снимали с занимаемой должности. Кроме того, в области начали проводить антицерковную работу лекторы-атеисты, а государство усилило контроль за проповедями священников, производством церковной утвари, посещением верующими святых источников и т. д. Все это стало базой для открытого колоссального наступления на Русскую Православную Церковь.

После относительного затишья 1956–1957 гг. новое активное наступление на Православную Церковь в Сталинской области (как и в целом по стране) началось в 1958 г. В течение этого года в регионе было снято с регистрации 24 храма (20 – в селах, 1 – в поселке, 3 – в городах). Из них 7 храмов, как отмечал уполномоченный К. Ф. Черноморченко, «самоликвидировались», 17 – закрылись с согласия архиерея (в том числе 3 закрылись в связи с отсутствием здания, 6 – как прекратившие деятельность и еще 3 – объединились как «малосоставные» с близлежащими церквами)[1024].

Таким образом, на 1 января 1959 г. в Сталинской области оставалось 186 церквей и молитвенных домов[1025]. При этом особенно удручающей ситуация по-прежнему была в сельской местности. В 1958 г. уполномоченный К. Ф. Черноморченко с удовлетворением заявлял, что «в селах активность церквей падает»[1026], и это действительно было так. В 1959 г. из 79 сельских храмов регулярно служили лишь в 48, а служащих в селах священнослужителей было только 55 человек. Основной причиной сокращения количества сельских церквей по-прежнему оставалось «плохое материальное положение»: сельские храмы продолжали беднеть, вследствие чего их под этим предлогом снимали с

[1024] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
[1025] Там же. Л. 30.
[1026] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 93.

регистрации[1027].

Как пример можно привести ситуацию с церковью в поселке Благодатное Волновахского района, которую сняли с учета в конце 1960 г. По причине «плохой материальной обеспеченности» в этом храме за несколько лет сменилось 10 священников. И если до 1958 г. службы в храме проходили регулярно, то с 5 сентября 1958 г. по 3 июня 1959 г. служить в Благодатном стали крайне редко, а с 27 июля 1960 г. богослужения в нем прекратились окончательно. В воскресенье на службу в храм приходили 20–30–50 человек, в праздники – 150–200. Как следствие, общину в поселке Благодатное решили объединить с приходом в поселке Владимировка, находившемся в 3-4 км от Благодатного. Церковное здание в Благодатном отдали под клуб, а церковь сняли с учета[1028].

Примерно по этой же схеме был снят с учета храм в поселке Талановка Новоазовского района. С 1949 г. в здесь тоже практически прекратились службы. В воскресенье в храме было около 10 человек; на Рождество – 30–40 человек; на Пасху – 300–400. Приход не мог содержать настоятеля, и за 9 лет здесь сменилось 11 священников. В итоге церковь сняли с регистрации как прекратившую деятельность[1029].

Количество ходатайств об открытии новых церквей в этот период, как уже было сказано, значительно сократилось[1030]. Помимо перемен в настрое верующих, данное обстоятельство также можно связать с тем, что архиепископ Борис (Вик) под давлением уполномоченного 22 января 1958 г. подписал «Распоряжение по Донецкой епархии», в котором назвал недопустимой практику, когда некоторые священники выступают в роли консультантов и организаторов групп людей, ходатайствующих об открытии новых приходов. В «Распоряжении» запрет аргументировался тем, что вопрос об открытии новых приходов входит исключительно в компетенцию епархиального правления[1031].

На фоне массового закрытия храмов и все усиливавшегося давления на

[1027] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 198. Л. 11.
[1028] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 208. Л. 4, 5.
[1029] Там же. Л. 11, 12.
[1030] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 94–95.
[1031] Там же. Л. 9.

Русскую Православную Церковь в Сталинской области, как и в целом по стране, начали появляться ренегаты, которых активно использовали в антицерковной пропаганде. В этот период в светской прессе публиковались антицерковные материалы Ефграфа Дулумана, в прошлом кандидата богословия. По всей видимости, государство рассчитывало на то, что эти публикации возымеют какое-то воздействие на священнослужителей. Уполномоченный К. Ф. Черноморченко отслеживал реакцию донецких священнослужителей на «творчество» Евграфа Дулумана. Но в обнаруженных нами документах содержится не много свидетельств о поддержке Дулумана со стороны клириков, служивших в Донецком регионе. Одобряли действия Евграфа Дулумана исключительно люди колеблющиеся, не укорененные ни в Церкви, ни в светской жизни. Так, например, таковым оказался второй священник молитвенного дома г. Дебальцево[1032] Георгий Каверин[1033]. Он считал Дулумана решительным человеком, не испугавшимся трудностей, порвавшим с Православной Церковью и обретшим свободу. Для самого священника Георгия, как следует из записки уполномоченного К. Ф. Черноморченко, были характерны нерешительность и моральная усталость. В свое время священник Георгий тоже предпринимал подобные попытки, но смог проработать на светской работе только два месяца. По всей видимости, он вернулся к священническому служению, сохранив внутреннее убеждение, что «узнал всю подноготную об этих людях – священниках и прихожанах». Со слов К. Ф. Черноморченко, священник Георгий Каверин 18 июля 1958 г. заявил уполномоченному, что, если бы взялся писать о церковной жизни, то сделал бы это лучше Дулумана[1034]. При этом какие-либо факты о «подноготной» православных людей в документах уполномоченного приведены не были.

Как противовес «дулуманщине» в Донецкой области распространялось стихотворение «Новый Иуда». Стихотворение передали настоятелю церкви станции Сталино г. Сталино священнику Мухину студенты Ленинградской духовной академии, когда священнослужитель побывал в Ленинграде во время

[1032] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 82–83.
[1033] Отец Георгий Каверин, 1930 г. р., сын шахтера, окончил 9 классов школы и 2 класса семинарии, проживал в г. Горловке.
[1034] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 82.

академической сессии. В свою очередь, студенты ЛДА получили сочинение от студентов Московской духовной академии, где стихотворение и было написано одним из учащихся[1035]:

«Новый иуда[1036]
Верьте, не верьте, а сделалось чудо:
Снова в наш мир возвратился иуда.
Только уже не за тридцать монет
Бога Христа продает он; о нет

Глупыми баснями ловко торгуя,
В этом добычу не малую чуя.
Сеет: безбожье, безверье, туман –
Новый Иуда – Евграф Дулуман.

Если б был жив Ломаносов великий,
Он бы сказал ему: Янус «двуликий»,
Я размышлял о величии Божьем,
Ты лишь клевещешь, о, как ты ничтожен!

Духом убогий, земная казявка,
Лает на Господа, глупая шавка,
«Бог» – так Державин свой стих озаглавил
И тем он могущество Бога прославил.

Мысль его духовно одарена,
Светом торжественным озарена,
Лишь с главой непокрытою мог
Ньютон сказать слово светлое «Бог».

[1035] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181.. Л. 29.
[1036] Орфография автора сохранена.

Миру известный наш славный Суворов
Не заводил о религии споров,
Милости Божьей и помощи ждал
С Богом везде и всегда побеждал.

Ну-ка, поищем среди Дулуманов
Светочей разума, мысли титанов,
И не пытайтесь, – подобных примеров
Не существует среди лицемеров.

Светом свечи можешь ли солнце затмить,
Камишком можешь ли гору покрыть,
Так и ничтожною тенью своей
Бога закрыть не сумеешь наглец.

Первый иуда, продавший Христа;
Чувствовал – совесть его не чиста,
Мучился точно в кипящем котле,
И успокоился только в петле.

У Дулумана иная сноровка:
Совести нет, не нужна и веревка,
Был бы лишь туго набитый карман,
умер духовно Евграф Дулуман»[1037].

«Дулуманом» в Сталинской области стал священник города Дебальцево Невядовский. Ситуация с отступничеством Невядовского в целом складывалась стандартно. Так как основной задачей властей было донести до советских граждан все обстоятельства ухода священнослужителей из Православной Церкви, после

[1037] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 30, 30об.

отречения Невядовскому было предложено выступить с обличительной речью во Дворце культуры города Дебальцево. Невядовский сообщил присутствующим, что, несмотря на то, что он родился и вырос в семье православного священника с высшим духовным образованием, его всегда возмущало то, что в православии обыкновенные люди становились «отцами и даже святыми», оставаясь при этом самыми обыкновенными людьми «с пороками и прегрешениями». Невядовский утверждал, что якобы нашел много противоречий в Священном Писании и это позволило ему прийти к мысли о том, что «сознательные люди хорошо понимают, что защищать свои человеческие права и свободу надо не божескими законами… а законом разума, прогресса и науки». После чего Невядовский решил, по его словам, пойти «по пути честного труда».

Выступление Невядовского закончилось лекцией «Причины существования религиозных пережитков в СССР и пути их преодоления». Лекцию прочитал член общества по распространению политических и научных знаний директор школы №64 П. И. Денисенко. Как было сказано в документах уполномоченного, в своей лекции П. И. Денисенко «разоблачил» «антинаучную и антинародную сущность религии». Завершилось мероприятие антицерковными высказываниями присутствовавших на нем пенсионеров и демонстрацией фильма «Иванна». Впоследствии текст выступления Невядовского был напечатан в газете «Дебальцевский рабочий»[1038].

Контролем за выпускавшимися в Донецком крае антицерковными материалами также занимался уполномоченный К. Ф. Черноморченко. Далеко не все предлагаемые к публикации статьи встречались им с одобрением**.** Как уже отмечалось, в этот период в Сталинской области имела место практика увольнения верующих по религиозным мотивам. Публикации на эту тему делала в том числе газета «Новый Донбасс». И именно эти, казалось бы, в корне антицерковные статьи «Нового Донбасса» вызывали неподдельное возмущение Черноморченко. Ссылаясь на осуждение коммунистической партией административных методов борьбы с религией, уполномоченный подчеркивал,

[1038] Невядовский А. Я не верю в бога и не хочу служить церкви // Дебальцевский рабочий. 17 ноября 1960 г.

что партия требует вести борьбу с религией только идейным оружием и убеждением. Черноморченко был глубоко убежден, что «борьбу», аналогичную той, что пропагандирует «Новый Донбасс», «способны допускать лишь те, у кого не хватает ни терпения, ни выдержки для повседневной, кропотливой работы с верующими и духовенством, кто не хочет или не умеет... вести с людьми задушевный разговор, спокойно, но убедительно разоблачать ложь и несостоятельность религии»[1039].

При этом государство продолжало вести настойчивую, целенаправленную борьбу с теми, кто мог аргументированно противостоять заявлявшим о «несостоятельности религии». Начавшаяся уже в конце правления И. В. Сталина борьба с православным образованием продолжалась. В ее жернова попадали и священнослужители, и семинаристы, и абитуриенты духовных семинарий и академий. В конце 1950-х гг. в Сталинской области продолжали вести тщательный учет семинаристов, академистов и абитуриентов духовных учебных заведений Русской Православной Церкви. Как правило, списки семинаристов составлялись с попыткой выяснить, жители каких районов (городов, поселков) чаще всего стремились стать «служителями культа».

Например, было отмечено, что в 1959 г. наибольшее количество заявлений о поступлении в духовную семинарию пришло из города Горловки и Горловского района. Горловка и Горловский район доставляли немало хлопот уполномоченному. В 1959 г. окончили семинарию жители Горловки и Горловского района: Георгий Каверин (с. Покровское Артемовского района), Павел Харчевин (пос. Калиновка, г. Горловка), Олег Топарев (г. Артемово Дзержинского района); учились в семинарии жители Горловского района: Павел Кленин (пос. Никитовка Горловского района) и Анатолий Цололо (пос. Зайцево Горловского района), подали заявление о приеме в семинарию: Анатолий Скыба, Виктор Сычев и Анатолий Рожков[1040]. Выпускники семинарий становились, по выражению Черноморченко, «распространителями религии», а этого меньше всего хотел

[1039] ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 192. Л. 45–46.
[1040] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 198. Л. 59–60.

уполномоченный. Но, как следует из документов этого периода, ограничительных мер против поступающих в духовные учебные заведения в Сталинской области еще не было: их начали принимать только в 1960-х гг.

Вместе с тем, советское государство уже в конце 1950-х гг. активно противодействовало распространению обучающей православной литературы. Когда в 1958 г. миссионерская деятельность баптистов (евангельских христиан-баптистов, ЕХБ) и пятидесятников (евангельских христиан) среди православных стала особенно активной, архиепископ Борис (Вик) благословил настоятелю церкви г. Горловки священнику С. Петрову написать «антисектантские тезисы». Эти тезисы были разосланы благочинным, которые в свою очередь размножили их и распространили среди настоятелей храмов (с рекомендацией использовать при составлении проповедей). В тезисах давалось общее определение секты, говорилось о причинах возникновения сектантства[1041], приводилась градация сект и «Краткий разбор учений сектантов»[1042]. Несмотря на то, что «антисектантские тезисы» адресовались исключительно священникам (и ни в коей мере не мирянам), Г. Г. Карпов дал указание: «Тезисы, написанные настоятелем церкви в г. Горловке Петровым, по поручению арх. Бориса, нужно срочно собрать и не рассылать». С архиепископа собирались строго спросить, на основании чего он действовал и кто предложил или рекомендовал ему распространять «антисектантские тезисы», приемлемые только в духовных академиях и семинариях[1043]. В конечном счете тезисы изъяли.

Однако, несмотря на всю проделываемую государством работу, в Донецком регионе не только не стало меньше верующих, но и заметно увеличилась посещаемость церквей мужчинами среднего и старшего возраста. Но самым неожиданным и неприятным для властей стало то, что в общинах Сталинской области появилось немало активных прихожан. В официальных документах эти прихожане были обозначены как «ревнители православной веры». Отмечалось, что они способствуют укреплению Русской Православной Церкви. Эти люди

[1041] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 33–34.
[1042] Там же. Л. 35-40.
[1043] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 175. Л. 61.

взаимодействовали с мирянами (приглашали их в церковь, предлагали совершать требы), собирали деньги для храмов и т. д. Кроме того, в их домах организовывалось чтение духовной литературы, пение церковных песнопений и проч.

Например, в г. Красный Лиман такие «ревнители православной веры» приходили в дома умерших, помогали родственникам на похоронах, организовывали отпевания; а у себя в домах устраивали чтения православной литературы[1044]. Уполномоченный К. Ф. Черноморченко напрямую связывал деятельность «ревнителей» с тем, что в Сталинской области порой даже члены партии отпевали умерших родственников (как например, коммунистка Налбандян, заказавшая отпевание своей умершей матери).

Очень характерный эпизод имел место в городе Зугрэсе. Когда умер депутат Зугрэсского городского совета Павел Павленко, организацией его похорон занимались дирекция и руководство общественных организаций, а собственно похоронную процессию организовал и возглавил священник Стрижиков. Он же на кладбище обратился к присутствующим с речью, а затем снял с памятника звезду и поставил крест. При этом священника никто из присутствовавших не остановил[1045]: уважение к Русской Православной Церкви и священникам в советском обществе сохранялось, несмотря на активную антицерковную работу государства.

Это же подтверждает и случай, имевший место в поселке Ольховчик Шахтерского района. Здесь в октябре 1958 г. священник церкви Покрова Пресвятой Богородицы практически беспрепятственно провел крестный ход. Началось все с того, что жители соседнего с Ольховчиком поселка Пелагеевка решили подарить Покровскому храму на престольный праздник (то есть 14 октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы) икону. Верующие собрали деньги и заказали икону в г. Красный Луч Ворошиловградской области. Так как икона была большой (размером почти два на полтора метра), то 11 октября ее

[1044] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 75.
[1045] Там же. Л. 76–77.

автотранспортом доставили в Пелагеевку, а 13 октября с двумя хлебами, свечами и пением молитв понесли из поселка Пелагеевка в храм поселка Ольховчик. В общей сложности икону пронесли около 20 км. Причем когда икону выносили из Пелагеевки, ее сопровождали 100 человек, а когда принесли в Ольховчик – 200. Из поселка Ольховчик навстречу иконе вышли священник и пятьдесят прихожан[1046]. Образ с пением и колокольным звоном внесли в церковь. Как позже выяснилось в поселковом совете Ольховчика, настоятель за неделю до праздника знал о планах принести икону, но никаких нарушений закона в этом мероприятии не увидел, а так как Покров Пресвятой Богородицы являлся престольным праздником Покровской церкви, то еще и пригласил на службу трех священников и одного диакона из других храмов. В итоге все приглашенные священнослужители получили от властей предупреждение, а настоятель Покровского храма был снят с регистрации. Расследованием инцидента с иконой внимательно занимались местные органы государственной власти[1047].

Между тем, иконы и связанное с ним, как говорил уполномоченный К. Ф. Черноморченко, «шарлатанство» стали предметом особенного внимания всех уполномоченных по Сталинской (в дальнейшем Донецкой) области – вплоть до начала правления Л. И. Брежнева. «Шарлатанством» К. Ф. Черноморченко, в частности, называл самообновление икон. Случаи самообновления икон фиксировались в документах уполномоченного в этот период регулярно. Обновление икон привлекало множество людей, особенно, если владелец иконы просил священника отслужить перед ней молебен. Как следствие, владельца иконы чаще всего штрафовали (или наказывали иным способом), а священнослужителей, которые отваживались служить перед обновившейся иконой молебен, снимали с регистрации.

Так, в феврале 1958 г. обновление иконы произошло в квартире Марии Петрухиной (г. Сталино). Для совершения молебна перед иконой женщина позвала из Свято-Николаевского молитвенного дома (район Ларинка) священника

[1046] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181. Л. 67.
[1047] Там же. Л. 68–69.

Сидорова и диакона Гейко. На молебен пришло столько верующих, что они не помещались в квартире. Об этом инциденте узнал начальник 13-го отделения милиции г. Сталино Шашков. Он «предотвратил» дальнейшую «посещаемость» квартиры М. Петрухиной. Петрухину привлекли к ответственности, икону отдали в молитвенный дом на Ларинке, а священника Сидорова и диакона Гейко сняли с учета[1048].

Несмотря на привлечение к ответственности верующих, «не санкционированное властями» обновление икон в Сталинской области продолжалось, в связи с чем уполномоченный К. Ф. Черноморченко принял решение действовать более жестко. Когда 19 мая 1959 г. обновление иконы произошло у Х. Ф. Головко из г. Макеевки, женщина была оштрафована на 500 рублей. Кроме того, материал на Х. Ф. Головко передали в прокуратуру, а затем – в народный суд. Слушание этого дела проходило в клубе в присутствии большого количества людей, а результаты следствия и решение суда освещались в газетах Сталинской области[1049].

В дальнейшем православные верующие стали осторожнее и не допускали большого скопления людей у икон. Так, например, когда в 1961 г. у П. В. Шевченко (г. Горловка) самообновилась икона, то, зная об опасности быть «уличенными в шарлатанстве», люди приходили к образу группами по 20 человек. Несмотря на это, по поводу обновления иконы уже уполномоченный Г. Е. Гомля обратился в народный суд, посетовав, что «ситуация» не была своевременно замечена органами власти[1050].

Не менее активно проходила в эти годы и борьба с паломничествами. Для решения этой проблемы государство планировало использовать священнослужителей, которым вменяли в обязанность объяснять верующим, что они должны прекратить паломничества и таким образом исполнить советский Закон[1051]. Было очевидно, что государство стремилось открыто навязать священнослужителям свою волю. Кроме подобных требований к духовенству,

[1048] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 176. Л. 160.
[1049] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 198. Л. 52, 54.
[1050] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 239. Л. 6–7.
[1051] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 36. Л. 119.

работа по прекращению паломничества включала в себя «ликвидацию» «кликуш, нищих, прорицателей» и запрет на публикацию в журнале «Православный вестник» материалов о святых местах.

Святым местам властями планировалось уделить особое внимание. В Сталинской области к этому времени монастырей уже не было, но государство тревожили Киевская и Тернопольская области, на территории которых размещались монастыри и две лавры. Здесь представители органов государственной власти намеревались тщательно изучать состав паломников и информировать о них своих коллег в других областях. Кроме того, местные власти должны были следить за тем, чтобы монастыри неукоснительно выполняли приказ не принимать людей на ночлег и не давать им деньги и продовольствие. К 20 января 1959 г. уполномоченные по УССР обязаны были сдать списки святых мест по Украине, а к 5 мая 1959 г. – отчет о ходе выполнения указаний по предотвращению паломничеств. Несмотря на отсутствие на территории Сталинской области святых мест, борьба с паломничеством и с паломниками не обошла стороной и Донетчину. В дальнейшем, уже в 1970-х гг., она приняла очень жесткие формы, о чем будет сказано ниже. Помимо этого, в описываемый период запрещалось строительство на государственных землях новых поклонных крестов, украшение уже имеющихся крестов[1052] и проч.

Несмотря на усилившееся давление на Православную Церковь, верующие по-прежнему приходили на Радоницу на кладбища. В связи с этим в 1959 г. уполномоченный по Сталинской области К. Ф. Черноморченко вынужден был признать, что у жителей Донетчины «есть вера в «загробную жизнь». Уполномоченный приезжал в дни поминовения на кладбища в поселках г. Сталино (Мушкетово, Рутченково, Гладковка). Проанализировав ситуацию, К. Ф. Черноморченко пришел к выводу, что посещаемость кладбищ в 1959 г. стала значительно выше, чем в предыдущие годы: людей на кладбищах было «такое количество, что трудно назвать какую-либо цифру», – посетители кладбищ исчислялись десятками тысяч. Люди приезжали на кладбища группами или

[1052] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 36. Л. 134–136.

целыми семьями. Среди приехавших было много людей, занимавших «должностное положение»: они приезжали на государственном автотранспорте, служебных автобусах, на грузовых и легковых машинах, причем с ними были дети-школьники и дошкольники, молодежь. Люди старались обязательно пригласить священника на могилу усопшего. Ситуация была, с точки зрения властей, серьезной, и они искали из нее выход. Как основное «средство» борьбы с поминовением рассматривалась дополнительная работа медико-санитарных специалистов: их планировали направлять с беседами, лекциями и докладами «о вреде... поминаний» в дома, на предприятия и в учреждения[1053].

1960-й год приготовил для православных Донетчины самый большой удар за все время правления Н. С. Хрущева: он стал годом максимального сокращения количества приходов в регионе (за 1959 г. и 10 месяцев 1960 г. в Сталинской области с санкции Совета было снято с регистрации 40 религиозных общин[1054]). Возможно, в целях предупреждения протестов верующих и встречных ходатайств об открытии новых храмов уже в 1959 г. уполномоченному К. Ф. Черноморченко было направлено инструктивное письмо «О рассмотрении ходатайств об открытии церквей».

В письме рекомендовалось тщательно проверять ходатайства на наличие в них «корыстного интереса». Если «корыстный интерес» (его наличие определял сам уполномоченный) предполагался, ходатаев рекомендовалось известить о том, что их заявление к рассмотрению приниматься не будет, а об их поведении будет поставлена в известность общественность. Священников в аналогичной ситуации планировали «предупреждать о незаконности» их действий и снимать с регистрации. Также было рекомендовано проводить «мероприятия, способствующие самоликвидации» приходящих в упадок приходов.

Помимо моментов, связанных с ликвидацией храмов, письмо содержало пункты о порядке хранения и расходования церковных средств, о церковных старостах, о работе со священнослужителями (через которых планировалось

[1053] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 193. Л. 95–96.
[1054] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 49.

«сдерживать активность Церкви»)[1055] и проч. Конечную цель выполнения всех этих рекомендаций государство видело в ослаблении влияния Русской Православной Церкви на жителей региона. А как подтверждение его ослабления в докладах уполномоченного приводились данные о том, что «в области уменьшилось количество действующих церквей... молитвенных домов» и «служителей религиозного культа»[1056].

Между тем, 13 января 1960 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». Оно обозначило новый виток антирелигиозной борьбы[1057]. Выполнением этого постановления в Сталинской области занимался уже новый уполномоченный: 24 марта 1960 г. К. Ф. Черноморченко ушел на пенсию. Перед уходом он написал письмо председателю Совета по делам Русской Православной Церкви В. А. Куроедову и уполномоченному Совета при Совете Министров УССР Г. П. Пинчуку. В письме К. Ф. Черноморченко сообщил о своем решении уйти с должности и о том, что уведомил об этом исполнительный комитет Сталинского областного совета депутатов трудящихся. Причиной ухода К. Ф. Черноморченко назвал длительность своего пребывания на посту (с октября 1943 г. по март 1960 г.) и усталость. При этом К. Ф. Черноморченко обещал оказывать всяческую помощь и поддержку своему преемнику[1058]. Новым уполномоченным по Сталинской области стал Г. Е. Гомля. Его основной, уже открыто поставленной государством, целью стало уничтожение храмов и молитвенных домов.

Эта цель была четко обозначена как раз после выхода Постановления ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и сформулирована Советом по делам Русской Православной Церкви на январском совещании уполномоченных: необходимо повсеместное «изъятие храмов и молитвенных домов»[1059].

В соответствии с планом выполнения Постановления в Сталинской области

[1055] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 36. Л. 16–22.
[1056] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
[1057] Шкаровский. Указ. соч. С. 371.
[1058] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 222. Л. 142.
[1059] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

начали проводить «мероприятия, связанные с сокращением общин». «На предмет сокращения» были рассмотрены все приходы региона. Под сокращение попадали:

– приходы, которые занимают здания под молитвенные дома в общественных организациях на арендных началах;

– приходы, в которых по 10–12 месяцев не ведется служба;

– приходы, которые занимают технически непригодные, аварийные здания;

– приходы, которые не имеют зданий под молитвенные дома;

– приходы, которые находятся на близком расстоянии друг от друга (их рекомендовалось объединить);

– приходы, которые занимают бывшие церковные здания, уже приспосабливавшиеся общественными организациями под социально-культурные нужды населения[1060] (то есть церкви, изъятые в 1920–1930-х гг. и возвращенные прихожанам в годы Великой Отечественной войны).

Темпы сокращения количества храмов и молитвенных домов были колоссальными. Как уже указывалось, за 1959 г. и 10 месяцев 1960 г. в Сталинской области с санкции Совета было снято с регистрации 40 религиозных общин[1061].

В 1961 г. был издан целый ряд новых документов, «регулирующих» церковную жизнь в стране и, следовательно, в Донетчине: вслед за решениями XXII партийного съезда по научно-атеистическому воспитанию появилось Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Параллельно весной 1961 г. вышла «Инструкция по применению законодательства о культах». 16 марта 1961 г. она была утверждена постановлением Совета по делам религиозных культов и постановлением Совета по делам Русской Православной Церкви. Инструкция регламентировала деятельность «религиозных объединений и духовенства»[1062]. Религиозные объединения и духовенство обязывали не нарушать общественный порядок; не посягать на права граждан; не использовать религиозные объединения для политических выступлений, а также для

[1060] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.
[1061] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 49.
[1062] ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 148. Л. 2, 3, 4.

пропаганды отказа участия в жизни страны, для отказа от службы в государственных, общественных, кооперативных учреждениях и предприятиях.

Вместе с этим в инструкции оговаривались:

– запрет на службы вне храма;

– запрет на любую благотворительность, на организацию экскурсий, библиотек, кружков, собраний, школ, паломничеств к святым местам и проч.;

– запрет на собрания, шествия, на службы под открытым небом, в квартирах и домах и проч.;

– запрет на открытие учебных заведений, выпуск религиозной литературы, штампов и печатей.

Православные центры, епархиальные управления, духовные заведения, монастыри, религиозные общества, как и 40 лет назад, были обязаны в любой момент допускать должностных лиц государственных органов к периодическому осмотру имущества и проверке приходно-расходных книг[1063].

10 июля 1961 г. уполномоченные Украины получили из Совета по делам Русской Православной Церкви «Инструкцию и бланки учета религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находящегося в пользовании церковных органов, согласованные с ЦСУ СССР». Так же, как и в 1920-е гг., инструкция рекомендовала составлять договора, по которым храмы передавались общинам в бесплатное пользование. Приходы были обязаны хранить и беречь храмовое имущество, нести расходы по использованию храмов, иметь инвентарную опись имущества и проч. Договора должны были составляться в трех экземплярах (один из которых хранился в исполкоме) и могли быть расторгнуты. К договорам необходимо было приложить инвентарную опись и приложение, включавшее справку о регистрации здания, справку о регистрации «служителей культа», справку на «служителей культа» и т. д.[1064].

Решением исполкома Сталинского областного Совета депутатов трудящихся от 1 сентября 1961 г. в регионе была создана областная комиссия по проведению

[1063] ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 148. Л. 5а.
[1064] ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 192. Л. 35–36.

единовременного учета религиозных общин, молитвенных зданий и имущества, находящихся в пользовании церковных органов. Аналогичные комиссии были организованы при городских и районных исполкомах области[1065]. Для этих комиссий были составлены единая инструкция по учету и план мероприятий по его подготовке и проведению. Тогда же, в сентябре 1961 г., в Сталино провели однодневный семинар, на котором с докладами выступили секретари исполнительных комитетов.

Уже к 1 января 1962 г. учет в Донецкой области[1066] был проведен. В регионе была учтена 121 религиозная община. Эти общины занимали 50 типовых зданий и 71 приспособленное помещение. Из 71 приспособленных зданий 67 были куплены общинами, остальные – арендованы. Кроме того, в области были учтены 38 церковных сторожек и два жилых дома. Помимо этого, отдельно были учтены 74 дома, купленных общинами под квартиры причта. В общей сложности у общин области было 225 здания. Кроме зданий, общины имели тринадцать автомобилей. В общей сложности в храмах и молитвенных домах области работало 1897 человек (включая 983 хористов), 1579 из которых получали денежное вознаграждение[1067]. Что касается духовенства и церковнослужителей, в регионе служили 145 священников и 29 диаконов, псаломщиков в области было 36.

Все статистические данные проведенного учета[1068] были переданы в партийные органы Сталинской (Донецкой) области: их планировалось использовать «для работы по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах»[1069]. То есть фактически речь шла о дальнейшем сокращении количества храмов и молитвенных домов.

Отныне годовые планы уполномоченного становились набором прямых директив, направленных на уничтожение Русской Православной Церкви, а первым пунктом в них неизменно значилась ликвидация приходов. Например, в первом полугодии 1962 г. уполномоченным по Донецкой области планировалось:

[1065] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 367. Л. 1.
[1066] 9 ноября 1961 г. Сталино был переименован в Донецк.
[1067] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 367. Л. 2–3.
[1068] Переданы были в том числе данные о количестве верующих в храмах и молитвенных домах в дни больших праздников (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 367. Л. 9).
[1069] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 367. Л. 4.

1) изучать приходы на предмет возможности ликвидации (потенциальные мотивы: технические условия, неспособность религиозных обществ содержать здание, объединение приходов по причине затухания);

2) принимать меры по сокращению «служителей культа» в тех приходах, где их зарегистрировано более двух;

3) изучать лично и через комиссии содействия проповедническую деятельность, вести работу по сокращению всевозможных кружечных сборов и пожертвований; поддерживать связь с работниками местной печати в целях активизации негативизма ко всему церковному (для чего все «сигналы... о непристойных делах религиозных активистов» передавать в печатные органы); выявлять молодых людей-хористов и через партийно-советские органы принимать меры к отвлечению их от пения в храмах.

Как следствие, в первом полугодии 1962 г. в Донецком регионе было снято с регистрации 12 храмов и молитвенных домов. Предлогами для их сокращения были ставшие привычными: «самоликвидация»; объединение общин; неудовлетворительное состояние и проч.[1070].

Как пример «обоснования» сноса храма по причине «неудовлетворительного состояния» можно привести «о целесообразности сноса бывшего церковного здания в поселке Авдотьино гор. Донецка». При осмотре церкви начальник Донецкого областного отдела по делам строительства и архитектуры нашел, что стены храма покрыты трещинами, раствор и кладка в них частично выветрились, а несущие деревянные конструкции перекрытия прогнили. Кроме того, один кухонный очаг в храме был развален, а отопительная система отсутствовала. Учитывая все вышеизложенное, Донецкий областной отдел по делам строительства и архитектуры посчитал, что здание церкви в поселке Авдотьино находится в неудовлетворительном техническом состоянии и не подлежит восстановлению[1071]. Церковь была снята с регистрации и изъята, за чем последовало решение №319 Донецкого областного исполкома «О сносе бывшего

[1070] ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 195. Л. 1–3.
[1071] ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 58. Л. 64.

церковного здания в поселке Авдотьино города Донецка». Оставшиеся после сноса «строительные материалы» предполагалось использовать для хозяйственных нужд[1072].

В тех случаях, когда власти были не совсем уверены в правдоподобности имеющегося предлога для сноса церковного здания, они придумывали дополнительный повод для уничтожения храма. Так, например, обстояли дела в случае с Преображенской церковью в городе Волноваха. Изначально официальной причиной объединения Преображенской общины города Волноваха со Свято-Духовской общиной в поселке Карловка называлось то, что Преображенская церковь находилась на расстоянии 50 метров от вновь построенной школы. Но позже для «перестраховки» в специально составленном протоколе здание церкви признали еще и «негодным к дальнейшей... эксплуатации». После объединения приходов церковь в городе Волноваха снесли[1073].

Следует отметить, что не все снимаемые с регистрации церкви и молитвенные дома региона подлежали сносу. Вероятно, пытаясь оправдать изъятие храмов потребностью страны в помещениях, государство использовало некоторые из церквей и молитвенных домов в народном хозяйстве. В связи с чем, например, в церковном здании в селе Новоселовка Авдеевского района был устроен магазин, в храме города Авдеевка – народный суд, в церкви села Александровка – жилье, в храме села Мокрый Еланчик – колхозный клуб, в церкви села Красная Поляна Велико-Новоселковского района – аптека, в церкви села Красноармейское Новоазовского района – школа-интернат, в храме села Васильевка Старо-Бешевского района тоже была устроена школа-интернат, в храме города Харцызска – продовольственная база, в церкви города Моспино – магазин стройматериалов. А храм поселка Кирова Дзержинского района все же полностью разобрали[1074].

Итогом такой деятельности государства стало то, что в наиболее густонаселенных районах крупных городов Донецкой области не оставалось ни

[1072] ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 58. Л. 72.
[1073] Там же. Л. 308–309.
[1074] ГАДО. Ф.Р-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 46.

одного храма. Так, например, не было ни одного храма на территории Центрально-городского района Макеевки – ближайшего к Донецку города. Здесь РККП Украины и районный исполнительный комитет добились закрытия единственной церкви и передачи ее помещения швейной фабрике[1075].

Помимо того, что государство забирало у верующих храмы, оно стремилось конфисковать у приходов все, имеющее хоть какую-то материальную ценность, в первую очередь – автомобили и дома. Например, в 1962 г. городские исполнительные комитеты Донецкой области забрали у храмов (как было указано в документах: «взяли на баланс») три якобы незаконно приобретенных общинами дома и два автомобиля. Поведение властей в эти годы стало настолько беззастенчивым, что при «освобождении» церковных зданий некоторые священнослужители не выдерживали и начинали «оказывать сопротивление», чего в прошлые годы (например, при изъятии занятых под храмы общественных зданий) не наблюдалось[1076].

Кроме того, массовое уничтожение церквей не могло не вызвать недовольства населения: вслед за изъятиями последовали жалобы православных верующих Донецкой области. Эти жалобы были самыми житейскими по своему характеру и не имели никакой политической антигосударственной подоплеки. Так, например, житель села Привольное Славянского района Вакуленко сетовал на то, что старикам их села приходится далеко ходить в церковь, а в силу возраста им это очень тяжело.

Но подобные жалобы, как и ходатайства об открытии храмов, в описываемый период не рассматривались в принципе. Хотя и жалоб, и ходатайств по-прежнему было много. Например, на адрес властей поступили письма верующих из села Ново-Петриковка Старо-Млыновского района, где жители просили об открытии молитвенного дома; из поселка Гуглино Ильичевского района города Жданова (Мариуполя); из села Анновка; из поселка станции Софино-Бродское и проч. Устно верующие просили об открытии молитвенного

[1075] ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 192. Л. 90.
[1076] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

дома в поселке Яковлевка города Дружковки, на хуторе Волчанки Селидовского района[1077].

В общей сложности жители 20 населенных пунктов области обращались с просьбами оставить храм действующим или возобновить службы в закрытом храме. Верующие пытались объяснить уполномоченному, что «церковь – это место, где они находят себе утешение». Несмотря на это, за два года в Донецкой области было снято с регистрации 47 общин. При этом особенно «большую активность удержать церкви» уполномоченный отмечал в городах и поселках городского типа. В сельской местности население по-прежнему было менее активно в данном вопросе[1078].

Окончательным ответом на все просьбы верующих стало решение Донецкого областного исполнительного комитет и Донецкого областного комитета коммунистической партии о проведении мероприятий «по преодолению религиозной идеологии» и «ограничению деятельности церковников». Законодательной базой для такой работы стало Постановление ЦК Коммунистической партии Украины от 12 октября 1962 г. «О состоянии и мерах улучшения научно-атеистического воспитания трудящихся в Украинской ССР».

В Донецкой области на общественных началах были созданы комиссии помощи общественным организациям. Эти комиссии работали при исполнительных комитетах и были призваны помогать организациям в атеистической работе и выявлении «нарушителей законодательства о культах». Возглавляли комиссии секретари городских районных исполкомов, а контролировал их работу Донецкий областной исполнительный комитет. В случае выявления комиссией нарушения законодательства о культах к «злостным нарушителям» применялись строгие меры воздействия. Для священнослужителей это, как правило, было лишение регистрации.

Что касается мирян, в этот период в регионе начала активно проводиться «индивидуальная работа» с православными верующими, вторым этапом которой

[1077] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21. Л. 80–81.
[1078] ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 14–15.

становилась уже «работа в коллективах» (в том числе на общественных собраниях). Для «индивидуальной работы» выделялись люди от комсомольских, партийных, профсоюзных организаций, от общества «Знание». Если «индивидуальная работа» на человека не «действовала» (например, он продолжал ходить в храм), ему грозило понижение в должности или же (если верующий учился) исключение из института. Особенное распространение в Донецкой области подобная «работа» получила уже в годы правления Л. И. Брежнева, о чем будет сказано ниже.

Результаты подобной деятельности не заставили себя ждать: «улучшение научно-атеистической работы» в сочетании со строгим контролем за выполнением Законодательства о культах привели к тому, что в 1962 г. в Донецкой области не было зафиксировано ни одного случая паломничества и обновления икон[1079], а 14 храмов и молитвенных домов беспрепятственно были сняты с регистрации.

Помимо этого, в 1962 г. Православной Церкви был нанесен еще один удар. Все священнослужители Донецкого региона были переведены на твердый оклад, а административно-финансовые и хозяйственные функции храмов и молитвенных домов были полностью возложены на исполнительные органы приходских общин[1080]. Этому предшествовал Архиерейский собор 1961 г., закрепивший бесправное положение священника-настоятеля на приходе и переход финансово-административных функций в руки мирян[1081].

Твердый оклад священнослужителя в Донецкой области колебался от 80 до 400 рублей – в зависимости от количества треб и общего дохода прихода. Несмотря на то, что введение окладов позиционировалось властями как способ защиты духовенства «от чрезмерного обложения» налогами, священнослужители очень хорошо понимали, что в реальности это лишь официальный способ их ограбления. По этой причине процесс перехода духовенства на оклады в Донецком регионе проходил далеко не гладко.

До введения твердых окладов священники Донецкой области действительно

[1079] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089. Л. 1–2.
[1080] Там же Л. 3–6.
[1081] Марченко Алексий, протоиерей. Религиозная политика советского государства в годы правления и. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М., 1998. С. 101.

жаловались уполномоченному на то, что финансовые органы предвзято, без учета реальных доходов, начисляют им налог. К примеру, в 1962 г. священник С. М. Кобзарь из пос. Петровка г. Сталино был обложен налогом в 2 182 рубля, после чего к этому налогу была прибавлена доплата за 1961 г. в размере 766 рублей. Такой налог исчислялся из предполагаемого годового дохода священника С. М. Кобзаря в 4 580 рублей, что значительно превышало реальный доход священнослужителя.

Приведенный пример наглядно иллюстрирует, что денежные поступления в пользу государства от налогообложения священнослужителей были значительными. Следовательно, переход на твердые оклады перекрывал фактически ничем и никем не ограниваемый денежный поток. Неудивительно, что финансовые органы выступили против перехода священнослужителей на оклады: финансовые структуры вполне логично посчитали, что это уменьшит отчисления в местный бюджет. Тем не менее, для государства в условиях начатой антицерковной кампании обнищание священнослужителей было важнее собственных доходов. Поэтому в историю с недовольством финансовых органов вмешался Донецкий областной комитет коммунистической партии, после чего перевод священнослужителей на оклады был произведен без проволочек.

Несмотря на директивный характер введения священнических окладов, в Донецкой области находились священнослужители, которые пытались воздействовать на церковные исполнительные органы так, чтобы они сами ходатайствовали об оставлении священников их храмов на доходах от треб. Такие ходатайства поступили, например, из пос. Димитрова г. Красноармейска, с. Банное и с. Рай-Александровка Славянского района, из г. Снежное, г. Константиновка и проч. Но подобная практика была скорее исключением. В большинстве своем взаимоотношения священнослужителей с уже вновь избранными исполнительными приходскими органами оказывались более чем сложными.

В соответствии с новым Положением по руководству «религиозными объединениями» в 25 приходах Донецкой области прошли перевыборы исполнительных органов. После этого в приходских советах были оставлены

только угодные уполномоченному люди. Власть этих «активистов» на приходах была почти безграничной. Дело доходило до того, что в некоторых приходах исполнительные органы самостоятельно «рассчитывали» «ненавистных для них служителей культа», якобы нарушавших советское законодательство. Например, священника Иакова Беспалова из пос. Новоселовка г. Жданова церковный совет общины отстранил от службы за то, что он, по уверению членов совета, исполнял требы за плату. Вопрос о том, брал ли священник деньги за требы, оставался открытым. При этом в Донецкой области брать деньги за совершение треб священников чаще всего вынуждала деятельность самих церковных советов. Нередки были случаи, когда исполнительный орган, отвечавший за выплату зарплаты священнослужителям, не выделял священнику денег даже для личных нужд. Но противиться такому положению дел было невозможно: любые жалобы со стороны священнослужителей были чреваты для них негативными последствиями. Например, когда священник Иоанн Шейко из пос. Байрак г. Горловки с амвона рассказал прихожанам о своем бедственном положении, его сразу же отстранили от службы[1082].

Любые попытки священнослужителей повлиять на ведение дел в собственном приходе расценивались как «грубое вмешательство в административно-финансовые функции исполнительных органов» и тоже влекли за собой отстранение от службы. Например, в 1963 г. это случилось со священником Иоанном Харламовым из г. Краматорска, священником Василием Голубовским из г. Чистяково, священником Серафимом Сулимой из г. Дружковки – всех этих священнослужителей лишили возможности служить церковные советы их собственных приходов[1083].

Духовенство всячески противилось устанавливавшемуся порядку вещей. Священнослужители пытались объяснить уполномоченному, что исполнительные органы обращаются с ними, «как с наемными лицами, а не наставниками», не приглашают на заседания и при этом занимаются хищением церковных денег,

[1082] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089. Л. 6–7.
[1083] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 133. Л. 49.

самовольно снижают суммы епархиальных взносов и т. п. Но в таких случаях уполномоченный неизменно ссылался на решение Синода от 18 апреля 1961 г. и «разъяснял» священникам правомерность действий исполнительных органов[1084].

В своих приходах священнослужители становились своего рода «персонами нон грата». Даже дружеские отношения с ними могли стать поводом для отстранения самих членов церковного совета или ревизионной комиссии. Например, подобное случилось в г. Енакиево, где решением собрания членов двадцатки местного молитвенного дома были отстранены церковный совет и ревизионная комиссия за «якшание с благочинным» – священником Иоанном Бетьковым. Самого отца Иоанна уполномоченный снял с регистрации и отправил за штат.

В оправдание складывавшейся ситуации государственные власти всячески подчеркивали, что в церковные исполнительные органы региона якобы входят исключительно честные и достойные граждане, которые не в состоянии сделать ничего противозаконного. Так, в документах уполномоченного отмечалось, что в 105 приходах Донецкой области в церковных советах и ревизионных комиссиях были задействованы 600 человек (395 мужчин и 175 женщин), из которых 200 были рабочими, 250 – пенсионерами и 150 – домохозяйками. 39 членов комиссии были в свое время награждены орденами и медалями. Так, церковный староста пос. Ларинка г. Донецка Василий Прудников, в прошлом сталевар, и член двадцатки молитвенного дома г. Краматорска Семен Филиппов были кавалерами ордена Трудового Красного Знамени; член двадцатки с. Старо-Михайловки Марьинского района Кокошинский – кавалером ордена Ленина; член ревизионной комиссии молитвенного дома г. Комсомольска Старобешевского района Арсентий Балацкий был награжден медалью «За Победу над Германией» и т. д.

Вместе с тем, уполномоченного крайне тревожило то, что в некоторых церковных исполнительных органах были задействованы «религиозно сознательные пенсионеры». Их численность оценивали в 41,1% от общего количества церковных «активистов». В этой связи уполномоченный всячески

[1084] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089. Л. 5.

стремился отвлечь таких людей от глубокой церковной жизни[1085].

Маленькими окладами, полной зависимостью от приходских советов и разжиганием конфликтов советское государство рассчитывало постепенно «выдавить» духовенство с приходов, чтобы сократить их количество. Но расчет властей не оправдался: массового «исхода» священнослужителей не произошло. Для тех же, кто все-таки поддался давлению, «уход» оказался очень болезненным. Как пример можно привести эпизод с переходом на гражданскую службу священника молитвенного дома г. Краматорска Валерия Ямбургского. Уполномоченный всячески подчеркивал, что выпускник духовной семинарии священник Валерий Ямбургский ушел на гражданскую работу со словами: «Я спокоен за будущее своих детей» (хотя в отчете уполномоченного были приведены и другие слова священника: «...Душой буду болеть, ведь я из семьи священника и совсем порывать с религией мне не так легко»). Было очевидно, что для священника это был тяжелый шаг. Между тем, его поступок приводился как показательный для других священнослужителей области. Властями всячески подчеркивалось радушие, с которым якобы приняли священнослужителя за оградой храма. Об определении клирика на работу хлопотал городской исполнительный комитет Краматорска: отказавшегося от служения священника поставили на должность часового мастера, а его жену направили на работу в бытовой комбинат, семье бывшего священника дали коммунальную квартиру. В конце 1962 г. Ямбургский выступил с «небольшой корреспонденцией» в городской газете, в которой разоблачал «религиозный дурман».

Но даже в таких условиях тотального гнета и ужесточения зависимости Русской Православной Церкви от государства митрополит Борис (Вик) рекомендовал священнослужителям как можно чаще служить в храмах и продолжал рукополагать и продвигать молодых священнослужителей. Вместе с тем сам архиерей оставался слишком зависимым от уполномоченного Г. Е. Гомли, без разрешения которого, например, не мог даже отслужить службу в Свято-Николаевском молитвенном доме (г. Донецк, пос. Ларинка). Но, тем не менее,

[1085] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089. Л. 5.

когда архиерейские службы совершались, они бывали очень торжественны и многолюдны, что уже не зависело от уполномоченного. Например, в воскресенье 19 мая 1963 г. на литургию в церковь пос. Ларинка г. Донецка митрополит Борис (Вик) прибыл с восемью иподиаконами – семинаристами Одесской духовной семинарии, а за службой возвел восьмерых священников в сан протоиерея, троих наградил крестом с украшениями, еще троих – палицей. В докладе уполномоченного об этой службе явно проскальзывали нотки раздражения: подобные службы вызывали большой энтузиазм у верующих и, с точки зрения властей, не могли быть поощряемы[1086].

Но митрополит Борис, несмотря на очевидное недовольство властей, стремился к тому, чтобы службы во вверенной ему епархии совершались регулярно, собирая как можно больше верующих. В первую очередь это касалось городских храмов и молитвенных домов. В отчетах уполномоченного все церкви и молитвенные дома городов и городских районов проходили как относившиеся к определенным советам. К примеру, к 26 февраля 1963 г. на территории Донецкого промышленного областного исполкома по Донецкому городскому совету числилось 7 церквей и молитвенных домов. В каждом из них службы служились регулярно и с максимально возможным количеством священнослужителей. Так, в молитвенном доме пос. Ларинка (здесь служили 5 священнослужителей) службы проходили ежедневно, в церкви пос. Калиновка (4 священнослужителя) – 2-3 раза в неделю, в молитвенном доме пос. Рутченково (3 священнослужителя) – 2-3 раза в неделю, в пос. Авдотьино – 1 раз в неделю, в г. Красногоровке – 1 раз в неделю. Сходное положение наблюдалось и в других городах области. Например, по Горловскому городскому совету: в храме г. Горловка (здесь служили 4 священнослужителя) службы проходили ежедневно, в молитвенном доме главной станции Горловки Никитовке (3 священнослужителя) – 2-3 раза в неделю, в молитвенном доме г. Комсомольска (2 священнослужителя) – 2-3 раза в неделю, в церкви пос. Калининский – 1 раз в неделю. По Артемовскому (ныне Бахмутскому) городскому совету в г. Артемовске (Бахмуте) числилось 2 церкви, в которых

[1086] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 133. Л. 50.

служили 5 священнослужителей, службы в храмах г. Артемовска совершали 2-3 раза в неделю; в молитвенном доме г. Часов-Яр (1 священнослужитель) – 2-3 раза в неделю; в молитвенном доме пос. Карла Либкнехта (1 священнослужитель) – 1-2 раза в неделю. По Дебальцевскому городскому совету: в молитвенном доме г. Дебальцево (2 священнослужителя) служили 2-3 раза в неделю. Аналогично обстояли дела и в других храмах епархии. Так, в молитвенном доме г. Константиновки, где служили 4 священнослужителя, богослужения проходили ежедневно. В церкви Красного Лимана (3 священнослужителя) служили 2-3 раза в неделю, в церкви г. Дзержинска (сейчас Торецка) (2 священнослужителя) – 3 раза в неделю, в церкви г. Артемово (2 священнослужителя) – 3 раза в неделю, в молитвенном доме пос. Щербиновка (1 священнослужитель) – 1 раз в неделю. По Дружковскому городскому совету: в церкви г. Дружковки (2 священнослужителя) служили 2 раза в неделю, в пос. Райское (1 священнослужитель) – 1 раз в неделю, в молитвенном доме пос. Алексеево-Дружковка (1 священнослужитель) – 1 раз в неделю[1087].

Особенное внимание митрополит Борис (Вик) уделял проповедям священников. В соответствии с установленными государством правилами все проповеди в регионе произносились только на Евангельские темы, но всегда с чувством и эмоционально, и это привлекало и располагало людей, что признавал уполномоченный. Именно он следил за тем, чтобы священники епархии не отклонялись от дозволенных тем. В числе «провинившихся» и «отклонившихся» у него проходили, например, священник Иоанн Луканов из г. Курахова, призывавший прихожан молиться, чтобы их город не стал современным аналогом Содома и Гоморры, а также священник Григорий Лебедев из г. Ханжонково, высказывавшийся в проповеди относительно необходимости крещения. Понятно, что такие «отступления от евангельской темы» всячески пресекались уполномоченным, но, тем не менее, за ними уже не следовало снятие с регистрации.

[1087] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 496. Л.46–47.

К 1963 г. в Донецкой области было 178 служащих священников[1088]. Их большинство по-прежнему составляли люди старшего возраста. Понимая бедственность подобного положения вещей, правящий архиерей продолжал оказывать протекцию молодым священнослужителям. Результаты подобной тактики проявились только спустя десятилетие. А до тех пор митрополит Борис (Вик) убеждал уполномоченного по Донецкой области Г. Е. Гомлю, что «молодым следует больше доверять, они лучше понимают дух времени».

С самим уполномоченным митрополит Борис тоже общался «в духе времени». Его беседа с Г. Е. Гомлей могла закончиться, например, вполне патриотичными словами: «...Борьба за мир... может трезво влиять на горячие головы атомщиков» (подразумевалась включенность Русской Православной Церкви в борьбу за мир, которую активно поощряло советское руководство). Тем не менее, несмотря на подобные внешние проявления «современности» и лояльности правящего архиерея, уполномоченные сомневались в его благонадежности. Так, в одной из характеристик владыки Бориса (составленной уполномоченным по Одесской области) приводились такие крамольные, по мнению советского чиновника, слова епископа: «Я считаю, что придет время, закрытые церкви будем открывать»[1089]. Понятно, что такие высказывания не могли нравиться советским деятелям и внушали им определенные опасения относительно личности архиерея.

Между тем, «омоложение» рядов священнослужителей и торжественные службы были, пожалуй, единственными средствами, с помощью которых правящий архиерей мог в то время оказывать сопротивление установившейся государственной политике давления на Православную Церковь. Во всем остальном положение дел, чем далее, тем более становилось катастрофическим. В регионе стремительно падало количество крещаемых. Если в 1961 г. (согласно статистике, предоставляемой приходами) в Донецкой области было крещено 41,5% родившихся детей, то уже в 1962 г. – 38,3%. Уменьшение количества

[1088] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089. Л. 12─13.
[1089] ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 133. Л. 42–50.

крещаемых было обусловлено, прежде всего, тем, что клириков обязали регистрировать все случаи крещений в храмовых журналах. По этой причине многие люди, не желая предавать огласке факт своего участия в церковном таинстве, отказывались от крещения детей[1090].

В храмовых регистрационных журналах фиксировались не только имена и фамилии самих крещаемых, их родителей и восприемников от купели (если крестили детей), но также их адреса и место работы. К примеру, в храмовых журналах было зафиксировано, что в г. Зугрэсе Харцызского района[1091] крестилась электросварщица литейного завода А. С. Баранова, 1942 г. р.; в пос. шахты №39 крестили пионеров Владимира Кожевникова, 1952 г. р., и его брата Александра Кожевникова, 1948 г. р.[1092]; в г. Макеевке крестили детей сталевара А. Ф. Ященко, резчика А. И. Киселева, инженера С. Л. Ашихмана; в г. Донецке – продавца Л. М. Шматковской.

В качестве альтернативы крещению в Донецкой области пытались ввести гражданскую обрядность. Например, в загсы городов области (Донецк, Макеевка, Жданов, Краматорск, Константиновка, Шахтерск) приглашали «почетных родителей». В отдельных городах (например, в г. Краматорске) врачи родильного дома сообщали о рождении ребенка в организацию, в которой работали родители новорожденного, и сослуживцы родителей окружали младенца особой заботой. В Кировском районе г. Макеевки на общественных началах организовали Совет по осуществлению мероприятий в торжественной обстановке, который занимался регистрацией молодоженов и новорожденных. Этот район Макеевки стал показательным для всего Донецкого региона. Во Дворце культуры Кировского района обустроили отдельную комнату для новорожденных, где родителям детей вручали удостоверение «Нового гражданина СССР», а также выделили помещение для регистрации молодоженов. Во время регистрации и младенцев, и брачующихся включали классическую музыку: П. Чайковского, Дж. Верди, Д. Шостаковича. Там же, в здании Дворца культуры, был открыт буфет, в котором и

[1090] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089. Л. 7.
[1091] 15 декабря 1962 г.
[1092] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089. Л. 8.

молодые родители, и молодожены могли отпраздновать счастливое событие.

Еще одним показательным загсом стал открытый в г. Горловке «Дом бракосочетания», в котором проводилось до 1000 свадеб в год. Аналогичные условия стремились создать во всех Дворцах культуры и клубах Донецкой области: в Донецке, Жданове, Константиновке, Шахтерске и проч.[1093]. Работа по «преодолению религиозной обрядности» с каждым годом набирала обороты.

2 июня 1964 г. вышло Постановление ЦК, в котором излагался план «преодоления религиозного сознания масс». Это Постановление фактически стало сигналом к началу еще более радикального и тотального наступления на Русскую Православную Церковь. Тем не менее, этим планам не суждено было сбыться. 14 октября 1964 г. Н. С. Хрущев был отправлен в отставку, а новое правительство поспешило принять меры для снятия напряжения в церковно-государственных отношениях. В январе 1965 г. Президиум Верховного Совета СССР выпустил Постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих»[1094]. Началась эпоха Л. И. Брежнева, и отношения между Русской Православной Церковью и советским государством стали более ровными.

Таким образом, период правления Н. С. Хрущева характеризовался масштабным наступлением на Православную Церковь: в Донетчине массово закрывались храмы, уничтожались сестричества, повсеместно проводилась антирелигиозная агитация, православные верующие целенаправленно и систематически преследовались, священнослужители отстранялись от управления приходами. На фоне этих негативных тенденций в области появлялись немногочисленные вероотступники (ренегаты). Количество крещений сокращалось. Исходя из того, что это же было характерно для страны в целом, можно сказать, что развитие государственно-церковных отношений в Донецком регионе в этот период протекало в русле общесоветских тенденций.

[1093] ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089. Л. 9–11.

[1094] Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2006. С. 390.

3.3. Трансформация государственной политики в отношении Русской Православной Церкви в 1964–1988 гг.

Внешняя стабильность в государственно-церковных отношениях при непрекращающемся внутреннем давлении властей на Русскую Православную Церковь стала характерной чертой этого периода.

К этому времени здоровье архиерея Донецко-Ворошиловградской епархии значительно пошатнулось. Еще в июле 1962 г., в связи с ухудшением здоровья, митрополит Борис (Вик) был освобожден от должности Патриаршего экзарха Северной и Южной Америки. В начале 1965 г., после двух инфарктов, владыку определили на три месяца в госпиталь. После госпиталя архиерей продолжил лечение в Сочи. Но в Сочи перенес третий инфаркт и 16 апреля 1965 г. скончался. Деятельность митрополита Бориса (Вика) в Донецкой области была примером скрытого противления антицерковной политике государства и стремления во что бы то ни стало поддержать Православную Церковь[1095].

Следующим управляющим архиереем епархии стал митрополит Одесский и Херсонский Сергий (Петров) (1924–1990 гг.). Будущий владыка родился 5 октября 1924 г. в городе Краснодаре. В 1943 г. принял монашество и был рукоположен в иеродиакона, после чего служил вторым диаконом в кафедральном соборе г. Краснодара. Окончил Московскую духовную семинарию и Московскую духовную академию (со степенью кандидата богословия)[1096]. В сане иеромонаха преподавал в Саратовской духовной семинарии, был помощником инспектора и инспектором Одесской духовной семинарии. Затем (уже в сане архимандрита) был ректором Одесской духовной семинарии. 13 марта 1960 г. владыка Сергий был назначен епископом Белгород-Днестровский, викарием Одесской епархии. Был епископом Воронежским и Липецким, затем временно управлял Ростовской и

[1095] Авдюгин Александр, протоиерей. Жизнеописание митрополита Бориса (Вик). Луганск, 2010. С. 60–61.
[1096] С 1969 г. – магистр богословия.

Новочеркасской епархией, после чего был назначен архиепископом Минским и Белорусским. 25 мая 1965 г. владыка Сергий стал архиепископом Херсонским и Одесским, управляющим Ворошиловградской епархией. Управлял епархией до 4 февраля 1990 г.[1097].

Несмотря на то, что государственно-церковные отношения в Донецком регионе развивались вполне в русле ситуации, характерной для всего СССР, в Донецкой области имелись и свои региональные (характерные именно для промышленного района) особенности.

В области по-прежнему продолжали сокращать количество храмов. Эта тенденция сохранялась фактически до периода «Перестройки». Но темпы сокращений, конечно же, уже отличались от тех, что были характерны для периода правления Н. С. Хрущева. Фактов какого бы то ни было препятствования этому архиерея в документах обнаружено не было. Вероятно, это было связано с полной зависимостью владыки от государственной власти и невозможностью ей противостоять. К началу правления Л. И. Брежнева, в 1964 г., в Донецкой области было 94 храма и молитвенных дома. Это количество продержалось в течение трех лет. А затем, начиная с 1967 г., в регионе начали снимать с регистрации по одной церкви в два-три года. В 1968–1970 гг. в области насчитывалось 93 церкви и молитвенных дома[1098], в 1972–1973 гг. – 92[1099], в 1974 г. – 91[1100], в 1977[1101] – 90 и т. д. Таким образом, к началу «Перестройки» в Донецкой области оставалось только 86 приходов[1102]. Основную часть их прихожан (80-85%) составляли женщины[1103].

В итоге в Донецке, насчитывающем около миллиона жителей, в 1985 г. было пять православных храмов и молитвенных домов, то есть по одному в каждом районе города: Ленинском, Кировском, Калининском, Пролетарском и Петровском[1104]. При этом в Донецкой области были целые районы, в которых

[1097] Памяти митрополита Сергия (Петрова). Режим доступа: http://spetrov.holyres.org/03.htm (дата обращения: 21. 08 15 г.).
[1098] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 227. Л. 2–4.
[1099] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 285. Л. 3.
[1100] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 332. Л. 7.
[1101] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 368. Л. 9.
[1102] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 536. Л. 56.
[1103] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 286. Л. 83.
[1104] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 540. Л. 20.

вообще не было храмов. Например, не было храмов в Первомайском районе города-спутника Донецка – Макеевки, о чем 19 января 1985 г. доложил уполномоченному Г. Е. Гомле исполнительный комитет Первомайского районного Совета народных депутатов города[1105].

Подобное положение вещей уполномоченный объяснял якобы начавшимся еще в 1950 г. добровольным снижением активности православных общин[1106]. Но в действительности единственной причиной снижения количества храмов и молитвенных домов в регионе стала официальная государственная политика, менее агрессивная, чем в период правления Н. С. Хрущева, но в то же время сохранившая свою антицерковную направленность. В созданных государством неблагоприятных условиях православные приходы Донетчины все так же нищали и закрывались; священнослужителей обычно сокращали вместе с приходами. При этом верующих все так же контролировали, поэтому многие боялись открыто посещать храмы и крестить детей.

В отчетах уполномоченного Г. Е. Гомли бедность и малочисленность прихода и аварийное состояние храма указывались в качестве основных причин снятия с регистрации храмов и молитвенных домов. Например, по этой причине в октябре 1970 г. была снята с регистрации Дмитриевская церковь в с. Золотой Колодец Добропольского района. Приход был крайне бедным, вследствие чего, начиная с 1960 г., здесь часто менялись священники. С 1965 г. священнослужители перестали приезжать в Золотой Колодец. После чего двадцатка прихода самоликвидировалась, церковное здание пришло в негодность, а прихожане начали ходить в храм соседнего села Святогоровка. Исходя из чего в 1968 г. Добропольский исполнительный комитет предложил снять общину с регистрации. В июле 1970 г. имущество передали в церковь с. Святогоровка, и Донецкий областной исполнительный комитет подал ходатайство о снятии общины с регистрации[1107].

Характерно, что уполномоченный Г. Е. Гомля сам добивался от правящего

[1105] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 540. Л. 131.
[1106] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 231. Л. 51.
[1107] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 184. Л. 80.

архиерея, чтобы в беднеющие общины священнослужители не назначались. Причем им нельзя было служить ни постоянно, ни временно. Кроме того, благочинным не разрешалось выдавать обедневшим храмам свечи и прочее[1108]. Все это делалось для того, чтобы вынудить прихожан перейти в близлежащий храм, а общину – «самоликвидироваться».

От храмов, находившихся в аварийном состоянии, тоже пытались максимально быстро избавиться. Достаточно типичной была ситуация с церковью Святителя Николая в г. Снежное. В 1965 г. власти нашли «горногеологические изменения» в храме[1109]. После чего управлением шахты 10-бис треста «Снежнянантрацит» был расторгнут договор с общиной[1110]. Церковное здание долгое время не ремонтировалось, на его стенах появились трещины, после чего, в 1966 г., Николаевскую общину объединили с общиной в пос. Ремовка этого же района. В храм пос. Ремовки перевезли церковную утварь храма Святителя Николая, а Николаевскую общину, как добровольно объединившуюся с общиной пос. Ремовка, в 1968 г. сняли с регистрации»[1111].

Как правило давшие, трещины (или имевшие любые другие признаки «аварийного» состояния) храмы сносили. Причем действовали везде по одной схеме. Например, Успенскую церковь в с. Федоровка Великоновоселовского района долгое время не ремонтировали (на ремонт все так же налагался запрет). После чего Великоновоселковский районный Совет народных депутатов закономерно предложил снять пришедший в негодность храм с регистрации. Храм снесли, а оставшиеся после него кирпичи и проч. рекомендовали использовать для хозяйственных нужд[1112].

Так как храмы нищали и разрушались в Донецком регионе повсеместно, все они потенциально были обречены на уничтожение. Попытки провести ремонтные работы в приходящем в негодность церковном здании резко пресекались. Полной неожиданностью для властей стала деятельность отца Савватия (будущего

[1108] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.
[1109] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 85. Л. 100.
[1110] Община образовалась в 1942 г.; в 1944 г. она была зарегистрирована облисполкомом и арендовала здание у дирекции шахты.
[1111] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 85. Л. 101–106.
[1112] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 374. Л. 49.

схиархимандрита Зосимы (Сокура)), который на вверенном ему приходе в с. Старомихайловка Марьинского района провел паровое отопление, построил сторожку и сделал ремонт. Узнав об этом, уполномоченный решил, что теперь Старомихайловка станет своего рода «нелегальным монастырем» и «пристанищем» для верующих. Он направил Марьинскому исполнительному комитету предложение разобраться в ситуации и взять ее под строгий контроль с гарантией того, что впредь здесь ремонтов не будет[1113].

Как следствие, священнослужители опасались ремонтировать даже очевидно разрушающиеся церковные здания, причем даже в том случае, если средства на ремонт у общины имелись. В отчетах уполномоченный писал, что «самовольно отремонтированных» храмов в регионе не было[1114]. А храмы продолжали разрушаться. Учитывая, что под храмы и молитвенные дома в Донецкой области использовали в основном «нетиповые помещения», которые без ремонта постепенно приходили «в технически неудовлетворительное состояние», храмы и молитвенные дома по-прежнему сносили. С 1950 г. по 1980 г. в Донецкой области снесли 69 храмов.

Храмы и молитвенные дома, которые были сняты с регистрации, но не снесены, использовались для «народно-хозяйственных» и «культурно-просветительных» целей. В отчетах уполномоченного проходило 38 снятых с регистрации и используемых в народном хозяйстве церковных зданий. Среди них были указаны: храм в г. Артемовске, переоборудованный под склад; храм в г. Донецке, использовавшийся под библиотеку и мастерские кинопроката; церковь в г. Дружковка, переоборудованная под музей; храм в г. Дзержинске, в котором устроили склад, и др. Такие храмы называли «освоенными» зданиями, из них пять (в г. Дружковка и в населенных пунктах Краснолиманского, Первомайского, Марьинского и Шахтерского районов) были типовыми православными храмами, а 33 – зданиями, ранее приспособленными под храмы.

Долгое время оставалась «неосвоенной» церковь в с. Васильевка

[1113] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 268. Л. 51.
[1114] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 231. Л. 51.

Амвросиевского района. Этот храм был построен в конце XIX – начале XX в. и имел определенную архитектурную ценность. Поэтому исполком Донецкого областного совета народных депутатов принял решение взять храм на учет как памятник архитектурно-строительного искусства местного значения. Исполкому Амвросиевского районного совета народных депутатов и областному отделу по делам строительства и архитектуры было дано поручение определить необходимый объем ремонтно-реставрационных работ и подготовить сметно-техническую документацию[1115]. Таким образом, храм в с. Васильевке был сохранен, а в начале 2000-х гг. трудами схиархимандрита Зосимы (Сокура), который основал в этом селе два монастыря, церковь восстановили.

Власти очевидно стремились к повсеместному закрытию или «освоению» церквей, и это не могло не вызывать возмущение прихожан. Поток жалоб в различные государственные инстанции не иссякал, но получали жалобщики всегда один и тот же, стандартный, ответ-объяснение о «необоснованности» их «претензий». Вполне типичной была ситуация с жительницей с. Грабово Шахтерского района Стефанидой Григорьевной Лемба. Когда в сентябре 1969 г. Стефанида Григорьевна написала в Министерство внутренних дел УССР письмо с просьбой вновь открыть закрытую в с. Грабово церковь, письмо женщины действительно рассмотрели. И пришли к выводу, что церковь сняли в 1961 г. с регистрации по просьбе самих верующих села, а здание переоборудовали под сельский клуб, но в Шахтерском районе уже есть две православные церкви, где можно «удовлетворять свои духовные потребности». Детальное разъяснение ситуации С. Г. Лемба получила в исполкоме г. Шахтерска и в аппарате уполномоченного.

Открыто ущемляя права верующих, в своих письмах-отписках власти всячески подчеркивали, что в стране никому не запрещено «удовлетворять свои духовные потребности». Хотя для «удовлетворения потребностей» пожилым людям приходилось пешком ходить в соседние населенные пункты.

Осенью 1969 г. Рашевская и Кокташ написали заявление, в котором просили

[1115] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 475. Л. 41–43.

возобновить церковные службы в изъятом храме в пос. Талаковка (в г. Жданов (Мариуполь)). Ответом на заявление стал совет ходить в церковь, находившуюся в трех километрах от пос. Талаковка. Женщинам «пояснили», что церковное здание в Талаковке находится в аварийном состоянии и в связи со строительством школы его целесообразно снести[1116].

Таким образом, к началу 1970-х гг. храмы в Донецкой области были либо снесены, либо оттеснены на окраины населенных пунктов[1117]. Из городов, сел и поселков области уполномоченному приходили отчеты о том, что в населенных пунктах области церквей не было. Так, по состоянию на 9 июля 1970 г. не было православных храмов в г. Константиновке[1118], на январь 1971 г. была зарегистрирована только одна православная церковь в г. Харцызске[1119] и т. д. В течение 1972 г. были перемещены из центра на окраины церкви в промышленном городе Енакиево и в селе Димитровке (Шахтерский район)[1120]. А в отчетах уполномоченного все чаще проходила фраза: «религиозных объединений на территории нет»[1121]. Уполномоченный использовал любую неблагоприятную для храма или молитвенного дома ситуацию, рассматривая ее как «благовидный предлог» для закрытия. В церквях сел Ольгинка Волновахского района, Кодемо Артемовского района, Степановка Шахтерского района, пос. Приморского г. Жданова (Мариуполя) не было постоянных священников, и службы проходили только по праздникам. Когда в июне 1976 г. об этом узнал уполномоченный, отсутствие постоянных священников было расценено им как «благоприятная обстановка для закрытия… церквей и использования помещений под общественно-полезные нужды». Уполномоченный понимал, что закрытие сразу нескольких храмов может вызвать протестные выступления жителей, и поручил местным партийным органам и общественности организовать «работу по перевоспитанию оставшихся верующих, пытающихся поддержать церковь»[1122].

[1116] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 148. Л. 7–13.
[1117] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 275. Л. 2.
[1118] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 268. Л. 24.
[1119] ГАДО. Ф. Р.-2794. Оп. 1. Д. 2518. Л. 6.
[1120] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 275. Л. 2.
[1121] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 285. Л. 44.
[1122] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 364. Л. 13.

Можно предположить, что к середине 1970-х гг. задача по сокращению количества храмов в Донецкой области была в целом выполнена. Об этом может свидетельствовать не только то, что в дальнейшем количество храмов в регионе сокращалось незначительно, но и то, что первым пунктом в планах уполномоченного этого периода значилась уже не уменьшение количества приходов, а борьба с «религиозной обрядностью»[1123]. Последнее выражалось в повсеместном сокращении в Донецкой области числа крещаемых, количества посетивших храмы, причащавшихся и т. д.

В этот период антирелигиозная работа проводилась преимущественно под предлогом соблюдения законодательства о религиозных культах, при помощи заявленных еще при Н. С. Хрущеве контролирующих комиссий. Деятельность контролирующих комиссий по соблюдению законодательства о религиозных культах достигла небывалых масштабов. В комиссии включили представителей советских, партийных и общественных организаций. В общей сложности в комиссии входило больше десяти-пятнадцати человек[1124]. Руководил работой комиссий сам уполномоченный. Именно он рассылал секретарям городских и районных исполкомов планы, в соответствии с которыми и работали все комиссии. Планы были стандартны. Всем комиссиям рекомендовалось изучать:

– «религиозную обрядность» (крещения); особенно интересовали уполномоченного ситуации, когда родители крещаемого ребенка были представителями интеллигенции; уполномоченный требовал, чтобы фамилии этих родителей и место работы обязательно фиксировались и передавались ему;

– «факты нарушения законодательства о религии» не только священниками, но и «членами исполнительных органов» и «должностными лицами» общин; а также меры, которые принимались по каждому случаю нарушения;

– «приспособленчество» священнослужителей «к современным условиям в атеистической работе партийных советских органов» и проч.;

– содержание проповедей с примерами «характерных высказываний»,

[1123] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 362. Л. 97.
[1124] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 272. Л. 21.

факты «искажения» действительности и призывы к нарушению законодательства о культах;

– «формы и методы воздействия» священнослужителей на детей и молодежь;

– работу с верующими «по привитию им гражданственности, советского образа жизни, патриотизма»; в этом пункте обязательно должно было указываться количество бесед и прослушавших их верующих[1125].

Разночтения, которые имели подобные планы, были очень незначительны. Например, план комиссии одного из районов Донецка делал акцент на рекомендации: «изучить причины совершения обряда крещения детей жителями района» и т. д.[1126]. А в г. Дзержинске (современный Торецк) исполком городского совета решил больше уделить внимания «законности» «управленческой и финансово-хозяйственной деятельности религиозных объединений» и обеспечению «общественного правопорядка» на Пасху и Рождество[1127].

Каждый член комиссии контролировал работу по атеистической пропаганде на закрепленном именно за ним предприятии или организации. На каждом предприятии работала лекторская группа, руководимая представителем общества «Знание». Члены группы проводили лекции, беседы «о вреде религии», о законодательстве о религиозных культах и т. д.[1128].

Между комиссиями (как городскими, так и районными) проходил обмен «опытом работы». К примеру, в г. Дзержинске (Торецке) сформировалась «образцовая система изучения проповеднической деятельности». Аналогично стремились построить работу с проповедями и в других городах и поселках области. Кроме того, в регионе систематически проводили обучающие семинары для «повышения квалификации» членов таких комиссий. Так как работа с проповедями считалась, по всей видимости, особенно важной (именно в процессе произнесения проповеди священнослужитель имел официальное право общаться с верующими), то многие семинары были посвящены как раз разбору проповедям.

[1125] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 286. Л. 12.
[1126] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 357. Л. 10.
[1127] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 540. Л. 13.
[1128] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 272. Л. 21–22.

Членов комиссии учили «отбирать самое главное, понимать смысл и глубину проповеди»[1129]. Кроме того, для председателей комиссий проводились дополнительные однодневные семинары[1130], в ходе которых проводилось разъяснение статей Конституции СССР, законодательства о культах[1131] и т. д.

Благотворительность, паломничества, панихиды на кладбищах в дни поминовения усопших, прислуживание детей в церкви, перевод священников из соседних областей, пристраивание престолов и т. д. – все это определялось властями как «грубое нарушение» законодательства о культах и всячески пресекалось[1132].

Что касается особенно важного для таких комиссий показателя – сокращения количества крещаемых детей, – оно действительно имело место. Но было обусловлено (как и в 1960-х гг.) не падением «религиозности» населения, а тем, что на приходах велись книги регистрации крещений и венчаний, а при крещении ребенка зачастую присутствовали члены исполкомов, которых заранее оповещали о грядущем таинстве[1133]. При этом ужесточалось и ведение книги регистрации. Здесь уже отмечались не только фамилия-имя-отчество ребенка и дата рождения, но и номер свидетельства о рождении, данные выдавшего документ загса и фамилия-имя-отчество и адреса родителей и крестных (восприемников). Причем все эти данные обязательно удостоверялись личной подписью родителей и крестных[1134].

Детей нельзя было крестить в отсутствие кого-либо из родителей, а за тем, чтобы в журналы регистрации не заносились искаженные номера свидетельств о рождении, следили сами члены комиссий[1135]. После совершения крещения уведомление о совершенном таинстве посылалось по месту работы родителей[1136]. А за этим уже зачастую следовали не только «проработатка» на партийном или профсоюзном собрании, но и снятие с работы. К примеру, в 1974 г. за крещение

[1129] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 540. Л. 12.
[1130] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 272. Л. 22.
[1131] Там же. Л. 52.
[1132] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 6.
[1133] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 362. Л. 97.
[1134] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 312. Л. 88.
[1135] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 354. Л. 85.
[1136] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 362. Л. 35.

своего ребенка была освобождена от занимаемой должности заведующая детским садом-яслями В. К. Усова[1137]. Родители крещаемых детей были настолько напуганы размахом развернувшейся кампании, что зачастую уверяли комиссии в том, что не присутствовали при крещении своих детей, что крещение якобы совершалось без их ведома. Но в таком случае с работы снимали регистратора в храме. К примеру, после того, как медицинские работники Л. А. Шиш и Г. В. Гузенко сообщили, что не знали о крещении своих детей, регистратор в храме подал заявление об уходе с работы[1138].

Яркой иллюстрацией наметившейся тенденции стала история с крещением четырехлетнего сына режиссера Ждановского (Мариупольского) драматического театра. По всей видимости, режиссер не хотел, чтобы крещение его сына стало достоянием общественности, поэтому таинство было совершено в квартире родственницы одного из артистов Ждановского театра – Леонида Луцкого. Несмотря на это, среди присутствовавших в квартире нашелся человек, который сообщил властям, что артист Луцкий и его жена Адамова поддерживают дружеские отношения со священником Анатолием Чернышевым. Как доказательство этого в доносе сообщалось, что после крещения Луцкий и Адамова обедали со священником в кафе «Скиф» и ужинали в квартире Луцкого, где священнослужитель остался ночевать. Относительно происшедшего властями были взяты «объяснения» у родителей ребенка и у священника, а «материалы» по «инциденту» были переданы партийным органам[1139].

Соответственно, все крещения детей-школьников обязательно обсуждались в педагогических коллективах школ, на районной учительской конференции, в отделах пропаганды райкомов компартии Украины и в иных инстанциях[1140]. Причем «реагировали» на крещение максимально быстро. Когда стало известно, что была крещена учащаяся 2-го класса СШ №6 г. Дебальцево С. Потривайло, об этом сразу же сообщили директору школы и заведующей отделом народного образования. После чего организатор внеклассной и внештатной работы средней

[1137] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 362. Л. 45.
[1138] Там же. Л. 37.
[1139] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 364. Л. 8.
[1140] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 2. Д. 308. Л. 1.

школы №6 Н. И. Комобаева «провела беседу» с матерью девочки «о вреде… обряда»[1141].

Тем не менее, несмотря на проделываемую властями работу, в регионе были города и целые районы, в которых крещаемых было значительно больше, чем в среднем по области. Так, в середине 1970-х гг. в Донецкой области в среднем крестили 34% родившихся младенцев. А например, в г. Шахтерске – 91%, в г. Константиновке – 56%, в г. Дружковке – 53%, в г. Снежное – 50%, в Волновахском районе – 73%, в Великоновоселковском – 79%, в Артемовском – 57%, в Володарском – 58%. Такие показатели пытались объяснить тем, что здесь не уделяется должного внимания «вопросу снижения религиозной обрядности» и «атеистического воспитания». Как следствие, в указанных городах и районах (а они выносились органами власти в отдельные списки) планировалось усилить атеистическую работу.

Аналогичная ситуация складывалась в Донецкой области и с отпеваниями. Если в среднем по региону отпевали 16% от общего количества умерших, то в г. Дружковке – 49%, в г. Снежное – 37%, в г. Славянске – 30%, в Добропольском районе – 45%, в Великоновоселковском – 32%. Вполне возможно, это было связано с тем, что здесь преобладало сельское население, которое изначально было более религиозным, чем городское. Как средство борьбы с отпеваниями в указанных городах и районах рекомендовались дополнительные семинары и усиление контроля «участия» жителей «в религиозной обрядности»[1142].

Как уже указывалось, в качестве «альтернативы» церковным таинствам населению Донецкой области предлагались «новые советские обряды». В жизнь людей в этот период активно внедрялись: торжественная регистрация брака, призванная «заменить» венчание; регистрация новорожденных, призванная «заменить» крещение (с вручением медали с названием города, например, с надписью «Родился в городе Дзержинске»); вручение медали к свадебному юбилею (например, медали «Золотая свадьба») и т. д.[1143].

[1141] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 333. Л. 44.
[1142] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 272. Л. 84.
[1143] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 2. Д. 308. Л. 42.

Внедрение социалистических праздников и «преодоление религиозной обрядности» ставилось на повестку дня всех исполнительных комитетов региона[1144]. Как проходила такая работа, можно проследить на примере Кировского районного совета города Донецка. Здесь также активно решался вопрос «О мерах по организации и внедрению в быт трудящихся новых гражданских праздников и обрядов культучреждениями района». А для внедрения новых праздников и обрядов во Дворце культуры шахты им. Абакумова в Кировском районе были проведены: «Праздник русской зимы» (как альтернатива Рождеству), шесть вечеров торжественной регистрации новорожденных (как альтернатива крещению), вечер «За что я люблю свою профессию», вечер отдыха передовых участков, вечер «Славься, шахтерское племя…» и т. д.

Но, по всей видимости, власти боялись не только «религиозных праздников» и крещения детей. Непрекращающиеся крещения лишь подтверждали, что, несмотря на проделываемую атеистическую работу, влияние Русской Православной Церкви на людей сохранялось. Особенно опасалось государство подобного влияния на молодежь. Как следствие, контролирующие комиссии уделяли особенное внимание пропагандистской работе с детьми и их родителями[1145]. Власти небезосновательно считали, что «воздействие» распространяется в основном на детей, подростков и молодежь из верующих семей. Если становилось известно, что дети (или молодые люди) из каких-то школ посещают церковь, во всех учебных заведениях области сразу же начинали «работу». Так, например, когда представители власти узнали, что ученики 48-й школы причащались в Свято-Николаевской церкви г. Донецка, они сразу же организовали в учебных заведениях региона активную «атеистическую работу»[1146]. Учителей школ обязали тщательно следить за тем, чтобы их ученики не ходили в храмы, особенно на Рождество и на Пасху[1147].

Малейшее «вовлечение» детей и подростков в «церковную деятельность» влекло за собой суровое наказание, причем даже в тех случаях, когда

[1144] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 334. Л. 7.
[1145] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 272. Л. 21, 24, 26.
[1146] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 373. Л. 124.
[1147] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 333. Л. 44.

несовершеннолетние были детьми служивших в храме священнослужителей. К примеру, в 1975 г. священник Кривошеев из церкви Кировского района г. Донецка был вызван на заседание комиссии по культам, строго предупрежден и оштрафован на 20 рублей за то, что на службе ему прислуживал его семилетний сын[1148]. Так же «предупредили» и старосту Николаевской церкви г. Енакиево – за то, что его тринадцатилетний сын Павел Игнатов прислуживал священнику в алтаре храма[1149].

Работа по «выявлению» детей в храмах развернулась серьезная. Проверяли не только алтари, но и церковные хоры, хотя всем было известно, что в храмах Донецкой области пели в основном либо пенсионеры, либо люди предпенсионного возраста. Параллельно «об участниках хора допенсионного возраста» сообщали по месту их работы. Чтобы отвлечь «выявленных» певчих от пения в церкви, их записывали в разнообразные кружки самодеятельности[1150].

Детей из православных семей старались «охватить» системой атеистического воспитания. Для работы с ними использовались самые разные методы воздействия и привлекались все организации и учреждения, занимавшиеся «коммунистическим воспитанием». Предупреждая возможное влияние Православной Церкви, с детьми одновременно «работали» городские отделы образования, комсомольцы, родительские комитеты и т. д. Тщательно изучался и анализировался состав семей, проводилась внеклассная и внешкольная воспитательная работа, индивидуальная работа с детьми и их родителями. Детей из семей верующих ставили на учет и обязательно контролировали. А в школах, на уроках (особенно на уроках истории и обществоведения, физики, химии, биологии), постоянно проводилась мысль о том, что научные знания в обществе «добывались» «в условиях ожесточенной борьбы против религии и церкви». Параллельно в жизнь детей активно вводили «новые советские обряды»: детям торжественно вручали паспорта и проч. Практически все учащиеся принимали участие в кружках, клубах, лекториях, вечерах вопросов и ответов с атеистической

[1148] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 354. Л. 86.
[1149] Там же. Л. 54.
[1150] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 362. Л. 37.

направленностью, участвовали в общественной жизни[1151].

Не менее энергично проводилась атеистическая работа с молодыми людьми более старшего возраста. Если решались принять крещение молодые люди – члены ВЛКСМ или КПСС, их «проступок» обязательно обсуждался на заседаниях бюро городских комитетов коммунистической партии Украины, городских комитетов комсомола, а также в первичных, партийных и комсомольских организациях предприятий, на которых они трудились. Несмотря на колоссальную работу, уполномоченный по Донецкой области отмечал «активное участие молодежи в религиозной обрядности» в регионе. Это вынуждало его усиливать «коммунистическое воспитание» и «нейтрализацию» влияния верующих родственников. Православных юношей и девушек вовлекали в общественно-политическую, спортивную и культурную жизнь трудовых коллективов, в художественную самодеятельность и проч. Их загружали профсоюзными поручениями, старались материально и морально стимулировали их трудовую деятельность и техническое творчество[1152].

Но даже несмотря на это, итоги атеистической работы среди детей, подростков и молодежи региона были, по всей видимости, не теми, на которые рассчитывали уполномоченный и властные структуры[1153]. Причем сам уполномоченный Г. Е. Гомля не раз сетовал на то, что Донецкий областной отдел народного образования не в полной мере улучшал показатели индивидуальной работы с учениками из верующих семей и их родителями. Кроме того, как считал Г. Е. Гомля, в Донецкой области было не достаточное количество музеев, комнат и выставок с атеистической направленность, мало проводилось вечеров на атеистические темы, ощущалась нехватка передвижных атеистических клубов. Помимо этого, коллективы художественной самодеятельности не стремились включать в свой репертуар антирелигиозные и атеистические произведения. Все это в целом мешало, по мнению уполномоченного, продуктивной работе с

[1151] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 382. Л. 5–7.
[1152] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 333. Л. 14.
[1153] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 230. Л. 16.

молодыми людьми из православных семей[1154]. При этом агитаторы-атеисты все так же «работали» на всех производственных участках области, также на всех предприятиях и в каждом учреждении региона обустраивались уголки атеизма, библиотеки атеистической литературы[1155] и т. д.

Уполномоченного чрезвычайно тревожило желание молодых людей учиться в духовных семинариях. В отличие от предыдущих лет, сейчас уполномоченный не только вел учет потенциальных семинаристов, но и руководил атеистической работой с «оступившимися» (так теперь называли абитуриентов семинарий).

Александр Копытько из г. Енакиево был чтецом в церкви родного города. Юноша хотел пойти учиться в православную духовную семинарию. Узнав о желании юноши, уполномоченный направил письмо секретарю Енакиевского городского совета депутатов трудящихся с указанием «остановить Копытько и провести профилактические меры по отвлечению его от поступления в духовное заведение». О результатах проведенных мер горсовет обязан был сообщить лично уполномоченному. Примерно так же противодействовали поступлению в семинарию и жителю г. Снежное Станиславу Чеботареву. Как только Станислав подал заявление о поступлении в Московскую духовную семинарию, секретарю Снежнянского городского совета поступила рекомендация «под благовидным предлогом провести с ним профилактическую беседу на предмет чтобы он отказался от поступления на учебу в духовное заведение». О результатах проделанной работы все так же нужно было доложить уполномоченному[1156].

Противодействовали и поступлению в Ленинградскую духовную семинарию Ивана Сокура, в будущем – схиархимандрита Зосимы, основателя Свято-Успенского и Свято-Васильевского монастырей. Уполномоченный Г. Е. Гомля также рекомендовал Авдеевскому районному исполкому (Иван Сокур жил в Авдеевке) «собрать» на юношу «объективные данные и доложить партийным органам». Побудило уполномоченного к таким действиям из Ленинграда: «Довожу до Вашего сведения и для принятия необходимых мер, что в

[1154] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 230. Л. 20.
[1155] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 334. Л. 2–3.
[1156] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 228. Л. 20–21.

Ленинградскую духовную семинарию подал документы для поступления Сокур Иван Алексеевич, проживающий в Донецкой области, г. Авдеевка, ул. Пионерская, 18»[1157]. Таким образом, в работу по «противодействию» абитуриентам семинарий были вовлечены властные структуры всех населенных пунктов бывшего Советского Союза.

Нужно отметить, что подобный контроль был характерен и в дальнейшем. В 1973 г. подал заявление о приеме в Ленинградскую духовную семинарию стекловар завода «Прогресс» Виктор Чуб из г. Константиновки. Уполномоченный по Донецкой области Г. Е. Гомля тут же «отреагировал» на ситуацию: секретарю Константиновского городского совета было отправлено письмо с рекомендацией «принять меры, чтобы Чуб отказался от поступления в духовную семинарию». Позже о намерении Виктора Чуба получить семинарское образование доложили в горком партии[1158].

Ищущие, стремящиеся к знаниям верующие юноши и девушки всегда были предметом особого внимания со стороны государственной власти. Как следствие, проходившие в русле общей атеистической пропаганды мероприятия были направлены, в первую очередь, на активную, интересующуюся и думающую молодежь. Именно в расчете на них в регионе показывали фильмы, проводили вечера определенной направленности («Наука против суеверий», «Наука и религия», «Ложная мудрость мерцает и тлеет перед солнцем бессмертным ума, да здравствует солнце, да скроется тьма», «Как человек создал Бога» и т. д.). Читаемые в 1970-х гг. лекции призваны были убедить молодежь, что вера – это удел слабых, отсталых людей. Как следствие, наиболее распространенными темами лекций были: «Религия – наука слабых, сильным она ни к чему», «Женщина и религия», «Внутренний мир верующего и причина религиозности»[1159], «Как возникла вера в Бога», «Народные обычаи и религиозные праздники» и т. д.[1160].

Наряду с атеистической пропагандой в регионе огромное внимание

[1157] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 237. Л. 30–32.
[1158] ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 312. Л. 85.
[1159] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 272. Л. 26.
[1160] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 2. Д. 308. Л. 41.

уделялось патриотическому и политическому воспитанию. Подобное воспитание проводилось в соответствии с общими для всех населенных пунктов (и для всех категорий граждан) рекомендациями. Что касается православных верующих, с ними работали отдельно. С верующими проводились индивидуальные и групповые беседы. Беседовали, как правило, профессионалы – люди, которым, как отмечал уполномоченный, «в своей деятельности приходится соприкасаться с религиозной идеологией». После каждой беседы ведущий составлял для уполномоченного справку, в которой фиксировал участников беседы и вопросы, задаваемые ее участниками. Кроме того, в документе описывалась реакция верующих на подобную форму общения[1161].

Между тем, несмотря на огромную проделываемую работу, «религиозная обстановка» в регионе оставалась «сложной»[1162]. Чему свидетельством было, как считал уполномоченный, и стремление верующих жителей Донецкой области к общению с монашествующими. Уполномоченный считал, что именно монашествующие дореволюционного пострижения могут быть особенно опасны для выстраиваемой системы атеистической работы (в силу влияния на людей). Поэтому уже в середине 1960-х гг. он разрабатывал «меры к выявлению такого элемента» на приходах Донецкой области. Монашествующих предлагалось под любым предлогом удалять с приходов[1163] и привлекать к ответственности. О появившемся в с. Покровское иеромонахе Иоанне (Стрельцове) – в прошлом насельнике Святогорского монастыря[1164] – доложили самому Л. И. Брежневу. Отца Иоанна обвинили в том, что он создал при церкви «пристанище бродячему элементу», распространяя «религиозный фанатизм... и шарлатанство». Иеромонаха Иоанна привлекли к административной ответственности[1165].

Также, когда в с. Покровское Артемовского района появилась монахиня Анна, вокруг которой начали собираться другие монахини, власти пришли к выводу, что матушка «организовала... касту в виде монастыря». Вскоре были

[1161] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 286. Л. 23.
[1162] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 230. Л. 16.
[1163] ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 211. Л. 3.
[1164] Отец Иоанн (Стрельцов), бывший насельник Святогорского Свято-Успенского монастыря, причисленный к лику местночтимых святых.
[1165] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 228. Л. 32.

приняты меры к тому, чтобы удалить монахинь с прихода, а пристройки-кельи, в которых поселились матушки, разобрать[1166].

Причем власти «боролись» не только с монашествующими, но и с теми мирянами, которые с монашествующими общались или пытались оказать им посильную помощь. На таких людей составлялись «списки», а данные о них пересылались в исполнительные комитеты. Когда в мае 1967 г. А. Е. Паюцик из Донецка перевела на адрес Почаевской лавры 100 рублей, женщину обвинили в том, что она является «организатором собирания средств на церкви». С А. Е. Паюцик «разбирался» непосредственно секретарь исполнительного комитета Донецка[1167]. То есть «имеющих контакты» с монашествующими отслеживали как по месту их проживания, так и по месту расположения монастыря. Например, когда в марте 1969 г. жительница Донецкой области Е. Г. Вакапина отправила в Красногорский женский монастырь Черкасской области 35 рублей, уполномоченный по Донецкой области узнал об этом от уполномоченного по Черкасской области, который рекомендовал Гомле выявить «уровень религиозности, доходов и характер связи» Е. Г. Вакапиной с игуменьей Иларией из Красногорской обители[1168].

В дальнейшем «выявление» верующих, «контактировавших» с монастырями, не прекратилось. В «черные списки» уполномоченного попадали все, кто пытался оказать обителям даже минимальную помощь – будь то какие-то денежные средства или даже продукты. После денежного перевода или посылки власти сразу же применяли «меры, ограничивающие отправку переводов и посылки»[1169]. К примеру, жительница города Донецка Поскарь в 1972 г. отправила 20 рублей в Красногорский женский монастырь. А через год, летом 1973 г., уполномоченный, узнав об этом, рекомендовал исполнительному комитету Кировского района города Донецка выяснить, «из каких источников и не по заданию ли духовенства» оказывает помощь обители женщина[1170]. В дальнейшем

[1166] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 268. Л. 43.
[1167] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 228. Л. 9.
[1168] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 253. Л. 3.
[1169] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 374. Л. 7.
[1170] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 312. Л. 10.

в Красногорский монастырь отправила 25 рублей еще одна жительница Донецка – У. И. Копычинская. С женщинами были проведены «разъяснительные беседы». О реакции на беседу Поскарь ничего не известно, а Копычинская дала обещание больше не оказывать помощь монашествующим[1171]. Тем не менее, даже зная о возможном наказании, в том же 1975 году пять жительниц Мариуполя отправили посылки в Михайловский женский монастырь[1172], а, например, жительница поселка Очеретино не побоялась отправить в Почаевскую лавру 32 посылки. Уполномоченному пришел отчет о том, что общий вес посылок был – 207 кг 350 г. Кроме того, женщина отправила в Лавру перевод на 30 рублей[1173].

Конечно же, Почаевская лавра как оплот православия на Западной Украине была в сфере особенного внимания властей. На жителей региона, имевших «связи» с Почаевом, был составлен особый «Список граждан Донецкой области, выславших в 1973 г. в адрес Почаевской лавры денежные переводы и посылки». В него были включены жители крупнейших промышленных городов Донецкой области: Горловки, Моспино, Ясиноватой, Макеевки, Донецка, Краматорска, Димитрова, Тореза, Жданова, Харцызска, Енакиево и др. В целом в список вошли 89 человек. Ими было за год переведено в Почаевскую лавру 341 руб. и переслано 595,950 кг посылок[1174]. Между тем, следствием непрекращающегося давления на верующих стало то, что уже в 1976 г. этот «список» уполномоченного значительно уменьшился и составил уже 35 человек, но по-прежнему жителей промышленных центров, изначально считавшихся уполномоченным не религиозными: из Енакиево, Макеевки, Горловки, Константиновки, Авдеевки, Краматорска[1175].

Между тем, даже активно проводимая уполномоченным «работа» не помешала тому, чтобы врач участковой больницы Новоазовского района[1176] уже в 1979 г. тайно принять монашество, а после выхода на пенсию, в 1982 г., стал насельником Свято-Успенского мужского монастыря г. Одессы[1177].

[1171] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 312. Л. 101.
[1172] Там же. Л. 174.
[1173] Там же. Л. 177.
[1174] Там же. Л. 180–182.
[1175] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 374. Л. 9.
[1176] В деле имя врача не значится.
[1177] ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 475. Л. 12.

Как следствие, в силу «сложной религиозной ситуации» в Донецкой области исполнительный комитет Донецкого областного совета депутатов трудящихся все продолжал активно поднимать вопросы «по усилению контроля за деятельностью религиозных организаций и соблюдению законодательства о культах». Вопросы эти оставались стандартными и касались соблюдения законодательства о культах. Например, в течение 1970–1975 гг. рассматривались вопросы:

– в 1970 г. – «О мерах по усилению контроля за соблюдением Законодательства о религиозных культах»;

– в 1973 г. – «О состоянии работы по соблюдению законодательства о религиозных культах в области» и «Об утверждении областной комиссии по изучению и внедрению в быт новых общественных праздников и обрядов»;

– во втором полугодии 1975 г. – «О работе исполкома Ясиноватского районного Совета депутатов трудящихся по осуществлению контроля за деятельностью религиозных объединений и соблюдением законодательства о культах»[1178].

Причем если в начале 1970-х гг. в области в основном дублировались методы атеистической пропаганды, характерные для 2-й половины 1960-х гг., то во 2-й половине 1970-х гг. в работе государственных органов с «церковниками» появилось новое направление. Параллельно с активной атеистической и идеологической работой Донецкий регион захлестнула новая волна изъятий церковных ценностей. На этот раз изъятия называли экспроприацией. И проводились они под предлогом сохранения произведений искусства. В первую очередь власти интересовали имеющие художественную ценность иконы. В 1976 г. вышел закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». За чем 30 декабря 1976 г. последовало распоряжение Донецкого областного исполнительного комитета, согласно которому специально созданная комиссия обязана была выявлять и изымать из храмов региона «произведения религиозной живописи особой ценности». А уже в июне 1977 г. уполномоченный получил отчет об изъятии в области икон: из церкви села Крестище – иконы «Распятие с

[1178] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 2, Л. 33.

четырьмя Богородичными сюжетами»; из церкви села Рай-Александровка – иконы «Введение во Храм»[1179]; из Александро-Невской церкви города Славянска – иконы «Богоматерь трех радостей» и «Богоматерь Казанская»[1180]. В городе Славяногоске (Святогорске) выявили и вывезли иконы «Богоматерь Владимирская» и «Тайная вечеря»; в поселке Дробышево – иконы святителя Николая и святителя Василия Великого; из поселка Ясиновка – икону «Николай Чудотворец с житием».

Поводом для изымания икон стало заключение искусствоведческой комиссии о том, что выявленные ею в храмах региона ценные иконы находятся в ветхом состоянии и нуждаются в реставрации. По «просьбе» комиссии исполнительные органы храмов передали иконы Донецкому художественному музею. Планировалось, что в музее иконы отреставрируют и оставят на постоянное хранение. Передачи икон была оформлена специальными актами. Храмам, в которых изъяли иконы, были выданы копии таких актов. Их предполагалось хранить вместе с инвентарными описями имущества церквей[1181].

В конце 1979 г. (12 ноября 1979 г.) вышло Постановление Совета министров СССР «О мерах по предотвращению незаконного вывоза культурных ценностей за пределы СССР» и Указания «О наведении порядка в учете и хранении имущества и культурных ценностей». К Постановлению была выпущена инструкция[1182] «О порядке учета и сбережения культурных ценностей, которые находятся в пользовании религиозных объединений»[1183]. Вскоре инструкция была утверждена Министерством культуры СССР и Министерством внутренних дел СССР. После утверждения инструкция была размножена уполномоченными и областными управлениями культуры и направлена в исполнительные комитеты[1184]. Достаточно сложная бюрократическая работа объяснялась опасностью нелегального вывоза культурных ценностей за рубеж. В Донецкой области «культурными ценностями» объявлялись иконы, представлявшие «материальную, культурную или историческую ценность» (хотя на самом деле в церквах региона практически не

[1179] ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 374. Л. 27.
[1180] ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 362. Л. 115.
[1181] ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 374. Л. 27–30.
[1182] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 195. Л. 4.
[1183] Перевод с украинского – М. Р.
[1184] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 195. Л. 3.

оставалось уже ничего имеющего хоть какую-то ценность).

Тем временем 29 мая 1980 г. на Украине было проведено совещание работников ОБХСЕ МВД УССР. По итогам совещания было составлено инструктивное письмо для аппаратов уполномоченных и областных управлений культуры. По всей видимости, власти все еще надеялись обнаружить в церквах определенное количество «культурных ценностей». В областных и районных центрах снова были собраны комиссии по выявлению и учету памятников истории и культуры и других культурных ценностей. В комиссии были включены сотрудники музеев (как художественных, так и историко-краеведческих) и работники финансовых органов. Представители Совета по делам религий оказывали им «практическую помощь на местах», для чего время от времени выезжали в служебные командировки в храмы. Одновременно с выявлением и учетом ценностей было решено проверить договоры о передаче храмов и имущества в пользование общинам. В некоторых храмах договоры уточнялись и переоформлялись. На ценности и имущество составлялись описи, списки и паспорта; кроме того, ценности фотографировали. Итоговую работу контролировал аппарат уполномоченного по Донецкой области Г. Е. Гомли[1185].

В 1982 учет культурных ценностей в церквах и молитвенных Донецкой области был окончен. Изначально проверить планировалось все зарегистрированные религиозные объединения, но действительно ценные вещи власти предполагали найти в православных и старообрядческих храмах. В проверке были задействованы сотрудники Донецкого областного управления культуры, городских и районных отделов культуры, Донецкого областного художественного и городских краеведческих музеев. В итоге в регионе выявили и взяли на учет 134 историко-художественных произведения и «предмета культа». Перечень представлявших культурную ценность предметов передали в Министерство культуры Украинской ССР и поставили на государственный учет[1186].

[1185] ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 195. Л. 1–2.
[1186] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 503. Л. 2.

Особенно ответственным в сложившейся ситуации оказался вопрос оценки. Как уже отмечалось, имущество учитывалось и оценивалось во всех зарегистрированных религиозных объединениях. Но, как и предполагалось, более или менее ценные предметы удалось обнаружить лишь в старообрядческих и православных церквах и молитвенных домах[1187]. Непосредственно оценкой занимался специалист-эксперт из Донецкого областного управления культуры. На предметы составили описи, в которых каждая икона и проч. значились под определенным инвентарным номером. Описи фиксировали размеры ценного предмета, материал, из которого он был изготовлен, предполагаемую стоимость и т. д. Кроме того, относительно икон пытались установить предположительное время, в которое икона писалась. Опись делали в нескольких экземплярах. Первый экземпляр должен был храниться в церкви, второй – в городском исполнительном комитете и третий – в отделе по делам религий при Донецком областном исполнительном комитете.

Отчеты о приеме на учет ценных предметов были стандартны. И, как следствие, отличались друг от друга только внесенным в них списком ценностей (как правило, икон). Например, в Свято-Николаевском соборе центрального района города Горловки отчет выглядел следующим образом: «Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе: младшего научного сотрудника Рубановой Г. И. и главного хранителя Чегринец Н. В. составили настоящий акт в том, что нами выявлены и занесены в книгу учета Горловского художественного музея ценности, которые находятся в Николаевском соборе г. Горловки»: 1. «Икона «Богородица всех скорбящих Радость»« (1-я пол. 19 века). (Далее описание иконы). «Освящена 22 декабря 1876 года иеромонахом Нифонтом». 2. Плащаница (2-я пол. 19 в.)».

Что касается общей денежной оценки, то, например, общая стоимость храмов и храмового имущества по городу Жданов (Мариуполь) составила:

– в Николо-Преображенском храме – 13 831 руб.;

– в Свято-Николаевском – 12 126 руб.;

[1187] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 453. Л. 173.

– в Свято-Ильинском – 9 233 руб;

– в Свято-Георгиевском – 3 330 руб.

Итого по православным общинам города – 38 520 руб.[1188].

Нужно ответить, что учет и оценка включали предположительную стоимость собственно здания храма и прихрамовых построек, стоимость их ремонта, имущества и проч. Например, полный (включавший все пункты) «Отчет о Николаевской церкви г. Артемовска» (Бахмута) выглядел следующим образом:

«Николаевская православная церковь, деревянная, общая площадь 266 м2, построена в 1800 году. Здание находится в хорошем техническом состоянии, капитальный ремонт не требуется. Стоимость церковного здания – 56.994 рубля.

В текущем году произведена реставрация внутри храма на сумму 4 тыс. рублей. Здание к памятникам архитектуры не относится. Кроме церкви имеются: крестилка – 1013 рублей, сторожка – 381 руб., флигель – 230 рублей, сооружения и колокольни – 1515 рублей. Общая инвентаризационная стоимость зданий и сооружений 61133 рубля. Техническое состояние указанных сооружений удовлетворительное, поддерживающий ремонт производится регулярно, капитального – не требуют.

Церковь имеет один большой и шесть малых колоколов. Колокола чугунные, литые.

В пользовании церкви находится 67 единиц культового имущества, церковного обихода, облачений служителей культа, инвентаря общей стоимостью 3652 рубля, в том числе имеется 166 икон общей стоимостью 350 рублей.

Иконы исторической ценности не представляют».

Отдельно фиксировались стоимость облачений храма (1271 руб.), Евангелия (55 рублей), «престольного инвентаря» (100 рублей), сусального золота (35 рублей)[1189].

Таким образом, учет показал, что остававшиеся в храме иконы «исторической ценности» не представляли. Кампания по учету продолжилась в

[1188] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 528. Л. 2–5.
[1189] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 447. Л. 2.

1982 г. Власти не оставляли надежды найти в храмах ценности, но на этот раз проверка коснулась книг. 22 февраля 1982 г. секретарям городских и районных исполнительных комитетов Донецкой области разослали указание проверить «наличие и учет книг», изданных в 15-18 веках. Официальной причиной подобной проверки объявлялось стремление обеспечить сохранность и предотвратить хищение и порчу старинных церковных книг. Поиском и учетом должны были заниматься члены комиссии содействия, а помогать им – преподаватели истории местных школ. На каждую найденную книгу комиссия собирала «краткую записку», где указывались название книги, год и место издания, автор, инвентарный номер и церковь, в которой книгу обнаружили. Инвентаризацию книг планировалось завершить к 5 марта 1982 г.[1190].

Несмотря на ожидания властей, почти все книги, найденные в православных храмах Донецкой области, были изданы в 19 столетии. Одна книга 18 века («Апостол», выпущенный в 1770 г. Свято-Троицкой типографией города Чернигова и найденный в церкви Святой Варвары поселка Райское города Дружковки) ценности не представляла.

Самыми старыми оказались четыре книги, обнаруженные в старообрядческом храме поселка Ольховатка: они датировались 17-18 вв. Среди них:

– «Часослов» (1647 г., г. Москва);

– Труды свт. Иоанна Златоуста (1647 г., типография Почаевской Лавры);

– Евангелие (1675 г., г. Москва);

– «Апостол» (1784 г., г. Москва)[1191].

На все книги, так же, как и на иконы, собирались справки-информации. Подобные документы также были стандартны. Примером может быть информация, поданная 22 февраля 1982 г. из г. Артемовска: «На Ваш №5/5-11 от 22.02.82 г. исполком городского Совета народных депутатов сообщает, в православных церквях города ведется учет и регистрация религиозных книг.

[1190] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 475. Л. 6.
[1191] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 472. Л. 10–11.

Религиозных книг, изданных в 15-18 веках, в православных религиозных обществах нет.

Самые старые книги:

«Евангелие» и «Псалтирь» изданы в 1891 году;

Июньская Минея – в 1895 году;

Августовская Минея – в 1899 году.

Остальные книги изданы в начале и средине 20 века»[1192].

В этот же период (в начале 1980-х гг.) государство интересовалось и имеющими ценность памятниками архитектуры, в связи с чем до 5 июля 1981 г. планировалось составить перечень населенных пунктов, в которых имелись неиспользуемые храмы, являющиеся памятниками истории и архитектуры. К перечню должна была прилагаться краткая характеристика памятников, обосновывающая их ценность. В Донецкой области памятников культуры не было, а единственным памятником архитектуры, который по состоянию на 1 июля 1981 г. состоял в регионе на государственном учете, был Святогорский мужской монастырь. Как уже упоминалось выше, в его зданиях с 1920-х гг. располагался санаторий им. Артема[1193].

Обозначенный учет ценностей становился очередной, повторной, попыткой государства забрать у Церкви остававшиеся в ее распоряжении более или менее ценные иконы, церковную утварь, богослужебные книги и т. д. Однако в Донецкой области, в силу ее специфики, результаты этой кампании были минимальными.

Стоит отметить, что каких бы то ни было следов попыток противостоять происходящему со стороны правящего архиерея или священнослужителей епархии нами в документах не обнаружено.

Возможно, это было обусловлено в том числе и тем, что государство продолжало строго контролировать действия как священнослужителей, так и активных прихожан. А запрещенными формами деятельности православных христиан в начале 1980-х гг. объявлялись даже пение и чтение в храме и

[1192] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 472. Л. 1.
[1193] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 453. Л. 64–65.

просфоры (небольшие круглые хлебы), которые раздавали людям в конце службы[1194]. Контроль за верующими усиливался перед православными праздниками, особенно перед Рождеством и Пасхой. Накануне Рождества и Нового года секретари исполнительных комитетов получали особые указания по поводу усиленного контроля за священниками. Власти опасались, что праздничные дни могут быть использованы ими для «распространения религиозного влияния на население». Подобные опасения были небезосновательны. Несмотря на проводимую в регионе атеистическую пропаганду, в последние дни Рождественского поста и на Святки священники Донецкой области нередко ходили с молитвой по домам и квартирам своих прихожан, поздравляя всех с праздником Рождества. Кроме того, в эти дни хоры церковных приходов посещали другие православные общины, что тоже было категорически запрещено государством. Вследствие этого секретари исполнительных комитетов задолго до праздников обязывались брать под контроль православные общины и применять по отношению к священнослужителям «профилактические меры», о чем информировать исполнительные комитеты[1195].

Между тем, в 1980-е гг. апогея своего развития достигла система проверки проповедей священнослужителей всех конфессий. В общей сложности в 1980-х гг. прослушивалось свыше 2000 проповедей в год как в православных общинах, так и в протестантских общинах ЕХБ, ХВЕ и прочих. Что касается православных общин, на каждую произнесенную в православном храме проповедь членами исполнительного комитета составлялась анкета, в которой, помимо данных о священнике, отмечались:

1. тема проповеди (разрешенными темами были: любовь к ближнему, послушание детей, уважение старших, мир на Земле и дружба народов);

2. сведения о том, были ли в проповеди тезисы, касающиеся борьбы за мир, гражданского долга, нравственности, женщины-матери, религиозного воспитания

[1194] ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 375. Л. 125.
[1195] ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 272. Л. 131.

детей, роли Русской Православной Церкви в историческом, культурном прогрессе;

3. указания о возможных высказываниях священнослужителей относительно положения Русской Православной Церкви и верующих в СССР, о законодательстве о культах, об узниках за веру и т. д.[1196].

Контролировали проповеди священнослужителей как работники исполнительных комитетов, так и сам уполномоченный. Уполномоченный, так же, как и рядовые работники, посещал церкви, беседовал с членами церковных советов, ревизионных комиссий, «двадцаток», прихожанами[1197]. Любые отклонения от библейской темы фиксировалось властями. Причем предупреждения об уклонении от темы священники получали даже тогда, когда призывали прихожан «поддерживать партию и правительство в их миролюбивой внешней и внутренней политике» или «в трудное засушливое лето посильным личным участием оказывать помощь колхозам и совхозам в охране урожая». Подобные высказывания священнослужителей власти характеризовали как целенаправленное «заигрывание» с верующими «для укрепления религии»[1198].

Как следствие, чтобы избегать возможных нареканий (и взысканий) со стороны органов государственной власти, священники каждую свою проповедь направляли на предварительное одобрение благочинному своего округа. Но даже несмотря на это, в Донецкой области по-прежнему фиксировались эпизоды, когда священники выходили за рамки разрешенных государством тем и произносили проповеди на темы, «не входящие в компетенцию церкви», как говорил уполномоченный Г. Е. Гомля. В таком случае уполномоченный вызывал священнослужителей к себе и делал «необходимые» замечания и предупреждения[1199].

Ввиду подобного усиленного контроля «проблематика проповедей» в эти годы каких бы то ни было серьезных изменений не претерпела[1200]. Но в то же время увеличилось количество проповедей, в которых звучали призывы к

[1196] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 550. Л. 38.
[1197] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 16.
[1198] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 354. Л. 147–148.
[1199] ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 37. Л. 17.
[1200] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 603. Л. 1.

активному участию православных людей в борьбе за мир, что было вполне в контексте заявленной государством политики и полностью одобрялось уполномоченным. К примеру, в общине поселка Райское Дружковского района священник призывал верующих «молиться не только за родных и знакомых, а за весь мир, за всех людей», а в общине села Торское Краснолиманского района священник позволил себе высказывание о том, что «ядерное оружие – это проклятие, его применение или угроза его применения являются преступлением против человечества, и поэтому долгом всех стран является полное уничтожение этого оружия. Мы должны быть бдительными и преданно трудиться, чтобы избавить мир от всего оружия». В другой проповеди этот же священник вновь вернулся к теме борьбы за мир, призвав прихожан «хранить мир неослабным самоотверженным трудом для блага Родины нашей в сотрудничестве со всеми людьми доброй воли, ищущим мира». Подобные проповеди какого бы то ни было противодействия со стороны уполномоченного не вызывали[1201].

Как следствие, уполномоченный Г. Е. Гомля отмечал, что в основном проповеди священнослужителей Донецкой области носили «религиозный характер»: основным их содержанием было прославление Господа Иисуса Христа и проповедь терпения и доброты, «нарушений законодательства о религиозных культах» в проповедях не фиксировалось[1202].

Между тем, злостным нарушением законодательства в эти же годы считалась несанкционированная продажа крестиков, «самодельных» икон и написанных от руки молитв. Власти всячески препятствовали их распространению, для чего в храмах и молитвенных домах постоянно дежурили представители контролирующих комиссий. Всяческую помощь им оказывали участковые милиционеры и сотрудники финансовых отделов. Так, к примеру, на престольный праздник церкви поселка Ремовка был задержан Ф. К. Ткаченко из г. Антрацит. У Ф. К. Ткаченко изъяли иконы, крестики и отпечатанные молитвы. Аналогично в церкви пос. Андреевка задержали нескольких женщин: у них

[1201] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 603. Л. 3.
[1202] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 550. Л. 39.

обнаружили написанные от руки молитвы. Все задержанные были строго предупреждены[1203].

Что касается упоминавшейся в связи с проповедями темы мира на Земле, в период правления Л. И. Брежневе «борьба за мир» оставалась едва ли не единственной положительно оцениваемой властью точкой соприкосновения Русской Православной Церкви и государства. В обнаруженных нами документах этого периода упоминания об окормлявшем Донетчину митрополите Сергии (Петрове) появлялись только в связи с «борьбой за мир». (Брежневский период не располагал к проявлению каких бы то ни было личных качеств архиерея.)

В эти годы Православной Церковью вносились значительные пожертвования в Фонд мира и в Общество по охране памятников истории и культуры[1204]. И первое, и второе было настоятельно рекомендовано государством. А значительные отчисления фактически стали легализованной формой ограбления Русской Православной Церкви.

Если проследить динамику этих отчислений, то, например, в 1981 г. в Фонд мира от Ворошиловградско-Донецкой епархии было переведено 928 700 руб. Из них от Ворошиловградской области – 419 400 руб., от Донецкой – 509 300 руб. и от епархиального управления – 60 000 руб.[1205]. А в 1983 г. Ворошиловградско-Донецкой епархией на защиту мира было перечислено уже 1 217 500 руб. В том числе от общин Ворошиловградской области – 459,1 тыс. руб., от Донецкой области – 698,1 тыс. руб. и от епархиального управления – 60 000 руб. (Для сравнения: в Общество по охране памятников истории и культуры было внесено 222,3 тыс. руб.[1206].) В 1984 г. Ворошиловградско-Донецкой епархией было внесено в Фонд мира 1 061 000 руб. В том числе от общин Донецкой области – 616 000 руб.[1207] .

Председатель Донецкого областного комитета защиты мира Т. А. Ревенко неоднократно говорил о том, что православные верующие Донецкой области

[1203] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 362. Л. 114–115.
[1204] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 536. Л. 71.
[1205] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 437. Л. 9.
[1206] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 485. Л. 41–42.
[1207] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 510. Л. 21–22.

вносят значительный вклад в пополнение советского Фонда мира[1208]. В связи с чем в 1983 г. митрополиту Сергию (Петрову), управляющему Донецкой епархией, была вручена Почетная грамота Донецкого областного комитета защиты мира и Почетная медаль Украинского республиканского комитета защиты мира[1209]. Аналогичным образом в 1984 г. Донецкий областной комитет защиты мира наградил архиерея «Почетным знаком» Советского фонда мира «за активную миротворческую деятельность и содействие укреплению Советского фонда мира»[1210], а Президиум Верховного Совета УССР – Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УССР «за патриотическую и миротворческую деятельность и в связи с шестидесятилетием со дня рождения»[1211].

11 декабря 1984 года в г. Донецке состоялась областная конференция сторонников мира. В работе этой конференции принимал участие и секретарь митрополита Сергия по Донецкой области протоиерей Александр Шокало. Основным посылом выступления священника на конференции стала мысль о том, что на всем протяжении своего существования Русская Православная Церковь трудилась во исполнении священной миротворческой миссии. В ходе конференции протоиерей А. Шокало был избран членом Донецкого областного отделения советского Фонда мира[1212].

Между тем, в эти годы миротворческая деятельность Русской Православной Церкви уже не ограничивалась только поборами в Фонд мира и выступлениями священнослужителей на конференциях. Начиная с 1983 г., стали возможны публикации священников в прессе, в том числе имевшей выход за рубеж. Например, в том же 1983 г. протоиерей Александр Шокало направил в редакцию газеты «Вести Украины» (издание Общества культурных связей с украинцами за рубежом) свою статью «Со всеми людьми доброй воли». Статья была размещена в 48 номере газеты в октябре 1983 г.[1213]. Подобные публикации имели, как правило, цель – убедить зарубежье в том, что Церковь в СССР имеет право голоса и может

[1208] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 510. Л. 13.
[1209] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 485. Л. 17–21.
[1210] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 510. Л. 13.
[1211] Там же. Л. 24.
[1212] Там же. Л. 27–29, 32.
[1213] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 485. Л. 49.

открыто высказывать свою точку зрения, но… идентичную точке зрения государства.

* * *

Потепление во взаимоотношениях Русской Православной Церкви и государства наметилось только с началом «перестройки». Первым свидетельством подобных перемен в Донецкой области стало участие священнослужителей в общегосударственном праздновании 40-летия Победы в Великой Отечественной войне.

14 марта 1985 г. уполномоченному по Донецкой области Г. Е. Гомле было поручено провести подготовительные мероприятия среди священнослужителей. Мероприятия проводились в несколько этапов, в ходе которых уполномоченный должен был:

1. выявить среди священнослужителей, проживающих на территории Донецкой области, участников Великой Отечественной войны;

2. провести с клириками – участниками Великой Отечественной войны встречи, посвященные решающей роли советского народа в разгроме фашизма, усилению патриотического воспитания молодежи из семей верующих, а также борьбе СССР за укрепление мира и т. д.;

3. подготовить публикацию по истории Русской Православной Церкви, посвященную 40-летию Победы и вкладу советского народа в борьбу за мир;

4. обеспечить участие священнослужителей – ветеранов войны в мероприятиях, проводимых Донецким областным комитетом защиты мира[1214].

Таким образом, участие священнослужителей в торжествах по случаю Победы становилось обязательным.

Помимо этого, со священнослужителями планировалось провести как индивидуальные, так и совместные с правящим архиереем подготовительные беседы. В связи с этим митрополит Сергий (Петров) обратился к православным верующим окормляемого региона с посланием, в котором призвал паству вместе со всем советским народом принять участие в подготовке и торжественном

[1214] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 503. Л. 55.

праздновании юбилея Великой Победы[1215].

Так как Ворошиловградско-Донецкая епархия включала в себя приходы, находящиеся на территории двух областей (Ворошиловградской и Донецкой), то и торжества, посвященные празднованию Великой Победы, проходили в епархии в два этапа: сначала в кафедральном городе епархии – в Ворошиловграде, а затем – в Донецке. 23 апреля 1985 г. в здании епархиального управления в г. Ворошиловграде митрополит Одесский и Херсонский Сергий (Петров), управляющий Ворошиловградско-Донецкой епархией, встретился с ворошиловградскими клириками и членами церковных советов – участниками Великой Отечественной войны. На встречу были приглашены представители общественности. К мероприятию в украшенном зале заседаний управления был выставлен посвященный Великой Отечественной войне стенд «Они защищали Родину», на котором были представлены фотографии воинов – священнослужителей епархии.

По окончании встречи участники встречи возложили венки к мемориалу «Острая могила». Там же, у мемориала, была провозглашена «Вечная память» погибшим в годы Великой Отечественной войны защитникам Отечества. Позже в епархиальном управлении было проведено торжественное собрание, на котором присутствовали представители Ворошиловградского областного комитета защиты мира, уполномоченный по делам религий при Совете Министров СССР по Ворошиловградской области, секретарь Ворошиловградского городского исполнительного комитета и другие официальные лица области[1216]. Прозвучало много выступлений и докладов. С докладами выступили и митрополит Сергий (Петров), и уполномоченный Г. Е. Гомля. По окончании мероприятия митрополит Сергий предложил 5 мая отслужить в церквах и молитвенных домах епархии благодарственный молебен с провозглашением многолетия «Богохранимой стране нашей, ее Правительству и победоносному Воинству» и «Вечной памяти» всем отдавшим свои жизни за нашу Отчизну[1217].

[1215] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 552. Л. 30.
[1216] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 536. Л. 5–6, 8.
[1217] Там же. Л. 11.

В Донецкой области торжества, посвященные празднованию Победы в Великой Отечественной войне, прошли 25 апреля 1985 г. Так же, как и в Ворошиловграде, в Донецке митрополит Сергий (Петров) сначала встретился со священнослужителями – ветеранами и участниками Великой Отечественной войны. В Свято-Николаевском соборе на Ларинке был отслужен благодарственный молебен с многолетием и провозглашена «Вечная память» погибшим в годы Великой Отечественной войны[1218]. После этого в Донецком областном комитете защиты мира состоялось торжественное собрание священнослужителей. Здесь митрополит Сергий (Петров) обратился к собравшимся с приветственным словом и зачитал послание Патриарха Пимена (Извекова). После приветственного слова митрополита Сергия заместитель Донецкого областного отдела советского Фонда мира С. А. Некрасова вручила присутствующим грамоты и благодарственные письма; а ветераны поделились воспоминаниями об испытаниях, выпавших на их долю в годы Великой Отечественной войны. Завершилось празднование приемом в гостинице «Дружба»[1219]. Немного позже, 17 июня 1985 г., митрополит Сергий (Петров) вручил клирикам и членам церковных советов региона – участникам войны специальные Патриаршие грамоты[1220].

Празднование Победы стало едва ли не наиболее значимым эпизодом, характеризующим начало потепления в государственно-церковных отношениях в 1985 г. Другие события этого года проходили в регионе в более или менее привычном русле. При этом Русская Православная Церковь по-прежнему оказывалась вовлеченной в общественную жизнь страны. Так, в связи с началом в 1985 г. антиалкогольной кампании на Донетчине вышло послание митрополита Сергия (Петрова) приходам епархии, в котором архиерей напомнил клиру и мирянам о том, что «христианское вероучение не допускает в жизни верующих людей злоупотребления вином», а «Священное Писание... выражает отрицательное отношение к пьянству, как к губительному пороку,

[1218] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 536. Л. 23.
[1219] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 552. Л. 37, 38, 39.
[1220] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 536. Л. 23.

расстраивающему жизнь человека и являющемуся большим грехом, препятствующим христианину вести нравственную духовную жизнь и достичь святости и наследия вечной жизни»[1221].

В рамках выполнения указа Президиума Верховного Совета УССР от 20 мая 1985 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» Советом по делам религий была запланирована работа со священнослужителями. Она включала в себя уже ставший привычным контроль за проведением храмовых праздников. Отличие состояло лишь в том, что на этот раз целью было «противодействие» распитию на приходах спиртных напитков и формирование у верующих «правильного» отношения к священнослужителям, злоупотребляющим алкоголем. Кроме того, власти отслеживали отношение священнослужителей и мирян к борьбе государства с пьянством и алкоголизмом и отражение этой борьбы в проповедях и церковно-дисциплинарной практике (например, уполномоченный проверял, осуждается ли на приходах самогоноварение)[1222].

В 1985 г. Русская Православная Церковь получила возможность начать заниматься благотворительной деятельностью. Так, например, в связи со стихийным бедствием в Армении митрополит Сергий (Петров) обратился к клиру, церковному совету и верующим епархии с просьбой внести посильную лепту для оказания помощи пострадавшим от землетрясения[1223]. Эта инициатива архиерея уже не встретила со стороны государства какого-либо сопротивления.

Но окончательно лед во взаимоотношениях Православной Церкви и государства был растоплен в 1988 г., после празднования 1000-летия Крещения Руси.

Задолго до торжественного события, 29 октября 1984 г., Донецкий областной комитет коммунистической партии Украины и отдел пропаганды и агитации выпустили «Информацию о ходе подготовки к 1000-летию Крещения Руси» в религиозных объединениях Донецкой области». Празднование Крещения

[1221] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 536. Л. 67–68.
[1222] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 552. Л. 53.
[1223] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 577. Л. 13.

Руси в стране планировали соединить с празднованием 400-летия учреждения Патриаршества на Руси[1224]. Поэтому грядущие торжества были приурочены к двум событиям.

В 1986 г. митрополит Сергий (Петров) был назначен управляющим делами Московской Патриархии, постоянным членом Священного Синода, председателем Ответственной комиссии по реставрации и строительству в Даниловом монастыре, заместителем председателя Комиссии Священного Синода по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси[1225].

Подготовка к торжествам в Донетчине проходила на самом высоком уровне.

Накануне (и во время) юбилейных торжеств в ряде городов и районов Донецкой области (Донецк, Макеевка, Краматорск, Славянск, Красноармейский район и др.) прошли встречи руководителей исполнительных комитетов со священнослужителями Русской Православной Церкви и представителями ЕХБ (евангельские христиане-баптисты), ХВЕ (христиане веры евангельской, пятидесятники) и других религиозных объединений. Эти встречи преследовали несколько целей. С одной стороны, на них священнослужителям сообщали о выполнении планов экономического и социального развития городов и районов, о работе «по перестройке, гласности, демократизации» и о важности объединения усилий всех людей в борьбе за мир и моральный облик советского человека. А с другой – на собраниях власти получали от священнослужителей нужную им как о подготовке Русской Православной Церкви к празднованию 1000-летия введения христианства на Руси, так и о ее «текущих заботах».

Помимо того, что государство впервые за столько лет заинтересовалось текущими заботами Православной Церкви**,** празднование 1000-летия Крещения Руси стало первым церковным торжеством, которое отражалось в донецких средствах массовой информации. Так, в апреле 1988 г. на Донецком областном телевидении впервые транслировалось интервью митрополита Сергия (Петрова),

---

[1224] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 532. Л. 34.

[1225] Памяти митрополита Сергия (Петрова). Режим доступа: http://spetrov.holyres.org/03.htm (дата обращения: 21. 08 15 г.).

управляющего Ворошиловградско-Донецкой епархией[1226], а Донецкий областной художественный музей открыл выставку, приуроченную к 1000-летию введения христианства на Руси[1227], о которой сообщалось в прессе.

Наряду с указанными мероприятиями в Ворошиловградско-Донецкой епархии организовывались внутренние собрания, посвященные предстоящему Поместному собору Русской Православной Церкви 1988 г. Сначала в епархии провели собрания благочинных округов[1228], а затем, 21 апреля 1988 года, собственно епархиальное собрание для избрания делегатов на Поместный собор. В состав делегации должны были войти архиерей, священнослужитель и мирянин. От духовенства на Поместный собор был избран секретарь митрополита Сергия (Петрова) священник Борис Панов, а от мирян – казначей церкви г. Жданова (Мариуполя) К. А. Лукьянец.

Тогда же, 21 апреля 1988 г., распоряжением № 137 митрополит Сергий утвердил Юбилейную подготовительную комиссию по Ворошиловградской и Донецкой областям[1229]. Созданная комиссия должна была решать все вопросы, связанные с подготовкой и проведением праздника (с последующим докладом архиерею). Кроме того, одной из обязанностей комиссии стало создание фильмов: «Празднование 1000-летия Крещения Руси в г. Ворошиловграде» и «Празднование 1000-летия Крещения Руси в г. Донецке». Нужно заметить, что все торжества в регионе проходили уже под наблюдением нового уполномоченного Совета по делам религий: Л. А. Серпилина.

Собственно празднование 1000-летия Крещения Руси проходило в три этапа. С 4 по 17 июня делегация от Ворошиловградско-Донецкой епархии приняла участие в торжествах в Москве. В июле прошли торжественные мероприятия в г. Ворошиловграде: 5 июля была отслужена Божественная литургия и молебен с крестным ходом, а затем в Доме техники состоялось собрание[1230].

А в августе 1988 г. прошли торжества в Донецкой области. Накануне этих

[1226] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 591. Л. 95.
[1227] Там же. Л. 9.
[1228] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 577. Л. 8.
[1229] Там же. Л. 23–29.
[1230] Там же. Л. 32.

торжеств, 19 июля 1988 г., из епархиального управления в Донецкий городской исполнительный комитет было направлено письмо, оповещающее власти о сроках и программе празднества. Празднование планировалось провести с 22 августа по 24 августа 1988 г.[1231]. Власти оказывали предстоящему проведению торжеств всяческое содействие. Уже 1 августа 1988 г. заместитель уполномоченного по Донецкой области направил письмо начальнику Донецкого областного управления автотранспорта, в котором просил выделить для участников торжеств на 22 августа 1988 г. 6 автобусов и на 23 августа 1988 г. 11 автобусов. Все маршруты движения автобусов по г. Донецку были согласованы с Донецким городским управлением внутренних дел[1232].

Накануне торжеств, 20 августа 1988 г., в Донецк прибыл митрополит Сергий (Петров). Во время своего пребывания на Донецкой земле архиерей совершил Божественную литургию в Свято-Николаевском храме г. Горловки, нанес визит уполномоченному Совета по делам религий Л. А. Серпилину и провел прием духовенства и мирян. В г. Донецке, в Свято-Николевском храме на Ларинке, Божественная литургия была отслужена митрополитом Сергием 22 августа. Тогда же были совершены молебен и крестный ход и возложен венок к монументу освободителям. Торжественный акт, посвященный празднуемому событию, прошел в пресс-центре центральной гостиницы города[1233]. На это мероприятие были приглашены представители средств массовой информации. После торжественной части и демонстрации фильма о деятельности Русской Православной Церкви в стране и регионе митрополит Сергий ответил на вопросы журналистов и раздал всем присутствовавшим памятные подарки. Завершилось празднование концертом в Донецком драматическом театре и провозглашением многолетия Патриарху Московскому и всея Руси Пимену (Извекову) и на тот момент митрополиту Киевскому и Галицкому Филарету (Денисенко). 24 августа управляющий епархией встретился с первым заместителем председателя

[1231] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 602. Л. 7.
[1232] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 504. Л. 208.
[1233] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 577. Л. 37–40.

Донецкого исполнительного комитета, а затем отбыл в Одессу[1234].

После празднования 1000-летия Крещения Руси православным верующим Донецкой области было официально разрешено «свободно отправлять религиозные потребности». Свобода выражалась в том, что государством был снят контроль с фиксации сведений о крещениях, отпеваниях, исповедях и т. п. Наряду с этим в типографиях региона (например, в городской типографии г. Артемовска (Бахмута)) разрешили печатать церковные документы[1235].

Как отчитывались в г. Дзержинске (Торецке) Донецкой области, отныне «взаимоотношения между верующими, служителями культа и местными Советскими органами строились на принципах уважения и строгого соблюдения законодательства о религиозных объединениях». Несмотря на это, в городах области все так же проходили заседания комиссии по соблюдению законодательства о религиозных объединениях (например, в том же г. Дзержинске (Торецке) Донецкой области, в 1988 г., после 19-й партийной конференции, их было шесть). Но, как правило, на этих заседаниях только анализировались проповеди и выражалось одобрение «политики партии в отношении к религии» и «установлению подлинных демократических начал в проведении обрядов крещений, венчаний, погребений»[1236]. Вектор государственно-церковных отношений с очевидностью изменился.

В этот период власти полагали, что для совершенствования государственно-церковных отношений особенно важно проводить встречи советского руководства со священниками. В 1988 г. «образцовой» была объявлена беседа со священнослужителями в Краматорском городском исполнительном комитете. Текст этой беседы был напечатан в газете «Краматорская правда», а его копии (вместе с дополнительными рекомендациями) были разосланы во все городские и районные исполнительные комитеты Донецкой области[1237].

Тем не менее, несмотря на наметившиеся перемены, священники по-прежнему предупреждались, что не имеют права выходить на Радоницу на

[1234] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 577. Л. 45-47.
[1235] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 598. Л. 5.
[1236] Там же. Л. 19–20.
[1237] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 591. Л. 79.

кладбища. Кроме того, со священнослужителями проводились беседы (обычно перед выборами в Верховный Совет УССР и местные Советы народных депутатов) о советской избирательной системе – с акцентом на необходимость усиления патриотических мотивов в проповедях и разъяснение прихожанам конституционных прав и обязанностей граждан[1238]. В аппарате уполномоченного писались планы «массово разъяснительной работы»[1239] с православными священниками. Эти планы включали в себя «информационные дни» по следующим темам (темы могли варьироваться):

«1. Внешнеполитическая деятельность КПСС и Советского государства на современном этапе развития международных отношений;

2. Место и роль советских организаций сторонников мира в международном движении за мир;

3. Основные направления экономического и социального развития СССР в двенадцатой пятилетке и до 2000 года;

4. Советское законодательство о религиозных культах – юридическая гарантия свободы совести в СССР;

5. Вопросы соблюдения законов о свободе совести и прав граждан при совершении религиозных обрядов и церемоний;

6. Сущность, содержание и правовые ролики государственного контроля за деятельностью религиозных организаций;

7. История развития церковно-государственных отношений в СССР;

8. Продовольственная проблема человечества и соревнование двух систем;

9. Энергетическая проблема человечества и научно-технический прогресс;

10. Экологические проблемы человечества и международное сотрудничество».

Параллельно для священнослужителей проводились семинары «по вопросам исполнения и правильного применения советского законодательства, касающегося вопросов управленческой и финансово-хозяйственной деятельности

[1238] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 286. Л. 7–8.
[1239] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 570. Л. 4.

религиозных организаций», «по вопросам усиления гражданского и патриотического воспитания верующих и миротворческой деятельности… приходских общин РПЦ»[1240].

Наряду с этим публикации священнослужителей в официальной печати, которые бы так или иначе освещали наступившие перемены, становились обязательными. Например, в 1989 г. в СМИ Донецкой области появились статьи:

– игумена Сергия (Горошенко) (храм в Пролетарском районе г. Донецка) – «В духе новых веяний» (о капитальном ремонте молитвенного здания);

– секретаря митрополита протоиерея Владимира Нелюбова – «Наш христианский и гражданский долг» (о деятельности религиозных организаций Русской Православной Церкви Донецкой области в борьбе за мир);

– протоиерея Сергия Оголюка, настоятеля храма в г. Горловке, – «Духовная жизнь прихода и свобода совести» (о свободе совести и новых подходах к развитию государственно-церковных отношений);

– протоиерея Николая Иванова, настоятеля церкви в г. Краматорске, – «Мы за перемены» (о перестройке государственно-церковных отношений)[1241].

В отдельных СМИ материалы священнослужителей о государственно-церковных отношениях публиковались систематически, а в некоторых, как, например, в районной газете Старобешевского района «Новая жизнь», – ежеквартально. Темы публиковавшихся статей могли быть разными: «Права человека и свобода совести», «Между трезубцем и свастикой», «Семья и религия»[1242]. Но уже из тематики этих публикаций было видно, что государство, проводя в отношении Русской Православной Церкви более благожелательную политику, по-прежнему стремилось использовать ее в своих пропагандистских целях – на этот раз для демонстрации победы демократических начал в стране.

Между тем, празднование 1000-летия Крещения Руси положило начало кампании по восстановлению храмов. Уже накануне праздника, в 1987 г., «во

[1240] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 570. Л. 5–6.
[1241] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 591. Л. 122.
[1242] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 516. Л. 143.

многих местах» епархии начались работы по благоустройству храмов[1243]. Но массового характера реставрация церквей еще не приняла, несмотря на то, что к 1987 г. ситуация с храмами в Донецкой области стала поистине удручающей. Если в 1943 г., как уже отмечалось, в регионе было 232 церкви и молитвенных дома, а на момент единовременного учета религиозных объединений в 1948 г. – 211, то на 1 января 1988 г. их осталось 87. Из 124 закрытых с 1948 г. православных церквей 92 были разрушены полностью или частично (например, у церкви пос. Зайцево Горловского горсовета сначала были разрушены купола и крыша, а к концу 1980-х гг. от храма оставались только стены). Большая часть остальных храмов и молитвенных домов долгое время использовалась под склады. Между тем, новой тенденцией времени стало использование церквей «исключительно в культурно-воспитательных целях». В 1988 г. на территории Донецкой области оставалось 32 снятых с регистрации храма и молитвенных дома: 22 сохранивших свой облик и 10 приспособленных или утративших вид храма. 18 из них использовалось под так называемые социально-культурные и народно-хозяйственные цели, два реставрировались под музеи сел и колхозов, в шести были размещены склады колхозов и совхозов, еще шесть после снятия с регистрации сначала использовались под склады, а затем длительное время пустовали. Официально все «неиспользуемые здания» были взяты на учет Советом по делам религий при Совете Министров Украинской ССР, и их дальнейшее использование контролировалось[1244]. Но, как правило, контроль состоял лишь в том, что власти периодически отчитывались о состоянии храмов. Как примеры отчета по контролируемым храмам можно привести следующие выдержки из отчетов:

– в с. Новомихайловка церковь была закрыта в 1930 г., здание «использовалось под склад колхоза им. Тимирязева, в настоящее время используется как элемент этнографического музея под открытым небом»;

– в с. Александро-Шультино церковь была построена в 1829 г., к 1988 г. «ремонту не подлежала», так как прекратила «деятельность» еще в 1960 г. (храм

[1243] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 577. Л. 14.
[1244] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 589. Л. 31–36.

планировали снести в 1988 г.);

– в с. Гришино было две церкви, одна из них была построена в 1826 г., закрыта в 1958 г.; к 1980-м гг. пришла в аварийное состояние, а в 1988 г. стояла в планах на снос;

– в с. Красное церковь была построена в 1850 г., закрыта в 1958 г.; в связи с тем, что церковь находилась на родине композитора С. С. Прокофьева, предполагалось открыть в ней этнографический музей села.

Реставрируемым под музей храмом был и уже упоминавшийся Свято-Николаевский храм в с. Никольское Волновахского района. Каменная церковь, построенная в 1907 г., не являлась памятником культуры, но в связи с тем, что была снята с регистрации еще в 1960 г., за давностью лет требовала капитального ремонта[1245]. В 1985 г. храм начали переоборудовать под музей Ленина. По просьбе Амвросиевского районного исполнительного комитета Донецкая областная плановая комиссия выделила 5 тонн оцинкованной стали, и к описываемому времени главный купол церкви был уже покрыт. Кроме того, для капитального ремонта предполагавшегося музея были выделены 50 кубометров древесины из Донецкого областного склада «Облтопливо»; составлены чертежи на изготовление дверных и оконных блоков[1246]. Только с основанием схиархимандритом Зосимой (Сокур) в с. Никольском Свято-Васильевского и Свято-Никольского монастырей здание Свято-Николаевской церкви было передано обители. Православные верующие не могли согласиться с тем, что храмы реставрируются «под музей». Как следствие, в конце 1980-х гг. священнослужители начали обращаться в местные органы власти по поводу передачи им в пользование некоторых пустующих церквей[1247]. На что клирикам ответили, что на территории Донецкой области нет населенных пунктов, где бы остро стоял вопрос о регистрации новых приходских общин[1248].

Несмотря на это, в 1988 г., в связи с 1000-летием Крещения Руси, Совет по делам религий при Совете Министров СССР все-таки разрешил строительство

[1245] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 589. Л. 1.
[1246] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 450. Л. 33.
[1247] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 589. Л. 37.
[1248] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 591. Л. 61.

нескольких новых храмов. Возведение церквей в Донецкой области велось в строгом соответствии с порядком, принятым при строительстве гражданских объектов. Так, сначала городской районный исполком выделял храму земельный участок под застройку; затем православные верующие получали от городских районных архитекторов архитектурно-планировочное задание – паспорт (исходные данные) для проектирования, и уже после этого будущие прихожане храма обращались в проектный институт г. Донецка или кооперативы по проектированию гражданских объектов. После изготовления проекта его представляли в Управление государственной вневедомственной экспертизы проектов в г. Донецке, и затем уже проектно-сметная документация направлялась в местные органы «Госархстройконтроля» для регистрации объектов и выдачи разрешения заказчикам на производство строительно-монтажных работ (предварительно определив по согласованию с городскими районными исполкомами лицо, которое будет осуществлять контроль за выполнением всех требований проекта)[1249].

В итоге количество храмов в Донецком регионе выросло с 87 в 1985 г. до 101 в 1990 г. Динамика роста числа храмов была такова: на 1 января 1985 г. в области было 87 церквей, на 1 января 1988г. – 87 церквей, на 1 января 1989 г. – 89 церквей, а на 1 января 1990 г. – 101 церковь[1250].

Таким образом, 1964 – 1988 гг. на Донетчине прошли под знаком скрытого давления на Русскую Православную Церковь при общем внешнем благополучии государственно-церковных отношений. Количество храмов в незначительно, но продолжало сокращаться. В Донецкой области контролировались православные семьи, активно велась атеистическая работа в школе и на предприятиях, в связи с чем резко уменьшилось количество крещаемых; за священнослужителями следили, их проповеди проверяли; за что отвечал огромный штат сотрудников. В регионе начались очередные изъятия (экспроприации) из храмов и молитвенных домов остававшихся там ценных икон и старинных книг. Было очевидно, что

[1249] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 591. Л. 132.
[1250] ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 519. Л. 3.

деятельность властей была направлена на окончательно «затухание» церковной жизни в промышленном регионе с небольшим количеством храмов и с достаточно разрозненным, но, как казалось властям, недостаточно воцерковленным населением.

Анализ источников показал, что Русская Православная Церковь испытывала давление со стороны государства на протяжении всего послевоенного периода. И хотя его пик пришелся на время правления Н. С. Хрущева, период правления Л. И. Брежнева и последующих правителей по сути не принес Русской Православной Церкви облегчения. А «потепление» при М. С. Горбачеве было привнесено «извне»: изначально в планах властей нормализация отношений с Русской Православной Церковью не стояла[1251].

[1251] Филиппов Б. А. Влияние советско-американских переговоров 1985-1989 гг. на изменение советской вероисповедной политики. Исторические и политические контексты визита Горбачева в Ватикан // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 105. С. 124-153.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в представленном диссертационном исследовании предпринята попытка изучить церковную жизнь и государственно-церковные отношения на территории Донецкого региона в 1919 - 1988 гг.

С момента захвата власти вся деятельность большевиков была направлена на уничтожение того уклада жизни, который сформировался в стране до Октябрьских событий.

В контексте этой задачи новая власть, провозглашая свободу совести, одновременно начала гонения против Русской Православной Церкви. Это выражалось в неконтролируемых набегах на монастыри, в поругании святынь, в издевательствах над священниками, в разгонах и расстрелах крестных ходов и проч. В учебных заведениях из программ убрали предмет «Закон Божий», а из помещений вынесли иконы.

При этом, если в начале правления большевиков гонения носили бессистемный характер (были стихийными), то в дальнейшем они стали оформленными, а их проведение не зависело от мнения или поведения верующих. Государство стремилось использовать любую удобную ситуацию для нанесения ущерба Православной Церкви. Как следствие, охвативший в 1921 г. страну голод стал предлогом для изъятия церковных ценностей.

Антицерковный характер проведения кампании был предопределен заранее. Так, несмотря на то, что православные священнослужители Донетчины (в не меньшей степени охваченной голодом, чем другие регионы страны) готовы были отдать ценности голодающим, их отношение к бедствующим было охарактеризовано как черствое. А в процессе изъятий представители власти преднамеренно оскорбляли чувства верующих, изымали предметы, имеющие сакральное значение, и проч. Заявленные замены церковных предметов из драгоценных металлов предметами из недрагоценных металлов были

незначительными или же не производились вовсе; а денежная компенсация за утварь и проч. значительно превышала себестоимость. При этом посыл властей, что церковные ценности в предложенной ими форме изымались без сопротивлений, был изначально не корректен, поскольку изъятия сопровождались сопротивлениями верующих, а сопротивлявшиеся зачастую привлекались к суду Революционного трибунала. В ходе «следствия» нередко происходила вербовка православных в обновленческий раскол.

Суммы, полученные большевиками при изъятиях, были незначительны даже при том, что в храмах и молитвенных домах нередко проводились повторные изъятия церковных ценностей. Свидетельств того, что изъятое пошло на помощь голодающим, в документах зафиксировано не было.

Было очевидно, что конечной целью изъятия церковных ценностей являлась не помощь голодающим, а нанесение максимального ущерба Православной Церкви ввиду борьбы с нею. Подтверждением этому может быть и судебный процесс над монашествующими Святогорской пустыни, закончившийся отнюдь не наказанием якобы провинившихся монахов, а предложением закрыть обитель.

Насаждение расколов в Донецком регионе проходило при поддержке властей и встречало немалое сопротивление православных верующих. Верующие понимали, что конечной целью организовываемых властью процессов является уничтожение Православной Церкви. Лояльных власти обновленцев православные верующие именовали не иначе как «христопродавцы» и вели с ними ожесточенную борьбу. Несмотря на это, власти всячески способствовали вербовке православных в обновленчество; отслеживали создание «групп» борющихся с обновленцами активных мирян и по сути руководили захватами обновленцами православных храмов. Захватывая православные храмы в селах и городах региона, обновленцы не скрывали, что имеют на это «разрешение властей». Власти рассчитывали, что в ситуации с отсутствием храмов православные верующие массово пойдут к обновленцам, но этого не случилось. Захваченные обновленцами церкви (в отличие от православных) пустовали, а общее количество «тихоновских» храмов значительно превышало количество обновленческих.

Аналогично в штыки встречалось православными Донецкого региона и появление «самосвятов» УАПЦ. Благочинные рассылали письма о незаконном избрании епископов УАПЦ, и миряне знали, с кем имеют дело. Помимо неканоничности, автокефалисты несли с собой «украинское богослужение» и идеи украинского национализма, что априори не могло было найти положительного отклика у русскоязычного населения Донетчины. Как следствие, автокефалистских храмов в регионе было только три.

При этом и обновленцы, и автокефалисты имели проблемы с кадрами, из чего можно сделать вывод, что православные верующие не спешили «переходить» в подобные структуры. Даже с перспективой, например, у обновленцев, занять высокий «пост», который, к тому же, оплачивался из государственной казны. В итоге власти поняли, что им необходима структура, объединившая бы в себе лояльность к власти обновленцев, каноничность православных и украинофильство «самосвятов». Таким образом было создано БОПУПАЦ, ориентированное на украинизацию и автокефалию Украинской церкви. Власти не скрывали, что БОПУПАЦ должно было «бороться с тихоновщиной». Между тем, и эта структура не получила значительной поддержки у населения Донецкого региона. Таким образом, попытки привнесения (для дезорганизации церковной жизни и оттока православных верующих) в Донетчину расколов, несмотря на активную поддержку властей, в общем и целом имели далеко не тот результат, на который рассчитывали власти.

В ответ на Декларацию митрополита Сергия (Страгородского) в Донецком регионе появилась правая церковная оппозиция. Как и в целом по стране, в движение «непоминающих» в Донетчине это движение было крайне неоднородным, включая в себя как священнослужителей, впоследствии причисленных к лику святых, так и «подгоровцев» и проч.

В 1920-х гг. власти уже практиковали в Донецком регионе ссылку неугодных православных священнослужителей. Но и ссылки, и проходившие параллельно закрытия православных храмов в этот период еще не носили массового характера. Между тем как после выхода в 1929 г. закона ВЦИК «О религиозных

объединениях», в 1929-1935 гг., на Донетчине началась кампания по закрытию храмов, носившая всеобщий характер и затронувшая как православных, «непоминающих», старообрядцев, так и обновленцев и «булдовцев». Закрытия проходили на фоне обнищания и непосильного налогообложения священнослужителей. (В то же время обновленцы еще не осознавали, что были лишь использованы государством для борьбы с Православной Церковью, вследствие чего все так же надеялись на исключительное, по сравнению с православными, положение.) Изъятия сопровождались протестами верующих, но, тем не менее, власти объявляли, что храмы закрываются и передаются под культурно-просветительские цели исключительно по желанию местных жителей. Остававшимся «бесприходными» священникам чинили препятствия при регистрации в ИК-е. Но церковная жизнь на территории Донетчины не прекратилась, а приняла другие формы, став преимущественно нелегальной: священники нелегально служили службы, занимались требоисполнением, собирали подписи «за открытие» храмов и т. д. При этом с середины – конца 1920-х гг., несмотря на то, что церковное управление в Донетчине было затруднено, настоятели храмов продолжали поддерживать связь с благочинными. В 1930-х гг. в документах НКВД по Сталинской (Донецкой) области появляется формулировка «православная Донецкая епархия».

Все это проходило на фоне разворачивавшихся в стране репрессий. Начавшиеся сразу же после Октябрьских событий, гонения к 1929–1932 гг. стали оформляться в систему, окончательно выработанную в период коллективизации и «отшлифованную» ко времени Сталинской Конституции 1936 г. (и ее украинского варианта 1937 г.). Если в 1920-е гг. гонениям в Донетчине подвергались в основном православные священнослужители, то с конца 1929 г. давление оказывалось уже и на мирян. При этом, когда репрессии только набирали обороты, в ряде случаев еще можно было добиться оправдания обвиненных лиц.

Как и в целом по стране, репрессии в Донецком регионе достигли своего пика в 1937 г., в период «великой чистки», которая охватила все социальные слои населения.

В 1937 г. репрессиям против православных предшествовали публикации в прессе, в которых Православная Церковь именовалась «орудием контрреволюции» и проч.

К этому времени были уже выработаны стандартные обвинения, использовавшиеся против всех обвиняемых: антисоветская агитация, контрреволюционная деятельность, монархические взгляды, шпионаж, противление советскому строю, восхваление жизни в капиталистических странах, противодействие образованию колхозов, обложению налогами, саботаж новой Конституции и выборов в Верховный Совет и т. д. Эти обвинения выдвигали как в адрес отдельных священнослужителей, так и в адрес «групп», под которые могли попасть любые встречи или собрания. При этом репрессии на Донетчине имели и специфические региональные особенности, как, например, фиктивная борьба с несуществующими в русскоязычном регионе украинскими националистами.

Верующие понимали, что священников арестовывают только за то, что они верят в Бога, и знали, что репрессированные подвергаются мучением. Как следствие, в складывавшейся ситуации репрессированные воспринимались в народе как мученики. В свою очередь, власти применяли репрессивные меры уже к распространителям подобной информации.

К середине 1930-х гг. городские священнослужители Донецкого региона, в отличие от более консервативного духовенства сельской местности, были менее склонны к обострению отношений с советской властью: они не делали протестных заявлений и сочетали нелегальное церковное служение с работой в гражданских учреждениях. Но даже несмотря на такого рода перемены в настроении духовенства, против священнослужителей продолжалось применение репрессивных мер.

Было очевидно, что, даже претерпевая изменения, в целом репрессии на Донетчине проходили в рамках общесоветского репрессивного процесса.

В период немецкой оккупации Сталинская (Донецкая) область не вошла в состав рейхс-комиссариата «Украина». При этом в Донетчине так же, как и в целом по стране, была возобновлена церковная жизнь: в регионе активно

открывались храмы, рукополагались священнослужители и т. д. Начатая оккупантами кампания по открытию храмов и молитвенных домов во многом носила пропагандистский характер и была призвана противопоставить «новый порядок», устанавливаемый оккупантами, тому, что существовал при Советской власти. Вследствие чего каждое открытие церкви или молитвенного дома активно освещалось в оккупационных средствах массовой информации.

Параллельно захватчики требовали от священнослужителей, чтобы они в своих проповедях акцентировали внимание на том, что немецкая армия якобы является для населения армией-освободительницей. И что только благодаря немецкой армии в СССР наконец прекратилось распространение атеизма, а верующие получили возможность беспрепятственно открывать закрытые церкви и посещать богослужения. Как следствие, немецкие коменданты нередко сами выступали с предложением открыть новую церковь или молитвенный дом и помогали с поиском зданий, утварью, ремонтом полуразрушенных церквей.

В регионе образовались два епархиальных управления (Донецкое и Макеевское), впоследствии объединенные в одно. Несмотря на разногласия между организаторами управлений, они окормлялись каноническими архиереями (Украинская Автономная Церковь).

Независимо от того, что верующие Донецкого региона явно поддерживали каноническую Православную Церковь, оккупанты попытались разыграть в Донетчине «националистическую карту» и предприняли попытки привнести в регион автокефалистское движение. Пропагандой автокефализма оккупанты занимались исключительно среди священнослужителей. Но старания «раскачать» их на предмет украинизации богослужения и церковной жизни к какому бы то ни было существенному результату не привели. Так, основатель Донецкого епархиального управления протоиерей Арсений Кнышев крайне отрицательно отнесся к перспективе введения в регионе «национальной церкви» в силу неканоничности УАПЦ и отсутствия в Донетчине симпатий к «самосвятам». Аналогично отрицательной была реакция и представителя другого крупного центра – Горловки – протоиерея Николая Войтковского. На многочисленные и

настойчивые предложения ввести в Горловке богослужение на украинском языке протоиерей Николай неизменно отвечал отказом, аргументируя это тем, что в связи с преобладанием в национальном составе Горловки русских, украинское богослужение в городе принято не будет. Немцы очевидно стремились к тому, чтобы УАПЦ была внедрена, но при этом, скорее всего, не предполагали, что автокефализм сможет доминировать над канонической Православной Церковью. Тем более что сами автокефалистские иерархи служить в не-украинских регионах не хотели. Есть сведения, что рейхкомиссар Украины рекомендовал украинскому архиепископу Поликарпу (Сикорскому) (УАПЦ) перевести епископа Мстислава (Скрипника) в город, где преобладало не украинское население. Среди предложенных рейхкомиссаром городов значились Ростов-на-Дону, Сталино (Юзовка, Донецк) и Ворошиловград (Луганск). Епископ Мстислав ехать в не украинские города отказался. Вполне вероятно, что оккупанты хотели использовать УАПЦ в Донетчине для уравновешивания деятельности канонических структур. В связи с тем, что регион мало питал симпатий к «самосвятам», воплотить эту идею не удалось. И тогда для противопоставления и разъединения верующих оккупанты начали использовать обновленцев, а также баптистов и некоторые группы ИПЦ («подгорновцев», иоаннитов). Так, оккупанты не препятствовали функционированию в Зайцево под Горловкой достаточно крупного «подгорновского» монастыря, насельники которого далеко не дружелюбно относились к православным; присутствовали на служениях баптистов (баптисты активно занимались миссионерской работой среди православных, «оттягивая» их от Православной Церкви); кроме того, по всей видимости, вполне положительно относились к «здравицам» иоаннитов (православные верующие молитв за оккупантов не допускали) и проч. При этом, зная о возобновлении церковной жизни на оккупированных территориях, советские власти со своей стороны разрешили православным на освобожденных территориях праздновать Пасху. Разрешение было встречено с радостью, а Пасхальные богослужения сопровождались патриотическими проповедями, сбором средств на пострадавших в войну и призывами потрудиться для

окончательного освобождения Родины.

24 мая 1944 г. в регионе была официально оформлена организованная в годы оккупации Донецкая и Ворошиловградская епархия (управляющий епархией – епископ Никон (Петин)). При поставлении владыки имел место эпизод, свидетельствующий о существовании в этот период в УССР градации на «русскоязычные» и «украиноязычные» области. Поначалу Священный Синод принял решение рекомендовать епископа Никона для служения на Западной Украине. Причиной, по которой владыка не занял Львовскую кафедру, стало незнание владыкой украинского языка, в связи с чем его отправили на Восток, где украинский язык не был необходим в силу русскоязычности подавляющего православного населения.

При этом практически сразу после освобождения области от немецко-фашистских захватчиков, в 1943 г., в Донецком регионе начались изъятия открытых в период оккупации церквей и молитвенных домов. Аргументом в пользу подобных действий становилось утверждение, что церковные здания, занятые верующими во время немецко-фашистской оккупации, были общественными. То обстоятельство, что эти действительно общественные здания до войны зачастую были церковными, чиновники во внимание не брали. С января 1945 г. решения об изъятии у общин храмов не согласовывались с Советом по делам Русской Православной Церкви, то есть перешли в ведение областной исполнительной власти.

Из положительных тенденций этого периода можно отметить проведение в регионе в 1947 г. богословских курсов. Но в том же 1947 г. прихожанам храмов уже было запрещено приглашать священника в дом; просить храмы о материальной помощи; сборы и пожертвования на патриотические цели прекратились, несмотря на получаемый с них доход. При этом Русская Православная Церковь по-прежнему занимала активную патриотическую позицию и призывала соотечественников «на труд великий, творческий и святой».

Начиная с 1948 г., храмы в епархии уже закрывались без определенного повода, например, из-за отсутствия ремонта. В том же 1948 г., несмотря на то, что

половина священнослужителей Донецкого региона имела низшее образование, в области были фактически закрыты пастырские курсы: новый набор на них не производился.

Что касается церквей, в первую очередь снимались с учета бедствующие сельские храмы. Предполагалось, что верующим будут выделяться здания взамен изъятых. Но, как правило, таких замен либо не было, либо площадь новых зданий была несопоставимо мала по сравнению с изымаемыми.

Епархия шла навстречу своим прихожанам и разрешала им брать в епархиальном управлении кредит на приобретение нового здания под молитвенный дом. Несмотря на подобную помощь, храмы значительно потеряли в площади.

Параллельно в области наметилась практика снятия священнослужителей с регистрации. (Характерно, что в этот период в епархии активно рукополагались священнослужители: люди не боялись становиться священниками, несмотря на очевидно наметившееся давление на Православную Церковь.)

Единственным видом деятельности, в который не могли вмешаться власти, стали православные службы. По мере устроения внутриепархиальной жизни богослужения начали проводить не только в центральных храмах, но и в глубинке, не только в праздничные дни, но и в будни.

Но в то же время уполномоченный пытался ограничить соборное богослужение, «боролся» с прислуживанием детей в храмах, следил за семинаристами, пресекал любые проявления миссии на селе.

Тем не менее, посещаемость церквей в области в этот период была высокой, и власти пытались ограничивать деятельность епископа Никона (Петина). Таким образом, в Донетчине, в отличие от других регионов Советского Союза, значительное давление на Православную Церковь наблюдалось уже практически с момента освобождения от немецких оккупантов.

Между тем, эпоха Н. С. Хрущева была ознаменована колоссальным наступлением на Русскую Православную Церковь. При этом в начале правления Н. С. Хрущева в Донецкой области активно велась борьба с «осколками»

православных сестричеств, но сокращение храмов было еще незначительным. Ситуация заметно изменилась в 1954 гг. В эти годы особую активность при изъятии храмов стали проявлять местные исполнительные комитеты. После выхода Постановления ЦК КПСС об усилении научно-атеистической пропаганды на чрезмерное рвение в вопросе закрытия церквей областных и районных работников жаловался сам уполномоченный.

Между тем, с 1955 г. по 1957 г. церковно-государственные отношения в Донетчине характеризовались относительной стабильностью. В 1957 г. в Сталинской области был снят с регистрации только один храм, а количество крещаемых детей увеличилось. В том же 1957 г. в большинстве храмов были совершены Пасхальные богослужения, на которых присутствовало значительное количество молодых людей и людей среднего возраста. Но, с другой стороны, приходившие в негодность церкви запрещали ремонтировать, а помогавших храмам и открыто крестивших детей граждан – представителей интеллигенции уже снимали с занимаемой должности**.** Кроме того, в области начали проводить антицерковную работу лекторы-атеисты. Государство усилило контроль за проповедями священников, посещением святых источников и т. д. Все это стало базой для открытого колоссального наступления на Русскую Православную Церковь. Новое активное наступление на Православную Церковь в Сталинской области началось в 1958 г. В регионе массово закрывались храмы, преследовались верующие и духовенство. 1960-й год стал годом максимального сокращения количества приходов в регионе. Параллельно в Донетчине резко сократилось количество крещений (уменьшение было обусловлено регистрацией крещений в храмовых журналах). На фоне массового закрытия храмов и все усиливавшегося давления на Русскую Православную Церковь в Сталинской области начали появляться ренегаты (вероотступники), активно использовавшиеся властью в антицерковной пропаганде. Жалобы и ходатайства верующих об открытии храмов не рассматривались в принципе.

С 1962 г. годовые планы уполномоченного стали набором директив, направленных на уничтожение Русской Православной Церкви, а первым пунктом

в них значилась ликвидация церквей. Те храмы, которые еще не снесли, не разрешали ремонтировать, и они разрушались.

Кроме того, в 1962 г. все священнослужители Донецкого региона были переведены на твердый оклад, а административно-финансовые и хозяйственные функции храмов и молитвенных домов были полностью возложены на исполнительные органы приходских общин. Таким образом было закреплено бесправное положение священника-настоятеля на приходе и переход финансово-административных функций в руки мирян.

При этом атеистическая пропаганда в Донетчине достигла небывалых масштабов: с верующими проводилась как индивидуальная работа, так и работа «в коллективах». Особенное внимание уделялось детям и молодежи. Семинаристы уже рассматривались как оступившиеся.

Маленькими окладами и полной зависимостью от приходских советов государство рассчитывало «выдавить» духовенство с приходов. А запретами на крещения, посещение церквей, атеистической работой и проч. – вытеснить верующих из храма. Но массового «исхода» ни священнослужителей, ни верующих из лона Русской Православной Церкви не произошло. Православная Церковь выстояла.

Характерной чертой государственно-церковных отношений в Донетчине в 1964 –1988 гг. стала внешняя стабильность при непрекращающемся внутреннем давлении государства на Русскую Православную Церковь. Храмы сокращались уже далеко не теми темпами, что были заявлены при Н. С. Хрущеве. А антирелигиозная работа проводилась преимущественно под предлогом соблюдения законодательства о религиозных культах.

Бедность, малочисленность прихода и аварийное состояние храмов были основными причинами для снятия с регистрации церквей и молитвенных домов. К началу 1970-х гг. церкви в Донецкой области были либо снесены, либо оттеснены на окраины населенных пунктов. По всей видимости, к середине 1970-х гг. задача по сокращению их количества в области была в целом выполнена. В дальнейшем первым пунктом в планах уполномоченного значилось не

сокращение храмов, а борьба с «религиозной обрядностью»: крещениями, посещениями храмов, причащениями и т. д. В качестве «альтернативы» церковным таинствам – предлагались «новые советские обряды». Деятельность контролирующих комиссий по соблюдению законодательства о религиозных культах достигла небывалых масштабов и касалась всех категорий граждан, но особенно – детей и молодежи.

Параллельно Донецкий регион захлестнула новая волна изъятий церковных ценностей – экспроприаций, проводившихся под предлогом сохранения произведений искусства и старинных книг. Результаты этой кампании были минимальными, но из храмов были изъяты все остававшиеся более или менее ценные предметы.

Государство продолжало контролировать священнослужителей и активных прихожан. А значительные пожертвования Русской Православной Церкви в Фонд мира и в Общество по охране памятников истории и культуры фактически стали легализованной формой ограбления Православной Церкви.

Положительные перемены во взаимоотношениях государства с Русской Православной Церкви наметились только в связи с празднованием 1000-летия Крещения Руси и были обусловлены политическими мотивами, а отнюдь не желанием властей пойти навстречу Православной Церкви.

Тем не менее, празднование 1000-летия Крещения Руси в Донецком регионе положило начало кампании по восстановлению храмов. Было очевидно, что в области взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви наметились перемены.

Таким образом, в связи с тем, что до настоящего времени комплексного изучения церковной жизни и государственно-церковных отношений на территории Донетчины не проводилось, представленное диссертационное исследование является попыткой восполнить этот пробел. В будущем работа могла бы быть использована как при изучении региональной истории в Донецкой и Луганской Народных Республиках, так и в процессе формирования государственно-церковных отношений в Донетчине на современном этапе.

Список терминов

1. Донецкая Народная Республика – субъект Российской Федерации, в статусе Республики; «пределы территории Донецкой Народной Республики определяются границами территории Донецкой Народной Республики, установленными Конституцией Донецкой Народной Республики на день ее образования и на день принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта»[1252]. Синонимичные названия: Донетчина, Донецкий регион.

[1252] Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики". Режим доступа: https://rg.ru/documents/2022/10/05/fkz5-site-dok.html (дата обращения: 18. 12 22 г.).

Список использованных источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 6991. Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме – Совете Министров СССР.

1. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235.
2. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 367.
3. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 496.
4. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2089.
5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 92.
6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп 7. Д. 133.

Ф. 5263. Комиссия по делам культов при ВЦИК СССР.

7. ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 71.
8. ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 72.
9. ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 73.
10. ГАРФ. Ф. 5263. Оп 1. Д. 75.
11. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 76.
12. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 78.

Ф. Р-470. Особая комиссия по расследованию действий большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России.

13. ГАРФ. Ф.Р.-470. Оп. 2. Д. 1.
14. ГАРФ. Ф.Р.-470. Оп. 2. Д. 2.
15. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 6А.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС).

16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2291.

17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2302. Т. 2.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 1562. Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР.

18. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 154.

19. РГАЭ. Д. 143.

Государственный архив Донецкой области (ГА ДО)

Ф. Р.-2. Юзовский окрисполком г. Юзовки.

20. ГАДО. Ф.Р.-2. Оп. 1. Д. 203.

21. ГАДО. Ф.Р.-2. Оп. 1. Д. 532.

Ф. Р.-522. Оп. 1, 2. Юзовский уездный исполком.

22. ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 67.

23. ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 90.

24. ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 218.

25. ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 223.

26. ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 1. Д. 231.

27. ГАДО. Ф.Р.-522. Оп. 2. Д. 37.

28. ГАДО. Ф. 552. Оп. 2. Д. 218.

Ф. Р.-2794. Исполнительный комитет Донецкого областного Совета народных депутатов.

29. ГАДО. Ф. Р.-2794. Оп. 1. Д. 2518.

Ф. Р.-4021. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов.

30. ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 58.

31. ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 148.

32. ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 192.

33. ГАДО. Ф.Р.-4021. Оп. 1. Д. 195.
34. ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 211.
35. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 227.
36. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 228.
37. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 230.
38. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 237.
39. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 253.
40. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 268.
41. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 272.
42. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 275.
43. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 285.
44. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 286.
45. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 312.
46. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 332.
47. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 333.
48. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 334.
49. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 354.
50. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 357.
51. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 362.
52. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 364.
53. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 368.
54. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 373.
55. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 374.
56. ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 375.
57. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 382.
58. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 437.
59. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 447.
60. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 450.
61. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 453.
62. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 472.

63. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 475.
64. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 485.
65. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 503.
66. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 504.
67. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 510.
68. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 516.
69. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 519.
70. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 528.
71. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 532.
72. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 536.
73. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 550.
74. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 552.
75. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 570.
76. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 577.
77. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 589.
78. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 591.
79. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 598.
80. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 602.
81. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 603.
82. ГАДО. Ф. Р-4021. Оп. 1. Д. 475.
83. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 536.
84. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 1. Д. 540.
85. ГАДО. Ф. Р.-4021. Оп. 2. Д. 308.

Ф. Р.-4022. Уполномоченного совета по делам Русской Православной Церкви при Сталинском (с 1961 г. - Донецком) облисполкоме.

86. ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 1.
87. ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 3.
88. ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 7.
89. ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 11.
90. ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 14.

91. ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 15.
92. ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 17.
93. ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 18.
94. ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 20.
95. ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 21.
96. ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 23.
97. ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 24.
98. ГАДО. Ф.Р. 4022. Оп. 1. Д. 25.
99. ГАДО. Ф.Р.–4022. Оп. 1. Д. 29.
100. ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 30.
ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 35.
101. ГАДО. Ф.Р.-4022. Оп. 1. Д. 36.
102. ГАДО. Ф. Р.-4022. Оп. 1. Д. 37.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления в Украине (ЦГАВОВУ)
Ф. 5. Народний комісаріат внутрішніх справ УРСР. м. Київ.
103. ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 109.
104. ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1094.
Ф. 3538. Українська республіканська надзвичайна комісія з розслідування збитків і злочинів, заподіяних німецько-фашистськими загарбниками організаціям та населенню УРСР. м. Київ.
105. ЦГАВОВУ. Ф. 3538. Оп. 1. Д. 24.
Ф. 3984. Українська автокефальна православна церква, м. Київ. (1918-1929).
106. ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 72.
107. ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 102.
108. ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 255.
109. ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 259.
110. ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 475.
111. ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 476.

112. ЦГАВОВУ. Ф. 3984. Оп. 1. Д. 498.

Ф. 4648. Рада в справах релігії при Міністерстві у справах міграції і національностей України та її попередники (об'єднаний фонд).

113. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 8.

114. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 10.

115. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 12.

116. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 13.

117. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 34.

118. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 46.

119. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 59.

120. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 73.

121. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 88.

122. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 90.

123. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 98.

124. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 148.

125. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 157.

126. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 160.

127. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 164.

128. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 175.

129. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 176.

130. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 181.

131. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 193.

132. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 198.

133. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 208.

134. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 222.

135. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 1. Д. 239.

136. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 50.

137. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 2. Д. 61.

138. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 2.

139. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 195.

140. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 231.
141. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 7. Д. 319.
142. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 85.
143. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 148.
144. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 184.
145. ЦГАВОВУ. Ф. 4648. Оп. 5. Д. 239.

Центральный государственный Архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ)
ЦГАООУ. Ф. 1. Центральний комітет компартіі Украіни.
146. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 2 ч. Д. 451.
147. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 90.
148. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006.
149. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2007.
150. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 60.
151. ЦГАООУ. Ф. 1 Оп. 23. Д. 90.
152. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 336.

Управление Службы безопасности Украины в Донецкой области
153. Архив временного хранения Управления СБУ в Донецкой области. Ф. 8563-2ф. Д. 3851. Т. 2.
154. Архив Учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров УССР. Ф. 16802 – 2 ф. Д. 233.
155. Архив временного хранения Управления СБУ в Донецкой области. Ф. 16802 – 2 ф. Д. 10536-2ф.

Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины
156. Дело № 75802 фп (Бабич Даниил Михайлович, 1885 г. р.).
157. Дело № 75727 фп (Балдинов Петр Иванович, 1874 г. р.).
158. Дело № 75767 фп (Баша Тимофей Степанович, 1872 г. р.).

159. Дело № 75792 фп (Березняк Максим Сидорович, 1874 г. р.).
160. Дело № 75772 фп (Бесчасный Федор Иванович, 1874 г. р.).
161. Дело № 75726 фп (Белышев Василий Андреевич, 1890 г. р.).
162. Дело № 75794 фп (Бирюков Павел Алексеевич, 1888 г. р.).
163. Дело № 75793 фп (Борейко Аркадий Иосифович, 1880 г. р.).
164. Дело № 75718 (Вагнер Адам Касперович, 1894 г. р.).
165. Дело № 75797 фп (Веревочников Евсей Ермолаиевич, 1863 г. р.).
166. Дело № 75785 фп (Власенко Наум Иванович, 1875 г. р.).
167. Дело № 75806 фп (Войтковский Николай Алексанрович , 1882 г. р.).
168. Дело № 75710 фп (Варяница Михаил Митрофанович, 1897 г. р.).
169. Дело № 75723 фп (Галушко Михаил Кузьмич, 1873 г. р.).
170. Дело № 75758 фп (Гаркуша Панас Игнатьевич, 1890 г. р.).
171. Дело № 75796 фп (Глебов Маркел Андреевич, 1888 г. р.).
172. Дело № 75737 фп. (Горовой Николай Лаврентьевич, 1894 г. р.).
173. Дело № 75738 фп (Гоцентеллер Михаил Валентинович, 1878 г. р.).
174. Дело № 75730 фп (Демишев Виктор Александрович, 1866 г. р.).
175. Дело № 75715 фп (Дубовецкий Михаил Александрович, 1878 г. р.).
176. Дело № 75741 фп (Дузь Михаил Опанасович).
177. Дело № 75800 фп (Евдокимов Николай Моисеевич, 1878 г. р.).
178. Дело № 75799 фп (Евсеев Яков Петрович, 1868 г. р.).
179. Дело № 75795 фп (Егоров Михаил Пантелеевич, 1871 г. р.).
180. Дело № 75755 фп (Еременко Пантелей Макарович, 1869 г. р.).
181. Дело № 75743 фп (Зайцев Федор Иванович, 1875 г. р.).
182. Дело № 75775 фп (Зибров Петр Александрович, 1908 г. р.).
183. Дело № 75774 фп (Зуммер Сергей Иосифович, 1883 г. р.).
184. Дело № 75796 фп (Илюкевич Александр Филиппович, 1897 г. р.).
185. Дело № 75749 фп (Ищенко А. С.).
186. Дело № 75804 фп (Калюжный Аввакум Саввович, 1866 г. р.).
187. Дело № 75731 фп (Кириллов Серафим Григорьевич).
188. Дело № 75728 фп (Киринцев Иван Степанович, 1883 г. р.).

189. Дело № 75716 фп (Китайский Григорий Андреевчи, 1875 г. р.).

190. Дело № 75801 фп (Кириченко Елена Егоровна, 1894 г. р.).

191. Дело № 75748 фп (Ключников Исихий Авксентьевич, 1875 г. р.).

192. Дело № 75760 фп (Кнышов Арсений Игнатьевич, 1901 г. р.).

193. Дело № 75713 фп (Колесниченко Платон Иванович, 1873 г. р.).

194. Дело № 75803 фп (Котиков Нил Игнатьевич, 1879 г. р.).

195. Дело № 75780 фп (Кондратенко Петр Филиппович, 1895 г. р.).

196. Дело № 75807 фп (Кравченко Василий Николаевич, 1885 г. р.). (Дело Могилко Е.А. и др.).

197. Дело № 75779 фп (Крещановский Иван Ксенофонтович, 1887 г. р.).

198. Дело № 75787 фп (Кругляк Андрей Захарович, 1898 г. р.).

199. Дело № 75746 фп (Левочкин Андрей Захарович, 1898 г. р.).

200. Дело № 75790 фп (Маляревский Андриан Авксентоевич, 1874 г. р.).

201. Дело № 75725 фп (Манжура Прокофий Иванович, 1878 г. р.).

202. Дело № 75709 фп (Мезинов Филипп Владимирович, 1870 г. р.).

203. Дело № 75735 фп (Михайличенко Павел Авраамович, 1872 г. р.).

204. Дело № 75773 фп (Молодченко Василий Александрович) (Даншин Д.Н. и др.).

205. Дело № 75729 фп (Никифоров Семен Васильевич).

206. Дело № 75739 фп (Орловский Семен Платонович, 1873 г. р.).

207. Дело № 75761 фп (Павлов Федор Елисеевич, 1895 г. р.).

208. Дело № 75806 фп (Пальчевский Евдоким Михайлович).

209. Дело № 75711 фп (Панкеев Антон Александрович, 1892 г. р.).

210. Дело № 75789 фп (Петров Афанасий Денисович, 1883 г. р.).

211. Дело № 75788 фп (Печникова Александра Васильевна, 1881 г. р.).

212. Дело № 75724 фп (Позднеев Василий Петрович, 1872 г. р.).

213. Дело № 75712 фп (Поликарпов Дмитрий Васильевич, 1870 г. р.).

214. Дело № 75714 фп (Попов Василий Григорьевич, 1878 г. р.).

215. Дело № 75752 фп (Попов Михаил Григорьевич, 1886 г. р.).

216. Дело № 75771 фп (Поповиченко Алексей Гаврилович, 1905 г. р.).

217. Дело № 75751 фп (Предтечевский Александр Федорович, 1867 г. р.).
218. Дело № 75734 фп (Прозоровский Рафаил Арсентьевич, 1870 г. р.).
219. Дело № 75720 фп (Рева Иван Якович, 1874 г. р.).
220. Дело № 75754 фп (Самотугин Дионисий Иванович, 1888 г. р.).
221. Дело № 75759 фп (Сафановский Евтихий Иванович, 1893 г. р.).
222. Дело № 75769 фп (Светленко Роман Евстафьевич, 1879 г. р.).
223. Дело № 75740 фп (Селиверстов Алексей Ефимович, 1885 г. р.).
224. Дело № 75736 фп (Сенченко Сергей Петрович, 1877 г. р.).
225. Дело № 75783 фп (Синицын Ферапонт Ефимович, 1881 г. р.).

Архив Святогорской Лавры.
226. Святогорский монастырь в период настоятельства архимандрита Трифона (Скрипченко). (Машинопись.)

Опубликованные источники

Справочные издания

227. История иерархии Русской Православной Церкви. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. – 960 с.
228. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920-1995: Биографический справочник. – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2007. – 576 с.
229. Бухарєва І. В., Даниленко В. М., Окіпнюк В. М., Преловська І. М. Репресовані діячі Української Автокефальної Православної Церкви (1921–1939): біографічний довідник. – К.: Смолоскип, 2011. – 182 с.

Документы религиозных организаций

230. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписки о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917 – 1943 гг. Сборник под ред. М. Е. Губонина. Ч. 1, 2. – М.,

1994. – 1064 с.

Сборники документов

231. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. В 2-х кн. Кн. 1. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. – 600 с.

232. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2 т. Т. 1. 1944–1948. – М.: РОССПЭН, 2009. – 887 с.

233. История административно-территориального деления Донецкой области: 1919-2000 гг.: сборник документов и материалов. – Донецк: Государственный архив Донецкой области, Донетчина, 2001. – 272 с.

234. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Сборник документов / Сост. Васильева О. Ю., Кудрявцев И. И., Лыкова Л. А. – М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2009. – 768 с.

235. Русская Православная Церковь в советское время (1917 – 1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Штриккер Г. – М.: Изд-во «Пропилеи «, 1995. – Кн. 1-2. – 400 с.

236. Шкаровский М. В. Политика Третьего Рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935 – 1945 годов (Сборник документов). – М.: Изд-во Грааль, Общество любителей церковной истории, 2003. – 368 с.

237. Церковь в сводках ОГПУ. URL: http://istmat.info/node/8765 (дата обращения: 21. 08 15 г.).

Законодательные и нормативно-распорядительные акты

238. Декрет ВЦИК "О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих", 23 февраля 1922 г.[1253] .

239. Декрет Совета Народных Комиссаров "Об отделении церкви от государства и

[1253] Декрет ВЦИК "О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих", 23 февраля 1922 г. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111420-dekret-vtsik-o-poryadke-izyatiya-tserkovnyh-tsennostey-nahodyaschihsya-v-polzovanii-grupp-veruyuschih-23-fevralya-1922-g (дата обращения: 18. 12. 22 г.).

школы от церкви"[1254] .

240. Конституція УРСР 1937 р.[1255].

241. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики"[1256].

Воспоминания

242. Мултых В. К. Мои воспоминания. – Одесса; Афины: Аполлон, cop. 2001. – 41 с.

Периодические издания

243. Всероссийская кочегарка. 1922.

244. Социалистический Донбасс. 1937.

245. Кочегарка. 1937.

246. Донецкий вестник. 1941– 1942.

247. Украинская земля. 1943.

248. Дебальцевский рабочий. 1960.

249. Приазовская правда.1922.

250. Русское Возрождение. 1981.

251. Символ. 1998.

252. Український Донбас. 1941.

253. Дніпропетровська газета. 1941.

254. Донецька Церква. 1942.

[1254] Декрет Совета Народных Комиссаров "Об отделении церкви от государства и школы от церкви". Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/ (дата обращения: 18. 12. 22 г.).

[1255] Конституція УРСР 1937 р. Режим доступа: https://pidruchniki.com/1180040855006/pravo/konstitutsiya_ursr_1937 (дата обращения: 14. 10. 19 г.).

[1256] Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики". Режим доступа: https://rg.ru/documents/2022/10/05/fkz5-site-dok.html (дата обращения: 18. 12 22 г.).

Исследования

255. Авдюгин Александр, протоиерей. Жизнеописание митрополита Бориса (Вик). – Луганск: Луганское епархиальное управление Украинской Православной Церкви, 2010. – 33 с.

256. Авдюгин Александр, протоиерей. Первый архиерей Луганщины. Жизнеописание архиепископа Никона (Петина). – Луганск: Луганское епархиальное управление Украинской Православной Церкви, 2010. – 36 с.

257. Агеева Е. А., Гуляев Георгий, протоиерей. Донецкая и Мариупольская епархия. Православная энциклопедия // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия «. Т. 15. – М. 2007. – С. 657 – 661.

258. Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. –1981 – 1982. – № 16.

259. Алексий (Годлевский), иеромонах; Марченко А. Н., протоиерей. Управление религиозными объединениями Русской Православной Церкви (На примере приходов в епархиях Восточной Украины в 1958–1964 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 1 (25). – С. 56–68.

260. Бахмутское викариатство // Православная энциклопедия // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». Т. 4. – М. 2002. – С. 395.

261. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943 – 1948 гг. – М.: Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории, 2001. – 213 с.

262. Веденеев Д. В. Атеисты в мундирах: Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. – М., ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 496 с.

263. Воробьев Владимир, прот. Косик О. В. Слово Местоблюстителя. Письма Местоблюстителя священномученика митрополита Петра (Полянского) к митрополиту Сергию (Страгородскому) из Тобольской ссылки и люди, послужившие появлению этих документов. // Вестник ПСТГУ. – 2009. –№ 3. – С. 37–69.

264. Георгий Никитич Никитин. Православная энциклопедия // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». Т. 11. – М. 2006. – С. 10.

263. Дамаскин (Орловский), игумен. Антоний (Панкеев), сщмч. Православная энциклопедия // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». Т. 2. – М. 2001. – С. 608 – 609.

265. Дамаскин (Орловский), игумен. Гонения на Русскую Православную церковь в Советский период. Православная энциклопедия // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». Т. 1. – М. 2000. – С. 179 – 189.

266. Днепропетровская и Павлоградская епархия. Православная энциклопедия // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». Т. 15. – М. 2007. – С. 453 – 450.

267. Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Известные и неизвестные страницы истории. – Донецк: АОЗТ «Издательство «Донеччина «, 2008. – 432 с.

268. Иванов С. Н. Церковное серебро в денежной реформе 1922-1924 гг. // Вестник ПСТГУ. – 2015. – № 6. – С. 38–63.

269. Ириней (Середний), митр. Агеева Е. А. Днепропетровская и Павлоградская епархия. Православная энциклопедия // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». Т. 15. – М. 2007. – С. 453 – 460.

270. Исиченко С. В. Образовательная и миссионерская деятельность Донецкой епархии Русской Православной Церкви в послевоенное десятилетие // Государство, общество, Церковь в истории России XX века: материалы VIII Международной научной конференции: в 2 ч. – Иваново, 2009. – Ч. 1. – С. 115-120.

271. Копылова О. Н. Борис (Вик Борис Иванович; 1906 – 1965), митр. Херсонский и Одесский. Православная энциклопедия // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». Т. 6. – М. 2003. – С. 35 – 36.
272. Кривова Н. А. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М.: АИРО-XX, 1997. – 247 с.
273. Лавринов Валерий, протоиерей. Временный высший церковный совет и его роль в истории РПЦ (1925-1945). – М.: Общество любителей церковной истории, 2018 г. – 608 стр.
274. Лавринов Валерий, протоиерей. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. – М.: Общество любителей церковной истории, 2016 г. – 736 стр.
275. Мазырин Александр, священник. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920 – 1930-х годах. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – 444 с.
276. Максимчук Т. А. Донбасс: три страшных времени. Режим доступа: http://dn.archives.gov.ua/articles/stat35.htm (дата обращения: 18. 10. 15 г.).
277. Мартынов А. С. Положение православной церкви в регионе Донбасса в условиях нацистской оккупации (1941-1943 гг.) // Церковь, государство и общество. М., 2020. С. 160–173.
278. Мартынов А. С. Положение русского языка еа Украине в условиях нацистской оккупации (1941-1943). URL: http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=128 (дата обращения: 14. 01. 23 г.).
279. Марченко А., прот. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. – М.: Изд-во Крутицкого подворья; О-во любителей церковной истории, 2010. – 328 с.
280. Матвеенко М. История Харьковской епархии (1850-1988). – Харків: Б.и., 1999. – 226 с.
281. Нестерова С. М., Майорова Е. П. Старообрядчество в Донбассе в 19 – начале 20 вв. Режим доступа: http://olhovatka–

online.ru/publ/cerkov_religija/staroobrjadchestvo_v_donbasse_v_khikh_nachale_khkh_vv/8–1–0–233 (дата обращения: 21. 08 15 г.).

282. Никитин Д. Н. Иоанникий. Православная энциклопедия // Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М.: Издательство: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». Т. 25. – М. 2011. – С. 114 –115.

283. Никольский В. Н. Православное духовенство Донетчины, репрессированное в 1920 – 1950-х гг. (в документах и материалах). – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2013. – 194 с.

284. Никольский В. Н. Религиозные течения и группировки в Донбассе середины 1920-х гг. // Новые страницы в истории Донбасса. – Кн. 3. – Донецк, 1993. – С.42–55.

285. «Обновленческий» раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). Сост. Соловьев И. В. – М.: Изд-во Крутиц. подворья, 2002 – 1062 с.

286. Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945.) – М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. – 540 с.

287. Олейников В. В. К вопросу о положении Русской православной церкви в Сталинской (Донецкой) области в период Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект // Актуальные вопросы противодействия фальсификациям истории Великой Отечественной войны (к 75-летию Победы): материалы межведомственного круглого стола 16 апреля 2020 г. – Саратов: Амирит, 2020. – С. 103-113.

288. Осипова И. И. «Сквозь огнь мучений и воды слёз...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь (по материалам следственных и лагерных дел заключённых). – М.: Серебряные нити, 1998. – 432 с.

289. Памяти митрополита Сергия (Петрова). Режим доступа: http://spetrov.holyres.org/03.htm (дата обращения: 21. 10 19 г.).

290. Пидченко С. А. «Архивные документы как источники изучения локальной истории Русской православной церкви в Донбассе с 20-е годы XX века» //

Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. 2018. № 6-7(12-13). – С. 94-98.

291. Пилипенко Ю. В. Религиозно-церковная жизнь Донбасса в 1943–1964 годы // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. 2018. № 6-7(12-13). – С. 100-110.

291. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.

292. Сафонов Д. В. Материалы по истории обновленческого раскола в российских архивах // XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ 2006: Материалы. Том II. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – С. 198-205.

293. Северилова П. В., Мельникович Игорь, протоиерей. Положение Русской православной церкви на территории Донбасса в период Великой Отечественной войны // Историческая память о Великой Победе как основа духовного единства Донбасса и России (в рамках празднования 75-летия Великой Победы). Материалы Международной научно-практической конференции. – Донецк, 2020. – С. 252-255.

294. Титаренко Д. Н., Пентер Т. «Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы». Донецк: «Світ книги», 2013. – 465 с.

295. Феодосий (Процюк), митрополит. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917 – 1943). – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2004. – 640 с.

296. Форостюк О. Д. Православная Луганщина в годы гонений и трагических испытаний (1917-1988 гг.). – Луганск: ЛИВД, 1999. – 119 с.

297. Фотиев Кирилл. Попытки украинской церковной автокефалии в XX веке. // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917–1950 гг. – М.: Общество любителей церковной истории, 1997. – 302 с.

298. Цыпин Владислав, протоирей. История Русской Православной Церкви. 1917 – 1990. – М.: Изд. дом «Хроника», 1994. – 256 с.

299. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917 – 1997. – В 9 т. – Т. 9. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. –

832 с.
300. Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. – М.: Вече, 2007. – 526 с.
301. Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь. Немецкая политика по отношению к Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР. / Отв. Д. В. Вановский и др. Серии: Материалы по истории Церкви. – Кн. 32. – М.: Общ. любителей церковной истории, 2002. – 528 с.
302. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
303. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943 – 1964 гг. от «перемирия» к новой войне. – СПб., М.: ДЕАА+АДИА, 1995. – 215 с.
304. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 гг. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – 400 с.
305. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2005. – 424 с.
306. Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. Серия: Русская Православная Церковь в XX столетии: документы, воспоминания, свидетельства – СПб.: Держава. Сатисъ, 2006. – 590 с.
307. Шкаровский М. В. Иосифлянство: Течение в Русской Православной Церкви. – СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал», 1999. – 399 с.
308. Яруцкий Л. Д. Мариупольские храмы вчера и сегодня. – Мариуполь: Коллектив, предприятие «Мариупол. инж. центр экон. и социал. Развития», 1991. – 32 с.
309. Власовській І. Нарис історії Української Православної Церкви: В 4 т. – Укр. Православ. Церква Київ. Патріархату. – Київ: 1998. Т. 4, ч. 1. – 1998. – 384 с.
310. Войналович В., Кочан Н. Релігійний чинник етнополітичних процесів на

Донбасі: історія і сучасність. – К.: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2015. – 303 с.

311. Луковенко І. Г. Радянська держава і Російська православна церква на Донеччині у 1943-1964 роках. – Донецьк: Донбас, ДОГО «Центр Діскавері», Центр релігієзнавчих досліджень та міжнародних духовних стосунків, 2011. – 353 с.

312. Міненко Тимофій, священик. Православна церква в Україні під час другої світової війни 1939-1945 (Волинський період). – Вінніпег – Львів: Видавництво Львівського музею історії релігій «Логос», Колегія Св. Андрія, 2000. – Т. 1. – 392 с.

313. Никольский В. Н. Правда через роки... Політичні репресії 1937 – 1938 рр. на Донетчині: причини, перебіг, наслідки. – Донецьк: «Каштан «, 2011. – 200 с.

314. Нікольський В. М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2003. – 624 с.

315. Татаринов С. Й. Витоки православ'я Донеччини. Харків, 2018. – 304 с.

316. Татаринов С. Й., Тутова Н. О. Історія православ'я Донеччини. Артемівськ, 2010. – 186 с.

317. Татаринов С. Й., Тутова Н. О. Православ'я Бахмутського краю – погляд крізь століття. Артемівськ, 2009. – 140 с.

318. Титаренко Д. М. Донбасс навесні 1943 року, німецькі документи свідчать // Нові сторінки історіі Донбасу. Збірник статей. Кн. 12. – Донецьк, ДонНУ, 2006. – 298 с.

319. Тригуб О. П. Розгром української церковної опозиції в Російській православній церкві (1922–1939 рр.). – Миколаїв: ТОВ «Фірма «Іліон», 2009. – 312 с.

320. Тригуб О. П. Розкол Російської православної церкви в Україні (1922-39 рр.): між державним політичним управлінням та реформацією. – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2009. – 300 с.

321. Фоборіль-Христенко Олександра. Римсько-католицька парафія в Донецьку: від заснування до сьогодення // Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. Частина І. – Львів, 2018. – 128 с.
322. Форостюк О. Д. Правове регулювання державно-церковних відносин на Донбасі у 1917-1941 роках. – Луганськ: Луганський ін-т внутріш. справ, 2000. – 165 с.
323. Хюреніна І. Ю. Антирелигиозная политика советской власти и общественные настроения в Донбассе в 1920–е гг. // Нові сторінки історіі Донеччини. – Донецьк: ДонНУ, 1998. – Кн. 6. – С. 134–141.
324. Димитрій, архіепископъ. 1942-1967. Archbishop Dimitry. Jackson, New Jersey 08527. 4 с.

Диссертации

325. Ландик Л. П. Деятельность Православной церкви в Донецкой области (1988 – 2004 гг.). Дис. … канд. ист. наук. – Донецк, 2020.
326. Матвеенко, Михаил, священник. История Харьковской епархии (1850–1988 гг.). Дис. ... канд. богосл. – Москва, 2016. – Ч 1. – 217 с.
327. Матвеенко, Михаил, священник. История Харьковской епархии (1850–1988 гг.). Дис. ... канд. богосл. – Москва, 2016. – Ч 2. – 389 с.
328. Лінник Ю. В. Розвиток Українськоі православноі церкви у контексті суспільно-політичних трансформацій (1988-2015). Дис. ... канд. філос. наук. – Київ, 2016. – 219 с.
329. Тригуб О. П. Російська православна церква в Радянській Україні 20-30-х рр. XX ст. Інституційний розкол та міжконфесійні відносини. Дис. ... д-ру іст. наук. – Київ, 2009. – 510 с.
330. Фесенко А. М. Православна церква в політиці радянської влади 20-х років XX ст.: на матеріалах Донеччини: Дис. ... канд. іст. наук. – Донецьк, 2006. – 197 арк.
331. Форостюк О. Д. Правове регулювання державно-церковних відносин у

радянській Україні в 1917-1941 роках (на матеріалі Донецького регіону). Дис. ... канд. юрид. наук. – Луганськ, 2001. – 199 с.